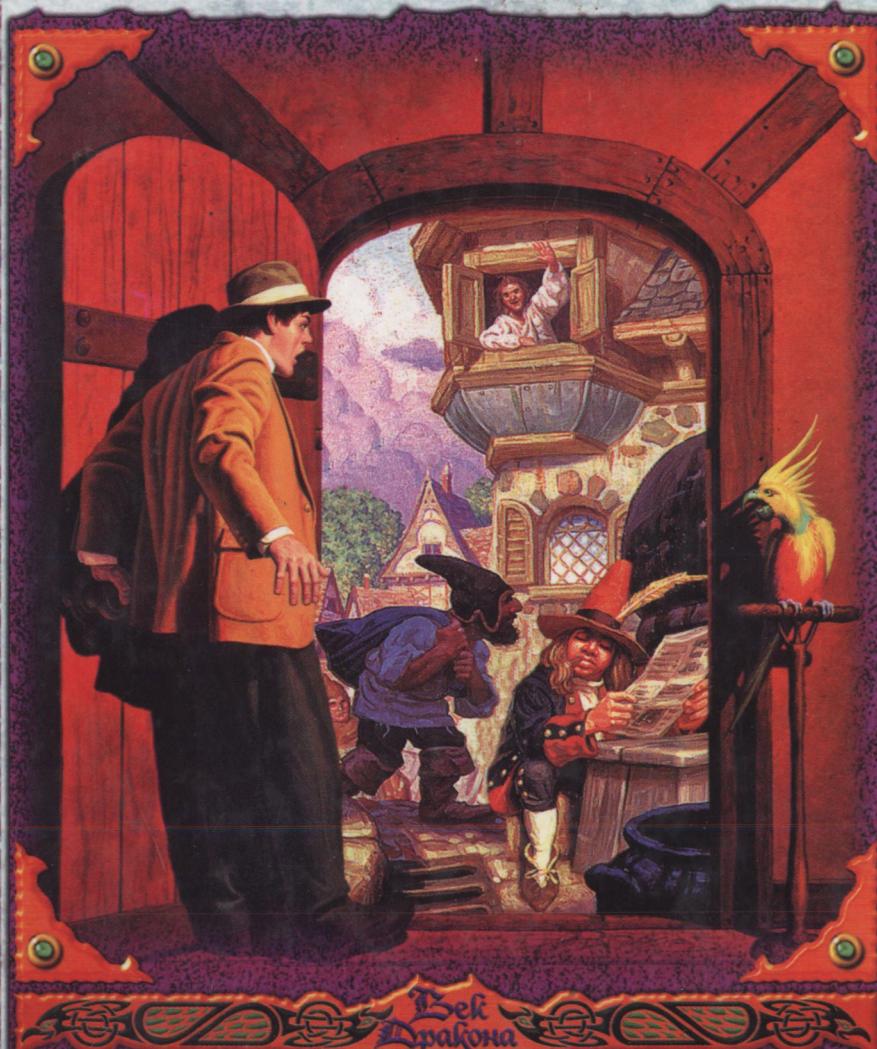

Глен
Кук

Приключения детектива Гаррета продолжаются!

Глен Кук

Век
дракона

Шепчущие
НИКЕЛЕВЫЕ
ИДОЛЫ

ШЕПЧУЩИЕ
НИКЕЛЕВЫЕ ИДОЛЫ

**GLEN
COOK**

GLEN COOK

**«Whispering
Nickel Idols»**

Блен Кук

ШЕПЧУЩИЕ
НИКЕЛЕВЫЕ ИДОЛЫ

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

К89

Серия «Век Дракона» основана в 1996 году

Glen Cook

WHISPERING NICKEL IDOLS

Перевод с английского В. Иванова

Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 23.07.07. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 10000 экз. Заказ № 5557 Э.

Кук, Г.

К89 Шепчущие никелевые идолы : [фантаст. роман] / Глен Кук; пер. с англ. В. Иванова. — М.: ACT: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 412, [4] с. — (Век Дракона).

ISBN 978-5-17-036597-5 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-5996-8 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-1274-9 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии.

И теперь Гаррету предстоит выяснить, КАКИМ образом местный «крестный отец» оказался в коме, ПОЧЕМУ именно его совершенно чокнутая на почве убийств дочка унаследовала фамильный бизнес — и КАКОЕ отношение к этой истории имеет странное дитя, молчаливо шляющееся за ним по пятам...

Приключения детектива Гаррета ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

© Glen Cook, 2005

© Перевод. В. Иванов, 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2007

*В первую очередь — моей маме, которая была камнем
в бурном потоке.*

А также с благодарностью Джиму К. и Эллен У.

Глава 1

Вот он я — несусь галопом вниз по ступенькам. Шесть футов три дюйма голубых глаз, обаяния и любвеобильности, бывший морпех — о таком знакомстве можно только мечтать! Насвистывая. Правда, для благозвучия здесь не помешал бы еще хороший голос — а мой голос, увы, имел трещину.

Что-то было не так. Пора мне произвести внимательный осмотр своей головы. Вчера я рано лег спать, целиком по собственной воле. Не выпив перед этим ни глоточка. И тем не менее нынче утром вполне был готов к песенно-плясовым упражнениям. Я чувствовал себя так хорошо, что забыл быть недоверчивым.

Но мне никогда не дано надолго забыть, что именно меня, малютку Гаррета, боги избрали мальчиком для божественного битья и мишеню для своих идиотских развлечений.

Я застыл, не завершив своего традиционного утреннего правового поворота на кухню.

В коридоре, ведущем от входной двери к кухне, торчал какой-то мальчишка. Неизвестный оборванец, весь в рыжих спутанных лохмах — парень явно сам был себе парикмахером. Причем парикмахером подслеповатым, и орудовал он явно лишь тупым кухонным ножом. Щеки мальчишки были покрыты грязными разводами, росту в нем было чуть больше пяти футов, а лет ему я дал бы двенадцать-тринадцать; впрочем, для тринадцати он был чахловат. Его костюм шил пьяный старьевщик. Я подозревал, что аура вокруг него могла оказаться довольно пикантной, хотя находился недостаточно близко, чтобы ее оценить.

Он что, глухой? Его не спугнул грохот, который я поднял, спускаясь по лестнице. Ах, ну конечно — он застрял носом в комнате

Покойника! Это зрелище на первых порах может ошеломить. Мой напарник представляет собой четверть тонны мертвой серой плоти, отдаленно напоминая незаконного отпрыска отца-человека и матери-слонихи, явившегося в кошмаре какому-нибудь обкурившемуся опиумом пьяному художнику.

— Так и хочется забраться к нему на колени и свернуться клубочком, правда?

Паренек пискнул и попытился обратно ко входной двери, перегнувшись так, словно нащупывал себе путь своей оттопыренной задницей.

— И кто же ты такой будешь? — спросил я, необъяснимо заинтересованный фактом обнаружения незнакомца, вставшего на якорь в моем коридоре.

Скрипнула кухонная дверь.

— Мистер Гаррет. Вы сегодня рано встали...

— Да уж. Рассвет еще не брезжит. Не мог бы ты мне пояснить, в чем дело?

Возникшая в дверях кухни личность была Дином, моим поваром и управляющим. По возрасту он годится мне в деды, но ведет себя скорее как мамаша. Его появление объяснило присутствие мальчишки. В руках он тащил нечто, завернутое в старую грязную газету.

Дин постоянно подбирает всяких бездомных оборванцев, будь они котятами или детьми.

— Что вы имеете в виду?

— Ты что-то задумал. Иначе ты не стал бы называть меня «мистер Гаррет».

Морщины Дина собрались в кислую гримасу.

— Солнце всегда заходит рано, когда боишься саблезубых тигров.

Это означает: ты видишь именно то, чего опасаешься. Моя мать в свое время тоже частенько так говорила.

— Ну, в этом доме тигры не рыщут.

Заинтригованный, я перевел взгляд на мальчишку. Его физиономия была усыпана миллионом веснушек, а в глазах одновременно сверкали вызов, любопытство и страх.

— Кто это такой? И каким образом вышло, что он ошибается у меня в доме?

Я не сводил с парня глаз. В нем было что-то трогательное. Какого черта, да что со мной не так?..

Можно было бы ожидать взрыва психического веселья со стороны моего покойного коллеги, но я не ощутил ничего — Мешок с костями крепко спал. Во всем есть свои хорошие и плохие стороны.

Я обратил сердитый взгляд на Дина. По-настоящему свирепый, не просто «для пользы дела».

— Дин, я уже не свищу. Ответь мне.

Пакет в руках этого старого ребенка был заляпан жиром. Опять мне предстоит подкармливать бездомных, хотя бы из вторых рук.

— Э-э... Это Пенни Мрак. Он посыльный.

Мрак? Ну и имечко!

— И что, он принес мне какое-то послание?

Я одарил сорванца самым хмурым из своих взглядов. Он не впечатлился. Похоже, его ничто особенно не волновало до тех пор, пока он находился вне пределов взмаха рукой.

Я не увидел в нем ничего, что предполагало бы аристократическое происхождение, хотя «Мрак» — имя как раз такого рода, какие в чести у заклинателей и магов с Холма, наших не отличающихся особой скромностью тайных повелителей.

— Да, принес. Оно на кухне, — торопливо отозвался Дин, притискиваясь мимо меня. — Через минуту я вам его покажу. Пойдем, Пенни. Мистер Гаррет выпустит тебя. Не так ли, мистер Гаррет?

— Ну конечно. Я же душа-парень, не так ли? — Я прижался к стене, снова пропуская Дина, теперь уже в другую сторону.

Паренек схватил свой пакет и ретировался. Странно. Моя внутренняя реакция хотя и не зашкаливала до предела, но имела силу, какую я обычно приберегаю для красоток, заставляющих священников жалеть о выборе карьеры.

Я открыл дверь. Оборванец выскользнул наружу и поспешил прочь, сгорбившись, словно каждую минуту ожидал удара. Он не замедлил шага, пока не достиг пересечения Макунадо-стрит с Дорогой Чародея.

Поедая свою добычу, он оглянулся через плечо, увидел, что я на него смотрю, вздрогнул и шмыгнул за угол.

«Б-з-э! Б-з-э!»

Послышался звонкий, музикальный смех. Я почувствовал, что меня тянут за волосы. Тоненький голосок пропищал:

— Гаррет завел себе новую подружку!

— Привет, Мариэнна.

Мариэнна была пикси-подростком женского пола. Целое вздорное гнездо этого маленького народа жило в щелях наружных стен моего дома. Мариэнна любила поддразнивать меня.

— Мне она показалась слишком молоденькой, — заметил второй голос. Мои волосы претерпели еще один рывок. — Она слишком нежна для такого мясника, у которого растительность уже редеет на затылке!

— Холлибелл, кошмарная ты мошка! Я так и знал, что ты не оставишь Мариэнну без присмотра.

Холлибелл и Мариэнна — неразделимая парочка. Впрочем, еще до того, как закончат опадать листья, они обнаружат, что не все парни воняют, грязны и отличаются тупоумием. Вскоре малейший вздох обретет для них такое значение, что будет сотрясать всю их крошечную вселенную.

— Мистер Гаррет!

Это был Дин. Он всегда встrevает, как только мне захочется поиграть с маленькими девочками.

Глава 2

Дин принес мне пакет с посланием.

— Ступайте в кабинет, посмотрите, что это такое. Я принесу вам чай и бисквиты, а потом займусь завтраком. Как вы насчет маленьких сосисок и яиц всмятку?

— Отличное меню! — Я внимательно посмотрел на старика. — Так что же ты затеял?

— Затеял, сэр? Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал. У тебя что-то на уме. Думаю, это связано с тем пареньком, который, как говорят пикси, на самом деле девочка. — Таящийся внутри меня жизнерадостный карентийский мальчишка чуял, что так оно и есть. — Каждый раз, когда ты становишься вежливым и начинаешь вести себя как настоящий управляющий, я знаю, что у тебя на уме какая-то гадость. И не надо, пожалуйста, принимать вид оскорбленного достоинства.

Старикану следовало бы отточить свое мастерство. Увы, он настолько же предсказуем, как и я.

Я утнездился за письменным столом в отделанной по первому разряду дворницкой, которую я использую в качестве своего рабочего кабинета. Повернувшись на стуле, я послал воздушный поцелуй Элинор. Это женщина на картине, висящей на стене позади меня, она убегает из мрачного особняка в бурную, ветреную ночь. В особняке светится только одно окно. Она бежит, охваченная страхом. Впрочем, в настоящий момент она была в неплохом расположении духа. Она подмигнула мне.

Я разорвал конверт с посланием. Оттуда выпала пачка бумаг.

Бумаги были от Жнеца Темиска, адвоката. Это один из тех адвокатов, которые чувствуют себя как дома во всяких юридических

уловках, — сохраняя при этом на своем циферблате неизменное ошарашенное выражение.

У Жнеца Темиска имелся только один клиент — Чодо Контагью, бывший повелитель многочисленных преступных империй Танфера. Царь царей подпольного мира. Верховный жулик. В настоящее время Чодо клюет носом в инвалидном кресле, пребывая в коматозном состоянии, в то время как семейным бизнесом заправляет его прекрасная и помешанная на преступлениях дочка. Впрочем, Белинда делает вид, что получает инструкции непосредственно из императорских уст.

Дин привнес мне чай с апельсиновыми корочками и сахарное печенье.

— Сосиски уже на огне. А вместо яиц будут печеные яблоки. Синдж хочет печеных яблок.

Дин подал свой фирменный чай и сладости, что также служило доказательством, что он задумал недобroе.

— Она бы питалась исключительно печеными яблоками, если бы могла.

Пулар Синдж украдкой пробралась ко мне в подручные и метила на место младшего партнера. Она была хороша и как личность, и как компаньон. Если бы не она, я бы давно уже превратился в мерзкого старого холостяка.

Дин поспешил прочь. Еще одно доказательство: он не хотел отвечать на вопросы. Я принялся за чтение.

Жнец Темиск напоминал мне, что я обещал посетить его после того, как распутаю дело, над которым работал во время нашей последней встречи. Я так и не выполнил обещания.

— Дин!

— Я готовлю так быстро, как могу.

— Мне никак не найти ту бумажку, где я записал, когда Чодо собирается отмечать свой день рождения. Я не говорил тебе, когда его собирались праздновать?

— Сегодня вечером. В «Пальмах». Мисс Контагью заказала весь клуб целиком. Как вы могли забыть?

— Наверное, мне не хотелось об этом помнить.

В общении с Контагью было мало привлекательного. Ну, конечно, Белинда... когда она бывала не слишком психованной...

Белинда Контагю — образец прекрасной дамы, не знающей пощады. С ее приходом мрачный, безжалостный мир организованной преступности очень быстро стал еще более кошмарным. Лишь несколько человек знают о том, что именно она является настоящим мозгом Организации. Тот факт, что ее отец находится в коме, держат под большим секретом; об этом знает, может быть, человек пять. И один из них — сам Чодо. Меня беспокоило то, что я входил в число остальных четверых. Для меня не составляло труда осознать логичность сокращения четверки до более контролируемой тройки. Или даже двойки.

Если низшие боссы узнают, что получают указания от женщины, Организация может скатиться к гражданской войне. Хотя, впрочем, Белинда за это время серьезно поработала над реструктурированием Организации, продвигая тех людей, которых нашла более близкими себе по духу.

Я не хотел идти на праздник к Чодо. И без того уже слишком многие связывали мое имя с Контагю. Если я там покажусь, это только еще больше убедит тайную полицию, что я более значительная фигура, чем на самом деле.

Кроме обвиняющей записки в конверте содержалось несколько документов, подписанных Чодо — очевидно, еще до того инцидента, который привел его в коматозное состояние. Может быть, Чодо предвидел, что нечто подобное может случиться.

Жнец Темиск придерживался того мнения, что его наниматель, несомненно, составил на будущее хитроумный план. Именно для этого он наделил Темиска властью своего поверенного и подобрал ему болвана по имени Гаррет, чтобы тот был у него на побегушках.

На протяжении всей своей темной карьеры Чодо всегда угадывал правильно. Он всегда находился в нужном месте в нужное время. Исключением — возможно — был тот единственный раз, когда его дочери предоставился случай оживить кошмар, держа человека, которого она ненавидела больше всего на свете, в таком положении, когда она могла постоянно терзать его.

Контагю трудно назвать идеальной, уютной семьей, исполненной тепла и любви. Они никогда такими не были. Чодо убил мать Белинды, узнав, что та его обманывает. Белинда до сих пор работает над тем, чтобы простить его. Пока что у нее не очень получается.

Появился Дин с моим завтраком.

Темиск не писал о том, чего он от меня хочет — в основном его заботило, сдержу ли я свое слово. Я ел и размышлял и не мог изобрести ни единого работающего способа ускользнуть от взятого мною на себя обязательства.

Я задолжал Чодо. Множество раз. Он помогал мне часто и без просьб с моей стороны. Он знал меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что после этого я буду плестись по жизни, отягощенный образовавшимся дисбалансом. Точно так же, как он умел находиться в нужном месте в нужное время, Чодо всегда понимал, где у людей находятся нужные рычаги. За исключением Белинды. Его безумная дочь была его слепым пятном. Если бы не это, он не сидел бы сейчас в инвалидном кресле, пуская слюни себе на грудь.

Дин принес мне еще чаю.

— У нас наклевывается новое дело?

Да, сомнений не было: он что-то задумал.

— Нет. Просто надо заплатить по одному старому счету.

Он хмыкнул, без особого воодушевления.

Глава 3

Позже зашла Пулар Синдж. Из-за своего хвоста она выглядела в кабинете не очень уместно. В ее руках дымилась большая миска с печеными яблоками.

— Хочешь, могу поделиться.

Она питала неодолимую приверженность к печеным яблокам — пища, обычно не ассоциирующаяся с крысиным народцем.

— Нет, спасибо.

Танфер кишит крысами всех мастей, включая два вида обычных вредителей и несколько разновидностей крысиного народца. Эти создания разумны, размерами они меньше людей. Их предки зародились в лабораториях безумных магов в начале прошлого столетия. По стандартам крысюков Синдж — настоящий гений. Она умнее всех представителей своего племени, которых я когда-либо встречал, а также очень отважна и лучше всех идет по следу.

— Что ты будешь делать, когда покончишь с урожаем яблок этого года?

Она оценивающе посмотрела на меня, прокручивая в голове возможные значения. У крысиного народца отсутствует врожденное чувство юмора. У Синдж оно есть, но она приобрела его в процессе обучения, и поэтому иногда оно может принимать необычные обороты.

Синдж знает, что когда я задаю вопрос без очевидной связи с повседневной реальностью, обычно это означает подразнивание. Порой ей даже удается выдать достойный ответ.

Сейчас был не тот случай.

— У нас новое дело? — спросила она, с трудом пробиваясь сквозь шипящие. Древние кудесники не особенно постарались облегчить крысюкам задачу ведения беседы.

— Ничего такого, что обещало бы мне заработка.

Я рассказал ей о Чодо Контагью и своем прошлом. Синдж взяла хвост в руки, обернула его вокруг себя и присела на корточки. У нас в доме есть только один стул, удовлетворяющий ее телосложению, и он находится в комнате Покойника. Ее повседневной одеждой служит тускло-коричневое платье из крепкой материи, скроенное согласно ее необычным пропорциям. У крысиного народа короткие задние ноги — хотя они и ходят на них, как люди, — и длинное туловище. Не говоря уже о забавных руках. И волочащихся хвостах.

— То есть ты винишь себя в том, что случилось с этим человеком? Умный грызун.

— Да, хотя это и было неизбежно. — Пора менять тему. — Есть какие-нибудь идеи, что мог задумать Дин?

Синдж по-прежнему не может привыкнуть к тому, как человеческая мысль мечется от зига к загу и обратно. Ее гениальность — явление относительное. Для крысы она феномен, но в качестве человека она могла бы претендовать лишь на звание тугодума среднего уровня. Впрочем, это в ней исчезает по мере того, как она начинает понемногу усваивать, как устроены вещи.

— Я не заметила ничего необычного. Разве что корзину котят под кухонной плитой.

Она наморщила нос, а ее усы встали торчком. Ни одна кошка размерами меньше саблезубого тигра не причинила бы ей особого беспокойства, но инстинкты предков никуда не делись.

— Так я и знал! Значит, котята, да? Этого он уже давненько не пробовал!

— Не сердись на него. У него мягкое сердце.

— Мозги тоже. Он ведь делает это за мой счет!

— Ты можешь себе это позволить.

— Мог бы, если бы не тратил деньги зря, платя жалованье никчемному управляющему!

— Только не ругай его.

Это испортило бы половину удовольствия от того, чтобы иметь Дина при себе.

— Я не буду его ругать. Я просто выдам ему бадью с водой. Или, еще лучше, мешок с кирпичом внутри.

— Ты ужасный человек. Но однако, если ты хочешь идти на день рождения, тебе предстоит еще многое сделать, — заметила она.

Верно. Не говоря уже о непростой задаче привести себя в порядок и одеться как следует, мне было необходимо повидаться со Жне-цом Темиском.

— О! У меня отличная идея! Я возьму этих котят с собой на праздник и раздам их там в качестве подарков!

— Ты действительно ужасный человек! Хотя бы посмотрел на них, прежде чем решать их судьбу.

— Симпатичными мордочками меня не проймешь!

— Если речь идет не о девушках.

— Да, здесь ты меня поймала.

— Пойди взгляни на котят, пока Дин не нашел лучшего места, чтобы их спрятать.

Она поднялась с корточек и взяла свою миску и мой поднос. Мы что-то становились совсем домашними.

— Как можно спрятать корзину котят? Они же будут повсюду!

— Эти котята очень воспитанные.

Звучало как парадокс.

— Сейчас, только скажу навещу этот старый мешок с костями, и сейчас же приду.

Глава 4

В комнате Покойника едва теплилась единственная свечка. Как обычно. Не для освещения — она испускала дым, который большинство насекомых находило отпугивающим.

Мешок с костями мертв уже долгое время. Но дело в том, что логхирсы — вид, к которому он принадлежит, — после смерти не торопятся покидать свое тело. Когда они бодрствуют, они прекрасно сами справляются со своими паразитами. Однако мой партнер имеет склонность к лени, он чемпион по части откладывания на завтра. Понемногу он становится все более потрепанным.

Его свечи неплохо действуют также и на людей. Пахнут они немножко ароматнее, чем северный конец идущего на юг хорька. Обычно я стараюсь держать дверь Покойника закрытой, но ко мне постоянно забегает какая-нибудь ребятня, а они никогда не оставляют ничего в том виде, в каком они это нашли.

Я вошел в кухню со словами:

— Его Милость действительно почивают. Я перебрал все трюки, какие у меня есть в запасе, — ничего не действует.

Дин выглядел озабоченным, а Синдж словно бы сложилась внутрь себя.

— Впрочем, ничего страшного. Просто он решил вздремнуть. Мы всегда как-то ухитрялись пережить его мертвые сезоны.

Кажется, Дин не хотел, чтобы ему об этом напоминали. Я никогда и ничего не делаю так, как он хочет.

— Итак, Дин, — продолжал я, — я слышал, что в мою кухню просочилось племя бродячих котят?

— Это не обычные котята, мистер Гаррет. Они принадлежат древнему пророчеству.

— Ну, современное пророчество гласит, что им предстоит отправиться в путешествие вниз по реке, в мешке, с парой битых кирпичей в качестве компаний по вояжу... Что ты там бормочешь?

— Пенни — не просто какая-нибудь уличная попрошайка. Она жрица.

Я налил себе чаю, разглядывая корзину с котятами. С виду вполне обычные котята, серые с полосками. Хотя в них действительно было что-то странное.

— Жрица. Очень хорошо.

Для Танфера в этом нет ничего удивительного, это самый захламленный богами город, какие только когда-либо существовали на свете.

— Она — последняя из жриц А-Лат. Она бежала из Йимбера в Танфер после того, как ее мать убили фанатики, принадлежащие к культу А-Лафа. И вот теперь они появились в Танфере. Они ищут котят.

А должно быть, дело просто в том, что кто-то подбил кого-то вложить крупные средства в заболоченные территории за рекой. Подобные аферы возникают у нас ежедневно. Люди мгновенно тупеют до слепоты, стоит только сказать им, что в дело замешан бог.

Даже Синдж имела скептический вид.

— Это просто котята, Дин, — проговорила она. Холодно.

— Йимбер, говоришь?

Я имел лишь самое отдаленное представление об этом небольшом городке. Он располагался от нас в нескольких днях езды вверх по реке. Там бывают проблемы из-за громовых ящеров. Считается, что это город увеселений, которым правит весьма распущенная богиня любви, мира и всего прочего. Йимбер поставляет в Танфер зерно, Фрукты, овец, крупный рогатый скот и древесину. А в последнее время также шкуры громовых ящеров. До сих пор никто не слышал, чтобы он экспортировал религиозных беженцев — или фанатиков, если уж на то пошло.

Одним из основных продуктов Танфера, в свою очередь, являются всякого рода мошенники. Однако я не мог в тот момент сообразить,

каким именно образом девчонка могла нагреть Дина при помощи корзинки котят.

Впрочем, религиозный оборот дела наводил на размышления.

— Я слушаю, — произнес я. — Ты еще не рассказал мне, каким образом со всем этим связаны котята.

— Они — Удача А-Лат.

Я пытался вытащить из него что-нибудь еще, но он замкнулся. Возможно, потому, что сам больше ничего не знал.

— Что ж, наверное, придется мне привлечь к этому делу старшего брата...

Весь фасад дома сотрясся от громового удара. Я зарычал, словно голодный злобный волк. Меня уже достали все эти люди, пытающиеся выломать мне дверь.

Глава 5

Моя нынешняя парадная дверь лишь чуть-чуть не дотягивала по размерам до ворот замка. Я установил ее по той причине, что предыдущую регулярно выламывали здоровенные озлобленные громилы — как правило, волосатые и всегда неуклюжие.

Тот тип, которого я увидел через дверной глазок, — он стоял, потирая плечо и имея слегка недоумевающий вид — удовлетворял всем этим определениям. Особенно это касалось волосатости. Исключение составляла только макушка головы, которая блестела как полированная.

Он был одет, но по виду сошел бы за деревенского кузена снежного человека. С еще худшим вкусом. Определенно, это была какая-то помесь — скорее всего, включавшая в себя тролля, великана, гориллу или медведя. Причем всем его предкам была отпущена двойная доля безобразия. Этого парня не просто задело кривым хлыстом — нет, черт побери, на него свалилось целое кривое дерево и впоследствии пустило корни.

— Bay! — воскликнул я. — Ребята, вам стоит на это посмотреть. На нем зеленые шерстяные штаны в клеточку!

Мне никто не ответил. Дин возился с арбалетом, Синдж куда-то подевалась, и я решительно ничего не ощущал со стороны здоровенного, обвисшего куска мяса, который как раз в такие моменты предположительно должен был проявлять сокрушительную ментальную энергию.

На дверь обрушился еще один могучий удар. Сверху посыпалась гипсовая пыль. Я снова воспользовался глазком.

Наш йети был не один. Еще двое в точности таких же, как он, в таких же мешковатых зеленых клетчатых штанах, оскверняли мон

ступени. Позади них отирался какой-то тип, который мог быть их тренером, с озабоченным выражением на лице — и, разумеется, в таких же кошмарных штанах.

Вокруг понемногу начинала собираться толпа.

Большинство взрослых пикси моей колонии повылетали из гнезд. Некоторые жужжали вокруг, словно огромные разноцветные жуки, другие притаились в укромных уголках и щелках, готовые действовать. Кроме того — вот уж в ком никогда не подозревал способности появляться вовремя! — в половине квартала от дома показался мой приятель Плоскомордый Тарп. Также я мельком заметил Пенни Мрак.

Прошагав в кабинет и послав воздушный поцелуй Элинор, я покрылся у себя в хламовнике и извлек свою дубовую палку со свинцовым набалдашником. Такие штуковины бывают удобным аргументом при разговоре с чрезмерно возбужденными господами наподобие того комка волос, что топтался у меня перед дверью.

Упомянутый джентльмен продолжал упражнять свое плечо. Моя дверь упрямо не поддавалась грубой силе.

— Ты готов, Дин? Просто направь рабочий конец ему между глаз, когда он перестанет катиться.

Я сделал шаг к дверному глазку — волосатик потирал второе плечо. Он оглянулся на человека, стоявшего на улице. Тот кивнул. Еще одна попытка. Плоскомордый стоял поодаль, ожидая развития событий. Волосатик ринулся на приступ.

Я распахнул дверь. Издав хриплый возглас, гость нырнул внутрь, по пути каким-то образом споткнувшись о мою ногу. Игрушка в моих руках с удовлетворительным шмяком приземлилась на его затылке.

Двое других волосатых ребят тоже ринулись в атаку, но их внимание было отвлечено: внезапно они ощутили на своих шкурах множество ползающих крошечных человечков, вооруженных малюсенькими копьями. Очень, очень острыми копьями. Покрытыми бурой коркой яда.

Синдж перегнулась с навеса над крыльцом, тыча вокруг себя рапирай. Кончик рапиры тоже был бурым — Синдж переняла у Морли некоторые его неприятные привычки.

Плоскомордый ухватил того парня, что стоял на улице, несколько раз врезал ему, пока тот не прекратил извиваться, сунул под мышку и спросил:

— Ну и что мы делаем дальше?

— Понятия не имею, — ответил я. — Надеюсь, ты не поломал этого приятеля?

— Вроде дышит. Ничего, он еще встанет. Правда, скорее всего, тут же пожалеет об этом. Ты как, придешь в клуб сегодня вечером?

— Не могу. У меня коронный выход — день рождения Чодо.

— Что? Ты серьезно? Это сегодня? Проклятье, а я и забыл! Я там должен обеспечивать безопасность.

Тарп двинулся прочь.

— Эй!

— Ох, прости. Что ты хочешь, чтобы я сделал с этим парнем?

— Положи на землю и ступай своей дорогой. Релвеевы гонцы уже на подходе.

Городская полиция — это звучит хорошо. Да это и есть хорошо. Когда она не суетится в твои дела. Что весьма может случиться, если ты все свое время ходишь на цыпочках возле самой границы закона.

Рядом материализовались трое стражников. Двое были обычными патрульными, третий был Релвеевым гонцом по имени Косс. Он тоже узнал меня.

— Вы просто притягиваете неприятности, Гаррет! — Он беспокойно покосился на мой дом.

Гонцы — это открытое широкому зрителю лицо нашей тайной полиции. Они опознаются по красным фуражкам с мягким козырьком, а также по армейскому вооружению. Гонцы обладают немалой властью, но даже они не любят оказываться в пределах досягаемости копателей в чужих мозгах — вроде нашего Покойника.

— Он спит, — успокоил его я.

Если вы хотите солгать убедительно, говорите чистую правду. Мое заверение уверило Косса лишь в том, что Покойник в настоящую минуту несомненно роется в самых темных закоулках его пустой чепушки.

Впрочем, он продолжал выполнять то, что ему было положено.

— Что эти ребята тут затеяли, Гаррет?

— Хотели вышибить мне дверь.

Он должен был спросить, я понимаю. Мне тоже зачастую приходится задавать кучу тупых вопросов. Потому что нужны ответы, чтобы было с чем продвигаться в сторону более важных вещей.

— Зачем?

— Спросите у них. Я их никогда прежде не видел. Такое я бы запомнил. Одни штаны чего стоят!

Пока мы переговаривались, патрульные вязали волосатикам руки.

— Да, там внутри есть еще один. Мой человек держит его на мушке.

Я двинулся к тому типу, которого Плоскомордый оставил лежать на мостовой. Мне хотелось задать ему несколько вопросов до того, как его утащат в камеру Аль-Хара.

Патрульный крикнул из глубины дома:

— Этот говнюк не хочет сотрудничать, Косс!

— Продолжай его бить. Со временем он переменит позицию. —

Сказав это, Косс дунул в свисток.

Секундой позже со всех направлений раздались ответные свистки. Я пошевелил ногой безвольное тело.

— Эти парни похожи на иностранцев.

Косс хмыкнул.

— С первого взгляда видно опытного детектива! Вы сразу поняли, что ни один местный портной не стал бы так рисковать своей репутацией... Эй, вы! Подойдите-ка поближе. Что здесь произошло? — Это относилось к зевакам, собравшимся вокруг, ища развлечения.

В мире происходят удивительные перемены. Ошеломляющие перемены. Несколько карентийцев добровольно признались, что они что-то видели! И вдобавок кое-кто был даже не прочь рассказать об этом! Более традиционным ответом — в случае, если бы представителям закона удалось изловить и стреножить потенциального свидетеля, — была бы симуляция слепоты, возникшей в результате того, что врожденная глухота распространилась на глаза. В прежние времена, бывало, выяснялось, что свидетели вообще не говорят по-карентийски, несмотря на то что родились в пределах королевства.

Пожалуй, Релвею удалось добиться чересчур больших успехов в плане насаждения в умах идеи гражданской ответственности. Мои пикси, впрочем, принадлежали к старой школе.

Все свидетели сошлись на том, что Безобразные Штаны попросту пришли и принялись ломиться в дверь, игнорируя зрителей, словно ожидали, что им позволят делать все, что они пожелают, без всяких последствий.

Я пощекотал лежащего типа носком ноги в области паха, на случай, если он просто прикидывался.

— Гаррет! — Косс погрозил мне пальцем. — Не надо.

— Должна же жертва преступления иметь хоть отдаленное представление, почему кому-то пришло в голову вламываться к нему в дом!

— Мы расскажем вам обо всем, что вам следует знать.

— Это утешает.

Какое облегчение! Мне ничего не придется решать самому. Тайная полиция готова снять эту заботу с моих плеч. Они все сообразят за меня, а мне можно спокойно лечь на спинку и получать удовольствие.

Я не стал спорить. Имя Гаррета и так стоит в списках Релвея слишком близко к началу. Вокруг меня постоянно что-то происходит, уж не знаю почему. Может быть, это из-за того, что я такой красивый, а Фортуна не любит слишком смазливых ребят?

Я сообщил пикси-караульным, что оценил поддержку их гнезда.

— Там у Дина в доме выводок котят — скажите ему, что я приказал зажарить их для вас.

Глава 6

Плоскомордый нагнал меня по пути.

— Я так и думал, что ты вряд ли уйдешь далеко, — сказал я.

— Похоже, попахивает работенкой, а?

— Не думаю, чтобы у меня что-нибудь было... А впрочем, по-годи! Кажется, есть одна вещь. Уличный мальчишка, который называет себя Пенни Мрак. Бегает с поручениями, разносит письма — ну, ты знаешь. Тут их таких тысячи. По виду тянет лет на двенадцать, но может оказаться девочкой немного постарше. Которая может быть как-то связана с тем, что у нас тут только что произошло.

— Хочешь, чтобы я поймал ее?

— Нет. Просто выясни все что сможешь — особенно где ее можно найти. По правде говоря, она меня не слишком волнует. Моя главная забота сейчас — день рождения Чодо.

Плоскомордый хмыкнул.

Тарп очень велик — естественно, для человеческого существа. И очень силен. И не особенно сообразителен. Но он чертовски хороший друг. Я многим ему обязан, так что, когда могу, подкидываю ему кое-какую работу. Особенно если есть возможность, что это обернется чем-то действительно интересным.

Я не мог себе представить, какая у мальчишки-посыльного могла быть связь с неожиданным визитом зеленых господ. Но иного объяснения не мог придумать тоже. Впрочем, Танфер кишел людьми, пытающимися найти новый взгляд на мир.

И тем не менее из всех плохих парней в округе вряд ли нашелся бы хоть один, который бы не знал, что бывает, если подойти слишком близко к Покойнику.

В этой сумасшедшей басне насчет чужеземных богов было нечто завлекательное...

— Считай, что я уже занялся этим, — заверил меня Плоскомордый.

Я поделился с ним тем немногим, что знал сам, включая описание Пенни Мрака — столь убогое, что для изменения своей внешности тому было бы достаточно просто переобуться.

— И обещай мне, что не будешь связываться с Торнадой. Моя жизнь в последнее время была прекрасной, и я предпочел бы, чтобы эта женщина и в дальнейшем не путалась у меня под ногами.

Торнада — это наша общая приятельница. Можно так сказать. Хотя по большей части это ходячее стихийное бедствие, а не женщина. Это самое аморальное существо, какое я когда-либо встречал, социального самосознания в ней не больше, чем у камня. Плюс твердокаменное устремление сделать мир лучшим местом для жизни. Дело только в том, что Торнада абсолютно не имеет представления о том, что в этом мире есть настоящие, живые люди помимо нее самой.

— Не думаю, что с ней могут возникнуть проблемы, Гаррет.

— С ней всегда возникают проблемы.

— У нее роман.

— Что, у Торнады? Она влюблена? В кого-то, кроме самой себя?

— Ну, насчет любви я не знаю... Там завелся такой маленький шустрик, он настолько от нее без ума, что у нее вряд ли есть шансы вlipнуть в серьезные неприятности. Он повсюду ходит за ней, и все, что она делает, — он все это записывает. Создает о ней эпическую поэму.

— Что ж, тем лучше! — Все сгодится, пока Торнада не сваливается мне на голову, пытаясь поживиться на всем, что попадется под руку. Увы, это является ее обычным способом делать дела.

— А сейчас ты куда направляешься? — поинтересовался Плоскомордый.

— К поверенному Чодо. Он настаивал, чтобы я заглянул к нему. Кажется, что-то связанное с завещанием старика.

— Ладно, тогда до вечера.

— Пока! Только не слишком зарывайся там насчет беспристрастного подхода ко всем гостям. Договорились, старина?

Глава 7

До сих пор я ни разу не бывал у Жнеца Темиска. У меня было с ним немного дел даже в те времена, когда его клиент был жизнеспособен. Как я ни ломал себе голову, я не мог представить, что ему могло от меня понадобиться.

Он не стал воздвигать себе солидного фасада. Его маленькая лавочка была еще менее уютной, нежели та дыра, в которой ютился я, прежде чем объединил усилия с Покойником и собрал достаточно денег, чтобы купить нам дом. В те времена я спал, готовил, жил, любил и работал в одной тесной комнатушке.

Жнец Темиск не особенно походил на адвоката. Во всяком случае, он выглядел не так, как, по моему мнению, должен выглядеть адвокат, какими мы их привыкли видеть. В нем не было ничего скользкого или елейного, ни единой унции. Он казался приземистым за счет ширины плеч — возможно, в прежние времена Жнец был скорее гангстером, чем поверенным.

Впрочем, с учетом характера Чодо, это могло быть и защитной окраской.

Поверенный явно переживал не лучшие времена. Его прическа далеко отстояла от того совершенства, что в былые времена, а одежда на нем была та же самая, что и в нашу последнюю встречу.

— Спасибо, что пришли. — В его голосе звучало легкое неодобрение. Должно быть, он заметил, что от меня не ускользнули свидетельства его нынешнего неблагополучия. — Трудно ожидать, что у тебя будет много работы, когда твой единственный клиент находится в коме. Он основал трест, который не дает мне умереть с голода, — но не сделал в него достаточных капиталовложений. Вы просмотрели бумаги, которые я вам послал?

— Просмотрел. И не смог в них ничего понять. Так же я не смог и угадать, чего вы от меня хотите.

— Мне было необходимо встретиться с вами лицом к лицу. Кто-нибудь из Организации интересовался мной? Или состоянием Чодо?

— Не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме Белинды, вообще знал, что вы еще при деле.

— Мне следовало бы обидеться, но я скорее рад этому. Надеюсь, они вскоре забудут обо мне окончательно.

Его что-то беспокоило; он не мог усидеть на месте. Это не вязалось с тем образом, который создавали его квадратная голова, серебряная седина, кряжистое туловище и карие с прищуром глаза.

— То есть в основном вы хотели напомнить мне о том, что я задолжал Чодо? И что вы готовы призвать вексель к оплате?

— Именно.

Ему не хотелось начинать этот разговор. Заговорив, он уже не сможет взять свои слова обратно.

— Тогда вам лучше приступить к делу. Особенно если вы хотите, чтобы что-то было сделано прежде, чем начнется празднество. Белинда вряд ли станет его переносить.

Белинда — вот приманка, на которую он должен был клюнуть.

— Меня беспокоит то, что может случиться сегодня вечером.

Праздник мог стать замечательной возможностью избавиться от множества людей, которые не нравились Белинде, — если именно это она и задумала.

Но лишь тот, кто знал правду относительно состояния Чодо, мог иметь на сей счет какие-то подозрения. Впрочем, многие из тех, кто не знал ничего, все равно считали довольно неестественным, что Босс управляет делами через свою дочь. Это длилось уже слишком долго.

Крысы чуяли запах жареного.

Множество умных людей могли зайти просто для того, чтобы внимательнее посмотреть на Босса. Информация о его здоровье — или отсутствии такового — могла предоставить им потенциал для личного продвижения.

— Что она собирается отмочить? И если отмочит, то как? — задумчиво проговорил я.

— Я тоже не имею понятия.

Здесь что-то не клеилось. У меня ушла секунда, чтобы понять, что именно.

— Погодите-ка минутку. Вы связались со мной еще до того, как Белинда объявила о празднике. У вас что, была какая-то закрытая информация?

— Если бы! Нет, у меня теперь практически нет контактов внутри Организации. То, зачем я вас позвал, касается не праздника. Речь идет о... Мне кажется, настало время вызволять его, Гаррет. Этот праздник только усложняет дело.

— Не возражаете, если я сяду? — Самым лучшим предметом обстановки его кабинета был стул для клиентов. — Время вызволять Чодо? Что вы имеете в виду: собрать пару эскадронов драгун и устроить налет на особняк Контагю? Вряд ли это осуществимо...

— Я не имел в виду вызволять физически. Ментально! Если мы разобьем цепи, сковывающие его мозг, физическая сторона сама позаботится о себе.

— Вы меня совсем запутали. Насколько я знаю, жертвы комы действительно иногда возвращаются в сознание — не слишком часто. Но это никогда не случится, если все вокруг считают твое пребывание в коме настолько удовлетворительным состоянием, что лучше этого может быть только смерть.

— Вы никогда не знали никого, кто вернулся к жизни после долгого пребывания в коме?

— Нет.

— Но вам известен хотя бы один человек, который когда-либо был в коме? Кроме Чодо?

— Да, во время войны. Как правило, это были люди, которых чем-нибудь ударило по голове.

— Вы их наблюдали близко в течение длительного времени?

— Нет. К чему вы клоните?

— К предположению, что Чодо вовсе не находится в коме, что его состояние лишь внешне напоминает кому и вызвано химическим или магическим воздействием. Я не думаю, что он пребывает

без сознания. Я думаю, что он просто не способен общаться с внешним миром.

У меня на спине закопошились гигантские волосатые пауки с холодными коготками. Такое предположение вызывало к жизни целую стаю очень неприятных возможностей.

— Допустим, что вы правы. Но Чодо обладал такой силой воли, какой я не встречал больше ни в ком. Несомненно, он смог бы как-нибудь выбраться из подобной ситуации?

— Разумеется. Он сделает это.

— И вы каким-то образом должны это обеспечить?

— Это означало бы, что он предвидел такую возможность. Он был очень умен, Гаррет, он видел людей насквозь, как никто другой, однако ясновидящим он все же не был.

— Но?

— Вот именно. Но. Он был помешан на планировании непредвиденных ситуаций. Мы каждую неделю часами сидели, просчитывая всевозможные случайности.

— Вот как?

Мне это было знакомо. Мы и сами часто занимались этим в те времена, когда я еще был симпатичным молодым морским пехотинцем и приглядывал за тем, чтобы орды проклятых венагетов не явились сосать кровь и души из возлюбленных королевских подданных. Большинство из которых имело весьма слабое представление о том, кто у нас король на этой неделе.

— Он был о вас высокого мнения.

— И вы можете быть уверены, что мне не доставляет удовольствия слышать это.

Мы снова возвращались к вопросу о том, сколько я должен Чодо Контагю за то, что он был так добр ко мне. Независимо от того, хотел я этого или нет.

— Непредвиденные ситуации, о которых я упомянул, обычно сводились к тому, что я или он должны будем призвать вас восстановить баланс.

— Восстановить баланс?

— Это его слова, не мои.

— Вы видели его в последнее время? — Я не видел.

— Нет. И в последний раз, когда это произошло, это была чистая случайность. Я пришел к нему в особняк и просто вошел внутрь, как всегда это делал. Охрана не остановила меня. Я поступал так многие годы, и с тех пор Белинда не отдавала распоряжения не пропускать меня. Она не обрадовалась моему приходу, но держалась со мной вежливо. И сдержанно. Мне так и не удалось увидеть Чодо вблизи; все, что я увидел — это как Белинда делает вид, что спрашивает его, достаточно ли он хорошо себя чувствует для делового разговора. Она выразила мне свое сожаление по поводу того, что я пришел напрасно — папа сегодня слишком болен, чтобы работать, так что не мог бы я прийти в другой раз? Или, еще лучше, как насчет того, чтобы он зашел ко мне в кабинет в следующий раз, когда будет в городе?

— И он так и не появился?

— Вы действительно быстро все схватываете.

— Я детектив-профессионал. Ну так и что из всего этого следует?

— В этом-то все и дело...

Боги, как я ненавижу, когда люди произносят эту фразу! Это — гарантия того, что дальше последуют сплошные увертки.

— Да-да?

— Белинда постоянно выезжает в город. И когда она выезжает, Чодо тоже не остается дома. Иначе кто-нибудь смог бы увидеться с ним без ее посредничества. Я выяснил это, шпионя за ней. Я долго ждал, надеясь, что смогу добраться до Чодо, когда ее не будет рядом.

— Опасное занятие.

— Да.

— Эта женщина не глупа.

— О да — безумна, но не глупа. Она завладела им и держит при себе.

— Можно было бы сделать вот что: нанять кого-нибудь, чтобы проследить за ней, когда она будет в городе, и попробовав выяснить, где она прячет отца.

Темиск молча пожевал нижнюю губу.

— Вы уже пробовали это? — догадался я.

— Да. И это стоило мне человека, которого я нанял. Мне еще повезло, что он не знал, кто я такой. Иначе это могло стоить мне и меня самого.

Я попытался вспомнить, кто из моих собратьев по профессии в последнее время умирал или пропадал без вести. Нас не так уж много. Но с другой стороны, наша профессия не пользуется такой широкой известностью и уважением, как, скажем, хиромантия или приготовление колдовских снадобий.

— Кто-нибудь, кого я знаю?

— Нет. — Он покачал головой. — Это был старый иропойца по имени Билли Мул Тима, который собирал дань в северных кварталах города. Я давал ему маленькие поручения, когда мог. Он работал на Чодо, потому что слишком подружился с выпивкой.

Вот тут я и понял, что попал — морда к морде с кризисом, полной грудью вдыхая зловонное дыхание Фортуны. Это был переломный момент. Поворотный пункт. Место, где я должен был сделать моральный выбор.

Я воспротивился легкому решению. Я не сказал ни единого слова о том, что даже у адвоката не исключено наличие сердца и, что еще более существенно, совести. Я сказал:

— Расскажите поподробнее.

— Здесь нечего особенно рассказывать. Я снабдил Билли Мула всей информацией, которой располагал, и отправил его на задание. Подозреваю, что прежде чем приступить к работе, он скупил в окруже все дешевое вино, какое смог унести у себя в брюхе.

— Да, алкаш — это хорошее прикрытие. Их полно повсюду, и никто не обращает на них внимания. Продолжайте.

— Его нашли в одной квартире в северных кварталах несколькими днями позже, после того как он начал смердеть. Он обгорел до смерти.

Я нахмурился. Уже целый год до меня время от времени доходили сообщения о людях, сгоравших без помощи огня, и всегда это происходило в какой-нибудь трущобе в северной части города.

— Гаррет, он обгорел до смерти, но при этом огонь не перекинулся на окружающую обстановку и не коснулся места, где он умер.

Кстати, это был такой клоповник, какой вы только можете себе представить.

Я вполне мог себе представить настоящий клоповник. Я посетил их кучу. Особенно в те времена, когда моя клиентура была не столь великосветской.

— Должно быть, кто-нибудь принес его туда.

— Нет. Я побывал там лично, разговаривал с людьми. Даже со Стражей. Он сгорел на том самом месте, где его нашли, — прожарился насеквоздь, словно кусок сала. Но при этом так и не достигнув достаточной температуры, чтобы занялся пожар.

Это вполне соответствовало тем рассказам, что я слышал о других сгоревших.

— Как такое могло произойти? Колдовство?

— Об этом в первую очередь подумал бы любой, не так ли?

— Как и всегда, когда под рукой нет очевидного объяснения. Мы привыкли к длительному, непосредственному и смертельно опасному соседству этих идиотов на Холме.

Магия, как на высоком, так и на бытовом уровне, не является для нас частью повседневной жизни. Но угроза магического вмешательства — является. Потенциальная возможность магического вмешательства — является. Особенно если речь идет о черной магии. Поскольку наши истинные властители — это чародеи, которыми кишат особняки на Холме.

— Но вы не думаете, что ответом является колдовство? — уточнил я.

— Такого рода люди не появляются в этой части города.

Какой-нибудь злодей-самоучка, которого зациклило на том, чтобы стать серийным убийцей, конечно, мог бы и появиться. Но какую выгоду он мог получить, сжигая алкашей?

— В той части города вообще не часто появляются люди, не так ли? Это ведь где-то в Квартале Эльфов?

— Не совсем, но на самой его границе. Сейчас там селятся в основном иммигранты-нелюди. Однако вот что самое интересное: это здание принадлежит Чодо.

Я кивнул и подождал продолжения.

— Когда я подошел к нему, мне сразу показалось, что я его узнаю. Вернувшись, я порылся в своих записях. Мы купили это место четыре года назад. Я сам оформлял юридическую сторону сделки.

— Но Чодо там не было?

— Не было, когда нашли тело, но мог бы и быть. Свидетели вспомнили, что видели там человека в инвалидном кресле.

— Вот как?

— Я не стал копать глубже — не хотел привлекать внимание.

— Да, возможно, это было самое разумное.

Задавать лишние вопросы, касающиеся деятельности Организации, вредно для здоровья. От этого могут появиться синяки и шишки. По меньшей мере.

Темиск спросил:

— Есть какие-нибудь блестящие предположения?

— Только самое очевидное: Билли Мул пытался добраться до Чодо и кто-то в награду за труды лишил его жизни.

— Да, но как они это сделали?

— В этом-то и вопрос, правда?

— И зачем делать это подобным образом? Такие вещи делаются гораздо проще. Разве что кто-то хотел передать какое-то послание...

— Сожжение заживо — не того рода послание, которое может прочесть каждый. Большинство просто поморщатся и спросят: «Это еще что за чертовщина?»

В этом не было смысла. В головоломке не хватало многих кусков. Даже ее общие очертания не были ясны.

Темиск произнес:

— Одна из вещей, за которые платил мне Чодо, состояла в том, что я должен буду вызволить его, если он угодит в какую-нибудь необычную ситуацию. По-моему, этот случай как раз подходит под определение. И кроме того, он ожидал, что вы поможете мне.

— Это я уже понял. Мне это не нравится, но ничего не поделешь. Он знал меня лучше, чем я сам себя знаю... И с чего вы собираетесь начинать?

— Я уже начал. Я связался с вами. Вы — специалист.

Я — специалист. Круто!

-
- Тогда давайте расставим все по местам. Что для нас сейчас самое важное?
 - Чтобы завтрашним утром Чодо был еще жив.
 - То есть мы снова возвращаемся к празднику?
 - Вот именно. К празднику.

Глава 8

Из резиденции Жнеца Темиска я не спеша направился к «Пальмам» — первоклассной закусочной и клубу, управляемому темным эльфом Морли Дотсом, моим дружком номер один. Я приближался осторожно: могли возникнуть проблемы с людьми Белинды, если они уже начали собираться.

— Срань господня! Вы только гляньте! И недели не прошло, а он уже опять здесь!

Существует некая возможность, что не все из соратников Морли всегда рады меня видеть.

— Я просто проходил мимо. Ну вот и подумал, что стоит заглянуть и посмотреть, как вы все здесь поживаете. Как ты поживаешь, Сарж?

Сарж толст, у него лысина, куча татуировок и характер более омерзительный, чем у мешка скорпионов. Это когда он в хорошем настроении. Сегодня он выглядел не особенно радостным.

Еще один тип, настолько похожий на Саржа, что мог бы быть его страшным старшим братом — с добавлением еще парочки скорпионов, — шаркая, вышел из кухни.

— Привет, Рохля! Как дела, старина?

Рохля потряс в воздухе промышленных размеров скалкой.

Прием выглядел не очень вдохновляющим.

Позади Рохли нарисовался Морли. Поразительно. Дотс редко участвует в трудовых буднях своего ресторана.

— Что тебе нужно, Гаррет?

— Черт возьми, Морли, надо иметь больше чувства юмора! Я знал одного парня на Причалах...

— Что тебе нужно, Гаррет?

— В настоящий момент мне хотелось бы узнать, почему у вас считается забавным подсунуть мне такое хамское создание, как твой треклятый попугай, — но стоит отплатить тебе нимфеющей из нимф, как сразу вытаскиваются ножи для разделки мяса?

Рядом материализовались еще двое подручных с целым набором мясницкого снаряжения. Это в вегетарианской-то столовой!

— Что, баклажаны нового урожая оказывают серьезное сопротивление?

Казалось, всем здесь очень хотелось обступить своего доброго дружка Гаррета со всех сторон. Ничего хорошего это не обещало.

Дотс мягко взмахнул рукой.

— Попробуй еще разок, Гаррет.

— Я просто хотел посмотреть, как у вас идут приготовления к сегодняшнему вечеру. Ну, и еще сказать «привет».

— А почему это тебя интересует?

— Потому что мне там тоже придется присутствовать, капустная ты отрыжка! И никак не отвертеться. А мне все это мероприятие не очень-то по душе.

Морли окинул меня внимательным взглядом. Стройный и черноволосый, миловидный и всегда безупречно декорированный по последней моде, он распространяет вокруг себя атмосферу такой чувственности, от которой женщины совершенно теряют голову, даже если его заносит в женский монастырь.

— Что это? У тебя, кажется, под носом грязь? — В последнее время Морли начал отращивать себе тонкие усики.

Он даже не улыбнулся.

— Сядь, Гаррет.

Я присел на стул — ближайший к двери.

Морли уселся передо мной и принял пристально меня разглядывать. Наконец он произнес:

— Говорят, ты нынче у Белинды на жалованье?

— Чушь собачья. Кто это тебе сказал?

— Белинда. В последний раз, когда приходила отдать распоряжения к празднику.

— И ты поверил? Но ты же знаешь меня! Я не стал бы работать на нее, даже если бы мне нужна была работа — а она мне не нужна.

У меня есть моя мануфактура, самое прибыльное дельце в Танфере. Тебе просто понадобился повод выплеснуть свою желчь.

— Она говорила очень убедительно.

Дотс рассматривал меня еще какое-то время. Его с его парнями мучила какая-то серьезная проблема. Никто не хотел дружить с любимым сыном мамочки Гаррет.

— Давай вываливай, Морли. Что у тебя тут стряслось?

— Я и так не жду ничего хорошего от этого праздника. А тут еще ты, предположительно Белиндин главный жеребец, подходишь через каких-нибудь десять минут после того, как твоя милашка дает нам знать, что все дело вообще будет проходить не здесь! «Пальмы» будут только поставлять блюда, а само мероприятие состоится в Уайтфилд-холле. Потому что мой ресторан, видите ли, недостаточно велик! Слишком много людей в этом мире хотят засвидетельствовать свое почтение Большому Боссу.

— Никогда не слышал о б Уайтфилд-холле. Это не тот ли мемориальный зал для ветеранов, что был учрежден в память о Войне за выбитый зуб Коди Бирна?

Во времена Империи в Каренте велось множество маленьких войн по совершенно пустячным поводам. Потом мы повзрослели и стали настоящим королевством, после чего затеяли одну большую войну, которая и длилась на протяжении последних ста лет, — ту самую, в которой участвовал я. Наряду со всеми известными мне людьми мужеска пола, включая моего брата, и отца, и деда, и отца и деда моего прадеда, и всех их родных, двоюродных и троюродных братьев, а также побочных отпрысков.

На настоящий момент смертоубийство закончилось; впрочем, теперешний мир во многом был еще хуже прежней войны.

— Я ничего не знаю о ваших войнах, — отвечал Дотс.

Кстати, здесь он сказал истинную правду: будучи наполовину темным эльфом, он пользовался некоторыми послаблениями относительно человеческих законов — например, того, который касается всеобщего призыва. И вообще на человеческую историю ему начхать. Он редко вспоминает даже о прошедшей неделе — за исключением тех случаев, когда прошедшая неделя подкрадывается к нему сзади и шарахает по затылку...

— ...Но это действительно что-то вроде военного мемориала, — тем временем завершил он.

Морли неглубок. Морли хорош собой. Морли — кошмар, заставляющий отцов пробуждаться среди ночи в холодном поту. Он — та грязь, которую их дочери берут с собой в постельку, чтобы с ней позабавиться. Это тот самый плохой мальчик, которого хотят все девочки, считая, что им удастся приручить его — до тех пор, пока не найдут себе какого-нибудь олуха, который станет зарабатывать им на пропитание и обращаться с ними по-человечески.

Какой я все-таки завистливый!

— Не понимаю. Чем он ей так приглянулся? Зачем ей понадобилось переносить празднество туда?

— Я же сказал тебе: там помещается больше народу. К тому же им заправляют люди, которым она может доверять.

— Ты хочешь сказать, что Белинда тебе не доверяет?

— Ты что, действительно такой наивный? Разумеется, не доверяет. Я не тот человек, который ей нужен.

— А кто ей нужен?

— Машина, дубина!

— Только не надо услаждать мой слух вегетарианской поэзией. В ней нет смысла, когда светит солнце.

Дотс покачал своей красивой головой. Он не хотел принимать игру.

— Белинда не поверит мне, даже если я поклянусь ей десятью тысячами клятв. Это все ее безумие — она не может доверять никому. За исключением тебя. Скорее всего, по той же глупой причине, по которой доверял тебе Чодо, — потому что, насколько я могу понять, у тебя такой туман в мозгах, что ты просто не можешь не быть честным.

Этика и мораль Морли во многом зависят от ситуации. Что не мешает ему оставаться отличным парнем — большую часть времени. Когда ему это выгодно.

— Ваши откровения согревают жемчужниц моего сердца, мистер Дотс.

— Что ты хочешь этим сказать? Я никогда не понимал — что такое жемчужницы?

— Какие-то моллюски, кажется. Не знаю толком, но звучит хорошо.

— У меня большое искушение снова передумать.

Однако Сарж и Рохля со своими кислыми минами, а также все остальные уже вернулись к работе.

— Для Организации это сборище будет главным событием недели.

— Ну, и повод особый.

— Ты знаешь Жнеца Темиска?

— Агента Чодо в судебных сферах? Если споткнусь об него, то узнаю, но не более того.

— Он до сих пор адвокат Чодо. Ты можешь о нем что-нибудь сказать?

— Для юриста он играет довольно честно. Они с Чодо дружат с детских лет. А что?

Порой лучший способ иметь дело с Морли — это сказать ему правду. Или хотя бы нечто приближающееся к правде, когда правда слишком драгоценна, чтобы вот так задаром выкладывать ее на стол. Нечто достаточно близкое, чтобы заставить его сделать то, чего ты от него хочешь — вот что я имею в виду.

— Я сталкивался с ним, когда мы сколачивали нашу трехколесную компанию.

— Это когда тебе приплачивали за то, чтобы ты держался в стороне? Я слышал, как ты всех там достал со своим морализаторством и болтовней об этических принципах.

Я не стал глотать наживку.

— Он твдисинул мне одно дело.

Морли любит пререкаться. Это делает его центром общего внимания.

— Расскажешь мне о нем, когда все закончишь, Гаррет.

— У тебя есть идеи, что она собирается отмочить сегодня вечером?

— Нет. Но я буду очень осторожен. Буду следить за всем и держаться поближе к кухне. И тебе советую, если тебя действительно интересует мое мнение.

— О, интересует, еще как интересует! Возможно, я даже надену кольчугу под рубашку... Ты никогда не слышал, чтобы Чодо баловался с магией?

— Нет. Он не любил чародеев — разве что иногда нанимал кого-нибудь, чтобы наложить охранное заклятие, но не больше. Они всегда бесили его тем, что у них больше реальной власти, чем у него.

— Я имел в виду его лично.

— Ну что ты! Его таланты ограничиваются убийствами, нанесениемувечий и администрированием. Магических способностей у него не больше, чем у какого-нибудь могильного камня.

— Так я и думал.

Я признавался в том, о чём думал. Уже второй раз. Что-то я разоткровенничался со своим дружком.

— Так что у тебя там такое? — созволил поинтересоваться Морли.

— Темиск говорит, что с тех пор, как Чодо хватил удар, происходят странные вещи. Я хочу разобраться.

— Это и есть твое дело?

— Нет, само дело не в этом. Это просто такая вещь, которую мне нужно понять.

— Что, Темиску удалось тебя подцепить на то, что ты в долгу у Чодо?

— В некотором роде, — вздохнул я. — С этим тоже нужно что-то делать.

— Не связывайся. Перестань быть собой. Не наживай себе лишних неприятностей.

— Ты знаешь что-нибудь об этих людях, которые сгорели заживо?

— Нет. Это что, тоже часть твоего расследования?

— Вряд ли. Просто интересно. Никогда не повредит спросить тебя о чём-нибудь — из тебя так и прет необычное и чудесное. А иногда ты даже рассказываешь мне о том, что знаешь.

— Необычное и странное... И от кого я это слышу? От человека, который живет под одной крышей с трупом и говорящей крысой!

— И еще с Дином. И с корзинкой котят. Кстати, я подумал, что принесу их с собой сегодня вечером. Попробую кому-нибудь подарить.

— Оригинальная идея — раздавать котят на мафиозном сбирающе. Если кто-нибудь и возьмет у тебя хоть одного, то только для того, чтобы скормить его своей ручной анаконде.

— Эта идея давно уже назрела: скормить всех кошек змеям. Синдж как-нибудь переживет.

— А что потом делать со змеями? Крыс они любят больше, чем кошек...

— Ты не знаешь ничего об одном уличном парнишке, он называется себя Пенни Мрак?

— Знаю только, что ему стоит найти себе другое имя, если он не хочет, чтобы его постоянно били, а больше ничего. А что?

— На самом деле это девушка, выдающая себя за парня. Она же является источником Диновой корзинки котят. Дин рассказал мне очень необычную историю относительно этого ребенка.

— Необычную историю? О ком-то из тех, кто тебя окружает? Ха! Чушь какая!

— Сарказм вам не к лицу, сэр, — учитывая, что среди тех, кто меня окружает, вы один из главных персонажей. И при этом определенно один из самых необычных.

— Я стандарт, по которому измеряются все остальные, — невозмутимо ответил эльф.

— Ладно, ты тут держись, а я сбегаю за помощью. — Я покосился на входную дверь в нескольких дюймах от меня. Мои шансы добраться до нее казались лучше, чем когда-либо.

— Как успехи на любовном фронте? — злорадно выкрикнул я и бросился наутек.

Почему я это сделал — другая история, причем уже рассказанная.

Глава 9

— Эй!

Мимо моего уха просвистел камень. Он ударился в дверь Морли с такой силой, что проломил дыру в дверном полотне.

Дотс выскочил наружу и встал рядом со мной, свирепо озираясь.

— Что случилось? — спросил он.

— Похоже, кто-то метнул в меня камень из пращи, — предположил я. (А как еще можно было бросить камень с такой силой?)

— Примитивно.

— Зато эффективно, если ты к этому не подготовлен.

— Кто это был? И куда он делся?

— Я почти уверен, что это вон тот здоровенный верзила — вон, в идиотских зеленых панталонах. Который так старательно делает вид, что его это не касается.

Этот парень выглядел как недомерочный экземпляр из того же помета, что и Безобразные Штаны. Он изо всех сил интересовался проходами между домами и темными закоулками под верандами.

— Постой-ка здесь. Возможно, он только того и хочет, чтобы ты пошел за ним. Сейчас я соберу людей. За ним должок за дверь!

Дотс вернулся в дом.

Я подобрал с земли камень, который, если бы не секундное везение, мог бы пробить дополнительную дыру в моей черепушке. Потребовалась бы по меньшей мере еще парочка, чтобы повлиять на мой бизнес, но напрашиваться я не собирался.

Камень был слегка яйцевидной формы: дюйм с четвертью в одном измерении и чуть меньше дюйма в другом. Он был тяжелым. Он был зеленого цвета, словно серпентин или низкосортный нефрит. И еще он

был полированным. Он совсем не был похож на что-то, что можно подобрать, гуляя по руслу ручья.

Морли вернулся с несколькими из своих парней. Я сказал:

— Это может быть уловка, чтобы выманить тебя из «Пальм».

— Я предупредил Саржа и Рохлю. Куда он делился?

— Повернулся на юг по улице Железной Звезды.

— Пойдем расставлять ловушку, — сказал Морли. Он очень прямолинеен, мой друг.

— Ты слишком спешишь. Я начинаю нервничать, когда ты спешишь.

— Я никогда не упоминал, что ты слишком много беспокоишься?

— Упоминал, но только в тех случаях, когда я оказывался достаточно близко, чтобы тебя слышать.

Мы побежали вдоль по улице, прихватив с собой с полдюжины парней, которые делали вид, что служат у Морли официантами. Ни один из них не был похож на человека, который обслуживает столики из большой любви к своей работе. Хотя Дотс и утверждает, что больше не занимается темными делишками, однако упорно продолжает окружать себя подобными типами.

Меня это заботит из-за того рвения, которое выказывает в последнее время тайная полиция. Дилу Релвею наплевать на протокол, в его глазах он сам — закон. И слишком часто те, кого он обставил, сами соглашаются, что должны были это предвидеть.

Тем не менее преступный мир продолжает существовать. Как бы ни был Релвей силен, упорен и помешан на своем деле, все, на что он способен — это лишь слегка покусывать внешний край Организации.

Мы повернули на улицу Железной Звезды — и остановились, сбившись многоногой обескураженной кучкой.

Тип, пытавшийся сделать мне трепанацию при помощи камня, находился в каком-то квартале впереди нас. Он не спеша шел вперед, заглядывая в темные уголки, словно понятия не имел, что кто-то может его преследовать.

— Что за игры, Гаррет? Ведь этот придурок еле тащится, словно ему на все наплевать!

— Меня нельзя считать ответственным за то, что кто-то другой отъявленный идиот.

— Вопрос спорный. Есть такая вещь, как дурная наследственность...

Еще немного, и Морли начнет ругаться черными словами. Я спросил:

— Почему бы нам, вместо того чтобы стоять здесь и спорить, не воспользоваться преимуществом?

Морли сделал знак своим мальчикам. Мы двинулись вперед.

Народу было немного, но для улицы Железной Звезды это нормально — здесь нет лавок.

Мы окружили коротышку прежде, чем он осознал, что на него идет охота. Его реакцией было совершенное изумление. На мгновение я подумал, что указал не на того человека. А вдруг все население Таунфера внезапно воспыпало любовью к отвратительным зеленым панталонам и отсутствие вкуса не следовало считать несомненным признаком врожденной склонности к злодейству?

Затем он бросился на нас и проломился прямо сквозь одного из Дотсовых парней.

— Вот это да! — проговорил я.

— Да уж. С ним надо поосторожнее.

Коротышка не стал убегать — он просто вел себя так, что к нему не хотелось подходить слишком близко, поскольку это грозило неприятными ощущениями. На ближней дистанции он был быстрее, чем даже Морли, который до сих пор удерживал рекорд по быстроте движений — исходя из моего опыта. И еще он был очень силен. Он швырнул меня на тридцать футов, и сделал это не напрягаясь.

Мы по очереди тузили его со спины. Это было похоже на травлю быка, только что в нашем случае бык не издавал ни единого звука. Он не отвечал на вопросы. Он просто молча сражался, делая особый акцент на нанесении повреждений единственному уцелевшему сыночку мамаши Гаррет.

Нас было всего лишь восемь на одного — так что оказалось очень кстати, когда на соседних улицах начали верещать полицейские свистки. Мы немедленно оставили свое занятие. Никому не хотелось наносить визит в Аль-Хар. Не сегодня.

Можно подумать, что сегодня такой уж хороший день...

* * *

— Славно повеселились, — подытожил Морли, пока мы пересчитывали конечности, вычесывали из волос мелкие камешки и выясняли, у кого больше прав хвастаться самыми крупными синяками. — Если я доживу до утра, я хотел бы еще разок взглянуть на этого парня. Прихватив с собой Дориса и Маршу для тяжелой работы.

Дорис и Марша Роз — это его родственники. В какой-то степени. Они частично великаны, частично тролли, а частично кто-то еще, ростом в двенадцать футов, и могут ударом кулака снести небольшое здание. Жаль, что их не оказалось под рукой пару минут назад.

— Отличная идея! В городе найдется, наверное, еще тысяч десять улиц, которые тоже не помешало бы поднести. — И вправду, передо мной было зрелище столь же редкое, как жабьи клыки: Морли Дотс, с головы до ног вывалянный в грязи и прикрывающийся рваными тряпками. — Эх, вот картина, которую я хотел бы сохранить для потомков!..

— В следующий раз надену какое-нибудь старье. Зайди ко мне попозже, я отдаю тебе это.

Он был расстроен, хотя я не мог понять почему. Все равно всех не победишь.

— Так я и сделаю. Удачи сегодня вечером!

Глава 10

— Что случилось? — требовательно спросил Дин, впуская меня в дом.

— Кто-то пытался меня убить.

Он хмыкнул. Услышанное явно не произвело на него впечатления.

— Да ты бы только посмотрел на того парня!

Он хмыкнул еще раз. В нем нет никакого уважения к моему образу жизни, хотя именно благодаря ему он каждый день набивает брюхо хлебом с бобами.

— А у него ни царапины. Хотя со мной были Морли и шестеро его парней. Ну, мы бы, конечно, поквитались с ним, если бы не появилась Стражи...

Последнюю фразу я добавил для Синдж — она как раз вошла в кухню, чтобы узнать, что происходит. В лапах у нее был котенок, она его гладила. Котенок не возражал против парадоксальности такой ситуации. Я спросил:

— Как ты думаешь, получится у тебя взять вчерашний след с помощью вот этого? — я бросил ей зеленое яйцо.

— Оп! Что-то подводное... Что это было? Медведь или огр?
У Синдж есть талант.

Крысиный народец наделен исключительным обонянием. Некоторые из них поставили бы в тупик лучшую ищейку. А Синдж — нечто выдающееся даже среди своих. Как я уже упоминал выше, она гениальна — для женщины из крысиного народа. Кроме того, в ней больше храбрости, чем в десяти любых других представителях ее племени, вместе взятых, исключая разве что ее брата. Даже наиболее отважные и опасные из них боятся людей. Со здравиием их чародеи не сочли необходимым избавить их от этой пугливости.

- Это был человек. С самых дальних рубежей вида.
- Что он сделал?
- Он пытался убить меня. Из какой-то древней пращи. Воспользовавшись этим яйцом в качестве метательного снаряда.
- Похоже, частое мытье не относится к числу его человеческих пороков.

Я обернулся к Дину:

- Ее язык с каждым днем становится все более острым.
- Дин нахмурился: он все еще не мог полностью отбросить свои предубеждения. Синдж, впрочем, подпрыгнула, польщенная комплиментом. В ее характере есть один большой недостаток: она изо всех сил старается стать человеком. Впрочем, у нее достаточно смекалки, чтобы понять, что ей этого никогда не позволят.
- А почему след вчерашний?

— Сегодня у меня нет времени. Мне еще предстоит день рождения Чодо.

- Кого ты берешь с собой? Тинни?
- Никого.
- А мне можно?
- Нет. Я не беру никого. Там очень быстро могут начаться неприятности, и я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал.

Я не упомянул, что вряд ли ее были бы рады видеть. Чужими предрассудками можно пренебрегать только в случае серьезной опасности — особенно если ты желаешь людям блага.

Синдж это известно, как на практическом, так и на эмоциональном уровне. Она никогда не показывает, когда ее чувства уязвлены. Она считает, что, открывая свои чувства, она умаляет мои усилия избавить ее от страданий.

Это так. Но это идет нам на пользу.

— Как там, не слышно шевеления со стороны неупокоенных? — спросил я.

Если и есть такая вещь, которую Покойник ненавидит настолько, чтобы его кровь была готова вновь пуститься бежать по жилам, так это когда его мешают в одну кучу с неупокоенными — вампира-ми, зомби и иже с ними. Все они хищники, а он утверждает, что к ним не относится.

— Нет, — отозвался Дин. — Видимо, на этот раз он решил отдохнуть подольше.

Это известие меня не обрадовало — мне бы сейчас не помешал хороший совет. Например, десять лучших способов остаться в живых после вечеринки у Чодо... исключая самый очевидный: вообще там не показываться.

Если тебе неизбежно предстоит рейд по долине теней, нужно как следует ноработать головой, чтобы найти способы прикрыть свою задницу. Я принялся за дело.

У меня был выбор. У меня были связи. Некоторые из них даже могли оказаться полезными — например, брат Синдж.

Я воссоздал в памяти разговор с Морли насчет того, что я в действительности значу для Белинды Контагю. Не в деловом смысле, и не как бывший любовник, и не как человек, внушающий страх. Но как символ или даже фетиш для той замкнутой, испуганной маленькой девочки, что пряталась где-то глубоко внутри мисс Белинды. Маленькой девочки, хотевшей, по мнению Морли, видеть во мне папочку, которого у нее не было в подростковые времена, поскольку ее настоящий папочка Чодо Контагю вряд ли являл собой образец любящего родителя.

Тем или иным образом я несколько раз вытаскивал эту женщину из глубочайшего дерhma. Морли говорил, что из-за этого она избрала меня глашатаем своей судьбы. Что она никогда не позволит, чтобы мне причинили вред. Потому что маленькой девочке нужно, чтобы папа Гаррет был рядом — на случай, если к ней снова подкрадутся кошмары.

— Синдж! У меня идея — может быть, глупая... Пойдем ко мне в кабинет, поможешь мне обмозговать кое-что.

— Что случилось? — спросила она, шипя на согласных так, словно у нее во рту поселился выводок гремучих змей.

— Как ты думаешь, твой брат смог бы помочь нам с одним делом? Если предложить ему соответствующее вознаграждение?.. Знаю, знаю; но мать-то у вас была одна! В глазах людей это делает его твоим братом.

Джон Пружина (настоящее имя — Фунт Смирный) является вожаком крысиного народца в нашей части Танфера. Отчасти он стал

верховной крысой благодаря мне. Он брат Синдж по матери, из более раннего помета, и их отношения ближе, чем между большинством родственников среди крысиного народа. Как-то он даже пытался вырвать ее из моих тисков — но она задала ему вербальную порку и велела убираться ко всем чертям. Ей вполне нравилось, как она жила.

— Не знаю... Он подозревает, что в последний раз ты использовал его в своих интересах.

— Проблема гордости мне понятна. Но ты лучше меня знаешь, сможем ли мы все же снова поработать вместе.

— А чего ты от него хочешь?

— Я думаю о сегодняшнем празднике. Он мог бы здесь сильно мне помочь. Если правда, что он может разговаривать с обычными крысами.

Синдж задумалась. Мы оба знали, что Джон Пружина мог проникать в мозги обычных крыс и использовать их как шпионов — однажды он сам признал это в нашем присутствии.

— Ты хочешь, чтобы он отправился в то место, где будет праздноваться день рождения Чодо Контагью?

— Вот именно. — Моя идея начала набирать обороты. — Если нам удастся спрятать его где-нибудь поблизости, он сможет оставаться при деле на протяжении всего праздника и предупредить меня, если будут готовиться какие-нибудь неприятные сюрпризы.

— Тебе может не подойти его цена.

— Я не испытываю нужды в деньгах.

— Он не станет просить у тебя денег.

Я простонал.

— Услуга за услугу?

— Подумай, что ты можешь сделать для крысиного гангстера?

Ну как же, свой агент среди людей может быть очень даже полезен крысиному королю, знающему, чего он хочет.

— Ты хочешь, чтобы я нашла его? У тебя не так уж много времени.

Фактически, я уже опоздал. Почти наверняка. И тем не менее я сказал ей:

— Сделай все, что сможешь.

Не прошло и нескольких минут, как Синдж была готова идти.

— Оставь котенка здесь, — напомнил я. — Вряд ли ему будут рады там, куда ты направляешься.

Она вернула зверюшку обратно в корзинку.

— Надо же, они прямо так и льнут!

— То же можно сказать и о вшах. Не привязывайся к ним слишком сильно, они у нас не останутся.

Я проводил Синдж до двери, открыл ее — и угодил в самую гущу пикси-разборки. Эти букашки шумят хуже, чем воробыи, но занимаются этим настолько постоянно, что я больше не обращаю на них свары особого внимания.

Я сказал им:

— Пожалуйста, не могу ли я поговорить с Шекспиром и Мелонди Кадар?

Вежливость несколько помогает — иногда. Непредсказуемо. Почти настолько же часто, как и когда имеешь дело с большим народом.

Если мне не удастся заручиться помощью крысиного народца, то возможно, получится завербовать парочку пикси? По крайней мере это будет дешевле, так как предполагается, что именно помогая мне, они отрабатывают свое проживание.

Тем временем появилась Мелонди Кадар — роскошный образчик женственности у пикси. Как ни грустно, но пикси живут недолго. Спустя каких-нибудь шесть месяцев Мелонди достигнет среднего возраста — а ведь месяц назад, когда я встречался с ней последний раз, это была типичная несносная девчонка-подросток! Теперь же она имела вес в своем гнезде.

Она пропищала:

— Шекспира здесь больше нет, Гаррет. Он женился на девушке из Долинных трипси и решил присоединиться к ее гнезду.

В кланах пикси царит строгий матриархат. После женитьбы парни, как правило, следуют за девушками.

— Поздравляю... наверное. Это очень важный брак.

Мои пикси появились в Танфере недавно, они беженцы, а клан Долинных трипси насчитывает много поколений в истории местных племен. Подобный альянс мог сослужить моим квартиросящемщикам хорошую службу.

— Однако мне казалось, что у вас с ним... — я вежливо сделал паузу.

— Не будем говорить об этом. У меня теперь есть собственный муж. И ему не нравится, когда при нем поминают доброе старое время.

— Мне очень жаль. Если такое чувство уместно в данном случае.

— Ничего. Он у меня немного глупый, очень ленивый и немного слишком ревнивый, но я выбью из него эту дурь.

Женитьба у пикси принимает не те формы, что у нас. Чувство не имеет никакого значения, а вот выковывание альянсов и сохранение состояний — имеют. Чувство находит удовлетворение на стороне. В некоторых кланах девушка вообще не считается пригодной для замужества, пока она не продемонстрировала свое плодородие с несколькими счастливыми отцами.

— Я хотел спросить, не могли бы вы помочь мне с делом, которое я сейчас веду?

— Ха! Мы ведь должны платить за жилье, правда?

— Но это может быть опасно.

— Выкладывай, Гаррет!

Я изложил ей свою историю.

— То есть с семьей Контагю у тебя давнее знакомство?

— Да, у нас было несколько совместных приключений.

— Тогда лучше расскажи и об этом тоже. Это может произвести впечатление за столом старейшин и повлиять на решения, которые там будут приняты.

Белинда не позволила бы сантиментам вмешиваться в деловые решения. Она была еще тверже, чем ее отец, — а Чодо редко допускал эмоций в свои дела.

— Этот зал, где все это будет происходить, — он далеко от нашей территории?

— Ты знаешь, где находится Бледсо? Благотворительная больница? В старые времена, когда Империя еще была у власти, весь твой район был застроен правительственными зданиями. Зал находится там. Сначала в этом здании было что-то другое, а потом его превратили в военный мемориал. Раньше люди были более бережливы.

— А в тех краях есть пикси? Или еще кто-нибудь, кто мог бы решить, что мы вторгаемся в чужие владения?

Танфер — это сотня городов, наваленных один поверх другого на одном злополучном клочке земли. Для каждой расы он свой. Некоторые народы настолько отличаются друг от друга, что их Танферы почти не пересекаются. Однако чаще это все-таки происходит, и в таких случаях только мы, большие и многочисленные племена, не нуждаемся в особых разрешениях, чтобы жить как нам нравится. Мы можем себе позволить быть такими мерзавцами, как нам угодно, — и обычно позволяем.

— Не знаю. Мне только недавно сказали, что пирушка будет проходить там, а не у Морли. Я не бывал в той части города с тех пор, как кто-то определил меня в палату умалишенных в Бледсо.

— Вот, должно быть, было приключение! И как тебе удалось вывернуться? Ты убедил их, что ты нормальный?

— Я убедил их, что я настолько безумен, что им не стоит меня там держать.

— У нас мало времени. Тебе надо будет взять нас с собой, когда ты отправишься на праздник. Так, чтобы нас никто не видел.

Нет, это никуда не годилось. Я не мог топать несколько миль, волоча с собой чемодан с бранящимися пикси.

Мелонди прочла мои мысли — не в прямом смысле, но все же.

— Не будь таким жмотом, Гаррет, найми карету. Мы спрячемся там, и нас никто не заметит. К тому же ты и сам не будешь выглядеть каким-то оборванцем.

Все колют мне глаза тем, как я одеваюсь. Никто не верит, когда я говорю, что беден. Они считают, что у меня полно денег — только из-за того, что я владею акциями этой трехколесной фабрики.

Однако идея Мелонди была здравой.

— Кто-нибудь может слетать с запиской к Плеймету на конюшню? — спросил я.

У моего друга Плеймета нет своей кареты, но обычно он в состоянии достать подходящую за пару минут. К тому же я вообще люблю перекладывать свои дела на друзей. Плюс в качестве бонуса: Плеймет имеет около девяти футов роста и может быть полезен в случаях, когда споры оборачиваются своей физической стороной.

— Наверное...

В ее голосе не звучало особого энтузиазма. Перелеты на дальние расстояния рискованны для пикси — слишком многие могут решить, что они похожи на пиццу.

— Ну и отлично. Сейчас я напишу записку, и мы сможем наконец двигать наш цирк.

Я заметил Синдж — она возвращалась. Следом, дразня ее, бежала пара человеческих ребятишек. Я не стал их отгонять — ей бы это не понравилось. Она предпочитает сама сражаться в своих битвах.

Мелонди была менее щепетильна. Она скользнула в щель, которую ее племя использовало, чтобы влетать и вылетать из стен моего дома, и полдюжины букашек-подростков тотчас метнулись наружу и зажужжали вдоль по улице. Долетев до задир-ребятишек, они спрятались за их затылками и принялись мучить их.

Синдж добралась до дома.

— Джон Пружина говорит, что будет в восторге помочь велико-му Гаррету в его делах. Однако он настаивает на том, чтобы привести с собой собственных крыс, не полагаясь на тех, которые уже обитают в том месте.

— Отлично. Я пишу записку Плеймету, чтобы он достал мне карету.

— Ты передумал?²

— Не надо так волневаться, ты остаешься в деле. Ты поможешь Джону Пружине с его задачей.

Глава 11

Плеймет подогнал к моему дому огромную карету красного дерева, явно принадлежавшую кому-то с самой верхушки пищевой цепочки.

— Надеюсь, ее никто не хватится, а?

— Разве что мы не вернем ее до конца недели. — Плеймет спрыгнул с козел, чтобы помочь нам загрузиться. — Меня больше беспокоит возможность заляпать ее кровью сверху донизу. Или забыть внутри труп.

— Это была не моя вина. Тебе нужно выработать более позитивный взгляд на вещи.

— Опыт знакомства с Гарретом показывает, что настороженный пессимизм является более надежным подходом.

Плеймет огромен и черен; он настолько велик, что кажется еще огромнее, чем на самом деле. Он крупнее меня, сильнее меня и почти такой же симпатичный. Самый большой его недостаток в том, что он строит из себя проповедника, который на самом деле вовсе не так плох, как кажется. В котором на самом деле вовсе не девять футов роста. Однако и семи футов вполне хватило бы.

— Ты уверен? — Я заметил место, где на дверце кареты раньше был герб. — Я не хочу, чтобы какой-нибудь Властитель Бурь размолол меня в порошок из-за того, что его кареты не оказалось на месте, когда он захотел прокатиться.

— Хочешь, чтобы я вернул ее обратно?

— Ладно, ладно. Я просто хотел удостовериться... А это еще что?

Позади кареты остановилась повозка, в какие обычно запрягают козлов. Однако в передвижении этой повозки козел не участвовал: человек-крыса сам впряжен в постройки.

Брат Синдж. С грузом деревянных клеток, набитых здоровенными, бурными, невеселыми крысами.

— Вот и я, — проговорил Джон Пружина. Его карентийский был не настолько безупречен, как у его сестры.

— Хорошо, тогда давай перетащим этих тварей в карету.

— Где Синдж?

— Охорашивается перед выездом. Ты уверен, что справишься?

— Синдж будет помогать. И они. Так?

В карету впорхнул целый рой пикси — похоже, Мелонди решила взять с собой всех своих друзей и родственников.

— Отлично выглядишь, Гаррет, — заметил Плеймет. — Ты что, нанял консультанта, чтобы он подобрал тебе одежду?

Я воздел руки к небу.

— Боги, вы видите, что мне приходится выносить? Возьмите меня отсюда!

Из дома выпорхнула Синдж — ни дать ни взять молодая девушка, опаздывающая на свидание. Хотя я понятия не имею, как можно умудриться опоздать, если твой гардероб настолько ограничен? Впрочем, все мои познания в женщинах (даже ограничиваясь представительницами моего собственного племени) можно уместить в наперсток, и еще останется достаточно места для целой бригады танцующих ангелов.

Синдж притащила с собой котят. Она влезла в карету вместе с корзинкой.

— Мы готовы, — сказал я Плеймету. Потом оглянулся на козлиную повозку. — Джон Пружина, ты лишишься повозки, если вот так просто оставишь ее здесь.

— Не страшно. Не моя повозка.

Великолепно. То есть теперь Стражка найдет перед моим домом похищенную повозку. Ибо, учитывая мое везение, эта чертова штуковина будет торчать здесь полгода, никем не потревоженная, если это будет необходимо, чтобы доставить мне неприятности.

Я забрался в карету. Внутри царило абсолютное безмолвие. Пикси настороженно поглядывали то на котят, то на клетки с крысами. Котята высывали мордочки из корзинки, заинтригованные таким соседством. Крысы яростно сверкали глазами на всех вокруг.

Ситуация, которая должна была стать хаосом во плоти, вместо этого выродилась в неизъяснимую релаксацию.

— Отлично, — проговорил я, расслабляясь сам, несмотря на то что ждало впереди. — Вот это я понимаю!

Пикси отыскали себе настенды и принялись сплетничать. Они не ссорились и не беспокоили крыс. В норме, представься им хоть мицерный шанс, они бы накинулись на любую из них, едва завидев: жирная крыса могла составить главное блюдо на большом пиру.

Котят, впрочем, Синдж не могла контролировать. Несколько из них выбрались наружу и принялись исследовать все вокруг — не беспокоя при этом ни крыс, ни букашек-пикси. Для котят они были исключительно хорошо воспитаны.

Когда мы сворачивали на Дорогу Чародея, снаружи мелькнуло знакомое лицо. Оно принадлежало тому самому человеку, которого мы с Морли имели несчастье изловить несколькими часами раньше. Он наблюдал за моим домом, подсвечивая себе фонарями под обеими глазами.

Эта встреча заставила меня занервничать. Если он наберется нагости выломать мою дверь, Покойник вряд ли сможет чем-нибудь ему помешать. Однако повернуть обратно я уже не мог. Приходилось довериться течению событий — позиция, вызывавшая у меня сомнения даже в лучшие времена.

Моя соседка миссис Кардонлос работает на полицию. И, возможно, является подругой мистера Дила Релвэя, главы учреждения, которое на этой неделе называлось чем-то наподобие «Конфиденциальной Комиссии по Королевской Безопасности». Для миссис Кардонлос главное удовольствие в жизни — шпионить за мной, воображая мою жизнь более волнующей, чем она есть на самом деле. Релвэй платит ей небольшое жалованье.

Она наверняка выберется наружу, пока меня не будет. Самое интересное в моем доме происходит, когда меня в нем нет. Это время, когда глупость цветет пышным цветом. Это время, когда неподготовленные обнаруживают, что им следовало получше разведать территорию.

Покойник любит позабавиться с глупыми взломщиками. С ними он может быть более жестоким, чем кошка с небьющейся мышью.

Но горе нам! Как раз сегодня он взял себе выходной, чтобы как следует вздремнуть.

— И что это за котята такие? — подивился я вслух.

С виду это были совершенно обычные серо-полосатые уличные бездельники — но не совсем. Они были какие-то странные. Однако в конце концов, что я знаю о кошках? Только то, что люблю их больше, чем собак, за исключением, может быть, гончих и щенков чау-чау.

О удивительный день! И Синдж, и Джон Пружина оба поняли, что от них не требуется отвечать! И тот и другая явно ожидали от меня похвалы за свою сообразительность. Я кивнул им и поощрительно улыбнулся.

Кстати говоря, о пикси (хотя я о них и не говорил):

— Мелонди! Что с вами сегодня, вы чем-то отравились? Я никогда не слышал, чтобы вы вели себя так тихо.

Мисс Кадар подпорхнула ко мне, заложив несколько пьяный вираж. Она приземлилась на моей левой ладони, широко расставив ноги, уперев руки в бока и покачиваясь совсем не в такт движениям кареты.

— Ты что, напилась? — Пикси любят алкоголь.

— Ни капельки! — она пошатнулась и плюхнулась на свою крошечную, но оттого не менее роскошную задницу.

— Ты напилась! — обвиняюще сказал я.

— Нисколько, — отрезала она и захихикала. — Я не знаю, что произошло. Когда мы залетали сюда, все было нормально!

Остальные пикси тоже были пьяны — по большей части даже пьянее, чем Мелонди Кадар.

Я оттолкнул любопытного котенка от одного из пикси-мужчин, который упал на пол кареты и лежал там на спине, время от времени издавая тихое гудение, словно опрокинутый вверх брюшком жук.

Все это было очень странно, но в тот момент проблема не стоила для меня и крысиного хвоста. Я чувствовал спокойствие и удовлетворенность. Совершенно не хотелось из-за чего-то волноваться. Впрочем, некоторые из моих знакомых сказали бы, что в этом нет ничего нового.

Синдж и Джон Пружина выглядели слегка озадаченными и сонными. То же относилось к крысам.

Я никогда не слышал о пьяном заклятии, но это еще не значило, что оно не может существовать. Все, что я мог сказать, — это что до тех пор ни разу не попадал под его действие.

Пикси захрапели. Я начал ощущать мучительную потребность спеть гимн морской пехоты или что-либо в равной степени патриотическое. Что не случается со мной, даже когда я сильно надираюсь. Во всяком случае, не часто.

Карета вздрогнула и резко остановилась. Какого черта? Вряд ли на улицах такое уж сильное движение... Хотя, конечно...

Лишь пара биений сердца отделяла меня от погружения в сон, когда Плеймет рывком распахнул дверцу.

— Приехали... Эй! Что с вами такое со всеми?

Я протянул ему руку. Он помог мне спуститься по ступенькам — элегантно, словно вел герцогиню. Добрый человек: он сделал то же самое для Джона Пружины и Пулар Синдж, одновременно препятствуя котятам выбраться наружу.

— А теперь я вот что сделаю, — сказал он, ловко закрывая дверь перед носом у пикси и котят. — Я останусь здесь, на этом самом месте. И если начнется какая-нибудь заварушка, я войду внутрь и вытащу тебя оттуда.

Это многое говорило о Плеймете.

— Очень мило с твоей стороны, Плей. Мне будет спокойнее, если я буду знать, что в случае чего ты придешь на помощь.

Больше Плеймет ничего не успел сказать — его взгляд стал затуманиваться. Я же тем временем, наоборот, возвращался в сознание. Причем быстро.

Я приехал довольно рано, но, несмотря на это, несколько карет уже стояло перед зданием, выстроившись шеренгой. Возле каждой хлопотало нечто здоровенное, тупое и покрытое шрамами, и вдобавок с целой коллекцией татуировок. Эти люди принялись с интересом рассматривать моих компаньонов и клетки с крысами.

— Собирай котят, Синдж. — Опьянение прошло, как не бывало.

— Ты хочешь взять их туда?

— Да, черт побери! Все будут от них в восторге.

Котята вели себя совершенно не по-кошачьи. Они не сопротивлялись. Они позволили себя поймать, засунуть в корзинку и обернуть

сверху плащом — теоретически для того, чтобы не позволить им выбраться. Только пару из них пришлось ловить и засовывать обратно по второму разу.

— Сколько здесь этих чудовищ? — спросил я у Синдж. Я никак не мог сосчитать точно. Торопливые подсчеты на протяжении дня давали цифру от четырех до девяти. Поскольку даже мертвый кот способен устроить бардак в двух местах одновременно, я подозревал, что истинное число все-таки ближе к четырем.

— Пять или шесть, — ответила Синдж. — Трудно сказать, они почти одинаковой окраски.

Ну да бог с ними. Во всяком случае, когда я вошел, большая часть была со мной.

Подходя к охранникам, проверявшим приглашения, я пытался понять, с чего я вдруг решил, что должен пойти, вооружившись корзинкой котят. Возможно, потому, что надеялся, что никто не сможет сохранять воинственное настроение, если эта банда будет путаться у них под ногами.

Один из охранников спросил:

— Слыши, чувак, какого черта ты приволок с собой целую бадью кошек?

— Я подумал, вдруг кто-нибудь захочет взять себе одного. У меня их слишком много.

И, приветственно приподняв свою «бадью кошек», я вступил в двери Уайтфилд-холла.

Глава 12

Внутри, возле главного входа, за двумя столами, составленными буквой «Г», располагалась еще одна команда Белиндиных охранников. Умная девочка — она подобрала таких людей, которые не были ей ничем обязаны. Все это были наемники, и среди них был Плоскомордый Тарп. Я опознал также двух из троих его товарищей, Ориона Комстока и Джуна Николиста. У обоих была в целом такая же репутация, как у Тарпа: абсолютно нейтральная.

— Гаррет.

— Мистер Тарп.

Я знал его многие годы, но никогда не мог вспомнить его настоящего имени. А, неважно, он все равно предпочитает прозвище «Плоскомордый».

— Хочешь что-нибудь заявить?

— А?

— Оружие. Любое оружие. Если оно у тебя есть, ты должен о нем заявить. Тебе не надо его сдавать — хотя мы бы предпочли, чтобы ты это сделал. Если ты это сделаешь, Джун выдаст тебе один из этих замечательных платочеков. Когда будешь уходить, заберешь свои причиндалы обратно.

Джун показал мне ярко-зеленый головной платок. У него под рукой была их целая груда; на лице зияла ухмылка, открывавшая зубы того же оттенка. Плоскомордый пояснил:

— Тогда все будут видеть, что ты чист.

— Можешь выдать мне платок. Вот все, что у меня есть: одна корзина котят.

Весьма примечательных котят. Какие-то они были не такие. Любой другой выводок к этому времени уже организовал бы несколько попыток побега.

Плоскомордый глянул на котят, затем поднял глаза на меня.

— Ты это серьезно?

— Серьезнее брюшного тифа!

Пора было двигаться — мне еще предстояло найти способ впустить Мелонди Кадар внутрь здания.

— Ты что, не прихватил даже свою трость с набалдашником? — не верил Тарп.

— Не-а. Ничего, кроме собственной пары голых рук.

Плоскомордый вздохнул.

— Ты можешь об этом пожалеть.

— Я служил в Королевской морской пехоте.

— Ну, это было давно... На, бери. — Он вручил мне желтый платок, хотя я ожидал, что Джун даст мне зеленый.

— Желтый, а?

— Это ничего не значит. Зеленые и желтые были самыми дешевыми.

— Что мешает кому-нибудь просто засунуть платок к себе в карман?

— Ничто не мешает. Только его полагается надевать.

Он махнул рукой, пропуская меня. Я пощел искать подходящее окно, которое можно было бы открыть. Приятели Плоскомордого за моей спиной принялись выражать сомнения в том, что я и есть тот самый знаменитый Гаррет.

Я все еще не закончил свои поиски, когда вдруг заметил жирную бурую крысу. Животное не поленилось приостановиться, чтобы подмигнуть мне.

Наконец я взломал одно из окон, и Мелонди со своим роем ввалились внутрь, разлетевшись повсюду в поисках места, где бы укрыться. Никто не заметил их. Все были сосредоточены на скрежущей тяни-толкателной деятельности по расстановке столов.

Я закрыл окно, прихватил корзинку и пошел высматривать хозяйку и виновника торжества. До меня доносился легкий топоток

в простенках и под полами и гудение маленьких крыльев над головой.

Я посмотрел назад: кто-то незнакомый проникался через заставу Плоскомордого. Похоже, Плоскомордый действительно отнесся ко мне по-дружески: меня он так не обхлопывал. Впрочем, если бы я хотел тайком протащить что-нибудь, достаточно было спрятать это под грудой покорных котят.

Уайтфилд-холл явно сколотили с чисто прагматическими целями. Основную его часть составляло открытое пространство, на котором можно было танцевать, устраивать банкеты или торжественные приемы, ставить пьесы, делать все что угодно, не обращая внимания на погоду. Особенно популярны сейчас пьесы.

Театр в нашем городе популярен, это точно. Последний пик моды — драма.

Кроме того, мемориальная комиссия сдавала зал в аренду для частных мероприятий, таких как бракосочетания или празднование дней рождения отдельных личностей из низших слоев общества, игравших большую роль в жизни города.

Сейчас этот пол драили, как могли, но он еще помнил поколения ног, обутых в грубые рабочие сапоги. Потолок был двадцати футов высотой. Там, наверху, были проделаны наклонные окна, чтобы проветривать помещение в летнее время — или когда в зал набивалось слишком много тел. В конце зала, в сотне футов напротив главного входа, располагалась сцена, на три фута выше, чем пол. Слева от нее была дверь, сквозь которую рабочие, перебравшись, втаскивали столы.

Двое, руководившие расстановкой, должно быть, были избраны за свою приверженность к стереотипу. Их руки напоминали своей вялостью щупальца дохлого осьминога. Они беспрестанно шпняли друг друга, словно пара безмозглых девиц. Впрочем, в наши дни вряд ли найдется взрослый мужчина, который не строил бы из себя крученого — каждый в возрасте свыше двадцати четырех лет получил необходимые навыки, пройдя через пять лет военной службы и сумев оставить при себе свою задницу. Включая и эту криклию парочку.

Парни, которые делали саму работу, были не того сорта, кого можно оскорблять безнаказанно. На всю их ораву едва ли можно было насчитать хотя бы половину шеи. Если бы с них капризным порывом ветра содрало рубашки, на тела обнаружилось бы больше волос, чем у пещерных медведей. При этом, скорее всего, у них возникли бы трудности с опознанием написанных на бумаге собственных имен, даже если бы им дали две недели на подготовку.

Наша хозяйка сделала свой выход через дверь справа от сцены, ведущую в кухонные помещения. Она еще не была одета для торжества.

— Гаррет, ты душка. Ты пришел раньше всех!

Странно. Мои глаза не сделали попытку вылезти на лоб. Я не принял пускать слюни. Из моего рта не полился поток нечленораздельных звуков. Я по-прежнему помнил, что она смертельно опасна. Может быть, я наконец-то приобрел иммунитет? Давно бы пора.

Белинда Контагью была высокой и стройной, двадцати с чем-то лет, и настолько прекрасной, насколько может быть прекрасной женщина. Ее волосы, как всегда, были абсолютно черными, с матовым блеском. Свою кожу она выбелила бледнее слоновой кости — я только надеялся, что она использовала для этого грим, а не мышьяк. Ее глаза были такими голубыми, что я заподозрил впечатление косметической магии. Ее губы были цвета артериальной крови — у нее имелись серьезные проблемы с эмоциями.

И все это еще до того, как она нарядилась к вечеру.

— Мне было необходимо прийти пораньше. Я слышал, что здесь собираются показаться некоторые неприятные типы. Ты вроде бы похудела?

— Ты заметил! Хороший мальчик. Да, на несколько фунтов.

На слишком много фунтов, подумал я. Она выглядела истощенной. Еще одно проявление внутренних проблем?

Она была в позитивном настроении. Это всегда хорошо.

— Пойду верну Керона с Арно к их работе. Нельзя позволять им впутывать в дело свои личные разногласия. — Она чмокнула меня в щеку. Это был один из ее особых поцелуев, который говорил, что она с радостью поместила бы его в другое место. — А потом мой

технический персонал попытается превратить меня в нечто презентабельное.

— Ты и так ушла на пару шагов дальше этого.

— Вряд ли. Подожди, пока увидишь. Ты не сможешь устоять!

— Иди делай, что тебе нужно. И не вини себя, если обнаружишь, что я превратился в старика.

— Зачем тебе корзина котят? Они мертвые? Кажется, нет — один из них только что мне подмигнул!

— Ты же знаешь Дина. Он притащил в дом целый выводок. Я принес их сюда, потому что мне пришла безумная мысль, что кто-нибудь захочет взять себе одного.

Вот уж действительно, сумасшедшая идея! Бесплатные котята нужны в основном скорнякам, изготовителям скрипок и тем персоналом, что околачиваются возле больших толп, продавая сосиски в тесте и прочие теоретически мясосодержащие продукты загадочного происхождения.

Белинда пожала плечами и взяла курс на двоих управляющих, пытавшихся расставить столы, исходя из двух различных планов. В одно мгновение перебранка затихла и больше не возрождалась. Лица этих шутов сделались не менее бледными, чем у самой Белинды.

Бывают моменты, когда, глядя ей в глаза, ты понимаешь без тени сомнения, что находишься нос к носу с быстрой, безжалостной смертью. Что не будет ни апелляций, ни отсрочек, ни помилования, ни смягчения приговора, ни пощады. Что твоя душа или чувства эту смерть заботят не более, чем душа или чувства какого-нибудь таранка.

У Чодо тоже была такая способность, но он иногда позволял себе редкие акты милосердия. Каждый из которых со временем дал свои результаты.

Где же старик?

На мое плечо опустилась Мелонди Кадар.

— Ты блистаешь умом, словно свеча, а?

— Что я натворил на этот раз?

— Ты закрыл окно после того, как впустил нас внутрь! Нам же нужно летать туда и обратно — если, конечно, ты не рассчитываешь

получать доклады от своего крысиного короля посредством божественного вдохновения.

— Ох. Да, конечно. — Эту часть сценария я не продумал. Впрочем, я не привык манипулировать подразделениями, требующими особого отношения. — Я позабочусь об этом. Ты не видела здесь такого старика в модном инвалидном кресле, который выглядит так, словно он уже умер?

— Нет. Может быть, крысы видели — они шныряют повсюду. Спроси Джона Пружину.

— Я понимаю намеки.

— Правда? Ты меня удивляешь.

И это женщина? Причем молодая? Или я просто по жизни являюсь громоотводом для цинизма и сарказма?

Я приоткрыл то же окно на несколько дюймов и принялся бродить, пытаясь углядеть преступление до того, как оно будет совершено. А также надеясь найти Чодо. Я хотел знать, что готовила для нас Белинда.

Мелонди Кадар прожужжала над моим правым ухом.

— Ты откроешь нам окно или нет, умник?

— Я уже сделал это, букашка. Ты же была там. Ты сама видела, как я это делал.

— Ах, да... Действительно, я ведь была там! Ну что же, сейчас оно снова закрыто, парень. А Алики Надкарни хочет попасть внутрь.

Она была права: какой-то дебил действительно закрыл окно. Я снова открыл его и направился в кухню.

Я не дошел: Мелонди принесла мне отчет своей подруги о том, что узнал от своих крыс Джон Пружина. Эх, как было бы здорово обходиться без посредников, как с крысиной стороны, так и со стороны пикси! Где бы мне по-быстрому взять несколько уроков разговорного крысиного?

Информация оказалась лучше, чем можно было ожидать. Она давала четкое представление о расстановке сил, включая более подробное, чем мне бы хотелось, описание ароматов, царивших в подвалах и в тех местах под зданием, где подвалов не было. Я узнал, где

держали Чодо — в темной кладовке чуть ли не под землей. Его заперли там, словно кузена-идиота, которого следовало держать по дальше от глаз, дабы не смущать почтенное семейство.

Никто не обращал внимания на тех, кто уже находился внутри здания. Тебя проверили — значит, с тобой все в порядке. Я мог идти, куда захочу.

Мелонди Кадар догнала меня на полпути к месту, где был спрятан Чодо.

— Окно опять закрыто, большой мальчик. Не хочешь что-нибудь с этим сделать? Например, заклинить раму?

Я поставил корзинку с котятами на землю.

— Подождите-ка здесь, ребята...

Как будто я думал, что они останутся на месте! Только потому, что их поведение было образцовым — с человеческой точки зрения. Опомнись, Гаррет! Кошек связывает с людьми лишь один аспект: какое значение в данный конкретный момент кошка придает находящимся в пределах доступности противопоставленным большому и указательному пальцам.

Я открыл окно и отступил на шаг, выжидая. Пикси носились взад и вперед. Крысы шныряли возле основания стены или шуршали внутри нее. Кроме меня, никто ничего не замечал.

Один из королей столоустановочных работ, проходя мимо, увидел приоткрытое окно.

— Черт возьми! Какой козел все время открывает окно?

— Я открываю. И я сейчас не в самом снисходительном настроении. В следующий раз, если я увижу его закрытым, я кого-нибудь из него выброшу. Ты уловил картину?

На лице молодого человека появилось решительное выражение. На несколько мгновений.

— Холодно же, черт побери...

Его воинственность быстро угасала. Я хотел было рекомендовать ему одно местечко, куда он мог бы пойти, если хотел согреться, но внезапно окно показалось мне не стоящим драки.

Один из котятмяукнул и принял карабкаться по моей штанине. Даже когда они совсем крохотные, коготки у них вполне острые.

— Что ты делаешь? Проклятье, так я и думал! Медовый месяц закончился.

В моей корзинке обнаружилась течь. Котята были повсюду. Их было штук тридцать или сорок — во всяком случае, мне так показалось. Я напрягся, ожидая взрыва.

Взрыва не было. Никто не казался недовольным. Это были действительно странные котята — они никого не заставляли подпрыгивать от неожиданности или спотыкаться об них. Тощий маньяк, любитель закрытых окон, вернулся к своим столам. По-прежнему не ввязываясь в ссоры со своим партнером.

Я возобновил прерванную охоту за человеком, чей день рождения послужил поводом для сборища.

Украв где-то свечу, я зажег ее и проскользнул в кладовку. Да, он был там — безвольно сидел в своем кресле на колесах, выглядя лет на двадцать старше, чем был.

— Обстоятельства у нас не самые лучшие, — сказал я ему. В кладовке едва хватало места для нас обоих и его кресла. — Но я обещал Жнеду Темиску, что сделаю все, что смогу. Этот парень — твой лучший друг.

Ну, это, конечно, вряд ли можно было сказать наверняка. Несколько лет в моем бизнесе и святого побудили бы к циническим мыслям относительно побуждений монахинь. На свете слишком много людей, у которых нет и прышника совести, чтобы замедлить их движение вперед.

Чодо не шевельнулся, не вздрогнул и ничем не выдал, что осознает мое присутствие.

Рядом мяукнул котенок. Я счел это благоприятным знаком. Однако тут же послышалось и торопливое шуршание — кто-то из крыс придерживался противоположного мнения.

— Хотел бы я найти какой-нибудь способ выяснить, жив твой мозг или нет. Но мне вряд ли удастся вытащить тебя в такое место, где мы могли бы заняться этим вопросом.

Кстати насчет мест: на этом месте у меня погасла свеча. Я вышел за дверь, где было достаточно светло, чтобы снова зажечь ее. Кто-то

поспешно прошел мимо, переваливаясь с ноги на ногу с большим котлом в руках.

— Пахнет неплохо, — сказал я ему вслед.

Он потопал дальше, храня мертвое молчание. Кажется, он был не согласен.

Глава 13

Начался новый всплеск суеты: прибыла команда, поставлявшая еду. У нас с Чодо оставалось совсем немного времени. Я нырнул обратно в кладовку.

— Ты все-таки не улизнул, хотя у тебя был шанс!

Чодо по-прежнему не подавал никаких признаков жизни, только дышал. Что было хорошо. Очень хорошо. Потому что, совершенно внезапно, меня охватило зловещее предчувствие.

Что-то было не так. И я не мог понять, что это значит. Не мог вычислить, что именно не так.

Я опустился перед Чодо на колени, чтобы смотреть ему в глаза. Они были открыты. Они моргали. Но они не видели ничего. Их моргание не передавало мне никаких секретных посланий. Я сказал ему, чтобы он моргнул один раз, когда хочет сказать «да», и два раза, когда хочет сказать «нет», и начал задавать вопросы. Он моргал «да» — но без всякой системы.

Да полно, действительно ли его мозг был еще жив? Темиск думал, что это так, но я не видел никаких доказательств. Если бы я только мог упрятать его в надежное место, где можно было бы спокойно проводить исследования и ставить эксперименты! Или забрать его к себе домой и оставить рядом с Покойником. Рано или поздно придет же день, когда Мешок с костями проснется!

Кричание в ухо не дало особых результатов. Мне было пора возвращаться к работе. Впрочем... еще один последний эксперимент. Просто чтобы выяснить, чувствует ли он что-нибудь.

— Ничего личного, шеф... — Я поднес пламя свечи к тыльной стороне его левого запястья.

Кладовая наполнилась запахом паленого волоса. Чудо не реагировал. Я мог бы поджарить его целиком, если бы захотел.

Рядом послышались голоса, так близко, что почти можно было разобрать слова.

Свеча потухла — *хлоп!* — внезапно, без всякого дуновения в воздухе.

Из кухни раздался вопль.

— Прости, босс, мне пора.

Мне в нос ударил запах паленого волоса и горелого мяса. Войдя в помещение для мытья посуды, я обнаружил нескольких людей, столовившихся вокруг дымящейся крысы. Однако вопли доносились из самой кухни. Слышались голоса, выкрикивавшие указания того рода, какие даются в экстремальной ситуации, когда никто не знает, что надо делать — но каждый хочет, чтобы кто-нибудь что-нибудь сделал.

Запах горелого мяса здесь был сильнее. Я услышал потрескивание, словно жарился бекон.

В воздухе пронесся залп воды. Последняя волна докатилась до носков моих ботинок и отступила. Потрескивание бекона потеряло свою интенсивность.

Слышалось подавленное бормотание. В некоторых из присутствующих я опознал людей, которых Морли временно нанимал для работы на кухне.

— Прочь с дороги! — рявкнул я. — Если не в состоянии помочь, убирайтесь к черту с дороги! Так вы будете хоть чем-то полезны!

Я протиснулся сквозь толпу. Кто-то, сохранивший достаточно присутствия духа, завернул незнакомую полную женщину в мокрую скатерть. Двое парней окатывали ее водой. Она истошно вопила — каким-то образом под своими мокрыми тряпками она еще продолжала гореть. Шипение бекона исходило от нее. Впрочем, под ведрами воды оно быстро теряло интенсивность.

Появился Морли.

— Что здесь происходит?

Я покачал головой, пожал плечами и подтолкнул пару ребят, которые предположительно должны были расставлять столы.

— Суньте ее в бадью, где охлаждаются бочонки с пивом. Только бочонки сперва выньте.

Потрескивание бекона начиналось снова. Женщина кричала не переставая.

Ее как раз окунали в ледяную ванну, когда появилась Белинда Контагью. Женщина затихла, поскольку пламя наконец унялось. Однако боль будет длиться еще долгое время, если она обгорела настолько сильно, как я подозревал.

Белинда подошла к нам.

— Что случилось?

— Не знаю. Меня здесь не было, когда все началось. Похоже на то, что дама каким-то образом загорелась.

Я повысил голос:

— Кто-нибудь видел, как это началось?

— Люди не могут загореться, Гаррет.

Однако ее голос звучал не очень уверенно.

— Посмотри на нее и скажи мне, если я ошибся.

Женщину вытаскивали из ледяной ванны. Она была без сознания. Потрескивания больше не было слышно.

Низенький человек в переднике заговорил, нервно двигая руками:

— Я пришел сюда первым — услышал, как она закричала. Она хлопала по себе руками, и я подумал, что она подожгла свою одежду. Я замотал ее в мокрые скатерти.

Естественно. Никто не видел, как все началось. Может быть, печи? Это была та самая кухня, которая обслуживала банкет.

— Белинда, у тебя нет под рукой целителя? С ней потребуется черт знает сколько повозиться, чтобы привести ее в порядок.

Тайная империя Контагью славится заботой о своих рядовых членах. Те, кто верен боссу, могут не сомневаться, что он позаботится о них, если они попадут в передрягу. Чодо инстинктивно понимал, что лояльность имеет две стороны. Он заботился о своих людях, а они заботились о нем. Белинда держалась его примера.

— Я присмотрю, чтобы ей оказали помощь, — сказала Белинда. — Так, а это еще что?

— Что?

— Кажется, я видела крысу!

— Ты ведь в городе, не забывай. Они еще никому не принесли вреда.

Белинда понемногу продвигалась к кладовке. Она хотела навесить своего отца, но не хотела, чтобы кто-нибудь это заметил.

Она вышла. Я не следил за ней: с обожженной женщины как раз снимали белье. Задача была непростой. Кусочки ткани въелись в ее кожу; обугленная материя играла роль фитиля, в котором выгорал подкожный жир.

Это было невероятно. И жутко. Но мы не могли отрицать то, что видели собственными глазами.

Обгоревшая женщина, по-видимому, чрезвычайно заинтересовала парочку котят — они постоянно подбегали, чтобы обнюхать ее и коснуться ее тела своими лапками.

Белинда вернулась.

— Какие будут распоряжения насчет того, что с ней делать? — спросил я.

Она была в такой ярости, что, казалось, была готова грызть камни.

— Перевезти ее в Бледсо, выяснить ее семейное положение — я не знаю... Почему я должна беспокоиться обо всей этой ерунде?

— Потому что это твой праздник. Потому что ты здесь главная. Потому что ты та, кого будут обвинять в случае чего.

Выпустив пар в приступе креативной лингвистики, Белинда требовательно спросила:

— Почему никто до сих пор ничего не сделал с этими крысами?³

Глава 14

Я вернулся в главный зал. Там наблюдался некоторый прогресс. Пара дюжин гангстеров столпилась по безопасную сторону от Плоскокомордого Тарпа; двое малышей, занимавшиеся расстановкой столов, припахали их к работе.

Щель в приоткрытом окне оставалась нетронутой. Я подошел. Не прошло и секунды, как мое плечо уже украшала пикси.

— Какие новости, Мелонди?

— Что-то здесь происходит, это точно. Твоя вампириша, возможно, еще не самый худший из интриганов.

— Вот как?

— Я узнала это от Синдж. А она — от Джона Пружины, который услышал это от своих крыс. Длинная цепочка, в которой полно слабых звеньев.

— Ты, похоже, начинаешь философствовать?

— Я начинаю тревожиться. Общее мнение таково, что кое-кто может не дожить до конца праздника.

— Правда?

— А что, похоже, что я все это придумала?

— Когда во главе стоял отец Белинды, он обычно устраивал сбираша, на которых улаживал разногласия между боссами соседних участков. У него неплохо получалось. От тех из низших боссов, кто мог впоследствии стать источником неприятностей, он просто избавлялся. Вбивая им головы в грудную клетку кентаврской боевой палицей.

Ко мне подошел один из второстепенных гангстеров по имени Щур Вролет.

— С кем это ты разговариваешь, Гаррет?

На его лице было извечное подозрительное выражение — как у человека, слишком недалекого, чтобы полностью уяснить себе картину. Впрочем, дань со своей территории он собирал честно и исправно. Он получил участок от своего кузена, Зеленого Боба Рактика. Зеленый Боб убил двух птиц одним болваном: нашел родственнику работу и одновременно отдал участок в руки человека, у которого не хватило бы воображения, чтобы снимать пенку для себя.

Щур Вролет не обладал достаточным воображением даже для того, чтобы извлечь выгоду из факта, что он является известным гангстером.

— Я говорю сам с собой, Щур. Потому что я знаю, что тот, кому это нужно, меня слушает.

Щур прищурился — это был его фирменный прием.

— Ну ладно. С тобой ведь больше нет этого чертова попугая? Эльфы выманили его у тебя! Они тебя надули!

— Кто-то кого-то надул, это точно, Щур. Итак, какое у тебя задание на сегодня? Это правда, что Чодо собирается уйти от дел и оставить предприятие своей дочери?

Щур вытаращил глаза.

— Никогда не слышал о таком. Ну ладно, рад был тебя повидать, Гаррет, но мне тут нужно повидаться с одним человеком по поводу собаки.

Однако вместо гардеробной он направился прямиком к своему кузену Зеленому Бобу.

— Это было подло, Гаррет, — сказала мне Мелонди Кадар.

— Когда он вернется перепроверить, правильно ли он рассыпал, я поверну все по-другому.

— Зачем ты над ним издеваешься?

— Я не над ним издеваюсь. Моя цель — Зеленый Боб. Он будет уверен, что Щур услышал что-то важное, но информация извратилась, пока шла от его ушей до рта.

— Все равно, это жестоко.

— Разве ты со мной так не поступала?

— Нет.

— Ты уверена?

— Конечно, я уверена. Я могу придумать более интересные способы мучить тебя. Например, заходит к тебе какая-нибудь из твоих милашек, скажем, Тинни Тейт. Я проскальзываю в дом, выбираю нужный момент и шепчу в ухо твоей рыжеволосой имя какой-нибудь из других твоих подружек...

— Это не кажется мне забавным.

— Тебе не кажется. А вот я смеялась бы до икоты, пока бы у меня крылья не отвалились! Вообще-то, Тинни слишком хороша для тебя... Эй! Хорошо-хорошо, мир! Я просто дразнилась. Шел бы ты лучше пообщался с людьми, чтобы не произошло чего-нибудь не-предвиденного.

— Тебе стоит подумать о том, чтобы заняться шантажом профессионально.

Вернулась Белинда. Она снова переоделась, на этот раз во что-то более деловое.

— Я отослала эту женщину в Бледсо. От своего имени. Ты не навестишь ее завтра? Надо удостовериться, что за ней там действительно будут ухаживать.

— Конечно.

То есть она все же рассчитывала на то, что у меня будет завтра. Приятно знать такие вещи.

— Как ты думаешь, что там произошло? — спросила она.

— Не знаю. Никогда не видел ничего подобного.

— Ты думаешь, здесь происходит что-то необычное?

— Это сарказм или просто вопрос?

— Гаррет, не надо так, у меня сейчас не то настроение. Я чувствую, как все выходит из-под контроля еще до того, как началось.

— Ну хорошо — да, здесь действительно происходит что-то необычное. Просто я думал, что за этим стоишь ты.

— И еще эти крысы повсюду... Здесь не было ни одной, когда я осматривала это место. И твои котята — они, конечно, классные и дружелюбные, но все равно кошки есть кошки. Тебе не следовало их приносить. И клянусь, я краем глаза видела здесь пикси! Правда, когда я посмотрела туда, их там уже не было.

В этом квинтэссенция пикси: приносить людям больше раздражения, чем целый рой москитов.

- Присматривай за моей задницей, Гаррет.
- Я всегда это делаю.
- С чего это?
- Потому что у тебя очень симпатичная задница.
- Ты настоящий подонок, Гаррет! Но мне это нравится... наверное.

Выждав минуту, Мелонди Кадар принялась насмехаться:

- «Симпатичная задница», это надо же такое сказать! Неужели ты не мог придумать что-нибудь поинтереснее?

— Да, я был не в ударе. Меня отвлекали. Мне в ухо постоянно жужжала какая-то здоровенная глупая букашка. А перед глазами была симпатичная задница.

Мисс Кадар куснула меня за упомянутое ухо.

— Тебе повезло, что я не твоего размера!

Глава 15

Празднование началось. Время шло, а все катилось как по маслу. Наступила ночь, официанты Морли зажгли фитили, плавающие в маленьких шарообразных масляных лампах, расставленных на столах возле каждого места. Они разливали вино — «Танферское золотое», лучший из существующих в мире прокисших виноградных соков. Плохие парни посасывали его, расположившись поудобнее. С каждой минутой они становились все благодушнее. Большинство собравшихся, казалось, сами были поражены тем, что они так хорошо проводят время. Правда, каждый раз, когда кто-нибудь отпускал грязную шуточку, всеобщее изумление на минуту исчезало.

Меня удивило количество гостей. Прибыли не только все младшие боссы со своими лейтенантами, но даже Щур Бролет, Паук Уэбб и несколько дюжин других совсем малозначительных рядовых криминального мира.

Но это не имело значения. Все казались вполне довольными тем, что могут воздать почести своей императрице. Веселье делалось все более неудержимым, не становясь разнузанным. Шум нарастал, но без физических последствий. Прибыла еда, вино лилось рекой. В параноидальных клетках моего мозга дудел и свистел целый оркестр сигнальных рожков.

Во всем собрании я один не хлестал вино — мне не по вкусу испорченный виноград. Пиво, эль, мед, портер — вот это для меня. Правда, пивовары, которые варят портер, имеют склонность совать туда слишком много всякой дребедени.

Морли Дотс в недоумении наблюдал за происходящим от двери, ведущей к кухням. Оттуда уже выносили большие напитков, чем еды.

Станет ли эта ночь подобием одного из тех празднеств в добрых старых вальхаллах, где люди тана напивались до беспамятства и валились на устланный соломой пол? В лужи собственной блевотины. В окружении мелкого домашнего скота и отходов со стола.

Соломы здесь, правда, нет. Черт!

Плоскомордый со своей командой, сидевшие напротив, презрели виноградного демона, как и я. Мои друзья — крысы и пикси также не сразу поддались пагубному влиянию, хотя не из-за недостатка усердия. Я слышал, как Мелонди Кадар бранилась из-за того, что большой народ, эти скверные ублюдки, выхлестали все «Танферское золотое» до последней унции.

Я вышел из-за стола и подобрался к Морли.

— Какие мысли, приятель?

— Если ты что-нибудь понимаешь, значит, ты на две ноги выше меня, — буркнул Морли. — Это напоминает мне один из тех храмов, где все курят и пьют, чтобы стать ближе к господу.

— Пожалуй. Они того и гляди вытащат аккордеоны. Вообще, что за чертовщина здесь происходит?

— Все, что я знаю — это что мне надо снова посыпать за вином. Ты только посмотри на них, они уже на ногах не стоят!

— То есть похоже на то, что кровопролитие, которое мы себе навоображали, происходит не собирается. А как мы подготовлены на случай, если про это пронюхают Релвеевы ребята?

Для шайки Релвея это сберище было сладким сном, ставшим явью. Как так получилось, что они до сих пор не окружили дом?

— О них не беспокойся, — отозвался Морли. — Лучше подумай о том, что еще Белинда могла припрятать в своем мешке. Все это благолепие может быть частью ее замысла.

Тем временем наша хозяйка реввилась, как котенок, заигрывая с главными громилами — и держа котенка на коленях. Однако...

— Она ничего не пьет... Э нет, у меня новые ботинки, пущистик!

— Я отпихнул одного из котят от своей ноги. — Думаешь, она подсыпала что-нибудь в вино?

— Нет. Вино покупал я — у поставщиков, которых она не знает. Вино ни при чем. Если бы дело было в вине, они бы уже резали друг другу глотки.

Это верно. К тому же иммунитета не было ни у кого, ни у пьющих, ни у непьющих.

— Это что-то в воздухе. Вино только усугубляет обстановку.

— Представь себе, что было бы, если бы сейчас появились танцовщицы.

— Да, тут бы и старые императоры покраснели бы от стыда! Смотри-ка, даже Белинда не смогла устоять.

Как раз в этот момент мисс Контагю разразилась взвизгивающего смеха и хлопнула по спине сидящего рядом Рори Скалдита. Сам Рори тоже ревел от восторга.

Рори Скалдит был первым на очереди, кто мог бы предложить Белинде окунуться в речку в свинцовом купальнике: в глубине души Рори знал, что Чодо обошел его наследственные права, когда брал Организацию в свои руки.

— Тебе лучше вернуться к работе — она сейчас подойдет, — предостерег я.

Морли сделал, как я сказал. Белинда тоже.

— Тебе надо больше смеяться, женщина, — сказал я ей. — Ты гораздо привлекательнее, когда смеешься.

— А когда нет?

— Ты все равно привлекательна, признал я нехотя, поскольку это уводило разговор в сторону от предмета.

— Скажи мне одну вещь, старый друг. Почему мы так весело?

— Если бы я знал секрет, я посоветовал бы своим партнерам по бизнесу бутилировать его.

— Я серьезно, Гаррет.

— Я серьезно, Контагю. Может быть, кто-нибудь подмешал полыни в бочонки с вином... Ты хочешь сказать, что ты здесь ни при чем? Это не часть твоего дьявольского плана?

— Я польщена, но я этого не планировала. Нет. Ты сам знаешь, что я ожидала сегодня вечером более мрачных событий. Однако теперь я не могу заставить себя выполнить то, что задумала.

— Ну так продолжай вести дело вместе с отцом. Оставь партию плохой девочки до той поры, пока я окажусь на другом конце города. Изобрести что-нибудь, чтобы тебе не пришлось разыгрывать партию плохой девочки.

- Чего ты накурился?
- Я не курю. Но я ведь могу немного помечтать, верно?
- Только не сейчас. Сейчас ты мне нужен совершенно трезвый и бдительный. Я собираюсь показать им папу.

Глава 16

Мелонди Кадар тяжело плюхнулась на мое плечо. У нее явно наблюдались трудности с навигацией.

— Ты что, хлебнула «Золотого», букашка?

— Только самую капельку, они слишком внимательно следили.

А я-то считала, что здесь собирается завариться большая свара!

— Все так считали. Что нового?

— Снаружи назревают проблемы. Там вокруг бродят эти уроды, которые пытались вломиться в наш дом. Они явно ищут неприятностей.

— Что? Они здесь?

Слишком много загадок для одного вечера.

— Вот-вот.

— Но зачем им ввязываться в склоку с этой оравой?

— Гаррет, ни один из них не выглядит достаточно сообразительным, чтобы надеть шляпу, когда идет дождь. Они понятия не имеют о том, что здесь происходит. Им наплевать. А может, им было бы наплевать, даже если бы они и знали... Я думаю, им нужен этот мальчик-девочка, — доверительно сообщила она. — Эта Пенни. Она тоже бродила тут поблизости. Похоже, они пришли сюда следом за ней.

— Это точно?

— Боюсь, мы не обратили достаточно внимания. Блэйр и Расс разузнали, где можно добыть немного вина...

— Крысы-то хотя бы не пили? Или и они тоже?..

— Насчет маленьких — не знаю. Большие попробовали по глоточку-другому.

Мне захотелось зарычать и завыть, а потом пойти и как следует отшлепать Синдж. Но вместо этого я сказал:

— Мелонди, выберись обратно наружу и присматривай там за развитием событий. Я пришлю помочь, если смогу.

Ей потребовалось три попытки, прежде чем она смогла подняться на уровень окна и вылететь через щель.

Тарп со своими дружками уже затеяли собственную маленькую пьянку внутри большой. Я подошел к ним с дружественным визитом.

— Эй, Плоскомордый!

— Гаррет, братишка, снова ты не в настроении! Что случилось?

— Там снаружи снова эти ребята в зеленых штанах. Явно напрашиваются на неприятности. Боюсь, возницы могут не справиться с ними в одиночку.

— Ах ты вонючий дерымовый мешок с верблюжьим дерымом...

Я покинул их слишком быстро, чтобы вполне насладиться списком моих кошмарных недостатков, который зачитывал мне Тарп. Я и так их все знал. Тинни постоянно держит меня в курсе.

Я вернулся к своему столу как раз в тот момент, когда появился виновник торжества.

Белинда позаботилась о том, чтобы Чодо выглядел презентабельно. Он казался не столько недееспособным, сколько просто спящим в своем кресле. Впрочем, это впечатление продлилось недолго.

Тишина наполнила Уайтфилд-холл. Хотя слухи и ходили, все их игнорировали, поскольку Контагью крепко держали Организацию в своих руках. Но вот перед ними было доказательство того, что Чодо Контагью больше не является их боссом. Было очевидно, что он уже долгое время не управлял делами.

Его колени и ноги укрывало тщательно расправленное одеяло, поверх которого лежали костлявые руки, правая на левой. Обнаженные предплечья были лилового цвета, подбородок покоился на груди. Изо рта текла нитка слюны.

На лицах собравшихся бандитов были написаны ужас и отвращение.

— Почетный гость, — провозгласила Белинда. — Мой отец — Чодо Контагью — празднует свой шестидесятилетний юбилей! Поднимем тост в честь человека, обеспечившего наше процветание!

Всеобщее потрясение несколько улеглось под грузом вина и хорошего настроения. Какой-то заводила разразился песней, другие подхватили. Кое-кто обсуждал, что это может означать для предприятия в целом. Я ловил обрывки разговоров. Некоторые увидели в случившемся шанс улучшить свое положение, но никак не могли сосредоточиться на этой задаче, хотя постоянно твердили, что надо попробовать.

Я был в десяти футах от Чодо, когда он вдруг возродился к жизни, хотя это и было едва заметно. Он приподнял подбородок на три дюйма — поистине геркулесовское усилие. По его телу прошла дрожь. На мгновение его взгляд нашел меня.

Один из котят сделал отчаянный прыжок по направлению к его коленям.

Зал накрыла тьма. Затем вверх взвились языки пламени: декоративные лампы разлетелись на кусочки, извергая горящее масло. Люди принялись молотить по своей одежде, пытаясь сбить огонь. Станилось жарко — в прямом и в переносном смысле. Огонь разгорался, а вместе с ним разгоралась и паника.

Последнее в полной мере относилось к Белинде, которая кинулась бежать очертя голову. Случившееся определенно не входило в ее программу. Я поймал ее, схватив за локоть одной рукой, второй развернул кресло Чодо и потащил их в направлении кухни. Остальные бросились к главному входу.

Морли сразу же послал своих людей бороться с огнем. Он всегда сохраняет трезвую голову, какое бы дерзко на нее ни сыпалось. В таких ситуациях, когда даже короли преступного мира теряют контроль, Морли остается твердым, горделивым и спокойным.

Мимо нас пронесся поток котят. Крысы тоже не сидели на месте. Над головами с гулом проносились пикси.

В кухне суматоха несколько поулеглась.

— Оставайся здесь, — сказал я Белинде. — Где твои телохранители?

— Хороший вопрос. Я как раз хотела его задать.

— Сейчас я их найду.

Это было загадкой — то, что они исчезли. Они должны были окружить Белинду кольцом, едва началось столпотворение.

Котята потянулись обратно в главный зал.

Белинда схватила меня за руку. На одно мгновение она стала испуганной маленькой девочкой — единственный способ, которым она может мной манипулировать.

Но затем в нее вновь вернулась женщина, стоявшая во главе Организации. Она схватила нож для разделки мяса.

— Будь осторожен.

— Сама не зевай. Не выходи отсюда, если не возникнет такой необходимости. Там снаружи немного неспокойно.

Я последовал за своими котятами.

Пламя по-прежнему металось и ревело в дюжине мест; удалось потушить только небольшие очаги. Суматоха возле выхода закончилась. Лишь немногие из самых храбрых вернулись, чтобы помочь, хотя дело казалось совершенно безнадежным. Польгавшие в зале языки огня явно не собирались позволять каким-то смертным указывать им, что делать.

Я отыскал телохранителей Белинды: они все полегли там, где их поставили. Они вовсе не бросили ее. Двое были мертвы и дымились, один был просто мертв. Еще двое дымились, но были живы, без сознания и отчаянно нуждались в помощи. Я обнаружил еще нескольких бандитов в подобном же состоянии — живыми, но без сознания.

— Морли! Поди сюда. Здесь проблема посерьезнее, чем пожар. — Громилы горели в точности таким же образом, как та женщина в кухне. — Как бы нам вытащить их отсюда?

— Теодор! — отрывисто рявкнул Дотс. — Сходите с Бинсом наружу, посмотрите, нельзя ли там найти кого-нибудь в помощь. — Он одним прыжком приземлился возле меня. — Это мерзко, Гаррет, просто мерзко. Попахивает колдовством.

Громилы скворчали и потрескивали.

— Не знаю... Бери его за ноги.

Пыхтя и отдуваясь, мы дотащили одного из горящих людей до ледяной ванны. Я напомнил Морли о своей встрече со Жнецом Тимиском.

— Он имеет какое-то отношение ко всему этому?

— Может быть. Вот только я не знаю, куда его отнести: к причинам или к следствиям? К симптомам или к болезни?.. Давай, на счет три — раз, два, три!

Ледяная вода плеснула через край; котенок, оказавшийся в луже, протестующе мякнул и в негодовании прошествовал к выходу, встряхивая каждой лапкой перед тем, как опустить ее на пол.

Вслед за котенком мы вышли в главный зал. Там он вскочил в корзину, в которой я принес сюда весь их выводок. Корзина уже была полна другими котятами — все они аккуратно сидели в ней, положив лапы на край и озабоченно выглядывая наружу. Я крикнул Морли:

— Ищи тех, кто еще дышит, и вытаскивай их отсюда!

— Забирай своих котят и уходи, Гаррет, — сказал мне Морли. — Я сам справлюсь. Проклятье! Этот уже откинулся. Эй, Шарпс! Подсоби-ка мне!

Появилась Мелонди Кадар, закладывая еще худшие выражения, чем прежде.

— Помоги мне, — прошептала она. — Я так набралась...

— За каким чертом ты снова здесь?

— Мне нужно вывести своих людей! — пискнула она.

— Сколько их здесь осталось? Пламя разгорается.

— Что же я хотела тебе сказать? Черт... Очень трудно думать в таком состоянии... Ах да! Тебе надо убираться отсюда. Сюда идет Стражи. Это все из-за драки.

— Какой драки?

— Снаружи... Там сплошное дермо. Мне надо уходить. Но я слишком набралась...

— Ладно, цепляйся за меня.

Морли со своими парнями появились в дверях, таща последнего из выживших телохранителей к ледяной ванне. Я предупредил их:

— Надо убираться. Сюда идет Релвей.

Где он был до сих пор? Возможно, Белинда организовала для него какую-нибудь диверсию, какую-нибудь вызывающую политическую акцию. Расистов Дил Релвей любил еще меньше, чем гангстеров.

Мы с моей корзинкой ринулись в заднюю дверь. Настало время, когда каждый думал только о себе. Все кареты уже разъехались. На парковке оставался лишь ровный слой огромных безобразных тел — либо мертвых, либо без сознания. У них не оказалось друзей, которые помогли бы им убраться.

Морли растворился в ночи вместе со своими людьми, расстроенный из-за того, что его усилия пропали даром: оба телохранителя умерли в ледяной ванне.

Я казался себе добрым пастырем. Меня поражали мои котята, которые сами собирались в кучу, чтобы их поводырь с большей легкостью мог унести их подальше от опасности.

Мелонди Кадар начала храпеть, как сапожник, выдавая звонкие рулады. Я засунул ее в нагрудный карман.

Глава 17

Мне потребовалось немного времени, чтобы понять, что меня кто-то преследует. Кто-то наделенный либо большим умением, либо некоторой магической поддержкой. Я никак не мог стряхнуть его; подстеречь преследователя мне тоже не удалось. Мелонди Кадар продолжала хрюкать. Котятам задержки были не по душе — когда я попытался устроить засаду, они занервничали, а когда я не захотел уходить, принялись попискивать.

— Вы что, ребята, голодные? — спросил я.

Ночь была тихой, а погода хорошей, несмотря на время года. Большая убывающая луна поднялась над крышами, высвечивая силуэты проносящихся в небе летучих мышей. Стоял легкий морозец, по небу несло обрывки пушистых облачков. Вряд ли летучим мышам удастся отыскать много насекомых: зима была не за горами.

Мелонди застонала и принялась хныкать.

— Ты сама виновата, букашка.

В отдалении весело пытал Уайтфилд-холл. Пикси выбралась из моего кармана и попробовала взлететь. Я поймал ее прежде, чем она рухнула на землю, и попытался снова упаковать. Такой вариант ее не устраивал. Вместо этого она поехала у меня на плече, но когда я остановился, чтобы прислушаться к звуку шагов, скользнула ко мне за пазуху. Когда ты настолько мал, телесное тепло теряется очень быстро.

— Не прыгай так, верзила! И держи своих котят подальше от меня.

Улицы выглядели пустынными, что было весьма необычно — Танфер кипит жизнью круглые сутки. Но меня это не беспокоило. Приятно, когда в воздухе не висит ощущение мрачной угрозы.

— Ну что, букашка, мы почти дома! И у меня есть идея. Не хочешь ли ты помочь мне поймать этого духа, который нас преследует?

— Моя голова! — простонала она. — Почему «нас», верзила?

— Ну хорошо, тебя. Потому что кто, во имя дьявола, станет гнаться за мной из-за корзинки котят?

— Ах ты умник! Ну ладно, я слушаю. Только говори потише. Какой у тебя план?

План был таков: я закинул мою маленькую подружку на карниз, подальше от глаз, а сам пошел вперед. Дойдя до следующего перекрестка, я повернул направо, потом еще раз направо, и еще раз, и топал вперед до тех пор, пока не подобрал свою дрожащую от холода помощницу с того же карниза.

— Тебе обязательно было останавливаться, чтобы выпить пива?

— Хныкалка. Я бы остановился, если бы увидел подходящее место. И вообще, мне уже поздно начинать. Итак, букашка, каково же страшное заклятие? Что за жуткий темный властелин с Холма выселяет меня вочных закоулках?

— Ты просто гад, Гаррет. Настоящая сволочь. Нет, черт возьми, гиперсволочь! Сорок фунтов дерма, затолканные в десятифунтовый мешок вместо обычных двадцати.

— Зато я симпатичный. Все девушки меня любят.

— Наверное, это какие-нибудь ненормальные — какие-нибудь небесные эльфы. Или крысы. Или троллихи, настолько мерзкие, что не могут найти себе парня с достаточно крепкими нервами.

— Ну, уж это полная ерунда! — Действительно, троллихи за мной никогда не гонялись. — Ты просто дуешься, потому что ты слишком крохотная, чтобы насладиться особым очарованием Гаррета.

Интересно, а как тролли отличают мальчиков от девочек?

— Ты уверен, что ничего не выдумываешь, Гаррет? Я слышала про тебя совсем другие вещи.

— Ого! Да мы остры, как жабий зуб! Давай, Мел, скажи наконец, кого я тащу у себя на хвосте? Пока мне не пришлось придумать, как превратить мои последние два волоска в крепкую петлю.

— Ага, ты больше не шутишь! Ну ладно. Это был тот мальчик-девочка. Или девочка-мальчик. Которая принесла тебе котят.

— Что? Пенни Мрак? Этот постреленок может следить за мной, не отставая и не давая себя поймать? В это трудно поверить.

— А вот мне совсем несложно в это поверить. Просто ты — это ты, у тебя такое самомнение... Встань лицом к лицу с фактами, здравяк: на этот раз твоя магия не сработала.

— Я подумываю над тем, чтобы показать тебе настоящую магию Гаррета, букашка. Я знаю кое-какие вещи, кое-каких людей... Я могу устроить, чтобы тебе увеличили размер.

— Ты не потянешь! У тебя будет сердечный приступ.

И дальше в том же духе. Мы двигались к югу, пока не дошли до Дороги Чародея, затем повернули на запад по Макунадо-стрит. И вот наконец мы дома, снова дома, гип-гип-ура. Как раз вовремя, чтобы успеть спрятаться за дверью, пока до нее не добралась шайка исполненных благих намерений официальных лиц. Еще какие-нибудь полминуты — и они бы нас увидели.

Они принялись колошматить в дверь. Я выглянул в дверной глазок, но не стал открывать. Мелонди Кадар хихикала и посмеивалась — ей было весело.

— Почему бы тебе не навестить своих людей? Мне нужно покормить котят.

Она не могла сделать это изнутри. У меня в свое время хватило соображения принять меры, чтобы пикси не могли привнести свою специфическую культуру в мою крепость.

Котята быстрым ручайком вытекли из корзинки и галопом понеслись на кухню. Я последовал за ними.

На кухне сидели Синдж и ее братец, каждый с кружкой пива в лапе. Содержимого стоявшего между ними большого блюда хватило бы человек на сорок.

— Где ты был? — спросила Синдж.

— Сегодня вечером мне пришлось поработать. А потом возвращался домой пешком, потому что мой экипаж превратился в тыкву, оставил меня тащить полную корзинку неблагодарных мяукалок; к тому же всю дорогу выслушивать жалобы самой брюзгливой в мире пикси по поводу того, что она слишком мала, чтобы быть моей подружкой.

После этих слов даже Джон Пружина посмотрел на меня искоса. Мелонди звучно выпустила газы и принялась, пошатываясь, бродить кругами в поисках чего-нибудь достаточно маленького, чтобы послужить ей пивной кружкой.

Синдж покачала головой — совсем как человек, черт возьми.

— Хочешь есть?

— Крыса есть крыса! Все сводится к пище. Да, я съел бы сандвич. На вечеринке у Чодо мне не удалось ничего перехватить.

Что за глупый прокол! Никогда не следует настолько сосредоточиваться на работе, чтобы забыть пожрать на халяву.

Блюдо имело на борту дюжину жареных пирожков. Дин принес еще четыре, еще шипящих и брызгающих горячим маслом.

— Квадратные сладкие. У круглых внутри сосиска.

— М-м?

— Это эксперимент. Я ищу разнообразия.

Сосиски в тесте — не новость в моем доме; впрочем, на этот раз тесто было не бисквитным.

Мелонди оставила попытки найти себе кружку и принялась за квадратный пирожок размером с нее саму. Маленький народец должен есть больше нас — из-за того, что они все время летают.

Я попробовал сосиску в тесте.

— Вкусно! — промычал я со ртом, полным слюны.

Дин нахмурился, не поддаваясь на лесть, и принес мне холодного светлого. Немного еды он оставил для котят.

— Синдж, — спросил я, — у тебя есть какие-нибудь мысли по поводу сегодняшнего вечера?

— Ну, если тебя не смущает умаление достоинств твоих соплеменников...

— Умалай на здоровье. Главное, чтобы ты смогла поделиться какими-нибудь полезными наблюдениями.

— Полезными? Откуда? Мы с Джоном Пружиной пошли с тобой и пытались помочь, но мы не понимаем, чего ты от нас хотел. Может быть, потому, что ты сам не очень ясно себе это представлял.

Нет, мне определенно нужно сменить окружение. Моя старая команда знает меня слишком хорошо.

— Дин, есть какие-нибудь признаки жизни от Его Превосходительства? — Было бы неплохо прогнать всю накопившуюся у меня информацию через объемистые мозги нашего Мешка с костями.

Я не настолько тупой, как прикидываюсь. Некоторые могут счесть это маловероятным, но у меня постоянно крутятся в голове по меньшей мере две мысли. Иногда даже три. Безнадежно перепутанные друг с другом из-за общего знаменателя по имени я.

Ответ Дина был не особенно обнадеживающим.

— Нет, он по-прежнему бездействует. Как ни печально, еще не пришло время, когда можно будет освободить дом от останков.

— Ты слишком торопишься, — пропищала Мелонди Кадар. — В этой куче жира теплится еще с дюжину искорок.

— Ты можешь это узнать? — недоверчиво спросил я. — Ты можешь прочитать этот Мешок с тухлым мясом?

— Да, только для этого мне нужно выпить. И лучше чего-нибудь более существенного, чем эта бесцветная жидкость. Чего-нибудь с большим градусом.

— Градусом я тебя обеспечу, букашка. Ответь мне на один вопрос...

— Нет.

— Нет? Что — нет?

— Нет, верзила, я не могу читать его так, как ты хочешь. Все, что я могу — это сказать, что он еще не ушел. Впрочем, он, возможно, подумывает о том, чтобы уйти.

— Что? — Я опрокинул еще одну кружку. Поскольку я поздно начал, приходилось спешить, чтобы догнать остальных.

Передо мной появилась еще одна запотевшая кружка. Мечта становилась явью: лился пивной дождь. Я окинул Дина подозрительным взглядом — если Дин подает на стол, всегда стоит быть осторожным. Он что-то замышлял и надеялся, что, если я наберусь как следует, это отвлечет меня от чего-то или заставит меня легче согласиться с чем-то. Опять.

Тем временем Джон Пружина одним большим глотком загрузил в себя достойное восхищения количество пива.

— Вечер был интересным.

— Лучше выясняй то, что нам удалось узнать, прямо сейчас, — сказала мне Синдж. — Он не очень хорошо переносит алкоголь.

Так что я сосредоточил внимание на главной крысе крысиного криминального мира и выслушал то, что у него было мне сказать. Однако все это имело для меня немного смысла, поскольку, как я понял, обычные крысы воспринимают окружающее в основном в терминах звуков и запахов.

Интересно.

Мелонди тоже немногое смогла доложить мне. Разве только то, что ей пока что не удалось выудить достаточно сведений из своей когорты. Впрочем, она снова и снова обещала мне, что снабдит меня наилучшей информацией — как только пропрееет...

Дин снова наполнил наши кружки. Он был доволен собой — все шло так, как он задумал. Мы все были сосредоточены на том, чтобы влить в себя как можно больше пива. Четвероногая мохнатая команда фокусировалась на наполнении кошачьих желудков. Никто не задавал Дину нежелательных вопросов.

Набив брюхо сосисками, хлебом и молоком, котята забрались обратно в корзину и тотчас заснули одной теплой мурлыкающей грудой.

Мы говорили до тех пор, пока не перестали понимать друг друга — исключая Дина. Старый зануда отправился давить матрас сразу же, как только покончил с готовкой.

Глава 18

Второе утро никакого не походило на первое. Я проснулся в мерзком настроении, в голове стучали молотки. Нам с Дином необходимо было поговорить. Снижать расходы — это очень хорошо, но не путем же покупки дешевого пойла! Только для того, чтобы он мог отправить в карман несколько лишних монет, которые, без сомнения, спустят потом на еду для убогих и сирых.

Я был первым, кто сошел вниз. Исключая Дина, разумеется, — но Дин уже ушел за покупками. Или за чем-нибудь другим. Поскольку он оставил еду на столе, рядом со страдающими останками Мелонди Кадар.

То, что осталось от Джона Пружины, тоже должно было находиться где-то в доме.

Команда обломов из города тоже была за работой, время от времени принимаясь колотить в дубовую дверь. Дверь упрямо отказывалась открываться. В конце концов они оставили попытки.

Законы меняются. А Релвей держится за них, как осьминог, — если он подозревает, что ты можешь все-таки оказаться хорошим парнем. Те же, кто сотрудничает с темной стороной, все чаще вызывают тревожащую тенденцию исчезать. Тревожащую, разумеется, для плохих парней.

Люди приветствуют это, говоря, что тем, чья совесть чиста, нечего волноваться. До тех пор пока ребята Релвей не приходят к ним, поскольку они сделали нечто, что по их здравому мнению не являлось настоящим преступлением. Независимо от того, что говорит закон.

Давайте-ка посмотрим:

1. Абсолютная власть развращает абсолютно.
2. Дорога в ад вымощена благими намерениями.
3. Ни одно хорошее дело не остается безнаказанным.

* * *

Все это с успехом можно применить к Дилу Релвею.

Брат Релвей действует исходя только из лучших побуждений и из интересов народа.

Мне трудно винить этого человека. Временами. «Ему было нужно убить этих людей» — такой аргумент считается приемлемым перед судом. Директор Релвей, по-видимому, будет в состоянии спрятаться с целой кучей свидетельских показаний, если его привлекут к ответу.

Я принялся за еду. Бисквиты с медом. Бисквиты со сливовым джемом. Оставшаяся с вечера сосиска, до которой не добрались котята. Сладкие булочки с сосисками не очень хорошо себя чувствуют в желудке, когда они холодные.

Покончив с едой, я сгреб Мелонди в ладонь и пошел к выходу, чтобы передать тело ее народу.

Согласно неизменной и древней традиции, сперва я заглянул в дверной глазок.

Снаружи были люди. Большие, безобразные, волосатые. Зеленые штаны носил только один, остальные были инкогнито. Все до одного были перебинтованы, у одного рука на перевязи, у другого нога в лубках. Этот и еще третий передвигались с помощью многочисленных костылей. Однако, по-видимому, ни один из них не пришел к заключению, что беспокоить меня — не очень хорошая идея.

Приятели Пенни Мрак. А что же с ней самой? После того как Мелонди опознала ее, она растворилась в воздухе, словно клочок тумана.

Зеленые Штаны, по-видимому, были еще в более мрачном настроении, чем я сам. Учитывая, в каком состоянии они были, когда я видел их в последний раз, я не мог не признать, что у них были причины для недовольства.

Можете мне поверить, старого доброго Гаррета мгновенно охватила паранойя. Что эта команда делает возле моей двери?

Я пожал плечами. Беспокоиться не о чем. У меня в запасе тонна еды, плюс запасной бочонок пива. У Дина есть целый взвод скромных племянниц, у которых он сможет остановиться, пока осада не

будет снята, — если у него достанет мозгов заметить, что дом под наблюдением, и повернуть назад. А у меня между тем было бы время подумать. Каким образом я оказался втянут в эту переделку? Кроме того, я мог найти какой-нибудь способ разбудить Покойника.

Я вернулся в кухню, заварил себе чаю и пошел с кружкой к себе в кабинет. На лице Элинор было презрительно-насмешливое выражение.

— Похоже, ты тоже сегодня утром не в настроении?

Сие замечание только выжало еще больше сока из лимона.

Кто-то забарабанил в дверь. Я не стал выяснять, кто. Я чувствовал себя вполне уютно со своими унылыми мыслями и мрачным настроением Элинор.

Я переходил от догадки к догадке, позволяя себе пуститься в свободные ассоциации. Снадобье, которое я добавил в чай, несколько утихомирило наиболее тяжелые из молотков, стучавших в моей голове. Что же в действительности произошло в Уайтфилд-холле?

— Мяу!

По моей ноге взобрался котенок. Второй вспрыгнул в кресло для посетителей. Еще двое или трое принялись гоняться друг за другом по комнате, потом выбежали в коридор. Я погладил того, что уткнулся на моих коленях, почесал его за ухом, потом поднял и подверг щательному осмотру.

Это был просто котенок. Правда, более мохнатый, чем обычные котята. Может быть, его папаша был рысью.

— Что в тебе такого особенного, малыш? С какой стати эти отставшие от моды уроды охотятся за тобой?

Впрочем, так ли это? Над этим тоже стоило подумать.

Котенок не ответил. Он попросту отказывался решать за меня мои задачи! С какими только людьми — и животными — не приходится иметь дело на этой работе! Эх...

— Элинор, а ты что думаешь? Все дело в котятах? Или, может быть, в корзинке, в которой они сюда прибыли?

Элинор ничего не могла мне сказать. Я чувствовал, что ее беспокоят моя тупость и неспособность понять настолько очевидные вещи.

Армейские инструкторы и сержанты вычислили меня довольно быстро. Им были известны все уловки, все когда-либо изобретенные способы жульничества и увиливания от работы еще задолго до

того, как я появился в строю, прикидываясь более тупым, чем мешок с камнями. Однако в Танфере это действовало на большинство моих знакомых. Люди в этом городе видят только то, что хотят видеть.

Я стремлюсь оставаться недооцененным. По крайней мере, так я говорю себе.

— Здесь хорошо, — сказал я Элинор. — Я чувствую, что могу сидеть вот так, откинувшись на спинку, набрав полные колени котят, и дремать хоть весь вечер.

После чего буду гулять ночь напролет, поскольку не смогу заснуть. И кто-нибудь доложит об этом Тинни Тейт, которая считает, что имеет на меня права. И заявляет их. Равно как и наоборот. Однако я страдаю сильнейшим расстройством способности выполнять свои обязательства — во всяком случае, сильнейшим к западу от Морли Дотса. Поскольку Морли является в этом смысле конкурентом международного класса.

Неодобрение Элинор сыпалось на меня, словно железный дождь. Мне необходимо было сделать три вещи. Первое: повидаться с Жнецом Темиском. Второе: навестить Бледсо. И наконец, поймать Пенни Мрак. Одновременно избегая встреч с Релвеевыми головорезами и здоровяками в омерзительных штанах.

Звук был такой, словно саперы пустили в ход таран. Дверь упрямо держалась.

Возможно, это было все равно что ставить в покере на неполный стрит, но я не мог представить себе, чтобы Релвей не откликнулся, если Безобразные Штаны будут крутиться здесь слишком долго. Наверняка его люди уже здесь, присматривают за моим домом.

— Пожалуй, надо попробовать заставить наш Мешок встряхнуть своими костями. Еще одна попытка.

Элинор отнеслась к моему заявлению со вполне понятным недоверием.

— Если будет нужно, я напущу в его комнату орду спятивших старух.

Покойник не испытывает большой потребности в общении с упрямым полом. И ему никогда не нравилось, что мое отношение к этому вопросу было прямо противоположным. Он был мертв в течение четырех сотен лет; он уже забыл все хорошее в этом мире.

Куча костей поступила в точности так, как я и предполагал — то есть даже не пошевелилась.

Атака на мою парадную дверь на короткое время прекратилась, затем за дело взялся новый мерзавец.

Мои пикси начали терять терпение. Шквал их гнева объявили о себе хлопаньем множества маленьких крыльышек — судя по звуку, с места снялось все гнездо.

Я вздохнул, зажег новую свечу для отпугивания насекомых и начал потихоньку продвигаться ко входной двери. Бормоча себе под нос, словно один из тех тронутых, что бродят по улицам, спеша по невообразимо важным таинственным делам и обсуждая их сами с собой, я подошел к дверному глазку.

Снаружи хаос праздновал самозарождение всех божеств беспорядка и сумятицы из всей тысячи пантеонов, которыми заражен наш Танфер. Пикси, пикси были повсюду! Они атаковали всех больших людей без разбору.

Релвеевы гонцы и их товарищи по путешествию уже прибыли, но пока что выжидали, смотря, что из этого выйдет. Я не предоставлял им никаких оснований полагать, что мой дом не покинут много лет назад. Стража знала, что это не так, — но не собиралась заострять внимание на этом вопросе. Лишь у Зеленых Штанов хватало тупости, чтобы продолжать то, чем они занимались. Совершенно ясно, что им еще никто не намекнул насчет Покойника.

Я хихикнул, глядя, как эти громилы прыгают и уворачиваются от донимающих их пикси. Прямо танцевальный номер в музыкальной пьесе об армейском полевом госпитале!

Появился Дин. У стариакана хватило здравого смысла оставаться в стороне.

Я заметил также Пенни Мрак — на той стороне улицы, слева и немного позади Дина. Большие парни не могли видеть ее — разве если бы тот, который стоял перед моей дверью, повернулся и начал искать ее взглядом. Ей очень хорошо удавалась роль одного из зевак.

Пикси уже достаточно искололи бандитов своими отравленными клинками — те понемногу начинали замедлять свои движения. Они попросту не могли переварить тот факт, что кто-то способен удержать

их от осуществления того, что они задумали. Йимбер, должно быть, странный город...

Заверещали свистки. Стражи начали подтягиваться поближе. Выжидать дальше они не могли — мои соседи уже начинали проявлять беспокойство. Стражи не может допускать такого ухудшения ситуации, чтобы свидетели начали причинять ущерб городскому имуществу. В данном же случае упомянутым имуществом была сама улица. Когда танферская толпа приходит в неистовство, она начинает выворачивать из мостовой булыжники в качестве боеприпасов. Большая заварушка может истребить уличное мощение в целом районе.

В итоге плохо державшиеся на ногах громилы не доставили Релвеевым ребятам больших проблем. Выложенные рядышком, словно бревна, готовые к сплаву на лесопилку, йимберцы оказались не столь многочисленны, как это представлялось. Их было всего четверо.

Должно быть, некоторым все же удалось слинуть.

Глава 19

Следующим, кто принялся колошматить в мою дверь, оказался мой старый знакомый. Я не был удивлен. Стоит только в моей жизни случиться чему-нибудь интересному, как тут же появляется полковник Вестман Блок, сочась официальными замечаниями. Я открыл дверь.

— Ты похож на птицу, питающуюся падалью, ты знаешь это?

Дверь распахнулась не до конца. Я мрачно осмотрел ее искореженную поверхность.

Блок удивил меня.

— Давай, Гаррет, выкладывай все начистоту.

— Ну какого черта еще тебе нужно? — простонал я. — И почему только Релвей позволяет своим недоумкам-переросткам приходить и доставать меня?

— У тебя хорошо подвешен язык, Гаррет, — заверил меня добрый полковник. — Но на этот раз тебе не удастся забить мне голову своим дерымом.

— Но почему же? Оно очень качественное, другого у меня не бывает. Если тебя интересуют испражнения высшего сорта...

— Заканчивай с болтовней. До сих пор ты был по большей части искренен со мной — то есть я пока что не поймал тебя на откровенной лжи. Когда-нибудь я это сделаю. А до тех пор я просто остаюсь в уверенности, что ты страдаешь врожденной неспособностью говорить всю правду, как она есть.

— Ты хочешь правды? Не может быть...

— Не трать силы понапрасну. Давай пройдем к тебе в кабинет, я был на ногах целый день. А пока мы идем, постарайся сочинить убедительную историю насчет того, почему эти громилы пытались вломиться к тебе в дом.

— Я не знаю. Такие вещи просто происходят — с некоторых пор это для меня все равно что плохая погода.

— Но у тебя есть хоть пара соображений? Ты не настолько глуп, как пытаешься показать.

— Я думаю, что мне, пожалуй, пора переезжать. Куда-нибудь в такое место, где каждый встречный не считает, что ему известно все, что происходит в моей голове.

— Хорошая мысль, приятель! Отправляйся с баржей вверх по реке и открай свою лавочку в Йимбере.

— Не понимаю...

— Отлично понимаешь. Все эти ребята — из Йимбера.

Будучи злодеем, каковым он меня считал, я не стал высказывать ничего из того, что мне было известно.

— Правда?

— Это десятеро здоровенных, безобразных, тупых громил в зеленых штанах, плюс двое управляющих, которые выглядят как нормальные люди и направляют их действия. По крайней мере, мы так думаем. На данный момент у нас за решеткой сидят девять громил и один нормальный, хотя для того, чтобы заставить их объясняться, специалистам Дила понадобится некоторое время.

Итак, Релвей не стал никого отпускать. Наоборот, он установил наблюдение за моим домом, чтобы иметь возможность добавить в свою коллекцию еще несколько пар дурацких панталон.

На не поддающемся расшифровке лице полковника появилось выжидающее выражение. Я не видел причин не быть откровенным с единственным человеком, способным контролировать Дила Релвея.

— Мне пока что самому не ясно, из-за чего вся эта суматоха. Все началось с Дина — он принес домой эту ораву котят, а также ребенка, которому они принадлежали. Я не успел как следует взглянуть на него, прежде чем он сделал ноги. У Дина на этот счет целое представление с песнями и плясками о каких-то там жрицах и пророчествах. Если хочешь, можешь попробовать выжать из него все что сможешь, когда он объявится.

Блок хмыкнул. Это у нас с ним общее — вот эти полунечлено-раздельные звуки.

— У тебя что, действительно нет никаких идей? — спросил я. — Половина этих ребят была у вас в руках со вчерашнего дня.

— Они немного нам сказали. Пока что. Они слишком глупы, чтобы ассоциировать свое молчание с болью, которой они подвергаются.

— Но у вас есть один из управляющих. Офицеры, как правило, не настолько... у-ups!

Блок гневно воззрился на меня — он сам был офицером.

— Еще раз у-ups, — проговорил я. — Я почувствовал себя с тобой настолько свободно, что забыл, что ты не один из моих приятелей-сослуживцев с островов.

— Переезжай в деревню, Гаррет. Ты один смог бы удобрить целый округ.

Я пожал плечами.

— Таковы времена, в которых мы живем.

Он не хотел покупать то, что я продавал ему, хотя я отдавал практически задаром.

— Я не понимаю тебя, полковник. Я всегда с тобой был искренен, с тех самых пор, как принц Руперт сделал тебя главным человеком в Аль-Харе. Однако ты никогда мне не веришь!

— Потому что ты никогда не говоришь мне всю правду, а только то, что, по твоему мнению, я и сам смогу сообразить.

— Итак, каковы же наши цели? — спросил я. — Ты тоже наполовину не так глуп, как пытаешься казаться. У тебя что-то на уме.

— Разумеется, но это не имеет большого отношения к этим психам.

— Мне нравится, как ты стараешься сделать так, чтобы я был счастлив, что родился там, где я родился, именно в это время и в этом месте, когда жизнь хороша как никогда.

— Нет, ты мог бы удобрить не один округ!

— И все же...

— И все же я должен признаться, что испытываю некоторое любопытство относительно того, что произошло вчера вечером в Уайт-Филд-холле.

— Здесь мы с тобой заодно, братец. Все, что я знаю — это что кто-то сделал попытку спалить дом со мной внутри.

Я снабдил его слегка отредактированной версией того, что там произошло. Разумеется, основное он уже знал. Я опустил некоторые

несущественные детали — вроде пикси, крыс, здоровья Чодо и самопроизвольно загоревшихся людей.

— Ты можешь задавать мне все вопросы, какие пожелаешь. Я не знаю, что все это означает; я не знаю, что там должно было случиться. Я не могу объяснить даже того, что там действительно случилось. Несмотря на то что ты, возможно, слышал, я присутствовал там лишь в своем профессиональном качестве.

— Не трати силы, Гаррет. Меня интересует только то, что ты смог разузнать о Большом Боссе.

Грязная игра. Этот человек несомненно не настолько глуп, как выглядит.

— Я видел его только один раз, как раз перед тем, как начался пожар. Он был в инвалидной коляске и выглядел не очень здоровым. Я не слышал, чтобы он что-нибудь говорил. А потом все покатилось к чертям. Бам! Лампы взорвались, горящее масло повсюду... Я драпал со всех ног.

Блок не был удовлетворен, но не имел ничего, чтобы ко мне придраться. Он уже сидел бы у меня на голове, если бы у него что-нибудь было.

— Пожар был подстроен, чтобы попытаться похитить Чодо?

— Мне это еще не приходило в голову. Позволь-ка подумать... Черт побери, тогда за этим должен был стоять кто-то, кому наплевать, даже если бы он порешил всю Организацию!

Вестман Блок готов ухватиться за любой поворот разговора, чтобы добиться преимущества. Он никогда не открыывает всего, что знает, хотя и сетует на подобное же отношение с моей стороны. Он не задает точных вопросов, давая вам право самому выбрать, что он имеет в виду. А следовательно, при разговоре с ним не следует забывать, что все, что он вам дает — это новые и новые ярды крепкой веревки.

— Нет. Мишенью был не Чодо. Даже Релвей не стал бы устраивать из-за этого такую бучу. Мне кажется, пожар начался из-за колдовства. А может быть, из-за чего-нибудь еще.

— Этому нет очевидных доказательств, наши эксперты провели. — Блок сердито посмотрел на Элинор. — У тебя можно как-нибудь выкупить эту штуковину?

— Элинор? Нет, конечно. Зачем?
 — На ней какое-то заклятие, у меня от нее мураски по коже. Я знаю один камин, с которым я хотел бы ее познакомить.
 — Сэр, вы оскорбляете мою первую любовь. — Возможно, он еще не слышал эту историю.

— А где Чодо сейчас?

— Понятия не имею. Наверное, там же, где Белинда.

— Возможно. А возможно, она тоже потеряла его след.

— Что?!

Этого не могло быть. Это было бы очень плохо — особенно для Белинды. Однако она не выставила бы Чодо на всеобщее обозрение, если бы не была уверена, что держит все под контролем, не так ли?

— Ты знаешь, где она может быть?

— Может быть, у себя дома?

— Если так, ей пришлось лететь туда по воздуху. Через городские ворота она не выезжала.

Моя губительная сторона подталкивала меня говорить с ним дальше — в разговоре он позволял себе ронять намеки касательно возможностей Стражи, как с целью получения информации, так и ее распространения. Было похоже, что Блок с Релвеем имеют больше людских ресурсов, чем предполагалось. Из чего можно было сделать вывод...

Впрочем, любой вывод подразумевает что-то еще. На этот раз индикаторы указывали на возможное серьезное нарушение закона и порядка. Каковые рухнут, как только перестанут удовлетворять наиболее значительных из королевских подданных. Привилегии всегда означают приватизацию закона.

— Тебе уже известно все, что я знаю, полковник. Честно. В этом деле мне нечего защищать, не считая моей бедной входной двери.

— Я слышал слухи насчет тебя и Белинды Контагью.

— Я тоже слышал. Она сама их распустила. Это неправда. — Я вскинул голову, словно бы прислушиваясь к голосу, который мог слышать только я. Как будто Покойник что-то говорил мне, не включая в разговор Блока. — Да, точно подмечено... Ладно, мне еще нужно кое-что сделать. Теперь я наконец-то могу выйти наружу, не опасаясь быть съеденным драконами... Дин! Отлично, ты дома!

Старикан замаячил в дверях кабинета. У него был недовольный вид. Я сказал:

— Тебе нужно связаться с дверным мастером. Эти идиоты погнули петли.

Дин мрачно взглянул на полковника Блока и поволок свою добычу на кухню. Он вообще относится к Вестману Блоку неодобрительно: уже само то, что Блок занимает свою своеобразную профессиональную нишу, подразумевает, что налицо какие-то неурядицы, а Дин предпочел бы жить в мире, где закон и порядок были установлены до его прибытия.

— Вижу, ты не хочешь мне помочь, — проговорил Блок.

— Я рассказал все, что знаю сам. Включая такие вещи, которые у меня нет никаких причин перед тобой вываливать. Чего еще тебе от меня нужно?

— Надеюсь, что это правда.

Он направился ко входной двери. Я следовал за ним.

— Ты хороший парень, Гаррет, — продолжал Блок. — Мне бы не хотелось, чтобы ты завяз настолько глубоко, чтобы мы не смогли спасти твою задницу, когда настанут большие перемены.

— Что это значит?

— Эра хаоса близится к концу, Гаррет. Мы много поработали, чтобы сделать то, чего желал от нас принц Руперт. На горизонте эпоха власти закона.

Я понятия не имел, что все это значило, но звучало пугающе. Я сам обеими руками за закон и порядок — но я не хочу, чтобы ответственные за это люди вмешивались в мою жизнь.

Однако сказал я другое:

— Ты слишком оптимистичен. Представь, насколько безрадостной будет жизнь, если те, кто стоит за вашим жестким курсом, получат все, чего хотят.

— Разве это будет не замечательно? — расцвел Блок.

До него не дошло. И никогда не дойдет. Вот такие, как он, и делают жизнь неудобной для всех остальных.

— Ты ведь даешь мне знать, если из этих парней удастся что-нибудь вытащить?

— Лучше бы тебе не напрашиваться на одолжения с моей стороны.

— Мое сердце разрывается! Ведь это именно то, что я действительно очень хочу знать — как получилось, что эти идиоты ходят в таких дурацких зеленых панталонах?

Блок, усмехнувшись, шагнул наружу.

Я закрыл за ним дверь. Она встала на место без особых затруднений. Крепость Гаррета оставалась целой и почти невредимой.

Глава 20

Я сходил к Покойнику. Он по-прежнему не шевелился. Я сказал Дину:

— Я ухожу. Мне нужно еще кое-что сделать.

В моей голове уже рисовался маршрут: заведение Морли, офис Темиска, а затем Бледсо — мне нужно было проведать обгоревшую женщину.

— Ваша трость с вами?

— Что? — его вопрос застал меня врасплох.

— Разве вам не стоит приготовиться к худшему? Учитывая недавние события?

Я уставился на него. Это было не в его характере. Однако он был прав, хотя не знал даже половины. В Уайтфилд-холле меня видело много людей, и некоторые из них могли решить, что я играл в паре с Белиндо.

В итоге я нагрузился рядом разнообразных приспособлений для самозащиты, некоторые из которых активно не одобрялись городской Стражей.

Ребята в «Пальмах» были не рады видеть меня — но не стали вытаскивать ножи для разделки мяса. Как ни удивительно, я застал Морли за работой второй день подряд.

— Что это с ним? — спросил я Рохлю. — У него проблемы?

Лицо Рохли расплылось в широкой, безобразной щербатой ухмылке.

— Крутится здесь внизу, только путается под ногами. Не хочет идти наверх.

Я вопросительно поднял бровь.

— У него там наверху телка. Из этих, как их... серебряных эльфов.

Я злорадно хихикнул.

— А я-то гадал... Привет, дружище! Я пришел спросить тебя, что ты думаешь о вчерашнем вечере?

Морли притащил мне стул.

— Садись. Рохля, скажи Скифу, чтобы принес нам чаю. Только настоящего — моему другу не нравятся травки.

— Ты что, действительно пьешь травяной чай?

— Я подаю его. Ты не поверишь, что только они заказывают... До меня дошли слухи, что у тебя сегодня с утра уже было некоторое развлечение?

— Двойная доза. Сначала ко мне пытались вломиться Безобразные Штаны, а потом заглянул Блок. Хотел разузнать все обо всех.

— И ты рассказал ему?

— Правду, только правду и ничего, кроме правды! Я не знаю ничего ни о чем. В основном его интересовало, что случилось с Белиндой и Чодо после вечеринки. Пожар, драка и мертвецы ему были до фени.

— Лучше бы Белинде позаботиться о Чодо. До нас доходят штормовые предупреждения — некоторые из низших боссов стали слишком амбициозными.

— Рори Скалдит?

— И Учитель Уайт.

Это было плохо. Впрочем, у них у всех давно мечта перерезать друг другу глотки. И Релвей поощрит их в этом, чем только сможет.

— Логично. Они выбрались оттуда живыми.

— Ты сказал, что Зеленые Штаны снова атаковали твой дом?

— Да. — (Ах я глупец, я так обрадовался возможности выйти наружу, что так и не получил обещанные отчеты Джона Пружини и Мелонди Кадар!) — Их задержали люди Блока. Он уверяет, что теперь у него под замком все, кроме двоих. Один из которых в настоящую минуту идет за мной.

— Мы позаботимся об этом.

— Тебе стоит на этот раз лучше подготовиться, чем вчера.

- Тот же самый парень?
- Похоже на то.
- Не беспокойся, помошь уже спешит. Итак, насчет вчерашнего вечера. Что там случилось?
- Ты же был там.
- Я следил за кухней, Гаррет. Я не видел ничего.
- В таком случае ты видел столько же, сколько и я. Если не больше. При тебе ведь была вся твоя команда, и ни один из них не был слепым.
- Не сомневаюсь, что это твоя вина, что все обернулось таким странным образом. Когда ты поблизости, странные вещи случаются постоянно.
- Это только из-за моего неудачного выбора друзей.
- Ты сам неудача для тех, кто становится к тебе слишком близко! Так что там с Блоком и Чодо?
- Я объяснил. Морли задумался.
- Была большая свалка. Кто-нибудь мог схватить Чодо — но ты бы услышал об этом от Белинды... Ей снова понадобится папа Гаррет, чтобы спасти ее шкуру.
- Может быть.
- Хочешь совет, Гаррет? Держись от Белинды подальше. Не говоря о том, насколько грязным может стать это дело, но она вряд ли окажется в победителях.
- Я отхлебнул чаю, принесенного Скифом.
- Думаешь, они станут так уж придерживаться традиций?
- Конечно, станут. Организация состоит из самых консервативных людей, какие только живут на свете. Они не захотят, чтобы делами заправляла девчонка.
- Однако интересно, — вслух подумал я. — То, что произошло вчера, свалилось Белинде как снег на голову, но похоже, что никто из остальных тоже не ожидал, что все так обернется... Она не тупица. И у нее большая фора.
- И тем не менее она остается всего лишь женщиной.
- Говорю тебе, не надо ее недооценивать. Особенно если неожиданно заметишь, что ты стоишь между ней и кем-нибудь, кто ей не по нраву.

Он кивнул (сомневаюсь, что это было именно то, что он хотел сделать) и спросил:

- И куда ты направляешься отсюда?
- К Жнецу Темиску. А потом в Бледсо.
- Ты что, можешь переносить это место?
- У меня нет претензий.

— Но это же передняя самого низкопробного из человеческих адов! У меня мурашки ползут по спине, только когда я думаю о нем! Не говоря уже о том, чтобы подойти на такое расстояние, чтобы ощутить запах.

Я промолчал. Танферские бедняки полностью зависят от этого кошмарного государства, от которого получают то мизерное медицинское обеспечение, которое они имеют.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Гаррет. И мне на это наплевать. Ты отлично знаешь, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями.

Глава 21

За мной следили — как я уже говорил. Но теперь у меня появилась целая свита. Парень в зеленых штанах был только ближайшим и наиболее очевидным из хвостов. А также наименее искусным или же самым наивным. Он, очевидно, думал, что я его не замечу, и при этом сам не замечал демонстрации за своей спиной. Каковую я вначале принял за команду Морли.

Используя несколько уловок, проделанных как бы случайно, я понял, что ошибался. Одним из преследователей был человек, работавший на Релвея. Другим был Паук Уэбб, силовик из окружения Учителя Уайта — второсортный многоцелевой бандит, которого Чодо никогда не любил, но который всегда избегал перегибать палку настолько, чтобы его дело прикрыли.

Почему Уэбб и Учитель интересуются мной? Уайт был не настолько большой шишкой, чтобы метить на место Чодо. И знали ли члены моего фан-клуба друг о друге? Носителя штанов они видели все. Уэбб, по-видимому, не замечал людей Релвея — может быть, потому, что их было полдюжины, сменявших друг друга.

Я решил, что лучше будет забыть о Жнеце Темиске, и резко свернул в сторону Бледсо. Я прошел через квартальчик с узкими улицами, быстро обогнул несколько углов и нырнул в церковь. Оказавшись там, я взобрался на колокольню, откуда открывался вид на растущее смятение внизу.

Морли действительно послал за мной своих людей, включая самого себя. Они держались немного позади, наблюдая за происходящим. Поняв, что я исчез из виду, Морли сразу же поглядел на колокольню.

Стража отнеслась к моему исчезновению с меньшим спокойствием. Их немедленной реакцией было арестовать Паука Уэбба и носителя зеленых штанов. Паук сдался без сопротивления — он знал, что с Релвеевыми гонцами связываться не стоит.

Когда я вышел из церкви, шестеро из находившихся снаружи людей были мертвы или покалечены. Зеленоштанник представлял собой тяжелый случай первой разновидности. Я порадовался, что мне не нравится зеленый цвет — похоже, тайная полиция рассматривала зеленые штаны как стилистическую ошибку, наказуемую смертью. А вот Паук наверняка еще до темноты вернется на улицы — ведь он помог им завалить этого отморозка в уродливых шароварах.

Я как раз подтягивался к Бледсо, когда Морли нагнал меня и пошел рядом.

— Есть какие-нибудь теории? — спросил он.

— Не считая той, что уроженцы Йимбера сильны, но глупы?

— Это был грязный трюк, там, с колокольней.

— Я учился у мастера.

— Совесть не мучает?

Я заглянул внутрь себя.

— Ты знаешь... нет!

— Кажется, ты удивлен?

— Так и есть.

— Ты перешел в класс боссов с тех пор, как занялся этой своей фабрикой.

— О чём это ты?

— Потом объясню. Я тоже открываю новое предприятие. Это будет место, где психи смогут вываливать любую чепуху, которая забивает их дурацкие головы.

— У нас уже есть такое место — ступени Канцелярии.

— Больше нет. Релвей выживает их оттуда. Очевидно, никому не удается сделать на этом деньги.

— Как это не удается? А продавцы сосисок? Крыс на палочке? Тот парень с темпурой из тарантула?

— А кто ее покупал?

— Не знаю. Кто-то покупал, иначе он не торчал бы там каждый день... Тыфу, мерзость какая!

Это не было реакцией на воспоминание о жареных пауках — просто мы подошли достаточно близко к Бледсо, чтобы воспринять его звуки и запахи.

Бледсо — это ад, воплощенный в кирпиче. Те, кто отдает себя на милость больницы, как правило, находятся в самом отчаянном состоянии. Это означает, что они уже начали разлагаться. Окрестности Бледсо пропитаны запахами боли, гниющей плоти и глубочайшего отчаяния. Те, кто живет поблизости, молятся о плохой погоде, которая смыла бы дождем и отнесла подальше эту вонь.

Доносившиеся до нас звуки были пением хора психов в палатах для душевнобольных — логове самых жутких и неизменных кошмаров Бледсо.

Эти палаты действительно способствуют финансированию больницы. За несколько медяков вы можете сходить туда на экскурсию. Если вы добавите еще парочку медяков, вам выдадут палку, чтобы мучить психов. Вы можете даже взять напрокат наиболее эффектных безумцев для домашнего развлечения.

Деньги, вот в чем все дело. Деньги и полное безразличие девяноста процентов населения.

Бледсо — благотворительная больница. Основные поступающие в нее средства исходят от семьи, которая поставляла Империи императоров, прежде чем их сменили короли Каренты. В воображении этой единственной семьи Империя по-прежнему жива, так что среди нас до сих пор встречаются императоры. Но они больше никого не интересуют — кроме распорядителей Бледсо, поскольку дотации, присваиваемые ими, полностью зависят от членов императорской Фамилии.

Бледсо — самое коррумпированное учреждение в Танфере. Если директор Релвей когда-либо займется здешними паразитами, мы будем свидетелями поистине волнующих и захватывающих событий.

— Что за чертовщина здесь происходит? — поинтересовался я, останавливаясь, чтобы получше рассмотреть картину. Вся передняя

стена больницы была покрыта лесами. Каменщики, подносчики растворы и прочие работяги сновали как муравьи, отскабливая и подновляя фасад. Впрочем, их было не так уж много.

— А ты знаешь, я понятия не имею, — отозвался Морли. — Для меня это тоже что-то новое.

Здание уже несколько десятилетий требовало ремонта. Как вышло, что деньги, отпущенные на это, не были украдены? Я без труда мог вообразить, что кто-то пожертвовал достаточно денег, чтобы восстановить здание, — но я ни за что не поверю, чтобы больничное начальство использовало эти средства на те цели, для которых они предназначались.

— Надо бы разобраться.

— Зачем?

— Э-э...

В его словах что-то было. Это была не та битва, в которую Гаррету следовало влетать на всем скаку в своих заряженных, купленных из вторых рук доспехах. Гаррет пришел сюда, чтобы выглядеть грозным и внушать страх и обеспечить Белиндиной подопечной такой уход, какой только могли предоставить работники Бледсо, когда хотели пошевелить задницей.

— Да, ты прав. Всему свое время. Я буду заниматься тем, ради чего пришел. Когда-нибудь Релвей доберется до этого места.

— Я, пожалуй, прогуляюсь с тобой. Меня заинтересовала здешняя архитектура.

В его голосе действительно звучала заинтересованность. Как у гангстера, удивленного тем, что кто-то начал что-то делать, не получив сперва его разрешения.

Какой-то толстый дядя, лишенный растительности на голове, взымел намерение не пустить нас внутрь. Мне еще никогда прежде не приходилось вести споры с охранниками. Морли спросил его:

— Ты ведь шутишь, правда? Вряд ли ты на самом деле хочешь оказаться здесь следующим пациентом.

Подозреваю, что лысый дядя узнал Морли. Во всяком случае, он тут же убрался в сторонку.

Следующим препятствием была регистратура. Там проблем не возникло — за регистрационной стойкой сидел волонтер, причем

женского пола. Элли Жаке. Что означало, что Морли понадобилось около тридцати семи секунд, после чего она была готова выпрыгнуть из-за своей стойки и начать пожирать его живьем. Она немедленно снабдила нас информацией насчет обгоревшей женщины. Пациентку звали Бай Клакстон. Она получала *наилучший* уход, какой только больница была способна ей обеспечить. После того как Морли построил ей глазки, Элли призналась, что миссис Клакстон получала лучший уход, потому что докторам было известно имя Контагью.

Как правило, Контагью и Релвей добиваются результатов.

Я спросил служащую:

— А что там такое творится снаружи?

Ответом мне был презрительный взгляд. Как я посмел вторгаться в ее романтическую интерлюдию?

Морли шепотом принес извинения: Гаррет хороший малый, к тому же его тоже интересовал этот вопрос. Скромная и давно вышедшая из девичьего возраста Элли была вне себя от готовности усугубить:

— Это какое-то благотворительное общество, они решили привести здание в порядок. Но они не хотели давать нам деньги — видно, все же не дураки, хотя по виду деревня деревней. Они настаивали на том, чтобы сделать все самим. Директора сопротивлялись, пока наконец они не сошлись на том, что оплата будет производиться по факту выполненных работ...

Морли похлопал ресницами и высказал соответствующие ситуации обещания. Элли выразила готовность играть в любую игру по желанию Морли.

Деревня? Ну да. Консорциум законопослушных и удачливых бизнесменов из Иимбера. И так далее, и тому подобное, и все в том же духе. Подобную чушь типа «мы с вами потом расплатимся» не воспримет всерьез никто, у кого достанет мозгов не вылезать из дома, когда идет дождь. Расплатимся? А что у них есть? Где они это возьмут?

— Почему бы тебе не навестить миссис Клакстон? — предложил Морли. Это было напоминание о том, что у меня есть миссия. Он осиял лучом своего очарования служащую, которая тут же призналась, что она тоже миссис, но не делает из этого культа.

— Отлично, — сказал я. — Давай я схожу проведаю ее, а ты пока поболтаешься здесь.

— Просто замечательно, дружище.

Вкусная терапевтические ароматы Бледсо, я взобрался по двум лестничным пролетам к одной из палат для VIP-персон. Мошенникам, которые направляют больницей, хватает ума держать несколько из них наготове — на случай, если к ним забредет какой-нибудь истекающий кровью обладатель кучи денег. Отец Белинды как-то раз воспользовался одной из них, когда он был помоложе и еще попадал в подобные ситуации.

Врачи, пользовавшие Бай Клакстон, обнаружили свои обычно глубоко запрятанные способности, избавив ее от боли, и продолжали творить чудеса, чтобы уменьшить ущерб, причиненный ее телу ожогами. Почтение к имени Контагью заставило их даже привлечь к делу чародея, наделенного немалой целительской силой.

Не сомневаюсь, что они нашли мягкий, ненавязчивый способ увеличить свои гонорары.

Бай не спала.

— Я вас помню. Вы пытались мне помочь.

— Верно. Мисс Контагью попросила меня проверить, хорошо ли о вас тут заботятся. И выяснить, не нужно ли вам что-нибудь.

— Что вы, да за мной ухаживают, как за принцессой! Они же все до усера боятся того, что с ними станет, если они этого не сделают!

— Вам это не нравится?

— Конечно, нравится, черт подери! Я подумываю, не осесть ли мне здесь и дальше. Я, мать их за ногу, не собираюсь, чтобы моя задница была каким-то символом для тех... кто считает, что правящий класс... — По-видимому, они накачали ее снотворным, как только я появился внизу лестницы, просто на всякий случай. Она продолжала бормотать все более неразборчиво, пока не затихла совсем.

— Белинда внущила им страх господень, — сообщил я Морли, когда мы вышли из больницы. — А у тебя как, все нормально?

— Чего только не вынесешь ради дружбы.

— Готов поспорить, она уже жарит тебе хороший двухфунтовый бифштекс! Как ты думаешь, что на самом деле там делают эти идиоты?

Мы остановились, чтобы понаблюдать за людьми, работающими на бледном унылом лице Бледсо.

— Похоже, вытаскивают гнилые кирпичи и вставляют на их место новые.

— Ничего подобного. Я работал подручным каменщика около шести месяцев, еще до того как пошел в морскую пехоту.

— Что? Ты оставил достойную карьеру ради того, чтобы жить паразитом на брюхе общества?

— Меня уволили. Я никак не мог им втолковать, что рабочий день не должен начинаться раньше полудня.

— Ну хорошо, значит, ты авторитет в области кладки кирпича. И что такое ты там видишь, чего не вижу я?

— Они чинят то, что не нуждается в ремонте. Эта стена вполне целая, здесь нужно только высекести старый раствор и затолкать на его место свежий. А они вместо этого делают в ней дырки.

Я видел несколько мест, где кирпичи были вынуты, образовав ниши.

— Да, действительно, я тоже вижу.

— Кажется, твоя подружка говорила, что большинство рабочих сегодня не появились?

— Она говорила, что финансирование идет из Йимбера, это я помню.

— Почему бы тебе не заскочить обратно к ней и не выяснить, не отличались ли эти филантропы плохим вкусом по части штанов? А я пока поговорю с этими парнями.

Дотс скорчил кислую мину, но пошел. У него были свои счеты с Безобразными Штанами.

Я приблизился к подносчику раствора, парню лет пятнадцати, который, судя по его виду, разделял мое юношеское отсутствие энтузиазма в отношении карабканья по приставным лестницам с тяжелыми подносами кирпича или раствора.

— Я вот пытаюсь понять, что они там такое делают наверху?

Мне удалось вложить в эту фразу нужную долю наивного удивления. Помешав мгновение, чтобы решить, заслуживает ли незнакомец какого-либо внимания, парень буркнул:

— Просто расшивают швы и заменяют старые кирпичи.

Танфер почти полностью построен из кирпича. Здесь любой хоть что-нибудь, да знает о ремонте кирпичных зданий.

— Это я понял. Мне доводилось заниматься такой же работой в твоем возрасте — пару сотен лет назад. Но я никогда не видел, чтобы из стены вынимали хорошие кирпичи.

— А, вы об этом... Они делают ниши. Обычно здесь работает больше народу. Они ставят туда эти металлические штуки, а потом снова закладывают кирпичом. Вон, гляньте туда, в том месте уже около десятка законченных.

— А у тебя, значит, сегодня вроде как передышка, а?

Он засмеялся.

— Лучшего дня у меня не было с тех пор, как мы начали работу. А, черт! Пора кончать трепаться, там мой шеф хочет еще раствора.

Парнишка помешал раствор в стоящем рядом корыте, начерпал фунтов двадцать к себе в лоток и принялся карабкаться по лестницам и подмосткам, словно мартышка. Потратив десять секунд на ненависть к нему за то, что он так молод, я подошел к тому месту, на которое мальчик указал как на законченный образчик йимберского мастерства.

Это были явно не каменщики-профессионалы. Они не годились даже в подручные каменщиков.

— Ты ясновидящий, — сказал Морли позади меня.

— Меня уже обвиняли во многих грехах. Почему бы и не в этом?

— Филантропы из Йимбера притащили с собой команду рабочих-добровольцев. И все до единого были в грязных зеленых клетчатых штанах.

Мой новый приятель по-паучьи спустился на землю, как раз чтобы услышать последние слова Морли. Я спросил его:

— Это случайно не те ребята, которые сегодня не пришли на работу?

— Они самые. Не сказал бы, что я по ним скучаю — никогда не видел такой банды бесполезных дерымглотов.

Я попытался выудить из него еще что-нибудь, но голос с верхушки лесов принялся орать какой-то бред насчет дуракаваления и лодырничанья.

— Звучит очень похоже на того парня, который уволил меня лет пятнадцать назад, — сообщил я Морли.

— Это мой хозяин, — сказал парнишка. — Не беспокойтесь, он просто грозится.

Тем не менее он принялся торопливо мешать в корыте с раствором. А что поделаешь, иначе раствор встанет.

Глава 22

Морли казался озабоченным.

Я и сам был озабочен. Что там такое происходит в Бледсо?

Вот оно, пожалуйста: откровенно, как удар в рыло железным кулаком. Зеленые Штаны взяли на себя реставрационные работы с целью вмонтировать какие-то металлические штуковины в наружные стены Бледсо! Дин был уверен, что эта банда заявилаась в город, чтобы поймать Пенни Мрак с ее котятами. А что могла бы сказать сама Пенни, если на нее нажать как следует?

— Нам надо отловить эту девчонку, которая сбагрила Дину своих котят.

— Нам? Верь мне или нет, но у меня есть своя жизнь и помимо деятельности в качестве твоего напарника. Учитывая, что в деле замешана Белинда Контагю, тебе стоит подумать о том, чтобы самому таскать свои тяжести.

— Уф!..

— Я, собственно, хотел сказать, что не испытываю потребности ловить то, что ищет тебя.

— О, парень, ты настоящий друг, кто бы мог подумать! Прямо как Рокля или Сарж, когда у них плохое настроение.

— Может, и так. Жизнь — несправедливая штука... Как я понимаю, ты теперь собираешься попытать счастья со Жнецом Темиском?

— Да.

— Что ж, удачи. А я, пожалуй, пойду домой, пока кто-нибудь из этих идиотов не спалил там все дотла.

С чего это он вдруг так заторопился?

Жнец Темиск по-прежнему не показывался на поверхности. Тем не менее он начал интересовать еще кое-кого, кроме меня. Один из

мелких гангстеров, туповатый громила по имени Уэлби Делл, спал по ту сторону улицы напротив конторы Темиска, в местечке, как нельзя более подходившем для засады и наблюдения. Делл был еще одним из клана Учителя Уайта. Будучи от природы разумным парнем, я не спеша прошагал мимо, не побеспокоив его сна.

За мной увязался хвост. Это был кто-то, кого я не знал. Ему было наплевать, заметил я его или нет, — следовательно, это был один из Релвеевых гонцов.

Я изменил курс и направился в Аль-Хар, где пожелал увидеться с полковником Блоком. Естественно, на низших бюрократических уровнях это было немыслимо. Тогда я спросил директора Релвея — с идентичным результатом. Я не спеша потрусили домой, довольный самим собой — теперь Блок не сможет обвинить меня в уклонении от моих гражданских обязанностей.

Дин был в муках творчества, сооружая цыплят с яблоками, запечеными в тесте. Он может творить на кухне чудеса, когда у него есть настроение. Мелонди Кадар сидела на столе, по-прежнему мучаясь похмельем и ненавидя весь свет. Синдж дулась на меня за то, что я исчез, не дождавшись отчета Джона Пружины. Пока меня не было, ее брат ушел, вернулся и ушел опять.

У Дина настроение было хорошим.

— Завтра придет мистер Малклар чинить нашу дверь.

— Хорошо.

Я уселся за еду. Один из котят вскарабкался по моей ноге и свил себе гнездышко на моих коленях. Другие рыскали по кухне. Одного держала на руках Синдж — судя по его самодовольной физиономии, он чувствовал себя здесь хозяином, а отнюдь не ручной зверюшкой.

— Дин, я хочу поговорить с тобой о Пенни Мрак и этих котятах.

Неразборчивое бормотание.

— Дин, я говорю серьезно. Из-за них начинаются конфликты. Погибают люди. Эти парни, которые никак не могут оставить в покое нашу дверь, уже успели поссориться с людьми Белинды, бандой Морли и даже с ребятами Релвея. Причем не по разу. А когда они

не ищут драки, то занимаются внешней отделкой фасада Бледсо. Какая здесь может быть связь?

— Лучше расскажите мне все по порядку. Возможно, я был слишком доверчив, — хмуро сказал Дин.

— Да что ты говоришь! Такого ведь никогда не случалось прежде, не так ли?

— Тебе не обязательно быть таким ядовитым, — вмешалась Синдж.

Я подавил искушение указать ей на то, что имею на это право, и вкратце обрисовал ситуацию.

— Не думаю, что Стражка захватила всю их банду. Полковник Блок говорит, что там было десять ребят в зеленом и еще двое командиров. Однако в Бледсо у меня возникло впечатление, что их было больше.

Дин всосал в себя с галлон воздуха и медленно выпустил его.

— Все, что мне известно — это что эти люди служат А-Лафу, это что-то вроде демона-бога. Его кульп взял в Йимбере верх. Он очень агрессивен и нетерпим. Женский кульп А-Лат был его главным соперником. Я уже пересказывал вам все, что услышал от Пенни.

— И поскольку она разыграла перед тобой большеглазую сиротку, ты скушал всю эту историю, не поморщившись.

— Признаю. Но это еще не значит, что она солгала.

— Это не значит также, что она сказала правду. Как мы можем до нее добраться?

Дин пожал плечами:

— Это зависит от нее. Не думаю, что она вернется сюда, после того как увидела Покойника. Он перепугал ее до смерти.

— Еще бы! — Мало кто хочет находиться рядом с Покойником, когда он бодрствует, зная, что он собой представляет. Я и сам делаю это не без оговорок.

Но я продолжил допрос:

— А какие предположения насчет связи этих зеленоштанников с Бледсо? Они выложили кучу денег, чтобы им дали вмонтировать в стены какие-то металлические статуи.

На лице Дина было написано изумление.

— Понятия не имею. В первый раз слышу о чем-то подобном.

Синдж принесла мне кружку пива, напомнив мне этим, что у нас с ней есть и свои дела.

Она проследила и за тем, чтобы угрюмой малышке Мелонди тоже досталась своя маленькая чашечка. Она такая заботливая, эта моя подружка Пулар Синдж!

— Итак, о мой дражайший и меньший из младших партнеров. Что такого мне следует узнать, о чем мне никто до сих пор не позабылся сообщить?

Мелонди Кадар пропищала:

— Тебе следует знать, что твоя чертова надменная манера держать себя нуждается в коренном пересмотре, верзила!

— Ого!

— Она завела речь о манерах только потому, что ее племя оказалось совершенно неспособным собрать полезную информацию, — проворчала Синдж. — Они были слишком заняты, таская со стола еду, вино, пиво, а заодно и мелкие ценности.

Это вызвало у Мелонди классический приступ негодования. Она брызгала слюной и неистовствовала минут восемь или десять. Главная ее проблема состояла в том, что Синдж была права: ее племя действительно продемонстрировало однозначное отсутствие дисциплины.

— Но ты хотя бы имеешь представление о том, как начался пожар?

— Нет. Я была снаружи.

Она нарисовала яркую картину столкновения между Безобразными Штанами с одной стороны и Плейметом, Плоскомордым Тарпом и возницами разномастных повозок — с другой. Хорошие парни победили благодаря численному преимуществу — хотя Мелонди сочла иноземцев неповоротливыми, тупыми и слабосильными.

Без всякой видимой причины и к своему собственному удивлению, Дин внезапно провозгласил:

— Было уже темно, не так ли? А ведь «А-Лат» означает «Королева Ночи».

— Э-э... — промычал я. — Да, наверное, это будет полезно иметь в виду.

Не позволяя себя перещеголять, Синдж пообещала:

— Джон Пружина снабдит тебя лучшим отчетом, как только собирает всех своих крыс.

— Было бы неплохо, — откликнулся я, не веря ей ни на секунду. Крысы, побывавшие в Уайтфилд-холле, вряд ли будут способны восстановить в памяти все детали — учитывая, сколько времени прошло после того, как в их мозгах все перемешалось от ужаса.

— Ну ладно, у меня был тяжелый день, — пробурчал я напоследок. — А снаружи становится все опаснее. Лучше бы мне особо не напиваться... Поэтому у меня такая стратегия: я буду пить и думать здесь, после того как вы все отправитесь на боковую.

Синдж наполнила мою кружку. Потом еще раз налила себе. Мелонди постучала по краешку своего сосуда, каковым служил костяной наперсток, доставшийся мне от моей матушки.

Глава 23

— К вам опять полковник Блок, — сообщил Дин.

— М-м?

— За дверью. Вы сами сказали мне открыть. Вы помните?

— Сэр, в моей памяти не сохранилось следов этого события.

Здесь я процитировал заявление, которое в последнее время часто приходилось слышать в Верховном суде, — где Корона неохотно рассматривала обвинения против наиболее отъявленных нарушителей спокойствия, замешанных в недавних беспорядках, связанных с ущемлением прав человека и преследованием расовых меньшинств. Обычная позиция адвоката Короны в отношении меньшинств была такова: они должны с самого начала ожидать, что с ними будут обращаться как с меньшинствами, а если же им это не нравится, то им прежде всего, вообще не следовало здесь появляться.

Дин провел полковника в мой кабинет, где я уже погрузился в светскую болтовню с Элинор на беглом подшофиjsком. Я спросил Блока:

— Ты вообще когда-нибудь отыхаешь?

Блок не женат, он даже не помолвлен. Не относится он также и к другому типу. У него есть одна-единственная любовь. И она слепа. Он ухаживает за ней уже очень давно — надеясь, что она и дальше будет оставаться слепой.

Когда-нибудь он пожалеет об этом.

— Э-э... — Ему никогда не приходило в голову, что можно просто отойти в сторону и расслабиться.

— Сходил бы на рыбалку.

— Я как-то пробовал, но мне не понравилось. Но если ты хочешь составить мне компанию...

Я развернул перед ним с ярд своей самой чарующей улыбки.

— Намек понят.

Для того чтобы пойти на рыбалку, необходимо выйти из города. А за городом кишмя кишат всяческие дикие насекомые, а также голодные твари, порой размером с дом... Я предпочел бы не ходить туда, если бы у меня был выбор. У меня было достаточно времени пообщаться с кровососами и плотоядными хищниками, пока я был в армии.

— Ты хотел чем-то со мной поделиться?

— Скорее, я надеялся, что это ты наконец-то раскроешь карты.

— Ну естественно. Ты надеялся, что я сделал за Релвея его работу, и теперь, просто потому что я весь такой законопослушный, выложу тебе ответы на все вопросы, над которыми ты ломаешь себе голову. Как будто у Релвея нет пары бригад его головорезов, чтобы ишачить на него!

— Тонко подмечено, Гаррет. Но Дил не находится внутри всего этого. Каким-то образом он даже умудрился не обзавестись ни одним наблюдателем на том саммите, что Белинда Контагю собрала в Уайтфилд-холле.

Я развернул перед ним еще один ярд своего очарования.

— На твоем месте я бы поразмыслил и над этим тоже. Каким образом ей удалось обвести вокруг пальца всю Стражу? О чем вы думали, черт побери, когда все с криками и воплями понеслись на южную окраину гоняться за кучкой психов, помешавшихся на правах человека? Да и были ли там какие-нибудь психи?

— О да, целый парк. Они не ушли от нас. Обычная бюрократическая путаница: правая рука вовремя не проинформировала левую. Ответственные за эту ошибку были переведены в Бастийский патруль.

— И в следующий раз, когда я нанесу визит в Аль-Хар, на их местах будут сидеть их близнецы-братья.

Блок кивнул, пожав плечами.

— Что поделаешь, такова человеческая природа. В Страже до сих пор есть люди, которые не прочь пополнить свой заработок, продавая внутреннюю информацию или оказывая мелкие услуги. — Он поник в кресле, словно обманутый любовник.

— Это хорошо, что ты можешь посмотреть правде в глаза.

— Ты прав, у нас в конторе многое оставляет желать лучшего. Но грядут перемены!

— Надеюсь, что так. Тебе удалось узнать что-нибудь интересное от ваших гостей в зеленом?

— О да! Они хотят спасти мир от Королевы Тьмы.

— Боже мой, скажите пожалуйста! И что это значит для нас, не являющихся религиозными фанатиками?

— Не знаю. Мы ищем специалиста по йимберским культуам. Я хочу знать, что здесь происходит на самом деле.

Вот почему я восхищаюсь Блоком: он понимает, что когда в дело замешаны люди, немногое оказывается тем, чем выглядит с первого взгляда. Впрочем, никогда не ошибешься, если с самого начала предположишь самое худшее и начнешь плясать оттуда.

Обуреваемый щедростью, я рассказал ему о своем неудачном визите в Аль-Хар.

— Они устанавливают статуи в стены Бледсо?

— Уже нет, вы же почти всех их посадили под замок.

— Но зачем им это понадобилось?

— Лучше спроси об этом самого себя. Потому что я понятия не имею.

Я почему-то сомневался, что Зеленые Штаны действительно испытывали потребность в благотворительных деяниях. Старый циничный я.

— Все, иду на рыбалку. После разговора с тобой ничего больше не остается.

— Есть одна мысль. Если предположить, что Зеленые Штаны — действительно какие-то религиозные гангстеры, тогда, может быть, то, что они затеяли в Бледсо, имеет отношение к их религии?

Блок раскрыл рот: мой прорыв интуиции ошеломил его.

— Черт побери, Гаррет! Беру обратно все, что я о тебе говорил. Видимо, ты все же можешь найти собственные ноги без Покойника и Морли Дотса, которые показывали бы тебе, где искать. Возможно, тебе даже удастся пересчитать на них пальцы, не заручаясь поддержкой со стороны.

— О! Острее змеиного жала жестокая зависть государственного мужа! Дин, принеси нам чаю.

— Не стоит беспокоиться, я уже ухожу. Я выяснил то, что мне было необходимо.

Здесь слышался некий зловещий подтекст.

— М-м?

Он не стал объяснять, оставив мои нервы растрепанными. Что и было его целью.

— Вот тебе совет, Гаррет. Даже два: найди Жнеца Темиска прежде, чем это сделает кто-нибудь другой. А когда найдешь, держи его подальше от Организации.

— М-м? — Детектив Гаррет славится бурными потоками красноречия, а также тонкими и блестящими репликами.

— У Дила есть друзья в низах. Среди гангстеров намечается новое веяние. Они все спрашивают себя: «Куда подевался Жнец Темиска?» Даже низшие боссы, не знающие толком, кто он такой, ищут Темиска — не хотят остаться позади всех. Пока что они недалеко продвинулись, поскольку все поголовно страдают от жесточайшего похмелья.

— Да уж, они пили так, словно это был их последний шанс надраться до самого Судного дня! — Я выбрался из кресла, намереваясь взять на себя обязанности гида, чтобы Блок не заблудился на обратном пути к входной двери. Он славился такой способностью. — Ты не заметил, когда шел сюда, за моим домом никто не следил? Не считая миссис Кардонлос и тупоумного взвода Стражи, базирующейся на ее территории?

— Тупоумного? Я уязвлен, сэр! Стража принимает в свои ряды только самые сливки из наиболее законопослушных граждан Танфера. — Заметьте, он ничего не отрицал. — Сказать тебе правду, Гаррет, я не обратил внимания. Это роскошь, которую мы теперь уже можем себе позволить.

— О чём ты говоришь?

— Мы можем позволить себе наплевать на то, что за нами кто-то наблюдает. И почему наблюдает. Это приходит от осознания, что ты делаешь свою работу достаточно хорошо, чтобы доверие к тебе людей, которые могут тебя уволить, было практически неисчерпаемым.

— Ого! — Вот это была гениальная мысль. Похоже, кому-то где-то очень нравилось, как работает Стража.

— Я пошлю ребят, пусть посмотрят под верандами и в переулках. Я посмотрел на него, приподняв бровь.

— Это часть нашей работы, Гаррет. Мы должны поддерживать порядок и защищать граждан.

С этими словами он шагнул в хаос, царивший на Макунадо.

Зачем он приходил? Что хотел выведать? И более тревожащая мысль: что затевали стоящие за ним люди теперь, когда война закончилась?

Вскоре после ухода полковника по окрестностям моего дома прошла волна, словно неожиданный порыв ветра в осиновой роще. Дюжина людей с короткими стрижками вытряхивала из кустов дюжину других, не столь откровенно официального вида. Единственным, кого я узнал, был Паук Уэбб.

Я вернулся к своему письменному столу, по-прежнему недоумевая, что же удалось выяснить у меня Блоку.

За время моего отсутствия моя чашка снова наполнилась чаем. Волшебство, не иначе: я не слышал ни единого звука.

Я взял в руки яйцеобразный камень, которым некий образцовый экземпляр деревенского простодушия пытался пробить дырку в моем черепе. Сегодня его поверхность не показалась мне скользкой или жирной на ощупь. Он казался теплым, живым. Просто держа его в руке, вертя его в пальцах, я почувствовал, что расслабляюсь. Я не заметил, как задремал.

Глава 24

Проснувшись, я побрел обратно в кухню в поисках горючего.

Дин штопал носки; на плите у него медленно бурлил соус, состоящий из помидоров, пряностей, чеснока и мелко накрошенного лука. Перед ним стояла внушительных размеров кружка с вином, что было не в его характере. Он плеснул немного в соус. Ага, вот в чем дело.

Синдж вылакала столько пива, что ее мутило. Пора уже посыпать за новым бочонком. Мелонди Кадар была в таком состоянии, что ее с трудом можно было отличить от мешка со студнем. От нее доносились звуки, отдаленно напоминавшие слова какого-то примитивного языка. Я сказал:

— Надо бы положить Мел в какую-нибудь коробку и закрыть на ключ, пока она не просохнет.

Синдж фыркнула — на это стоило посмотреть, да и звук был уникальный, нечто вроде бульканья. Похоже, ей было совсем не так плохо, как я сперва подумал.

Котята были повсюду, я не мог уследить за ними.

Дин сказал мне:

— Откройте входную дверь, я слишком занят.

Его слух был острее моего. Тот парень, похоже, промахнулся своей кувалдой.

Я был здесь единственным из прямоходящих, кто был способен самостоятельно передвигаться, так что я ухватил свою кружку и двинулся в южном направлении. После утомительного путешествия, перейдя долину и пройдя у подножия гор, я наконец очутился перед дюроньим глазком.

Роскошная, но совершенно измотанная голубоглазая брюнетка оккупировала мое крыльцо. Я был удивлен. Еще больше я был удивлен, увидев, что снаружи уже стемнело. И еще более удивлен тем, что она появилась без телохранителей и без своей безобразной черной кареты. Рассталась она и со своим обычным имиджем начинаяющего вампира — сейчас у нее вообще не было никакого стиля. Это было нечто простонародное, потрепанное, домохозяечье, без всякого намека на шлюховатость.

Я открыл дверь. Вглядываясь в темноту за ее спиной, я спросил:

— На новый прикид небось было угроблено немало труда?

— Именно. Ты не хочешь подвинуться, чтобы я смогла войти в дом прежде, чем меня кто-нибудь заметит?

Я подвинулся. Белинда вошла внутрь.

— Ты одна? — Я привык видеть ее в окружении нескольких теней, напоминавших шерстистых носорогов, которых научили передвигаться на задних ногах.

— Со мной только я и мое одиночество. Мне бы не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался, что я — это я. Не говоря уже о том, что всю свою команду я потеряла при пожаре.

— М-м? — Это было главное слово моего сегодняшнего словаря.

— Ты хоть знаешь, сколько народу наблюдает за твоим домом?

— Имею представление. У меня больше трудностей с вопросом «почему». Мне казалось, что они должны были уйти после того, как заметили последнюю кучку этих вандалов, которые пытались выломать мне дверь.

— Понятия не имею, о чем ты там лопочешь. С деловой точки зрения я посоветовала бы тебе оглядываться через плечо двадцать пять часов в день и восемь дней в неделю.

— М-м? — Ну вот, опять!

— Гаррет, вокруг тебя постоянно происходит какое-то дермо. Непонятное дермо. Странное дермо. Ты притягиваешь его, как лошадиный навоз притягивает мух.

— А вот ты и залетела ко мне на огонек! — Булькающий взрыв смеха Мелонди в ответ на эту фразу напомнил мне, что почти все в сборо. — Да, кстати, у нас тут на кухне вечеринка, так что проходи.

Белинда нахмурилась.

В ней чего-то не хватало. В эмоциональном плане она вернулась на ту позицию, где была, когда я впервые ее встретил. Испуганная, прекрасная, безумная и по уши в дерзме. Сейчас она была не в таком раздраже, как тогда, но это была уже и не безжалостная Контагю, королева преступного мира.

— Пойдем, — сказал я. — Тебе надо расслабиться.

Возможно, это было не лучшей стратегией. Белинда не пользовалась особенной любовью ни у кого из сидевших на кухне — хотя Дин, возможно, считал наихудшим ее пороком именно то, что ей откровенно нравилось, когда ее видели со мной.

Синдж одарила меня укоризненным взглядом, который Белинда не заметила, поскольку не очень хорошо знала крысиный народ. Мелонди Кадар не внесла своей лепты: она уже находилась на полпути к угасанию. Котята Белинде обрадовались. Стоило ей опуститься в кресло, как ее сразу же осадили пятнадцать или двадцать пушистых тварей.

Я сгреб Мелонди с поверхности стола.

— Пожалуй, провожу-ка я Мел до дома, пока одно из этих со-зданий не забыло о своих манерах.

Пикси вяло зажужжала в моей ладони. Я сжал ее покрепче, так чтобы она не могла выпорхнуть и размозжить себе голову о незамеченнную стену или потолок.

Я выглянул в глазок и не увидел ничего, кроме летучих мышей, мечущихся в лунном свете. Приоткрыв дверь, я тихо свистнул. У них должен был быть выставлен страж — которого, впрочем, скорее всего нужно было сперва разбудить. Пикси более чем предпочитают дневное время суток.

Они отыскали мужа Мелонди, и тот вкупе с ее семьей вступил во владение телом. Пикси хрюпала, словно шестидюймовый горизонтальный лесоруб. Ей связали крылья, чтобы она не смогла во сне предпринять что-либо опасное для жизни.

Я вернулся в дом.

Белинда ждала у двери в мой кабинет. При ней был большой кувшин с пивом, чайник с чаем, маленькая масляная лампа и поднос с подходящими к случаю аксессуарами.

— В чем дело?

— Мне не показалось, что там, на кухне, меня были рады видеть. Кроме того, мне не хотелось бы разговаривать при них.

— Дай-ка я зажгу лампу... Черт! — Моя нога опустилась на пол в толщине кошачьего уса от одного из котят, едва не раздавив его. Другого котенка я выпихнул из кресла для посетителей. Он вспрыгнул на письменный стол, где распушил шерсть и зашипел на яйцевидный камень — который не так давно лишь толщина другого кошачьего уса отделяла от того, чтобы вышибить мне мозги.

Белинда налила мне кружку пива, а себе чашку чаю, добавила сливки и кусок сахара размером с тротуарную плиту. Она погладила котенка, тут же заявившего права на ее колени.

— Так в чем же дело? — спросил я.

Она застыла — похоже, она все же была не так уж уверена, что хочет со мной говорить. Наконец она пересилила себя.

— Ты знаешь, где находится мой отец?

Что??

— Нет. В последний раз я видел его, когда ты выкатывала его из зала.

— О-о!

— В чем дело? Что случилось? Ты потеряла его?

— Что-то вроде того. Я выкатила его из зала, погрузила в карету и пошла искать тебя. И тут карета тронулась с места, и с тех пор ее никто не видел.

— Ну и ну. — Я поймал себя на том, что играю с каменным яйцом, в ущерб недовольному котенку у себя на коленях. В порыве вдохновения я внезапно понял, почему все так заинтересовались тем, чтобы найти Темиска. — Есть вероятность, что его сцепал кто-нибудь из местных главарей?

— Нет. Я бы уже чувствовала, что мне выкручивают руки. А они вместо этого бегают кругами, пытаясь понять, что происходит.

— Может быть, он просто решил сбежать от всего этого?

Что?

— Может быть, с него было уже довольно и он решил сбежать?

— Он был в коме, Гаррет!

— Ты так думаешь? Ты уверена? На все сто процентов? Он точно не был просто парализован?

— Ты сам знаешь, что это не так.

— Нет, не знаю, — солгал я. — Ты никому не позволяла подойти достаточно близко, чтобы удостовериться.

Она даже не стала возражать.

Мне припомнилась гипотеза Морли насчет того, что некий парень по имени Гаррет является моральным якорем спасения и эмоциональным пробным камнем для этой женщины-паука. Мне не нравилась такая работа. Всем известно, что делают девочки-пауки, когда мальчики подходят к ним слишком близко.

А может быть, это была классическая сделка: ты спасаешь кому-либо жизнь и несешь за это ответственность до конца дней своих. Порой стоит только надеть рыцарские доспехи, и тебе больше не дают их снять.

— О чём ты думаешь?

— Я думаю, что ты слишком опасная женщина для тех, кто находится рядом. А я нахожусь рядом с тобой очень часто.

— Тинни тоже довольно близко тебя знает.

— К несчастью. Но я не имею в виду личную жизнь.

— Ты боишься меня?

— Вот-вот. У тебя плохой характер. Но главная проблема в том, что ты плаваешь вместе с акулами. Я каждую минуту ожидаю, что на моей ноге сомкнутся челюсти.

— Несмотря на всех своих ангелов-хранителей?

— Ангелов? Назови хотя бы двух.

— Морли Дотс. Дил Релвей. Вестман Блок. Плеймет. Плоскомордый Тарп. Я не стану упоминать твоих деловых партнеров — Макс Вейдер далеко не ангел, да и Лестер Тейт тоже. Ну, и еще есть я.

Я смутился — секунд на десять. После чего у моего природного цинизма открылось второе дыхание. Когда-нибудь я симулирую собственную смерть и посмотрю, как все обернется.

— Ладно. Итак, ты потеряла след своего папочки. Давай-ка мягко вернемся к самому началу. Как случилось, что ты оказалась в таком состоянии, чтобы улизнуть от своих? Ты ведь не просто ищешь места, где укрыться, надеюсь?

— Нет. Утром я уйду отсюда и снова буду той, кем была с тех пор, как мы впервые встретились.

— Утром?

— Больше мне сегодня негде переночевать.

Я принялся крутить в руках тот камень с гораздо большим сосредоточением.

— Мне казалось, других своих подруг ты охотно пускаешь к себе на ночь.

— Хочешь знать правду?

— Пожалуй, нет — судя по тому, как ты на меня смотришь.

— Ни одна из моих подруг не внушила мне такого страха, как ты. Белинда продолжала гладить котенка, дуясь из-за того, что услышала что-то, что было ей не по нраву. Потом перевела взгляд на мои руки.

— Что это у тебя там такое, черт возьми? Что ты делаешь?

Я объяснил.

— Я оставил его здесь, когда пошел к вам на вечеринку. Не знаю... я как-то расслабляюсь, когда верчу его в руках.

Белинда протянула руку. Я позволил ей взять камень.

— Да, действительно...

Дин просунул голову в дверь.

— Вам еще что-то понадобится, прежде чем я пойду спать? — Он притащил с собой собственного четвероногого ублюдка.

— Как-то ничего не приходит в голову.

Он хмуро посмотрел на Белинду, понял, что у него не получится сделать это достаточно убедительно, вздохнул и закрыл дверь.

Синдж не озабочилась нас навестить. Это означало, что она дулась, но у нее не хватало решимости переносить свое дурное настроение на других.

Прикончив чай, Белинда налила себе пива. Мы принялись играть с котятами и понемножку расслабились — проболтали далеко

за полночь, как тинейджеры, хихикая над глупыми шутками. Я узнал, что у нее с самого детства никогда не было подруг. Их неоткуда было взять — все ее образцы для подражания были такого рода, каких культурные люди не приглашают на воскресные обеды.

Мы выпили уйму пива.

Глава 25

Синдж разбудила меня в совершенно несусветный час, явно подстрекаемая Дином — сам он не решался встретиться лицом к лицу с прямыми свидетельствами, которые могли бы подтвердить или опровергнуть похотливые видения, копошившиеся во внутренней полости его твердой черной черепушки. Для него не играл роли тот факт, что его видения были именно видениями, и ничем другим. К тому времени, как мы добрались до кровати, ни Белинда, ни я не были достаточно трезвы ни для чего более энергичного, нежели сон.

Выражение на морде Синдж было весьма кислым.

— Что там еще? — заворчал я. Утренний свет, игравший на занавесках моей комнаты, прямо-таки вопил, что о полдне не могло быть и речи. Фактически, судя по всему, был еще рассвет — время, когда лишь бешеные собаки и полные психи вылезают на улицу в поисках раннего червячка.

— Посыльный принес письмо от полковника Блока.

Из-под груды одеял выкарабкался котенок, потянулся, спрыгнул на пол и горделиво зашагал прочь из комнаты. Белинда промычала нечто нечленораздельное, но ясно говорившее: «Оставьте меня в покое!» и зарылась поглубже в одеяла.

— Я должен расписаться за него, или что?

— Нет. Это просто письмо.

Тогда зачем будить меня сейчас?

— Тогда зачем будить меня сейчас?

— Я подумала, что ты захочешь знать.

— А-а, вот оно что!

Уязвленная до глубины души, Синдж двинулась прочь. Меня это не заботило. До полудня нет места ни вежливости, ни состраданию.

Мне было наплевать, но заснуть снова я уже не мог.

Когда Белинда принялась ворчать на то, что я верчусь и дергаюсь, и угрожать мне переходом к любительскому сексу, совесть взяла верх, и я выбрался из кровати.

Я похлебал черного чая, густого от меда. Не помогло — окружающие предметы по-прежнему виделись мне в двойном количестве. Если бы не пять незабываемых лет, проведенных в Королевской морской пехоте, я заподозрил бы, что двоением в глазах природа мстит всем идиотам, которые верят, что разумное поведение включает в себя вставание на рассвете в обстоятельствах, не приближающихся к апокалиптическим.

Синдж сутилась, хлопча по хозяйству, так что на долю Дина оставалось еще меньше настоящей работы, которой он расплачивался за стол и крышу над головой. Она была нарочито оживленной и веселой, и даже ее соучастник по заговору убрал подальше ножи для разделки мяса.

— По утрам ты просто ужасен, — заявила Синдж.

— Угу, — прохрипел я, прикладывая максимум самообладания.

— Это все, что ты можешь из себя выжать?

— Я мог бы сказать «жри дермо и подавись», но ты бы обиделась. Я слишком тебя уважаю для этого. Итак, как насчет того, чтобы нам собраться всем вместе и посмотреть, что это за жизненно важное коммюнике?

Дин и Синдж усадили меня в моем кабинете, снабдив горячим черным чаем, печеньем и медом. Я принялся за дело — более или менее решительно. Со значительным перекосом в сторону «менее».

— Что там написано?

Синдж попыталась сама прочесть записку, но писец полковника Блока нацарапал ее скорописью. Таких вещей она читать еще не уме-

ла. Она быстро учится, но вряд ли когда-либо будет преподавать карентийскую литературу. (Последняя в основном состоит из саг и эпических поэм, населенных омерзительнейшими персонажами, которых поэты превозносят за их гадкое поведение. А также из театральных пьес, которые сейчас в моде, но выглядят сплошным идиотизмом, если их читать, а не смотреть на сцене.)

— Тут говорится, что жрец храма Эас и Айгори, что в Квартале Грез, — выходец из Йимбера. Здесь говорится также, что Стражи не будут разочарована в своем старом приятеле Гаррете, если его любознательность побудит его нанести визит вышеозначенному Биттегурну Бриттигарну, чьи соображения по поводу парней в зеленых панталонах могут представлять интерес для обеих сторон.

— То есть они сомневаются, что жрец станет разговаривать с ними, но у них нет убедительного повода, чтобы его арестовать.

— Что-то вроде того.

— Гаррет, ты только подумай, каким бы стал наш мир, если бы все были такими же заботливыми, как Дин!

— Он был бы по колено в лицемерии и к тому же стоял бы вверх тормашками.

— И все равно, это не значит, что Дин не лучше, чем большинство других людей.

— Аминь, девочка. Только прошу, хотя бы ты не становись уличным проповедником!

— Чем больше я становлюсь личностью, тем больше меня расстраивает, как люди относятся друг к другу из-за того, что они разные.

— Я не собираюсь начинать спорить.

— Ты еще недостаточно проснулся?

— Нет, просто иначе мне придется вести спор ради спора и утверждать, что незнакомец означает опасность. Чего, кстати, никто не станет отрицать — у каждого из нас так или иначе случаются в жизни неприятные ситуации.

— Очень хорошо, мистер Гаррет, — проговорил Дин от двери кабинета. — Ей-богу, безупречное рассуждение!

— Но мы не можем себе этого позволить.

— Сэр?

— Того, ради чего ты пытаешься меня умаслить... Кстати, послушайте, я не хочу, чтобы сегодня кто-нибудь из вас выходил на улицу.

Я услышал, как Белинда наверху начала шевелиться.

Дин и Синдж выглядели озадаченными.

— Покойник, — объяснил я. — За последнюю пару дней у нас было несколько посетителей, причем такого рода, которые обращают внимание на разные вещи. Они могли отметить тот факт, что в настоящий момент он не услаждает нас песнями и плясками. А когда люди думают, что он дрыхнет, они, как правило, начинают наглеть.

Дин онемел. Это был худший из его кошмаров — он ненавидит Покойника. Однако мы не можем обойтись без защиты логхира. На нас имеют зуб слишком многие.

— Было бы полезно, если бы вы двое приложили максимум усилий, чтобы разбудить его, пока я буду скитаться там снаружи — одинокий, побитый временем светлый рыцарь, удерживающий хрупкую баррикаду между твердыней чести и бездной хаоса.

Позади Дина появилась Белинда.

— С утром, Гаррет! В тебе не могло бы быть больше дерьма, даже если бы его заколачивали в тебя кувалдой.

Дин направился в кухню. Через мгновение он вернулся, таща с собой все, что могло понадобиться Белинде, чтобы усмирить похмелье и подготовиться к новому славному дню, полному преступлений и коррупции. Белинда провозгласила:

— Что бы там ни говорил Гаррет, а он настоящий мужчина! Он уже храпел, когда я не успела еще снять туфли.

Дин был доволен — несмотря на то, что уже слышал это прежде от меня. Но здесь была большая разница: мое заявление ровным счетом ничего не значило. Он предпочитал не верить мне, если этого можно было хоть как-то избежать.

— А что я должен был с тобой делать? — спросил я. — Кроме того что выгнать тебя отсюда, пока до Тинни не дошли слухи?

Такую возможность она еще не рассматривала. Но ее это явно не очень беспокоило.

— Кстати, позабочься об этом, Дин, — сказал я. — Постарайся избежать представления по поводу тысячелетнего юбилея города, когда будешь выпускать ее из дома.

Старик кинул на меня хмурый взгляд, говоривший, что я все же поддел его — на этот раз. И ему это не понравилось.

— Я справлюсь, мистер Гаррет.

Возможно, мне следовало бы надевать под трусы кольчугу.

Глава 26

Мне не пришлось скитаться в одиночку: шпик из тайной полиции увязался за мной в полуквартале от дома. Он не прилагал усилий, чтобы оставаться незамеченным.

Паук Уэбб был усмирен. Но он не сдался. Он просто немного отстал. Он исчез позже, когда я не смотрел на него. Так же поступили и несколько других, чья манера одеваться предполагала связь с миром не облагаемых налогом развлечений для взрослых. Однако мой фаворит шаркал себе вслед за мной, настолько вплотную, что мне поневоле приходилось слушать, как он напевает себе под нос. Он не прерывался ни на минуту, причем у него было еще больше проблем со слухом, чем у моего любимого антиисполнителя: меня самого. Я понятия не имел, что именно он пытался напеть.

Квартал Грез получил свое название оттого, что именно здесь духовное воображение человечества пускается во все тяжкие. А также из-за того, что война в Кантарде породила несколько поколений ветеранов, настолько циничных, что для них вера во что-нибудь традиционно религиозное могла показаться разве что дурацкой шуткой, над которой никто не смеется. В Кантарде никто никогда не молился о помощи, обещая встать на путь добродетели, там слышалось разве что «Господь драгоценный, не мог бы ты спасти мою грязную задницу?»

Божественные ответы были редкими и беспорядочными. Наиболее жалкими из несчастных кантардских простофиль были те, кто действительно получил то, о чем просил. Жить с целой задницей, но без рук или ног вовсе не так весело, как об этом говорят.

Квартал Грэз — это одна длинная улица, ведущая от берега реки в гущу одного из самых зажиточных районов Танфера. Местоположение на этой улице определяет статус поселившихся здесь божеств. Словно в некоем сложном танце, остающемся для меня загадкой даже после того, как я несколько раз сталкивался с ними, боги и богини Квартала Грэз степенно перемещаются из конца в конец улицы, от храма к храму, в соответствии с тем, на сколько верующих они могут претендовать. И, что еще более существенно — в соответствии с тем, насколько богата их паства. Один богатый прихожанин-вероотступник может стоить целой шайки нищих попрошаек, какими бы преданными они ни были. Любой бог может сделать игольное ушко достаточно широким, чтобы через него пролезло целое стадо вонючих верблюдов. И попробуйте-ка найти богиню, у которой не было бы шести или восьми рук, протянутых навстречу пожертвованиям!

И еще, странное дело: вид храмов меняется в соответствии с предполагаемой внешностью населяющих их богов, богинь или пантеонов.

Я слышал, что это боги являются нашим отражением, а не наоборот. Что ж, пожалуй, сообразительный бог мог бы придумать что-нибудь и получше, чем создавать себе верующих по своему образу и подобию. Если у него есть выбор.

Инстинкт подсказал мне начать с нижнего конца улицы, где последняя пара шатких храмов нависала над бурлящим коричневым потоком. Первый же человек, к которому я обратился, показал мне развалину, которую лишь два шага отделяло от того, чтобы быть худшей на всей улице. Я уже как-то раз посещал это здание некоторое время назад, по другому делу. Новое руководство не внесло существенных улучшений.

У Эас и Айори дела обстояли лучше, чем у их соседей. Это означало, что реке пришлось бы подняться над приливом не на фут, а на целый ярд, чтобы смыть их храм с лица земли.

Мой ум, подобный стальному капкану, мгновенно отметил, что этот йимберский культ несколько более преуспевает по сравнению с теми двумя, что принесли в мой дом невзгоды: у А-Лафа и А-Лат вообще не было собственных храмов.

Даже после того как я тридцать лет вынужденно прожил с самим собой, я все же чувствовал некоторое колебание, приближаясь к этому

хлеву. Он мог похвастаться лишь одним пустым помещением, способным вместить тридцать человек — если они были достаточно нё- велики ростом и не возражали против того, чтобы обнаружить свой нос под мышкой у соседа.

Жрец оказался совсем не таким, как я ожидал, — что, в общем-то, неудивительно, учитывая, что я и религия имеем между собой мало общего. Он мог бы сойти за толстого монаха-подручного какого-нибудь из монастырей с преуспевающего конца улицы; на нем даже было соответствующее черное одеяние. Однако его одежда избегала воды и мыла на протяжении столь долгого времени, что к настоящему моменту такой контакт мог бы оказаться фатальным для ткани.

Стоял еще какой-то кошмарный предполуденный час, когда яступил внутрь. Брат Биттегурн Бриттигарн попытался ответить мне на приветствие, но его язык заплетался — он уже пропустил парочку девяточку глотков взбадривающего для начала дня. К тому времени, как он смог сконцентрироваться, он уже снова забыл, как меня зовут.

— Кто ты такой, черт возьми? И какого черта тебе нужно?

— Я наслышан о вас как о лучшем специалисте по религиям Йимбера. У меня проблемы с людьми из Йимбера. Мой дом наводнен котятами и осажден здоровенными громилами, у которых не хватает мозгов понять, что лучше жрать сухие макароны, чем ходить в дурацких панталонах.

— Э? — Бриттигарн отхлебнул вина. Это был парень моего типа. Он уже знал, что ему нужно в жизни, и не собирался что-то из себя строить только для того, чтобы кому-то угодить.

Покойник всегда внушал мне, что при столкновении с неожиданностями следует полагаться на внешнее впечатление и здравый смысл — имея в виду, что не стоит бежать кросс с завязанными глазами через кладбище, полное оживших мертвецов. Внешнее впечатление говорило, что этот Биттегурн Бриттигарн тупее, чем мешок с камнями.

У Биттегурна было круглое лицо с крепкими, румяными щеками-яблоками; его характерной чертой были пышные, свисающие белые усы. Судя по всему, волосы мигрировали туда с верхушки его головы.

— Что, это секрет? — прорычал он, делая еще один здоровый глоток вина. Запах уксуса шибал в нос за десять футов. — Эх, славно!

Он ухмыльнулся, вытирая рот рукавом. Я объяснил еще раз:

— Я Гаррет. Я провожу расследования. Ищу людей. Задаю вопросы. Я пришел к вам, чтобы задать несколько вопросов о религиях в Йимбере.

— В Йимбере нет религий.

— Как вы сказали?

— Они теперь все здесь, в Танфере. Тебе какая нужна?

— Я задаю вопросы как раз для того, чтобы выяснить, что к чему. Он ждал — возможно, надеялся, что я предложу ему взятку. Я тоже ждал.

— Ты собираешься начинать? — спросил он наконец.

— Ну хорошо. Подытожим факты. Вы из Йимбера. Предположительно — эксперт по их религиям. У меня проблемы с религиозными фанатиками из Йимбера. Мой дом наводнен котятами, которых свалила на мою голову какая-то уличная беспризорница, предположительно являющаяся религиозной принцессой. Сразу после этого она исчезла. Сейчас вокруг моего дома околачиваются громилы, одетые в отвратительные зеленые панталоны. Предположительно работающие на бога по имени Алеф. Когда они не заняты разрушением частной собственности, они на добровольных началах восстанавливают и отделяют стены Бледсо. Куда замуровывают металлические статуэтки каких-то животных.

— А-Лаф.

— Что?

— Бога зовут А-Лаф, а не Алеф.

— Поправка принята. Это важно?

— Вряд ли... Черт побери! Этот мертвый солдат был последним из своего подразделения.

Очень образно.

— Посмотрим, может быть, мне удастся набрать пару рекрутов, когда мы закончим, — продолжил он.

Хм-м, когда ведешь расследование среди безумцев, часто бывает важно найти ниточку, за которую следует потянуть. Сейчас я, похоже, ухватился за целую веревку.

— Это что еще такое? — спросил жрец.

— Что?

— Вот это, что ты крутишь в руках.

— Это камень, которым кто-то пытался меня убить. Расскажите мне теперь об А-Лат.

На этот раз он не стал поправлять мое произношение.

— А-Лат — Королева Ночи. Мать Тьмы. Любовь и смерть, связанные в один мерзкий узел. Ее кульп раньше славился храмовой проституцией. Теперь он больше не существует... Можно, я посмотрю камень? Он какой-то неестественный.

— Как давно вы оставили Йимбер? Если этот кульп уже угас, как тогда получилось, что я оказался по уши в его противниках?

— Я здесь два года. Мои прихожане разбежались, когда люди А-Лафа принялись убивать тех, кто ему не поклонялся. Особенно женщин А-Лат. Последних верховных жриц они замучили до смерти, а священную кошку, воплощение богини на земле, принесли в жертву своему идиотскому идолу в храме А-Лафа.

Ага. Наконец-то я получил настоящую информацию. Покойник был прав — терпение всегда вознаграждается.

Все начинало вставать на свои места, в деле появились рисунок и ритм. Танфер, очевидно, был уже вторичной зоной конфликта. А Йимбер небось полнился пророчествами и слухами о тайных мстителях, носителях неведомых клятв. Там, должно быть, встречались храбрые бойцы, продолжавшие борьбу даже несмотря на то, что вся надежда казалась потерянной. Одноглазые и левши, потерявшие палец с правой руки. Материал для возвышенных героических сказаний — в масштабах фермерских сообществ, разумеется. Где большинство королевских подданных не даст и крысиного зада за подобную чепуху. Им хватает своих громовых ящеров, с которых надо сдирать шкуры, и семян, которые надо сажать.

— Дай мне посмотреть на эту штуку.

Преодолев минутное иррациональное нежелание, я протянул камень старине ББ.

Он хмыкнул и уставился на него. Придвигаясь поближе к свету, отбрасываемому кучкой обетных свечей, он становился все бледнее. В конце концов он вскрикнул, выронил камень, потом снова обрел самообладание и пихнул камень обратно мне.

— Держи его подальше от огня. От любого огня. А так делай с ним что хочешь.

— А?

— Позволишь пламени коснуться его — будешь потом жалеть всю жизнь. Которая скорее всего продлится после этого не больше минуты — если боги тебя очень любят.

Мне не понравилось, как это прозвучало.

— Какого черта?

— Ты ведь небось и знать не знаешь, что за чертовщина у тебя в руках, а?

— У меня в руках зеленый камень, которым кто-то пытался вышибить мне мозги. Я начал носить его с собой, потому что, когда я кручу его в руках, я становлюсь спокойнее, расслабляюсь и начинаю мыслить яснее.

— Твои руки теплые, ему это нравится. Поэтому он делает так, что тебе хорошо.

У меня теплые руки? Расскажите это Тинни!

— Как насчет небольшого намека?

— Он похож на яйцо, так? Это потому, что это и есть яйцо.

— Что? — мысль старины Гаррета порой бывает быстрее ледника.

— Дружище, к тебе попало яйцо птицы Рух. Уж не знаю, зачем кому-то понадобилось вышибать им тебе мозги, но...

— Отлично придумано, черт побери! Ну конечно, если камень в форме яйца, значит, это и есть яйцо! А потом из него вылупляются малютки-булыжники.

— Рух. Огненная птица. Спалит твой дом вместе с тобой за полминуты, если яйцо коснется огня и она вылупится.

— Огненная птица? Я всегда думал, что огненная птица — это феникс.

— Без разницы. На твоем месте я бы сейчас бегом побежал на улицу и проверил, далеко ли я смогу зашвырнуть его в речку. Там в грязи ему будет хорошо и прохладно.

— Но птицы Рух большие! Они могут унести мамонта.

— Преувеличение. В окрестностях Йимбера есть четыре вида, и самые большие унесут разве что ягненка или небольшую собаку. Людям кажется, что птицы большие, потому что люди так спешат побыстрее оказаться в укрытии, что у них нет времени рассмотреть

повнимательнее. Самые маленькие птицы Рух размером ненамного больше воробья — порскают взад-вперед, как колибри. Это твое яйцо — от птицы, которую называют «райским фениксом». Она похоже на фазана в клоунском наряде.

— Как попугай?

— Ярче. Они пестрые, как шлюхи. Из-за этого на них так много охотятся — ради перьев.

— Как же это возможно — охотиться на птицу Рух, да еще вытаскивать из нее перья?

— А как в том анекдоте: осторожно.

Я окинул его недоверчивым взглядом. Он увел меня в сторону от расследования в области сравнительного религиоведения.

— Моя мать иногда говорила о чем-нибудь: «редкое, как яйцо птицы Рух». Или еще «как жабий мех» или «куриные зубы».

— Яйца птицы Рух попадаются чаще, чем куртки из жабьего меха, но они все же не валяются под ногами. Особенно большие. Чтобы разорить гнездо феникса, нужно редкое сочетание: отчаянная храбрость и откровенный идиотизм.

— Кажется, я знаю пару подходящих парней...

— Вот-вот. Среди А-Лафовых пономарей полно храбрых идиотов, но дьяконы — это те парни, которые говорят им, что делать, — не стали бы терять людей из-за такой ерунды. У тебя здесь настоящее чудо, друг мой. Представить не могу, как кто-нибудь из них мог раздобыть такое яйцо. Разве, может быть, когда они грабили храм А-Лат — у нее их было навалом.

Старый ББ прервался, чтобы оросить свои трубопроводы добрый полупинтой вина.

— А я думал, что тот мертвый солдат был последним из своего племени.

— Ты же не побежал захотеть... не захотел побежать... черт. В общем, у нас в строю новое подразделение. Выдержано в бочонках с прошлого Седонина дня.

— Чего?

— Седонина дня — священного дня, посвященного Имнамику. Это было позавчера... Парень, говорю тебе, если бы это было мое яйцо, я бы выскочил наружу и закинул бы его как можно дальше. Пусть себе лежит где-нибудь там, в холодной-холодной глине...

Я не обращал внимания на его болтовню, которая на сто процентов состояла из абсолютной чуши. Но это навело меня на некоторые мысли...

— А что, если бы я захотел убить кого-нибудь, напустив на него огонь?

Лицо ББ еще больше побагровело.

— Слушай, проныра, у меня не так уж много денег, но я не из тех, кто...

— Я вовсе не собираюсь никого убивать! Просто я хочу выяснить, отчего они умирают. Это еще одно дело, которым я интересуюсь — загорающиеся люди.

Я вкратце объяснил ему, что к чему, не называя имен.

— Да, я вижу, почему ты мог бы подумать на яйца птицы Рух, если бы слышал о них прежде... Но только твоей жертве пришлось бы тебе помочь. И главное — зачем вообще это нужно? Есть и более легкие способы убивать людей. Хотя это действительно похоже на какое-то колдовство... Поищи какого-нибудь огненного чародея, у которого не хватает летучих мышей на колокольне. Или неприветного гения-пиromана, которого еще не заметили эти кошмары с Холма. Может, какой-нибудь беженец...

Последняя бутылка, появившаяся из ниоткуда, обладала, очевидно, особенно мощным воздействием. У ББ начались трудности с выговариванием слов. Еще немного, и он перейдет к языку, непонятному ни для кого, кроме самого Биттегурна Бриттигарна.

— Может быть, это кто-нибудь, кто обнаружил свои способности лишь недавно и думает, что сможет держать их в тайне? Кто-нибудь с особенно темным даром?

— Вот-вот, капитан. Держи курс куда надо и будешь там!

Похоже, мы уже приближались к стране хлопка одной ладони.

— Помогите мне еще немного, пока вы еще в состоянии, пастор. Мне нужно узнать побольше о культе А-Лат. Вы сказали, что его уже не существует. Но я знаю одну девочку, которая говорит, что она верховная жрица А-Лат.

Все внимание Биттегурна Бриттигарна было сконцентрировано на том, чтобы донести бутыль с вином до рта без существенных потерь по пути. Я спросил:

— Каким образом яйцо птицы Рух превратилось в снаряд, предназначенный, чтобы вышибить мне мозги?

И если это действительно было яйцо, почему оно твердое, как камень?

— Не знаю, парень. Спроси того парня, который его кинул.

Это входило в мой список. Если Блок с Релвеем не будут против.

ББ быстро ускользнул от меня.

— А эта банда А-Лафа — зачем им реставрировать Бледсо?

Он не был местным уроженцем; ему пришлось объяснять, что такое благотворительная больница.

— За последние пятьдесят лет никто, кроме претендентов на имперский престол, не вложил в Бледсо и медного гроша. — (Большое преувеличение. Бледсо — единственное благотворительное учреждение, питаемое от благосостояния Танфера. Но сейчас это не имело значения). — Я действительно очень хочу знать, зачем они замуровывают в стены этих металлических животных.

Биттегурн Бриттигарн сделал очень, очень долгий глоток.

— Это все страдания.

— В каком смысле?

Глаза жреца закрылись. Когда они открылись вновь, их выражение ясно говорило: «Как, ты еще здесь?». Он ничего не сказал — возможно, просто не мог. Но теперь я уже имел несколько интересных направлений для дальнейшего расследования.

— Я очень ценю, что вы уделили мне время, оторвавшись от своих занятий. Мне пора идти — мама, наверное, уже волнуется.

Он не ответил, если не считать ответом вытекшую изо рта струйку слюны. За какие-то полчаса трезвый, дружелюбный, хотя и уклончивый человек превратился в слюнявую развалину.

— Страдание, — повторял он. — Они пытаются страданием.

Жрец сполз на пол, привалившись спиной к стенке, предварительно позаботившись, чтобы новая бутылка была под рукой и несколько других в зоне досягаемости. Он принялся бубнить песню, то ли на каком-то литургическом диалекте, то ли на том кошмарном наречии, которое знакомо лишь тем, кто находится в необходимой степени опьянения.

Бабах!

Удар отбросил меня к стене. Я развернулся в прыжке и метнулся навстречу толстой низенькой женщине, которая уже снова направляла в мою сторону рабочий конец метлы... откуда-то с другого края города.

Бабах!

— Эй! Какого...

— Так значит, ты и есть тот ублюдок, который заманил моего Битте в обитель греха!

Бабах! Она вложила в удар весь свой вес.

— Послушайте, леди, я впервые увидел этого парня полчаса назад!

— Ах ты черви! Гнойный прыщ на заднице греха! Ах ты... — последовали другие незаслуженные оскорблении. В большом количестве. Благодаря более длинным конечностям, а также отточенным боевым навыкам мне в конце концов все же удалось обойти эту толстую каргу и спастись бегством.

Она не преследовала меня.

Оказавшись за дверью, где меня уже не было видно, я остановился и стал слушать, как она обращает свой гнев на бездвижное тело никчемного, упившегося вином старого ублюдка Биттегурана Бриттигарна.

К тому моменту, когда я двинулся домой, я был уверен, что знаю, почему Бриттигарн завел роман с прокисшим виноградом.

Глава 27

Вооруженный новым чудесным знанием, я не спеша направлялся в свою часть города. Я не обращал внимания на то, что происходило вокруг. Лишь через некоторое время я осознал, что мой полицейский ангел-хранитель куда-то делся, а Паук Уэбб снова идет за мной.

Паучок всего-навсего хотел знать, куда я иду и с кем собираюсь встретиться. Ха-ха. Я довел его до Аль-Хара и пошел себе дальше, получив очередной отказ в доступе к Блоку и Релвею. Отрицалось даже само существование Релвея, несмотря на то что его публично провозгласили главой Конфиденциальной Комиссии по Королевской Безопасности. Я еще раз прошелся мимо жилища Жнеца Темиска. Его не было дома. Я обошел «Пальмы», не потревожив Морли Дотса или кого-либо из его тронутых приспешников. К тому времени мои глаза уже съезжались к переносице — мне не стоило вставать так рано.

Я налетел на Плоскомордого Тарпа в четырех кварталах от дома. Он был не один. Я не успел вовремя нырнуть в сторонку.

— Эгей, жопоголовый! — заревела Торнада. — Я тебя видела! Не вздумай пытаться улизнуть!

Эта женщина имеет склонность высказываться на полной громкости. Тарп, кажется, был смущен тем, что его застали в такой компании.

Торнада выглядит очень недурно. Она блондинка и все, что надо, расположено у нее там, где надо, — причем боги не поскупились, создавая эти лучшие части. Однако в ней есть несколько особенностей, отвлекающих от ее естественной привлекательности: размеры и манера поведения. Ростом Торнада чуть ли не выше меня, а что до манер, то она ужасная склочница... и это еще мягко сказано. К счастью, мне в последнее время, как правило, удается ее избегать.

Плоскомордый попытался соорудить на лице извиняющееся выражение, не говоря при этом ничего такого, за что ему могли бы надрать задницу.

— Я тут искал то, что ты просил меня найти. Я знаю, где оно.

— Вот как? То есть ты знаешь, где это находится в настоящий момент?

Собственно, я видел Пенни Мрак в квартале от нас: ее незаметное поведение бросалось в глаза. Она держалась в тени и выжидала. Она шла следом за Тарпом и его конвоиршей — без сомнения, пытаясь выяснить, что за человек ее высматривает и с какой целью.

Возле самого моего уха раздался писклявый голосок:

— О, вы действительно Гаррет? Тот самый Гаррет? Человек, который...

— Да, это определенно он, — подтвердила Торнада. — Человек, который.

Поставленный рядом с Торнадой, этот парень был практически невидим. Он был на десять дюймов ниже нее, худющий как скелет, бледный как труп и дерганый, как шлюха на воскресной проповеди.

— Меня зовут Ион Сальватор, мистер Гаррет, и для меня огромная честь познакомиться с вами. Я так много о вас слышал!

— Его зовут Пилсудс Вильчик, — рявкнула Торнада. — А я зову его Прилипала!

Ион Сальватор вымученно улыбнулся.

— Это тот парень, о котором я тебе рассказывал, — сказал Плоскомордый. — Который ходит за Торнадой по пятам и записывает все, что она делает.

Ион Сальватор снова улыбнулся и закивал. Я спросил его:

— Зачем это тебе?

— Потому что я обалденно герническая фигура, но на героизм уходит столько времени, что мне некогда записывать сагу о самой себе, — ответила за него Торнада.

— Не говоря уже о том, что ты и писать-то не умеешь, а?

Плоскомордый засмеялся.

— По правде говоря, все дело в том, что она как-то раз дала это-му малому, когда нагрузилась так, что лыка не вязала. И ему так понравилось, что с тех пор ей никак не стряхнуть его с хвоста.

— Все было не так, — сердито проворчала Торнада. — Во всяком случае, не совсем.

Я взглянул на Йона Сальватора: похоже, он не возражал против того, чтобы о нем говорили так, словно его здесь не было. Наверное, так было на протяжении всей его жизни. Бывают такие люди — невидимки от природы. И бывают времена, когда я им завидую.

Сальватор вытащил маленькую дощечку, к лицевой поверхности которой кнопками были прикреплены несколько листков дешевой бумаги, и принял яростно строчить. Его стило было из тех, что делают на нашей фабрике — той самой, где я владею небольшим пакетом акций.

Жалейте его, если хотите, но ведь Йоны Сальваторы не с неба берутся. Они сами стали такими, какие есть.

— Рад познакомиться, — сказал я. — Только не пиши ничего такого, что Стража могла бы использовать в качестве свидетельства.

Интересно, что он делал на войне? В любом случае он, очевидно, выжил.

Торнада насмешливо фыркнула.

— Ты ведь всегда ходишь по краю, дорогуша, — пояснил я ей.

Такова ее натура. Она сама не хочет ничего другого. Ну я-то не против — пока она не втягивает меня в свои заварушки.

— Плоскомордый, скажи-ка еще раз: где, по-твоему, находится сейчас предмет нашего интереса?

— Где-то отсиживается, наверное. Не хочет лишний раз высрываться.

— Вообще-то она как раз за твоей спиной, околачивается перед угольным амбаром Скэттлмена. И следит за тобой.

Никто не повернул голову, даже Прилипала.

— Черт! Больно она сметлива для своего возраста, — пробор-мотал Тарп.

— Не знаю, не знаю... — У множества ребят как раз такого возраста вполне хватает смекалки, чтобы выжить. Плоскомордый и сам когда-то был таким. — Возможно, у нее действительно больше талантов и возможностей, чем у других.

Плоскомордый выжидательно уставился на меня.

— Я иду домой, — сказал я. — Если кто-нибудь завернет ко мне с особым призом, возможно, я выйду к нему, держа в руках жирный кусок.

— Понял.

Торнада сделала попытку вмешаться, надеясь оторвать кусочек и для себя, но я проигнорировал ее. Это, впрочем, не всегда является мудрым решением: она способна сбить тебя с ног просто для того, чтобы привлечь к себе внимание.

— Неплохая работа, Плоскомордый. Следующее, что ты можешь для меня сделать, — это найти Жнеца Темиска.

— Этого темного адвокатишку?

— Его самого. Не очень выставляйся, особенно если действительно найдешь его. Учитель Уайт тоже его ищет, и совсем не для того, чтобы вручить ему подарок на день рождения.

— Понял.

— Ну, тогда увидимся. Да, и еще одно... Торнада! Хочешь изумить богов неба и земли до потери пульса?

— А что?

— Держись подальше от неприятностей.

— Ты просто лошадиная задница, Гаррет, и ничего больше!

— Зато очень уютная, теплая и милая.

— Такая же милая, как эти гигантские дикобразы — громовые ящеры.

Настоящая женщина! Что бы там ни было, а она всегда оставит последнее слово за собой. Поскольку женщины живут дольше, для меня не было смысла пытаться выиграть спор упрямством, так что пришлось убираться подобру-поздорову.

Йон Сальватор записал все до последнего слова.

Глава 28

Подойдя к дому, я почувствовал, что что-то немного не так, как раньше. И дело было не только в том, что вокруг дома околачивались стражники и люди Учителя Уайта — Уэлби Делл с приятелем. Напарником Уэлби был альбинос ростом под два метра, настолько исхудавший, что одна маленькая девочка как-то назвала его Скелингтоном. Кличка прилипла. Судя по всему, они не замечали, что находятся в присутствии представителей закона. Закон же, с другой стороны, отлично их замечал. Релвеевы гонцы были повсюду. Жилище миссис Кардонлос кишило, как развороченный муравейник.

Я постучал в дверь (по-видимому, мастер так еще и не приходил — мой ключ оказался абсолютно бесполезен). Меня впустила Пулар Синдж.

— Ну как, узнал что-нибудь?

— Я пользуюсь большей популярностью, чем когда-либо надеялся, — легионы фанатов следуют за мной повсюду! Правда, ни один не пытался встать у меня на пути.

Синдж зашипела: она увидела что-то за моей спиной. Я повернулся, но было слишком поздно.

— Что там?

— Один из этих людей в непотребных панталонах.

— Так значит, Релвей их не всех переловил. Что здесь происходит?

— А что?

— Мне кажется, что что-то изменилось.

— Джон Пружина ждет тебя на кухне.

— И он чего-то хочет?

— Он хочет, чтобы ты выслушал его доклад. Почему бы тебе не войти внутрь, чтобы я смогла закрыть дверь?

Не самая плохая идея, учитывая, что поблизости отидался громила из банды Зеленых Штанов. А вдруг у него праща и полный карман каменных яиц?

Словно по подсказке, что-то прожужжало мимо моего правого уха. Впрочем, это был не выстрел снайпера. Это была Мелонди Кадар. На мгновение зависнув в воздухе, она направилась на кухню — без сомнения, в поисках чего-нибудь горячительного. Там она немедленно вступила в пререкания с Дином. У Дина не было к ней ни капли сочувствия. У него проблемы с пониманием: он решительно отказывается называть похмелье иначе, чем добровольным недугом.

Будучи опытным наблюдателем, я заметил:

— Он не в духе.

— Сегодня все оборачивается не в его пользу, — сказала Синдж.

Я почуял какую-то историю. Она чего-то не хотела мне рассказывать.

Джон Пружина вошел из кухни в мой кабинет, следя за своим носом.

— Никогда не замечал, насколько длинная у него морда, — сказал я.

Джон Пружина наступил, насколько это возможно для крысы. Я успокаивающе сказал:

— Мы с Синдж просто болтаем.

Я уселся позади своего письменного стола. Почти немедленно на моих коленях оказался котенок. Мгновением позже прилетела Мелонди Кадар.

— Он мог бы прихлопнуть тебя мухобойкой, и ты была бы вне игры. Так что кончай ныть.

Джон Пружина начал рассказывать о том, что его крысы увидели в Уайтфилд-холле. Я остановил его:

— Погоди-ка! Здесь нужно кое-что записать.

У него оказалось гораздо больше, чем я ожидал. Он цитировал высказывания Белиндиных меньших боссов, и некоторые из них достаточно ясно открывали, о чем они думают.

Прежде чем он закончил, я уже имел представление, как расположены главные игроки. Я надеялся только на то, что он не выдумал все рассказанное — решив, что как раз нечто подобное я и хочу услышать.

— Джон, да ты просто золотая жила! — При виде подобных самородков директор Релвей принял бы петь и плясать. Очевидно, появление Чодо в Уайтфилд-холле произвело в криминальном мире драматическую перемену.

К сожалению, ничего из этого не могло мне пригодиться.

— Постой-ка, — сказал я крысиному королю (я подозревал, что именно так Джон Пружина называет себя в глубине души). — Мелонди, дева моей мечты, я вижу, ты вся так и буришь. Что, ты вспомнила что-нибудь, о чем еще не рассказала мне?

Как выяснилось, ничего особенного у нее не было.

— Ну ладно. Кто-нибудь из вас может сказать, отчего начался пожар?

Нет. Все эти глаза не увидели той единственной вещи, которую упустил я.

— Может быть, это было какое-то колдовство?

(Огонь же не может просто материализоваться на пустом месте, правда?)

Ни Мелонди, ни Джон Пружина не обнаружили признаков колдовства.

— Есть какие-нибудь соображения? Первой жертвой была крыса. Потом Бай Клакстон. Как они загорелись? Все остальное в кухне осталось неповрежденным.

Но никто ничего не мог мне сказать.

В этом не имелось никакого смысла. Впрочем, действительно было похоже, что общим знаменателем во всех этих инцидентах являлся именно Чодо Контагью.

Проклятье! Я пожалел, что послал Плоскомордого искать Пенни Мрак. Он мог бы отправиться в северную часть города и заняться там вместо меня утомительной, но необходимой беготней.

— Я бы сказала тебе, если бы могла — если бы знала! — резко сказала Мелонди Кадар. — Ты несправедлив ко мне.

Я взглянул через плечо: Элинор, похоже, все это забавляло. Это немедленно убедило меня, что вскоре дела пойдут еще хуже.

Так оно и случилось, едва я успел начать сопоставлять факты.

Появился Дин с закусками. На его циферблате сияло то самодовольно-злорадное выражение, какое там бывает всегда, когда он зна-

ет, что мне не избежать получения жизненного опыта, включающего в себя чертову уйму работы. Не потому, что нам нужны деньги, а потому, что, по его убогому мнению, это хорошо для моей души.

Кто-то принял колошматить во входную дверь. Усмешка сбежала с Динова лица. Он не мог отказаться идти открывать: остальные из нас были заняты, кроме того, это была его работа. Ворча себе под нос, он направился к выходу. Я налил себе чаю. Синдж и Джон Пружина принялись за сдобу, набирая жир к зиме.

Дин вернулся. Самодовольная мина вернулась на его лицо.

— Это мистер Тарп, сэр.

Плоскомордый заполнил собой дверной проем. Он выглядел испуганным — что можно наблюдать не чаще, чем яйцо птицы Рух.

— У тебя есть задняя дверь, Гаррет?

— Что случилось? Что ты натворил?

— Я ничего не натворил — только то, что ты мне сказал! И ты мне за это должен. Это ты во всем виноват!

— Эй-эй, верзила, повороти коней! И сдай назад к тому месту, откуда стартовал.

— Ты сказал мне поймать эту девчонку, Пенни Мрак. Я так и сделал. Но только стоило ей оказаться у меня в руках, как она начала вопить про изнасилование, и содомию, и кровосмешение, и черт знает какое еще дермо.

Это явно беспокоило его далеко не так сильно, как следующий факт:

— И там были люди, и они слушали, Гаррет! Ты слышишь, что я говорю? Люди слушали! И не просто слушали — некоторые из них пытались ей помочь! Мало того, они еще и погнались за мной, когда я решил бросить это гиблое дело и свалить!

— Поэтому и весь этот шум там, снаружи?

— Не знаю. Может быть, они боялись из-за того, что хотят, чтобы ты вышел к ним и научил их танцевать дабларфаред! Ты ведь известный танцор!

Я покачал головой. Вздохнул. Еще раз покачал головой. Куда катится этот мир? С каких это пор танферцам есть дело до того, что происходит с одним из бесчисленных городских дикарей-оборванцев?

— Это все ты, Гаррет! — продолжал реветь Плоскомордый. — С тех самых пор, как ты занялся своими расследованиями, ты только

и делал, что дудел нам про кротких, которые что-то там унаследуют. И вот теперь полгорода повелось на твою благонамеренную чепуху!

— Это долго не продлится, — пообещал я, в отчаянии от того, что он вообще уловил идею о благих намерениях. — Социальная инерция слишком велика. Слишком много людей слишком глубоко вовлечены в свой прежний образ жизни — особенно там, на Холме. Расслабься, скоро им надоест и они уйдут. Дин! У тебя не было проблем, когда ты провожал Белинду?

Он признал, что проблем не было — она не привлекла к себе никакого внимания. То есть наблюдатели, засевшие вокруг моего дома, приняли ее за одну из моих подружек по спальне. В свою очередь, это означало, что мне придется как-то объясняться, когда об этом узнает Тинни.

Она всегда узнаёт.

— Ну что ж, поскольку вы все здесь и не имеете более интересных занятий, послушайте-ка вот это. — И я поведал им историю моего посещения брата Биттегуна Бриттигарна в храме Эас и Айгори.

Как выяснилось, я упустил поставить старику ББ на вид его неблаговидное поведение по отношению к его собственной религии. Дин указал мне на это — лучась самодовольствием.

Синдж хотела посмотреть на каменное яйцо. Они все хотели. Я пустил его по кругу.

Джон Пружина сказал:

— Жрец надул тебя, Гаррет. Этот камень поднят со дна ручья. Ты можешь накопать тысячу точно таких же на оружейном рынке.

Синдж сказала:

— Наши предки собирали для солдат камни, выпущенные из пращи.

Праща никогда не была официально признанным оружием ни в одном карентийском роде войск, но в Кантарде обе стороны использовали подручные средства. Некоторые из сражавшихся были настолько отсталыми, что считали пращу технологической новинкой поразительной убойной силы — так что даже сами боги якобы протестовали против ее применения.

Было достигнуто общее согласие: мое каменное яйцо было обычным камнем, а ББ просто посмеялся надо мной.

Во зле входной двери раздался шум. Плоскомордый подпрыгнул и принял затравленно озираться. Брюзжа на всеобщую несправедливость, Дин направился на бак Гарретова флагманского корабля.

Вернувшись, он провозгласил:

— Просто толпа соседей. Вы будете говорить с ними?

— Нет. Если бы ты взял в дом собак вместо кошек, мы могли бы спустить их на этот сброд.

Чудовище на моих коленях шевельнулось, но лишь для того, чтобы улечься в более комфортабельной позиции.

— Это будет долгая осада? — спросил Джон Пружина. — Мне нужно возвращаться. Мои люди имеют склонность попадать в перепряги.

— Я не знаю, — пожал плечами Дин. — Но мистер Гаррет прав: в конце концов им это надоест и они разойдутся.

Ну да — когда мои приятели из Стражи скажут им пару слов, после чего эти идиоты решат, что домашний обед гораздо привлекательнее, чем толочься здесь, выкрикивая оскорбления из-за какого-то ложного обвинения.

У-упс! А что, если Релвеевы гонцы схватят девчонку?

— Послушай, Плоскомордый, — сказал я. — А как дела у Торнады с ее любимцем?

Тарп ухмыльнулся.

— Дело закрыто, браток. У Торнады в голове только физа... физо... что-то такое коллагенческое, и теперь ей нужен кто-то, кто захочет...

Я содрогнулся, хотя не имел ни малейшего представления, о чем речь. Если я вообще хоть что-то понял, то Торнада была права, и надо было искать такого человека, который считал бы подобные вещи захватывающими. Чем бы они ни были.

— Да, интересно, — сказал я, словно это действительно было так. — Ну ладно, этот день был одним из самых долгих в моей жизни. Благодаря вот этим двоим душегубам, — я ткнул обвиняющим перстом в Синдж и Дина. — Они взялись за меня, когда червячки еще не вылезли в поисках ранних пташек, так что теперь я настолько устал, что, наверное, даже не пойду на фабрику сегодня вечером.

— Тинни еще не закончила залиться на тебя, — сказала Синдж. — Тебе стоило бы держаться от нее подальше до тех пор, пока она не будет готова принять твои извинения.

— А когда она услышит про Белинду? — Жизнь становится все более запутанной, если ты слишком глубоко вовлекаешься в нее.

Дин насмешливо улыбнулся.

Плоскомордый спросил:

— А как ты собираешься выйти отсюда? Я спрашиваю на тот случай, если мне все же придется выходить отсюда самому.

— Надо просто подождать, пока они утомятся.

— Шум-то вроде не утихает.

Я пожал плечами. Я валился с ног от усталости. Кроме того, это смутное чувство, что я угодил в какую-то западню, не покидало меня с тех пор, как я вернулся домой.

Бам-м! Грохот сотряс здание. С моего стола посыпались вещи, портрет Элинор закачался и повис под углом. Дин шмыгнул в кухню. В моих ушах эвенело. Я не слышал, чтобы там что-нибудь упало, но, возможно, лишь потому, что на мгновение оглох.

Глаза Синдж расширились от ужаса. Джон Пружина тоже выглядел напуганным. Крысиные инстинкты брали верх. Они не бросились прочь только потому, что бежать было некуда.

Мелонди Кадар лежала в обмороке.

— Неплохо, — сказал я. Мой голос звучал как-то странно. Я скорее чувствовал, чем слышал, как гром перекатывается где-то в отдалении. — Должно быть, где-то здесь по соседству долбануло.

Плоскомордый что-то слабо промычал.

Гром и молнии никогда не причиняли мне беспокойства — я даже люблю порой посмотреть на хороший фейерверк в небесах. Но в моей жизни редко случались моменты, когда кованый сапог божества опускался на землю настолько близко от меня.

— После этого толпа перед входной дверью, наверное, разбежится. Слыши, Плоскомордый?

Дин вернулся. Половинка его любимого заварного чайника болталась на его указательном пальце, в глазах стояли слезы.

Второй раскат грома зародился где-то в восточной стороне и побрел в нашу сторону, с оглушительным ревом прогремел над нашими

головами и укатился на запад, затихая по пути. Симфония молний была открыта для всеобщего прослушивания вскорости после этого.

Затем некий юный бог, хулиган и фигляр, пинком распахнул шлюзы небес, и хлынул дождь. Бурлящие струи замолотили по дому.

Котята высунули мордочки из своих укрытий. Здорово. Мир оставался стоять на месте.

Плоскомордый вернулся от входной двери.

— Да, все разбежались. Черт, ты бы посмотрел, какие там градины валятся с неба! — Теперь в его голосе звучало скорее восхищение, чем испуг.

Я пошел взглянуть. Тарп был прав, зрелице было потрясающее. Молнии так и хлестали повсюду, громовые молоты били по небесной наковальне, град сыпался таким ливнем, какого я в жизни не видел.

Люди обычно преувеличивают размер градин. Такова человеческая природа. Поэтому я скажу только, что их были тонны, что они были большие и что, отскакивая от земли, они рикошетом переворачивали телеги и повозки. Отважные, предприимчивые, тупоумные мальчишки повыскакивали на улицу с ведрами и корзинами, собирая градины, когда они еще вовсю молотили по земле.

Вспышка молний чуть не ослепила меня. Мгновением позже рявкнул гром, с такой мощью, что я ощущал его всем телом. Что там случилось: банда Властителей Бурь решила устроить разборку? Мои приятели, бывшие сослуживцы, уверяют, что часто видели подобные вещи на главном театре военных действий.

Морская пехота имеет множество материальных, равно как и социальных, преимуществ. Так, морские пехотинцы на своих заболоченных островах в Заливе не должны были беспокоиться о том, что могут угодить промеж двух сражающихся чародеев: чародеи с обеих сторон не возражали против любых смертоносных и жестоких приемов, но отказывались сражаться в условиях, чреватых для них физическим дискомфортом.

Плоскомордый протиснулся мимо меня в дверь.

— Пусть я замерзну или утону, но я лучше пойду, пока есть возможность.

Под моими ногами крутилась пара котят, пытавшихся выяснить, что представляют собой градины. Им не понравилось.

— Не хочешь котенка? — спросил я. Плоскомордый ответил взглядом, более холодным, чем целый бушель градин.

— Они милые, — настаивал я.

Он покинул меня, отсалютовав одним пальцем.

Глава 29

И снова я поднялся с постели раньше, чем это было разумно. Правда, поскольку я отправился спать рано, мне удалось избежать недосыпа — я просто не наверстал того, что недоспал днем раньше.

Все остальные встали раньше меня. Естественно. Как и следовало предполагать. И все они были в хорошем настроении, несмотря на дождливую и ветреную погоду. У Дина уже был разожжен уютный огонек. Я уселся и со знанием дела принялся наблюдать, как он суетится, разбирайсь с ущербом, причиненным бурей.

— Ну и как, много придется покупать заново?

— Я составляю список. Не очень. У нас и вообще-то было слишком много посуды — мы ведь не устраиваем приемов.

Он принес мне чаю в треснутом стакане. Я отхлебнул.

— Что поделывает Синдж?

— Она со своим братом разговаривает с этой... штукой.

— С этой штукой? Ты что, хочешь сказать, что старина Весельчик снова с нами? Почему же ты сразу не сказал?

— Должно быть, возраст сыграл со мной шутку — я был уверен, что сказал. Его разбудил грохот грозы.

Я не купился на это. Теперь я знал, почему у меня было такое странное чувство, когда я вчера вернулся домой: Мешок с костями уже тогда не спал, а лежал в засаде.

— Ну что же, тогда налей мне еще чашечку, и я пойду.

Он пробурчал что-то насчет того, что для этого мне вовсе не нужен чай.

Синдж стащила в комнату Покойника половину имевшихся в доме светильников. В его присутствии она нервничает. Впрочем, я знаю

немного людей, которые чувствуют себя уютно в обществе трупов — особенно таких трупов, в которых до сих пор обитают изначальные квартиранты, словно призраки, неспособные встать и пойти куда вздумается.

Спрашивать его о настроении было бы пустой тратой времени — термин «сварливое» обычно вполне подходил. Вместо этого я спросил:

— Где котята?

— Прячутся, — ответила Синдж. — Они в ужасе.

— Неудивительно. В свое время Его Светлость был известен как Гроза Котят.

Джон Пружина недоверчиво взглянул на меня, словно сомневался, шучу я или нет. Будь он человеком, сейчас он был бы без кровинки в лице.

— Вы уверены, что он проснулся? — уточнил я. — Я здесь уже целую минуту, и он еще ни разу мне не возразил.

«Есть более важные вещи, Гаррет, требующие моего внимания. Дюжина умов там, на улице, нуждаются в изучении. Я хочу пошарить в них, пока они считают, что я еще нежизнеспособен».

— О! А разве когда-то было не так?

«И этот человек еще удивляется, почему я предпочитаю сон его утомительному обществу!»

Он использовал один из своих меньших мозгов, чтобы общаться со мной. За его язвительными отповедями не стояло настояще чувство. Он был рассеян, что являлось хорошим знаком. Это означало, что он нашел этот новый мир достаточно интересным для приложения своего интеллекта.

«Вот что ты должен сделать. Начнешь немедленно. Пусть меня навестят мистер Тарп и мисс Торнада. Затем используй свой немалый талант к придумыванию историй, чтобы побудить каждого из следующих, кого я сейчас назову, нанести мне визит. Итак: полковник Блок и Дил Релвей. Мисс Контагю. Эта девочка, Пенни Мрак. Любой из людей в зеленых панталонах — или из их управляющих. Жрец, с которым ты встречался. Учитель Уайт или один из его приспешников. После того как я расспрошу хотя бы нескольких из них, может стать возможной разработка каких-либо стратегий. Развыскать мистера Контагю и мис-

тера Темиска следует во что бы то ни стало: эти двое смогут прояснить для нас назревающий переворот в мире организованной преступности».

Вот вам Покойник в чистом виде: он может продолжать, и продолжать, и продолжать — и продолжать. Чтобы добраться до самого конца, лично мне необходимо немало поработать ногами.

«Куда подевалась птица? Я не ощущаю присутствия попугая».

— Его здесь больше нет, — сказал я. Я постарался, чтобы в моем голосе прозвучал восторг, но по правде говоря, мне действительно не хватает этого цыпленка-матерщинника. Так, самую малость. В редкие слезливые моменты.

«Ага. Интересный оборот событий. Я рад, что пропустил большую часть из них».

— Ты немногое потерял.

«Ты на самом деле веришь, что можешь обмануть меня?»

— Не помню кто, но кто-то когда-то сказал, что пока есть жизнь, есть и надежда.

«Первым это сказал мой кузен Дупфель».

— Что?

Покойник ответил мысленным эквивалентом пожатия плеч. Он и так потерял уже достаточно времени.

«Я сказал тебе, что надо делать».

Таков мой партнер! Не прошло и получаса — а он уже понужает меня, заставляя сбирать нужные ему кусочки, чтобы найти смысл в бессмыслице. Впрочем, он действительно быстрее меня находит связи между событиями.

«Если ты окажешься в состоянии войти в контакт с мистером Дотсом таким образом, чтобы его последующие действия выглядели не зависящими от твоего визита, попроси заглянуть и его тоже. Затем ступай в Бледсо. Разузнай, что еще там сделали эти иноземцы».

Вряд ли они могли сделать многое — большая их часть сидела в тюрьме.

«У тебя есть знакомая ведьма».

— У меня их несколько.

«Исключая табун твоих вертихвосток».

— Bay! Их-то я и не сосчитал!

«Свяжись с одной из них и попроси ее прийти сюда».

— Кого-нибудь, кто не знает про тебя?

«Это было бы предпочтительно».

— Я начинаю удивляться, почему я всегда так стремлюсь разбудить тебя. Жизнь настолько проще, когда ты спишь!

«Но она ни к чему не ведет».

— Ты неправ, Голстозадый. Она приводит в самые лучшие места.

Он принял копошиться у меня в голове, очевидно пребывая под ложным впечатлением, что был туда приглашен. В считанные секунды он пришел в ужас.

«ГДЕ ПОПУГАЙ?»

— Мистер Большая Шишка? Он устремился к более высокому призванию.

Попка-Дурак принадлежит легендам о давно минувших днях. И если есть на небесах хоть какое-то милосердие, он никогда не будет ничем иным, кроме как еще одним тошнотворным воспоминанием!

Хохотунчик топтался внутри моего черепа, словно два десятка обкуренных взломщиков в мягкой обуви. Будучи Самим Собой, логхир отбросил вопрос касательно этого надоедливого расфуфыренного цыпленка, словно кишащую червями дохлую мышь, и продолжал копать так, будто мистер Большая Шишка никогда не существовал.

— Кстати, о животных, — вспомнил я. — Расскажи мне об этих котятах, оскверняющих мой дом. Они не кажутся мне обычными.

«От тебя ничего не скроешь».

— Отвечай на вопрос.

«Как ты и предположил, это не обычные котята, хотя они и демонстрируют черты характера, которые мы ассоциируем с домашними кошками. Пока что я не в состоянии заглянуть в их умы. Они меня боятся».

— Такое отношение кажется мне довольно здравым. Тебя все боятся.

«Почему бы и тебе не перенять этот подход?»

— Но я же знаю, что на самом деле ты всего лишь милый большой плюшевый мишка.

«Будь осторожен, когда будешь выходить из дома. Котята могут попытаться сбежать».

Меня отпускали, позволив вернуться к домашним делам. Иногда он забывает, кто здесь старший партнер.

Я вернулся в свой кабинет, отыскал клочок бумаги, на котором с одной стороны оставалось чистое место, и составил список.

Глава 30

Я просунул голову в комнату Покойника.

— Ты достаточно проснулся, чтобы достать человека в квартале отсюда?

«Выражайся яснее».

— Я сейчас выглядывал за дверь. Если тебя хватит на квартал, можешь попробовать зацепить одного типа по кличке Скелингтон, он работает на Учителя Уайта.

«Где именно?»

Я описал место.

«Должно быть, я еще не настолько достаточно проснулся. Если бы птица была здесь, я смог бы выслать ее наружу и полететь вместе с ней».

— Понял. — Он хотел, чтобы я вышел из дома. — Только не удивляйся, если Скелингтон пустится наутек, когда увидит, что я иду.

«На этом этапе своей карьеры ты уже мог бы научиться приблизиться к людям, не внушая им страха».

Не было смысла возражать.

— Ну, я пошел.

Я натянул штаны, обхлопал себя сверху донизу: соответствующий ситуации арсенал низкой степени поражения был при мне.

Я был готов.

Погодный спектакль уже закончился, но морось осталась. Не тот день, когда я стал бы работать — если бы не вернулся Сам и не принял бы тыкать меня своим стрекалом.

Скелингтон был в еще меньшем восторге от пребывания снаружи, чем я. Несчастный и скучоженный, он не замечал моего приближения до тех пор, пока не оказалось слишком поздно.

«Все прошло неплохо», — сказал я себе, когда Скелингтон перешагнул через порог моего дома. Возможно, в дождливой погоде в конце концов имелись и свои плюсы.

Плоскомордого у себя дома не оказалось. Его не видели там со вчерашнего дня. Значит, уйдя от меня, он пошел не домой. Я написал ему записку, упомянув возможность оплачиваемой работы.

Торнады не было ни в одном из ее обычных мест. У меня не было возможности застать ее дома, поскольку я не знал, где она живет. Я попросил передать ей, что у Гаррета есть для нее деньги, если она придет ко мне домой.

Относительно Блока или Релвея я не мог придумать никакого плана, чтобы заманить их к себе.

Я прогулялся мимо заведения Морли. Сарж был снаружи, — пользуясь дождем, он занимался влажной уборкой: сгребал мусор и лошадиные яблоки на соседский двор. Завидев меня, он сстроил такую мрачную мину, что я только помахал ему рукой и двинулся дальше. Просто прохожу мимо. Даже и не думал заходить.

Возле жилища Жнеца Темиска двое бесшерстных типов тихо переговаривались, обсуждая возможность снегопада. Я не узнал их. Правда, я заметил еще знакомого Релвеевого гонца, приглядывавшего за этими громилами.

И ни разу на протяжении моих скитаний-на-пару-с-заползающими-за-шиворот-ледяными-струйками я не приметил Пенни Мрак. Что доказывает, что даже у четырнадцатилетней девчонки иногда бывает здравый смысл.

Белинду я вычеркнул: я не имел никакого представления, где ее искать, и ни малейшего понятия, с кем можно передать ей послание.

Просто чтобы куда-то скрыться от своих невзгод, я забрел на конюшню к Плеймету.

— Гаррет! Ты похож на то, о чем говорят, когда ругают нашкодившую кошку!

Плеймет стучал молотом по раскаленному куску железа в кузне, устроенной в углу конюшни, — ковал подковы. Внутрь строения заливался дождь, поскольку хозяин так и не успел устранить ущерб, причиненный помещению во время одного из развлечений, в которое мы не так давно вляпались. Плеймет все брюзжал, что у него не хватает денег.

Вряд ли дело было в деньгах — он владел акциями того же предприятия, что и я.

— Мы, честные работяги, должны трудиться, невзирая на то, какая стоит погода, — он хрюкнул по раскаленной подкове. — Ты заставляешь меня жалеть о том, что я услышал зов, Гаррет. Порой мне очень хочется плюнуть на все и высказать тебе, какой ты вонючий ублюдок! Сейчас как раз один из таких моментов.

— Ну почему все так со мной обращаются, Плей?

— Потому что все тебя знают!

Я фыркнул, но не стал напоминать ему, что я всегда оказываюсь под рукой, когда кому-нибудь из них что-нибудь нужно.

— Итак, чему я обязан честью твоего посещения? Какого одолжения ты от меня хочешь на этот раз?

— Ничего, не считая того, чтобы укрыться от дождя. Я шел в другое место.

— Почему тебе было не остаться дома и не отдохнуть после ночных дебоша?

— Покойник проснулся.

— О! Благодарю.

— Ты видишь? Я тебя предупредил — единственного во всем этом отстойном городе. Так что не передавай этого дальше.

— Я уже сказал спасибо. Хочешь чаю? Вода есть. — Огня в его кузне всегда хватает.

— Конечно. Слушай, ты часом не знаешь, что случилось с Антиком Одер, у которой была витрина на той стороне улицы?

— Ага! Вот оно в чем дело!

— А в чем дело? Покойнику нужна ведьма. А Бузинная Баньши загнулась, пока я не смотрел.

Плеймет заварил чай, сверкая улыбкой цвета слоновой кости на махагониевом лице.

— Антиком по-прежнему здесь. Но она не то, что тебе нужно.

— Почему нет?

— Она только прикидывается ведьмой.

Я хмыкнул и отхлебнул чаю.

— Здесь что-то добавлено.

— Я капнул туда чуточку рома с ванилью.

Я не большой ценитель крепких напитков, но это было действительно хорошо. В считаные минуты я оказался неспособен к адекватному поведению. И это показалось мне на тот момент вполне неплохой идеей.

— Дождь утихает, Гаррет. Тебе пора двигаться. — Плеймет не из тех, кто позволяет дружбе вмешиваться в свои дела. По крайней мере надолго.

Я рассказал ему значительную часть того, что произошло, — надеясь, что у него возникнут какие-нибудь идеи. Увы, только зря потратил слова. Он лишь спросил:

— И куда ты теперь собираешься направиться?

— Не знаю. Вообще-то я подумываю о том, чтобы забраться к тебе на сеновал и минуточек сорок соснуть.

Плеймет нахмурился. Он думал, что я просто треплюсь, но не учел моего состояния.

— Ну, наверное, это не повредит... Но разве тебе не стоило бы относиться к делу серьезнее?

— Серьезнее? Зачем?

— Ну, это же твоя работа...

— Ну и что? Мне за нее никто не платит.

Он еще не скормил сено своим животным. Сеновал у него был первоклассный. В нем еще сохранилось достаточно сладкого клеверного духа, чтобы напомнить мне об идиллических деревенских пастбищах.

Он ошибался — морось не собиралась утихать. Наоборот, она переросла в долгий, нудный дождь. Капли, барабанящие по черепице у меня над головой, оказались мощнейшим снотворным. Или, может быть, это был ром. Я вырубился через полминуты.

Глава 31

Сначала я решил, что изменился стук дождя по крыше. Потом — что все дело в холоде. Но война научила меня просыпаться осторожно и не доверять первым впечатлениям. Я тихонько лежал и слушал, сдерживая дыхание.

У Плеймета были гости. И эти гости пришли не в поисках места, чтобы поставить лошадей.

Медленно, как ледник, я стал передвигаться, пока не смог взглянуть на них.

Там, внизу, был Учитель Уайт — на безопасном расстоянии от Плеймета, и с виду даже наполовину не настолько свирепый, как ему хотелось бы казаться. Скорее он был похож на хулигана с большими претензиями.

Учителю ассистировали двое могучих бесшерстных мордоворота, которые выглядели так, словно приехали из деревни. Возможно, так оно и было — учитывая, что у Учителя имелось всего с полдюжины собственных подручных и все они были не крупнее Паука Уэбба или Скэлингтона.

— Осторожнее с ним, — предостерегал своих здоровяков Учитель. — Этот парень опаснее, чем кажется на первый взгляд.

Вообще-то я с трудом себе представлял, чтобы кто-нибудь мог недооценить Плеймета.

— Я не вижу необходимости причинять кому-либо вред, — сказал ему Учитель. — Все, что мне от тебя...

— А я вижу, ты приперся сюда, чтобы указывать мне, что делать!

Я напрягся, приготовившись прыгнуть, — хотя подозревал, что с Плейметом и без того будет все в порядке. Подкова могла оказаться

на другом копыте: это плохим парням могла понадобиться помочь еще до того, как уляжется солома.

Плеймет — очень религиозный человек. Он постоянно проповедует, что нужно подставлять другую щеку. Но когда дело доходит до подобных подонков-профессионалов, он предпочитает принцип «око за око».

— Где Гаррет? — спросил Учитель.

Плеймет не отвечал.

Громилы двинулись к нему. Плеймет встретил одного из них неуловимо быстрым прямым ударом в шнобель, так что голова жертвы дернулась назад, словно готовясь спрыгнуть со своего насеста. Бандит приземлился на нижнюю часть своей задней стороны с ошеломленным и глупым видом.

Второй гангстер получил тычок в грудь. По его лицу разлилось чистое изумление — с подобным отношением редко встречаешься, когда обучаешь штатских.

Плеймет схватил молот и показал его Учителю Уайту. Тот понял намек.

— Ладно, ребята, пора двигаться.

Неплохая мысль, учитывая, что я как раз собирался спрыгнуть вниз и сделать жизнь Учителя по-настоящему трудной.

А потом я увидел, куда я спрыгнул бы, если бы сделал это.

Паук Уэбб и еще двое, известные под именами Оригинал Пипа и Вернор Душило, вышли на свет, чтобы сопроводить громил до двери. Оказывается, они стояли под самым сеновалом, не производя ни единого звука.

Вернора Душило действительно так звали с рождения. Истории Оригинала Пипы я не знал. Сам я не стал бы ни на кого навешивать такое имечко — но это не значит, что мать его не придерживалась иного мнения.

Я спустился вниз через полминуты после того, как вышел Паук Уэбб с последними членами своей команды.

— Вот тебе еще одно доказательство, что просто знать тебя — это уже плохо, — заметил Плеймет.

— В чем там было дело?

— Они искали одного парня по имени Гаррет. Сказали, что шли за ним до моей конюшни — правда, не сказали зачем. Однако настроение у них было весьма решительное.

Я сделал удивленное лицо, причем без всякого притворства.

— Не понимаю... Они ходили за мной достаточно долго, чтобы понять, что я не могу сказать им того, что они хотят знать.

— А что это такое, Гаррет?

— А? Что — что такое?

— Что они хотят знать?

— А черт их разберет! — Я действительно понятия не имел. — Может быть, им просто хотелось поближе взглянуть на мое симпатичное лицо.

Они же знали, что я и сам не могу отыскать ни Чодо, ни Жнеца. Разве не так?

— Ох, ну конечно! Наверняка это так и есть, Гаррет. Как это не пришло мне в голову?

Глава 32

Я решил дать Учителю с его ребятами пятнадцать минут на то, чтобы убраться куда-нибудь подальше, где они смогли бы укрыться от плохой погоды и забыть о своих претензиях к симпатичному, но несведущему сыщику. Плеймет поддержал мою тактику.

— Я так и не смог понять, что им в действительности было надо, — признался он. — Они рассказали мне одну за другой три разные истории. Но основным моментом было то, что им очень, очень, очень хотелось заполучить в свои лапы парня по имени Гаррет.

— Спасибо, что не выдал.

— Благодарность числится в Книге Главных Ценностей.

— Ну, я же милый юноша...

— А вот это по заслугам числится в Книге Естественных Удобрений. Почему бы тебе не убраться отсюда, чтобы я смог наконец закончить свою работу?

— Намек понят. — Некоторые люди просто одержимы идеей делать свое дело.

Я оставил ему послания для Плоскомордого и Торнады — на случай, если он встретится с ними прежде, чем они услышат об этом где-нибудь еще.

Дождь был не сильным, но лил не переставая. Это был не тот дождь, какому радуются крестьяне — они предпочитают вымокать до нитки весной.

— Гаррет! — раздался за моей спиной глухой голос.

Я был в одном квартале от Плеймета. Я шел сгорбившись, жалея о том, что у меня нет одного из тех пончо, что были у нас на островах.

Они не спасали от влаги, но зато не позволяли наиболее крупным каплям оставлять синяки на теле.

— О, Паук!

Я шарахнулся Уэбба тростью по голове, развернулся и врезал Оригиналу Пипе в область, где располагался его тезка. Затем, без труда обогнув осталбеневшего Вернора Душило, дал между глаз Учителю Уайту и скользнул за его спину, когда он пошатнулся. Моя трость уже была на его горле. Я чуток приподнял его над землей.

Паук стоял, опираясь о стену и стараясь не отключиться. Оригинал корчился на мостовой в луже собственной блевотины и боролся за каждый вдох. Душило устроил целое представление, прыгая вокруг меня и выискивая слабое место.

— Ты сломал мне нос! — посетовал Учитель. — Моя новая куртка вся заляпана кровью!

Они явно не ожидали от меня такого взрыва.

Однако, как выяснилось, я принес недостаточно взрывчатки. Я шепнул ему на ухо:

— Учитель, не мог бы ты сказать мне, почему вы с твоими ребятами меня пасете?

И тут деревенские мордовороты наконец откликнулись на жалобы своих друзей.

Я снова ткнул Учителя, на этот раз под зад — с безмерным энтузиазмом, — сделал вид, что кидаюсь направо и побежал влево, рассчитывая вернуться обратно к Плеймету.

Один из громил ухватил Вернора Душило и швырнулся ко мне вслед, словно метательное ядро. И Душило исполнил свое назначение вполне неплохо — учитывая, что из него во все стороны торчали руки и ноги, пытавшиеся хоть за что-нибудь уцепиться, пока он пролетал мимо. Прежде чем я успел выпутаться из него, мне на голову обрушилось несколько мощных ударов. После этого у меня начало двоиться в глазах, а ноги стали слишком жидкими, чтобы пытаться бежать.

Где же, черт побери, Страж? Как раз сейчас ее небольшое вмешательство мне совсем бы не повредило!

Тут подоспел и Уэлби Делл, замаскированный под симпатичного сыщика при помощи модного заклинания, которое можно купить на черном рынке почти за бесплатно.

Я был слишком занят своей болью, чтобы обращать на что-либо внимание. Что-то с хрустом врезалось мне в коленную чашечку. Еще один мордоворот пнул меня в ребра. А потом кто-то ударил меня сзади мешком тех самых камней, тверже которых была только его голова.

Глава 33

— Слыши, Учитель, этот говнюк вроде как очухивается, — произнес чей-то голос. Как выяснилось, он принадлежал Вернору Душило.

Я был привязан к старинному деревянному креслу с подлокотниками. Местечко было того сорта, какие бандиты обычно используют в качестве убежищ, когда начинаются военные действия. Повсюду были раскиданы соломенные матрасы. Два из них занимали Паук Уэбб и Оригинал Пипа — оба еще в худшем виде, чем я.

Душило зашел мне за спину и приподнял подбородок, чтобы я мог видеть Учителя Уайта — тот сидел рядом, обмякнув на стуле и до сих пор еще немного подтекая красным.

Появился Уэлби Делл, неся миску с водой, несколько кусков ткани и какой-то грязный комок, оказавшийся губкой. Он принял хлопотать над лицом Учителя.

Уайт что-то промычал. Делл перевел:

— Где Чодо?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Дома, наверное. Он не очень-то часто выходит в последнее время.

Уайт промычал снова.

— Где Жнец Темиск? — спросил Делл.

— Он не состоит со мной в переписке. — Я попытался повернуть голову, чтобы понять, где стоят крупные ребята, но Душило мне не позволил. — Вам не кажется, что в пищевой цепочке вы стоите низковато для таких дел?

Уэлби Делл поморщился — очевидно, он думал в точности то же самое. Все это дерзко впоследствии могло сильно испортить им жизнь. Учитель поставил их задницы на один бросок костей.

Итак, Учитель не подсчитал голоса, прежде чем нанимать помощников со стороны и совать всех своих людей в кипяток, а также до сих пор не расплатился с ними. Скоро они устроят большую бучу, спасая свои шкуры.

Учитель промямлил:

— Я верю тебе, Гаррет. Я так и думал, что ты ничего не знаешь. Но ты ведь настоящий дока, когда нужно что-нибудь найти, так что тебе придется найти для меня Чодо и Жнеца.

Я постарался разработать мышцы, чтобы они были расслаблены, когда я спрыгну с кресла.

— Где Скелингтон, черт его побери? — проворчал Учитель. — Оригинал и Паук теперь ни к черту не годятся. Этот недоносок должен был быть... или он настучал на меня? — Его глаза сузились. К нему пришла новая мысль. Это было так необычно, что ему понадобилось какое-то время, чтобы свыкнуться с этим, прежде чем он спросил: — Ты не знаешь, где Скелингтон, а, Гаррет?

Я покачал головой. Это было больно.

— Спроси директора Редвейя.

Может, мне и не стоило особенно прыгать — у меня ведь были сломаны ребра, не считая вмятины в голове.

Какой-то бред. Учитель Уайт не так глуп, чтобы вот так вот, ни с того ни с сего, набрасываться на меня. У него что-то было на уме.

— Чертов Скелингтон! Чертов ублюдок Скелингтон! Он струсили. Он донес на меня. Надо к чертям выметаться отсюда. Проклятый Скелингтон!

Способность к членораздельной речи покидала Уайта.

— Бретт, Барт! Нам пора, говноеды. Вы нашли Колду? Взяли у него это дермо? Скормите его Гаррету, быстро! Нам надо убираться отсюда к чертовой матери.

Толстая, как окорок, рука вцепилась мне в волосы и дернула назад. Вторая ухватила за подбородок, заставив открыть рот. Еще одна запихнула туда пучок какой-то нарезанной травы — явно послужившей постелью целому поколению скунсов, прежде чем попасть в аптечный бизнес. И наконец, еще одна рука опрокинула надо мной старый бесформенный глиняный горшок с водой, большая часть которой оказалась у меня на одежде.

Те же несколько рук закрыли мне рот и зажали нос, так что я не мог дышать. Старый трюк, чтобы заставить животное проглотить лекарство.

— Глотай, Гаррет, — приказал Учитель.

Я боролся, но о победе не могло быть и речи. Пучок травы спустился ко мне в желудок, словно комок непрожеванной пищи, царящая все по пути.

— Сейчас ты ненадолго заснешь, — сказал мне Учитель. — Ты проглотил снотворное, так что у нас будет время, чтобы травы Колды успели подействовать. — Учитель слишком долго сдерживался, чтобы теперь не вывалить мне все плохие новости разом. — Когда ты проснешься, ты заметишь, что тебе сложно дышать. Через какое-то время тебе придется постоянно помнить о том, чтобы дышать, иначе ты перестанешь это делать. А если ты перестанешь дышать, ты умрешь.

Я чувствовал, как что-то уже начало распространяться по моему желудку — и это было совсем не счастливое тепло вейдеровского «Особого Светлого».

— Я предлагаю сделку. Пока ты будешь бодрствовать и следить за собой, с тобой не сделается ничего плохого. Если ты заснешь, ты умрешь — ведь во сне ты не сможешь помнить о том, что тебе нужно дышать. Приведи ко мне Чодо или Жнеца прежде, чем загнешься, и я дам тебе противоядие. Ты знаешь, мое слово крепко.

У Учителя действительно была такая репутация. Правда, она основывалась исключительно на свидетельствах тех людей, которые к этому моменту были еще живы. Тех, с кем он не стал особо церемониться, уже не было рядом, чтобы сказать свое слово.

— Приятных снов, Гаррет. И не теряй понапрасну время, черт возьми, когда снова проснешься... Эй, вы, приберите весь этот хлам! — рявкнул Уйт. — Нам пора убираться отсюда.

Этот человек был идиот. Он ухватился за то, что показалось ему хорошей идеей, не продумав ее как следует. Его самый большой просчет уже вертелся на кончике моего языка, когда сонное снадобье утянуло меня в темноту.

Вопрос был такой: как я найду его, когда буду готов передать ему Чодо — даже если предположить, что мои поиски действительно увенчиваются успехом?

В целом Учителя Уайта можно было считать ловким парнем. Доказательства? Он был до сих пор жив и даже дошел до среднего звена. Он оставался жив благодаря тому, что у него хватало осторожности не выказывать и следа воображения.

Но его теперешние действия предъявляли несокрушимое доказательство того, что он не обладал необходимыми качествами, чтобы быть настоящим заговорщиком.

Его неминуемо должны были убить.

И он имел чертовски хорошие шансы прихватить с собой меня.

Глава 34

Черт, как у меня болела голова!

Это было не похмелье. Это была настоящая боль, причиненная настоящими ударами по голове — и сопровождаемая болями во всех других местах.

Я сидел все в том же кресле, правда уже не привязанный. Шел дождь — по-прежнему. Сырой воздух задувал в приоткрытую дверь, которая хлопала на ветру. Была середина ночи. Дождь не стал сильнее, но ветер был более холодным и яростным. Время от времени сотрясая стены, рявкал гром.

Я встал. Из-за перемены высоты у меня тут же закружилась голова. В висках стучало. Ребра протестующе вопили. Возможно, пару звуков я издал и сам.

Света не было. Я не стал тратить время в поисках лампы, а направился к двери, контур которой как раз высветила молния. Мне было необходимо выбраться отсюда. Мне было необходимо двигаться. Я не мог допустить, чтобы меня здесь застали.

Я видел улицу, но не мог узнать места. Я попытался заставить свою мысль сосредоточиться на вспоминании того, в какой части города располагалась территория Учителя Уайта. Это не помогло.

Снаружи было холодно и сыро. Я был одет не по погоде.

Подручные Учителя не только разоружили меня — они взяли и мою куртку. Они забрали мое каменное яйцо и мой пояс. Я доберусь домой замерзшим, промокшим и несчастным — предполагая, что мне вообще удастся вычислить, в какую сторону идти.

Я вцепился в дверной косяк, чувствуя себя слишком слабым, чтобы двигаться. Куски затвердевшего дождя выбивали вмятины на моем лице. Обернувшись, я кинул последний взгляд на то, что мне следовало оставить за собой, причем как можно скорее.

Там, внутри, были трупы. Оригинал Пипа и Паук Уэбб. Я не знал, отчего они умерли. Или как. И не собирался проверять. Оригинал по-прежнему лежал, свернувшись калачиком, на том же самом месте, вцепившись в свой матрас.

Я выбрался под дождь и с трудом зашагал вперед. Дошел до перекрестка. Его вид не сказал мне ничего. По-прежнему держась предположения, что я нахожусь где-то на участке Учителя, я свернул налево, поскольку этот путь вел в гору. С более высокой точки я мог при следующей вспышке молнии обнаружить какой-нибудь знакомый ориентир.

Я дрожал с ног до головы.

Еще через два квартала я наконец понял, где нахожусь. Я шел не в том направлении. Четыре квартала вниз... Споткнулся! Еще раз споткнулся. И вот наконец я был в переулке, который знал, и он вывел меня на улицу, которую знали все. Еще два квартала к востоку — и я вышел на дорогу, которая должна была привести меня домой.

Однако голова так и не прояснилась. У меня было серьезное сотрясение мозга. И большие проблемы с дыханием.

Глава 35

Совсем рядом со мной находился кто-то, на чье дыхание могли бы слетаться мухи... Потом я понял, что этот вонючий рот поддерживает мне жизнь, делая искусственное дыхание.

А потом я оказался дома — в кресле, в комнате Покойника. Не имея никакого понятия, как я сюда попал.

В кресле. Снова... Едва способный соображать. В окружении других кресел, занятых людьми, находившимися, пожалуй, даже в еще худшем состоянии, чем я. Покойник держал их под контролем. Я почувствовал его хватку и на себе, и тут же вознегодовал, пока до меня не дошло, что я до сих пор жив лишь потому, что старина Хохотунчик работает за меня моими легкими.

Компания, собравшаяся у Покойника, включала в себя Скелингтона, еще более скелетоподобного, чем когда-либо, Джона Пружину, сидевшего в кресле своей сестры, Плоскомордого, Торнаду и Прилипалу. Йон Сальватор пытал от смущения, находясь умом к уму со знаменитым Покойником. Ах да, и еще там были три парня, работавшие то ли на Блока, то ли на Рельвея, — они валялись в углу.

«Расслабься, Гаррет. Я должен без помех исследовать твои воспоминания».

Я не стал возражать, поскольку был сконцентрирован на дыхании. Ага! Вот и горячий суп, а также пунш! Вот и Синдж с котенком, который явно полагал, что ему нечего делать в комнате Покойника. Синдж положила зверька ко мне на колени. Его выгнутая спинка тут же расслабилась, шерсть улеглась. Он замурлыкал. Меня наполнили спокойствие и оптимизм.

Торнада и Йон Сальватор поднялись с места и направились к двери — очевидно получив задание. Плоскомордый покинул нас вскоре

после них. Потом появился Дин. Он сказал, что дождь достаточно ослабел, чтобы пикси могли летать, если это кому-нибудь нужно.

Он вышел и сразу же вернулся с пуншем для моей второй руки.

Я начал чувствовать себя веселее. Мой желудок был наполнен, пунш грел меня изнутри, а Синдж извне хлопотала над моими вмятинами и трещинами.

— Поосторожнее с ребрами! — предостерег ее я. Сотрясение, кажется, куда-то пропало.

Мешок с костями снял с меня всю мою боль. Синдж вряд ли можно было назвать легкокрылым соловьем: она тыкала, пихала, копала и скребла, докуда только могла дотянуться.

— На этот раз ничего не сломано. Сними-ка рубашку, мне нужно посмотреть, насколько серьезны твои ушибы.

Несколько людей Морли стояли под рукой, нервно переглядываясь и явно желая оказаться где-нибудь подальше. Один из них хихикнул; массивная фигура Рохля сделала резкий жест. После этого остальные держали свои эмоции при себе.

Я сосредоточил мысль, желая узнать, что они здесь делают.

«Все будет закончено настолько быстро, насколько это будет возможно. Я должен внедрить в того из них, которогозовут Рохля, ложные воспоминания — так чтобы он смог донести информацию до мистера Дотса, не осознавая, что вступал со мной в контакт».

— Но что случилось со мной?

Мой мозг наполнился чуждыми образами.

Один из парней Морли обнаружил меня, идя на работу. Он опаздывал, виной чему была некая женщина. Замужняя — и ее мужем был совсем не этот парень. Он бы вообще не заметил меня, если бы ему не показал на меня какой-то уличный мальчишка. Придя на работу, парень рассказал Морли, что его друг Гаррет, весь в крови, валяется под дождем в придорожной канаве.

Так значит, поняв, что не смогу дойти до дома, я пытался добраться до «Пальм». А потом пришли спасатели и вытащили меня.

«Ну вот».

Рохля и его ребята вышли из комнаты, двигаясь как зомби. Дин пошел проследить, чтобы они все благополучно выбрались из дома.

Я вспомнил ту ужасную вонь из чьего-то рта. И тут же решил никогда никому не рассказывать о сделанном мне искусственном дыхании.

У Рохли всегда были проблемы с зубами.

«Я нахожусь в затруднении».

— Вот как? А где это место — где-нибудь поблизости от Йимбера? Эй, Дин, как насчет еще одного пунша?

(Когда-нибудь я принесу свои извинения Максу Вейдеру. Как ни редко это бывает, но в некоторые моменты пиво не является лучшим выбором.)

Мельком взглянув на Покойника, Дин заявил:

— Вы получите еще один. После этого напитков больше не будет.

— Итак, в чем же затруднение?

«Я должен повидать полковника Блока или Диля Релвея. Мне будет необходима их помощь, чтобы заглянуть в умы слуг А-Лафа».

— В таком случае ты поторопился отпустить Рохлю. Он с его командой могли бы пустить слух о том, как принесли меня домой, и как по мне было не похоже, что я долго протяну, и как ты не пронесулся, чтобы прийти на помощь... Или пошли вон ту кучу стражников, что валяются там в углу.

Передняя стена дома содрогнулась от массированного приземления пикси.

«Я еще могу исправить этот просчет. Дин! Отнеси несколько монет к входной двери в знак нашей благодарности людям мистера Дотса... А теперь, Гаррет, пусть мисс Пулар проводит тебя до постели. Тебе не о чем беспокоиться. Как ты и предположил, Учитель Уайт допустил крупную ошибку».

— Иногда даже странно, как только человек может быть таким тупым, правда?

«Не стоит недооценивать возможности глупцов, проживающих в этом городе. Тем не менее заглянуть в ум мистера Уайта может оказаться интересным».

Я хотел спросить, что открыл ему Скелингтон, но Синдж не дала мне на это времени.

«Я буду знать, где тебя найти. Дин, открай, пожалуйста, дверь».

Глава 36

Я спал как дитя, благодаря моему партнеру: один из его меньших умов поддерживал мое дыхание. Ядовитое зелье вызывало сон, почти настолько же глубокий, как кома. На протяжении ночи, без моего ведома, ко мне приходили гости. Среди них был травник, который назвал зелье, которым меня опоили, но не знал другого противоядия, кроме удачи, времени и большого количества воды. Он был изумлен, видя, что я до сих пор жив, — так что удача, похоже, была на моей стороне.

Скелингтон знал, что Учитель Уайт раздобыл сонное зелье от некоего типа по имени Колда. Он был уверен, что противоядие существовало, и думал, что у Колды оно есть.

Кроме того, ко мне приходила ведьма и целитель — из тех, что лечат наложением рук. Ни та ни другой не принесли мне непосредственного облегчения. Оба согласились, что мне следует пить воду галлонами. Мешок с костями сумел где-то раздобыть ведьму, хотя я не смог ее найти. Он так и не объяснил, как ему это удалось.

Явились и другие, прослышиав о моем пошатнувшемся здоровье, но они подождали до рассвета. Все, кроме Тинни Тейт. Она нашла в себе силы отбросить претензии и обиды в момент, когда жизнь подошла к острому краю. Я проснулся лишь настолько, чтобы успеть сказать: «Иногда сны становятся явью».

Тинни Тейт — совершенно невероятное рыжеволосое существо. Все превосходные степени здесь уместны. Она — свет моей жизни, когда не является ее тьмой и мраком. В некоторых отношениях она — золотой стандарт женщины, в некоторых — источник всяческой неразберихи и сумятицы. Проблема Тинни в том, что она знает, чего ей надо, не больше, чем я. Но в отличие от меня она никогда не признает этого.

Она была здесь, и этого пока что было достаточно. У нее был абсолютно убитый вид — до тех пор, пока она не поняла, что я приснулся. После этого она тут же напустила на себя суровость.

— Когда ты так делаешь, у тебя проступают веснушки.

— Ты остаешься ублюдком даже на смертном одре!

— Я совсем не собираюсь умирать, женщина! Разве что от острой тейтонедостаточности.

— И грубишь до последнего вздоха.

— Холодно. Мне так холодно... Если бы только можно было как-нибудь согреться...

Она стояла всего лишь в шаге от меня.

Только одна свечка давала слабый свет. Этого было достаточно. В сотый раз в своей жизни я был ошеломлен и потрясен тем, что эта женщина является частью моей жизни.

Как я мог роптать на богов, если время от времени они уступали и позволяли свершаться чудесам, подобным этому?

Ничего не произошло. Покойник был рядом, в моей голове, воплощая собой презрительное целомудрие.

Глава 37

Неважно, кто спит рядом с тобой, свернувшись калачиком или как-нибудь по-другому. Пулар Синдж все равно припрется, едва лишь первые птички начнут чирикать. И свалит всю вину на Дина. Или на Покойника, как в данном случае.

— Тебя хотят видеть там, внизу.

Я что-то сомневался — Его Сиятельство мог вызвать меня и не беспокоя Синдж. Я заворчал, заворочался, забормотал, помянул кое-чью родословную. Но к тому времени, как я прибыл в то, что Мешок с костями превратил в свой штаб, я уже знал, что ему было нужно всего-навсего, чтобы я сам позаботился о своем дыхании, а он смог бы освободить свой второстепенный ум, пыхтевший и сопевший за меня до сих пор.

Налицо был обширный и гнусный заговор, имевший целью удержать меня в доме. Сделать так, чтобы я не ввязался во что-нибудь, требующее большого напряжения, — например, не обидел кого-нибудь, кто намеревался отщипнуть от меня несколько кусочков.

Я уселся. Я смотрел, как приходят и уходят люди. Я дышал. Хотунчик не держал меня в курсе происходящего. Такова была его манера работы — он собирал информацию. Он искал неожиданные связи между событиями. Впрочем, обычно его главным устройством сбора данных являлся я.

Дин принес еду и чай. Я поел. Потом еще немного посидел, глядя на приходящих и уходящих посетителей. Мне было интересно, кто им платит. Будучи прирожденным, любящим и голубоглазым сыщи-ком, я интуитивно чувствовал ответ. И физически ощущал, как от меня утекают денежки. Мои напарники не имеют никакого представления об управлении финансами.

Я не понимал, кто были все эти гости. Некоторые из них были мне совершенно незнакомы — не Релвеевы гонцы, не игроки Организации, не мордовороты из банды Зеленых Штанов и даже не экземпляры из зоопарка Морли Дотса.

— Что происходит?

Покойник не ответил мне.

«Так ты считаешь, что твое каменное яйцо забрали люди Учителя Уайта?»

— Оно было у меня перед тем, как я потерял сознание. Когда я проснулся, его при мне не было.

«Вот именно».

— Прошу прощения?

«Я послал мистера Тарпа туда, где тебя держали, сразу же после того, как вычислил, где находится это место. Произведенное им обследование обстановки и трупов говорит об участии третьей стороны».

— Что?

«Предполагалось, что, будучи отправлен, ты тем не менее останешься в состоянии сделать для Учителя Уайта его грязную работу. Но тот ты, который еле выбрался из логова Уайта, скорее всего, вообще не должен был проснуться. Некоторые из твоих ушибов и ссадин не имеют соответствия с твоими воспоминаниями. Есть указания на то, что кто-то пытался тебя задушить».

— Но как ты все это вычислил?

«Косвенные свидетельства. Твое состояние. Тот факт, что Паук Уэбб был задушен твоим поясом — он все еще был у него на шее, когда мистер Тарп прибыл на место. Второй человек также был задушен, на его горле имелись соответствующие отметины. Аналогичные отметинам на твоем горле. Еще более многозначительным является то, что тела и все остальные доказательства исчезли к тому времени, когда мисс Торнада пришла туда сегодня утром».

— То есть Учитель вляпался по самые уши и даже не знает об этом? Но кто?

«В этом и состоит вопрос».

— Да уж, всем вопросам вопрос.

«Возможно, мы вскоре сможем спросить об этом самого мистера Уайта. Его компаньон мистер Брикс рассказал нам, где его можно найти».

— Кто такой мистер Брикс?

«Человек, известный тебе как Скелингтон. Его настоящее имя — Эммаус П. Брикс, хотя инициал посередине ничего не обозначает... Ага. Я вижу, мистер Тарп достиг еще одного успеха».

Двумя минутами позже компании Плоскомордого по Уайт-филд-холлу, Орион Комсток и Джун Николист, спотыкаясь, ввалились в комнату, отчаянно сражаясь с деревянным ящиком, явно слишком тяжелым для своего размера. Сразу же появился Дин, вооруженный специальным инструментом для взлома — еще одним продуктом моей фабрики.

Синдж заплатила Николисту и Комстоку, тщательно зафиксировав операцию. По-видимому, присутствие Покойника никого не беспокоило. Они считали, что он по-прежнему находится в гибернации, несмотря на это сборище, явно состоявшее из членов его клуба.

«Эти джентльмены не бывали здесь прежде. И скорее всего, больше не появятся».

— Угу.

Орион Комсток взял у Дина фомку.

Взвизгнули гвозди. Котята заорали на весь дом. Я слышал, как они в смятении пронеслись вверх по лестнице, а потом ссыпались обратно вниз и скрылись на кухне.

«Ага. Как я и предполагал».

— Что там такое?

«Как ты думаешь, что они решат насчет того, с кем ты разговариваешь?»

Для прикрытия я направился в коридор.

— Я скожу. Вам нужно быть здесь, — сказал Дин. Его голос звучал озабоченно.

Синдж тоже казалась взволнованной. Ее шерсть на открытых частях тела встала дыбом, что с ней случалось нечасто.

Мне показалось, что в моей связи с Покойником было даже нечто подспудно отвратительное... А потом я начал слышать другие голоса. Внутри своей головы.

Я подобрался к Комстоку с Николистом.

Деревянный ящик был оббит изнутри свинцовыми листами. В нем находилась пара одинаковых блестящих металлических статуэток в виде сидящей собаки, в девять дюймов высотой каждая.

«Шакалы, — прокомментировал Костяная Нога. — Почти всегда — пожиратели падали».

— Вы что, парни, стащили это из Бледсо?

Комсток подозрительно взглянул на меня.

— Вроде мы так и договаривались. В чем дело, проныра? Ты что, хочешь сказать...

— Да нет, просто я не ожидал... Плоскомордый вам доверяет — я вам тоже доверяю. Просто те, которых видел я, не сидели, а стояли.

Комсток пожал плечами.

— Мы видели и стоящих, и лежащих; одна сука вообще кормила щенков. Но Плоскомордый сказал, что тебе нужны те, которые уже запечатаны. Ну так вот они!

— Да, все верно. Вы хорошо справились.

Я потянул свои щупальца к ящику.

«Остановись!»

В моей голове слышался мрачный неразборчивый шепот.

— Эй, поосторожнее там! Эти штуки лучше не трогать голыми руками, — сказал Николист.

Я остановил руку. Да, от статуэток накатывал холод.

Николист показал мне внешнюю сторону своего левого мизинца:

— Вон, взгляни, это я только ненароком задел.

На мизинце не хватала лоскута кожи — с четверть дюйма шириной и три четверти длиной. Рану окружали жуткие кровоподтеки.

— Наверно, побаливает? — предположил я вслух.

— Побаливает. Ладно, Орион, нам пора, а то сейчас гонцы набегут.

Это опасение не пришло мне в голову — хотя было к месту в данной ситуации.

— Я выпущу вас. И — спасибо, парни! Вы действительно очень мне помогли. Когда в следующий раз у нас появится крутая работа, мы обратимся к вам в первую очередь.

Орион с Джуном обменялись взглядами, пожатиями плеч и покачиваниями голов.

Я воспользовался дверным глазком, но не увидел ничего особенно примечательного. Не считая моего главного спела по починке дверей, Хламбо Малклара, который ставил свою повозку позади той, что, по-видимому, привезла ко мне металлических собачек.

— Все чисто, там только те же люди, что и всегда, — сказал я Комстоку с Николистом. — Выходите без суеты, и никто ничего не заметит.

Они вышли на улицу. Мистер Малклар взгромоздил на плечо свой ящик с инструментами. Это был широкоплечий, низкорослый, темноволосый, угловатый человечек с некрасивым лицом, среди предков которого несомненно присутствовал гном. Он был владельцем одной из тех физиономий, которые нужно брить по три раза на дню, чтобы они выглядели просто грязными.

Хламбо — большой любитель капусты, как в квашеной, так и в свежей ее разновидности. Если он остается где-либо долгое время, это становится подавляюще очевидным.

— Доброе утро, мистер Малклар. Похоже, на этот раз вас ждут петли.

— Зовите меня просто Хлам, мистер Гаррет. Меня все так зовут. Что у вас случилось?

Тут же он вдохновенно пророкотал с дальнего конца. Даже не извинился. А зачем? Все произошедшее — часть естественного цикла.

— Как всегда. Правда, на этот раз плохие парни были крупнее, чем обычно.

— Нет! Не может быть! — Эти слова он отметил тоненьким писком. — Та дверь, что я поставил вам в прошлый раз, должна была простоять до...

— Дверь в порядке, мистер Малклар. Вопрос в петлях. И если бы вы видели тех парней, вы бы потом десять лет раздувались как индюк от того, насколько прочной оказалась ваша работа.

Малклар испустил рокочущий смешок, гордый за себя. Затем сам себе ответил рокотом с противоположного направления. Воздух начинал становиться тяжелым. Малклар все так же ничего не замечал.

— У вас нет свободной комнаты где-нибудь в нижнем этаже? Какого-нибудь места, которое вы не используете? Просто дело в том, что я ведь все равно часто у вас бываю, а тут моя жена выгнала меня из дома... — Он прервал свою речь призовой руландой. — Даже не знаю почему. Может быть, нашла себе другого, кто ей больше по сердцу... В общем, так я был бы всегда на месте, если придет время послужить моему главному назначению.

— Что ж, похоже, это не такая уж плохая идея, Хлам. — (Очень сложно разговаривать, когда не хочется вдыхать.) — Но у меня и так уже живет столько народу, что мне за всеми не уследить. И — ничего личного, но я обязан им всем больше, чем я обязан вам.

— Ну ладно. Тогда я остановлюсь у кузена Сеппа. Или у сестры. — *Гр-рум!* — Все это можно решить. Вот только, похоже, придется мне расширить дело. А то с этим законом и порядком дверей ломают все меньше и меньше.

Хламбо Малклар — настоящий гений в том, что касается инструментов и ручной работы. В Дивном Новом Танфере послевоенной Каренты найдется немного таких, как он.

Я глотнул свежего воздуха, пользуясь порывом налетевшего ветерка.

— Хлам, я хочу оказать вам услугу. Если вы поклянетесь на могиле своей матери, что почините мою дверь на века.

Гр-рум!

— Конечно, мистер Гаррет! Я думал, это уже уложено.

— Вы знаете, где находится трехколесная фабрика в Степкросс-Пул?

— Конечно.

— Найдите там зеленую дверь и скажите человеку, который вам откроет, что я рекомендовал вам повидаться с мистером Дейлом Пиклем. Возьмите с собой свои инструменты. Там вам дадут любую работу, с которой вы только сможете справиться, и еще прибавят. А также место, где вы сможете остановиться, если в этом будет необходимость.

Мои партнеры по бизнесу (все из которых владеют большим количеством акций, чем я) согласны в том, что мы должны заботиться о наших работниках. Макс Вейдер построил свою пивоваренную

империю благодаря тому, что ценил и награждал людей, помогавших воплощать ее в жизнь. Все работники вейдеровской пивоварни счастливы своим положением и беззаветно преданы своему хозяину.

На фабрике наверняка найдется место для человека со способностями мистера Малклара. А если он там приживется, то вскоре станет менее ароматичным — они ведь не позволят ему самому готовить для себя.

Малклар сделал мне безмерное одолжение:

— Если вы отойдете с дороги, я починю вам петли. Это займет, наверное, час, не больше.

«Удачи тебе в этом», — подумал я.

Я обратил внимание на то, что Комсток с Николистом так и не забрали свою повозку. Если краденые повозки будут продолжать скапливаться перед моим домом, мне неизбежно придется отвечать на вопросы.

Я пошел внутрь дома, чтобы предупредить всех, что некоторое время у нас не будет входной двери.

Глава 38

В комнате Покойника было тихо. Синдж с Дином сделались редкими вплоть до невидимости. Немногочисленные гости по-прежнему неподвижно сидели на своих местах. То же относилось к металлическим статуэткам в их свинцовом гробу.

— Эти ребята были правы, Хохотунчик. Очень скоро нам следует ждать визита Стражи.

Я снова услышал давешний шепот — нечто злобное и отвратительное.

«*Ну и превосходно*».

— Ты хочешь этого?

«*Я надеюсь, что полковник Блок явится лично*».

— Да, надежда есть, если он по-прежнему думает, что ты дрыхнешь. А вот Релвея мы скорее всего не увидим — он слишком умен и слишком охвачен своей паранойей, чтобы рисковать.

«*Без сомнения*».

— Ты, кажется, чем-то отвлечен?

«*Я пытаюсь определить местонахождение этого создания, Пенни Мрак. Я чувствую, что она где-то здесь неподалеку, но она чрезвычайно неуловима. Даже пикси не смогли ее вычислить, когда я послал их прошлым вечером. Вот если бы у нас был попугай...*»

— Он уже в лучших краях, далеко-далеко отсюда. Расскажи мне лучше об этих статуэтках.

Шепот все не прекращался, хоть я и не мог разобрать слов.

«*Через минуту. Я хочу рассмотреть поближе одну идею, которую обнаружил в глубине твоего мозга*».

Должно быть, она затаилась действительно где-то в самой глубине. Лично я не мог припомнить у себя никаких таких идей — если не считать мысли вернуться наверх к Тинни.

«Да. Пожалуй, на это мне хватит мощности. Думай о своем дыхании, тебе придется некоторое время обойтись без меня».

— Что?

Я ощущал заметную разницу, когда он отпустил меня. А я-то думал, что он уже это сделал!

Через несколько минут один из наших гостей встал и оцепенело побрел прочь. Я прилежно дышал, сконцентрировавшись на этой работе и одновременно наблюдая, как он проходит мимо мистера Малклара. Он не заметил миазмов, к этому времени уже заполонивших коридор. Он не слышал голосов. Он существовал на другом уровне.

Костяная Нога сохранял над ним контроль до самой Дороги Чародея, значительно дальше жилища миссис Кардонлос.

Итак, теперь я знал, что именно он выудил из моих мозгов: обрывки мысли насчет заполнения их пустых черепушек противоречивыми ложными воспоминаниями, чтобы эти люди не путались у нас под ногами. Чтобы нам не приходилось их кормить, подносить им горшок и обременять ими себя во всех прочих отношениях.

Второй человек поднялся и вышел из комнаты. Я не стал провожать его — мне не хотелось еще раз подвергать себя воздействию мистера Малклара.

— А это не преждевременно? Отпускать их всех, пока к нам не пришел кто-нибудь, кого мы могли бы расспросить про этих металлических собак?

«Шакалов».

— Все равно. Ты понимаешь, о чем я говорю? Сначала их хватятся, а потом вдруг заявятся эти — в полном расстройстве, ничего не помня...

«Я понимаю, о чем ты говоришь. Однако ты недостаточно доверяешь моей способности вызывать подобное расстройство».

— Ничего подобного.

«Ты помнишь в прошлом случаи маразма у членов Стражи?»

— Конечно! Их, наверное, и сейчас хватает, но уже меньше, чем было — с тех пор, как Блок и Релвей взяли дела в свои руки.

В итоге все оставшиеся гости, за исключением Скеллингтона, постепенно покинули нас.

— Итак, насчет этих собак... хорошо, хорошо, я знаю! Шакалов. Вот мы их заполучили — и что теперь? Что они такое? Зачем было их красть?

Я был бы совсем не против избавиться от них. Особенно если это помогло бы мне избавиться от голосов в моей голове.

«Я никогда не слышал об этом культе А-Лафа, но в нем присутствуют многозначительные параллели с другими культурами, особенно в отношении металлических изображений животных. Если металлом является никель или какой-нибудь сплав на его основе, их функции должны быть во многом похожи на функции тех никелевых статуэток, что несколько столетий назад украшали алтарь Тайнтаи Дароносицы».

Я никогда не слышал о Тайнтаи Дароносице. Впрочем, существовали целые полки богов, богинь и их команд поддержки, парусам которых не доводилось появляться у меня на траверзе. Божества приходят и уходят — просто их жизненные циклы делятся несколько дольше, чем у людей.

— Это все очень интересно, Смехотунчик. Но это было бы еще интереснее, если бы ты обронил пару намеков насчет того, что происходит.

Я ощутил его веселье, когда он послал мне мысль:

«С этим придется подождать. К нам идут официальные гости. Прими их не здесь, а у себя в кабинете».

Мельком я уловил краешек мысли, обращенной к Мелонди Кадар. Для племени моих пикси пришло время отрабатывать свое проживание.

Я поспешил в кабинет. Там мне не был слышен этот неумолчный темный шепот. В коридоре мне повстречался Дин, направлявшийся ко входной двери — где мистер Малклар, несмотря на то что час уже прошел, до сих пор не починил и не заменил погнутые петли.

Интересно, мог ли он слышать это темное бормотание?

Глава 39

Из коридора доносился шум. Дин издавал оскорбленные звуки. Кому-то удалось прорваться через мистера Малклара. Выказав больше смекалки, чем я считал его способным, Дин проделал достойный отступательный маневр, заманивший захватчика мимо комнаты Покойника — прямо к открытой двери в мой кабинет.

Человек, вломившийся ко мне, выглядел так, словно его наспех слепили из частей, ранее принадлежавших нескольким другим людям. На южном полюсе у него имелись жидкие ножки и почти полное отсутствие ягодиц. В верхней части присутствовали грудная клетка и плечи, достойные Плоскомордого или Плеймета. Затем следовала голова, вполне соответствовавшая своим антиподам. Все это было завернуто в плохо скроенную синюю униформу.

Он вбежал ко мне с пеной у рта.

— Вы спятили, Гаррет? О чем вы только думали, похищая религиозные ценности?

Последовали дальнейшие взрывы негодования, становившиеся все громче по мере того, как я продолжал не обращать внимания на его присутствие.

Наконец — мягко, спокойно, в разговорной манере — я спросил его:

— Ты правша?

— А? Какого черта?

— Какой рукой ты ублажаешь себя? Эту руку я сломаю первой.

Я игнорировал его спутников — один из которых был одет в синюю форменную куртку, но без соответствующих брюк. Брюки у него были коричневыми. Может быть, он не мог себе позволить полное обмундирование.

Тот факт, что я по-прежнему больше интересовался своими бумагами, чем ворвавшимся в мой дом бушующим незнакомцем, несколько смутил грубяна. Было очевидно, что я считаю его не более чем досадной помехой. Я сделал вид, что подписываю какие-то бумаги, затем поднял голову.

— Ты не ответил мне. А также не представился. Ты женат?

— Женат? — повторил он.

— Если ты будешь и дальше вести себя как дырка в заднице, мне нужно будет знать, куда выслать останки.

Я играл в тупого мачо. Я мог себе это позволить: за мной стоял Покойник.

«Этого воителя зовут Рейми Лист. — уведомил меня упомянутый напарник. — Он был назначен в Стражу по политическим мотивам, через голову принца Руперта, у которого, по-видимому, просто не было выбора. По рангу он капитан, номинально считается штабным офицером. Соображения, по которым его определили в Стражу, были, очевидно, не только политическими, но и имели в виду поставить его на такое место, где он сможет поскорее угробить себя».

— Так вот значит как выглядит новая штабная униформа?

Капитан Рейми Лист раскрыл рот.

Люди этого сорта попадаются не так уж редко. Это был невежественный аристократ, который имел подозрения относительно собственных недостатков и вымешивал их оскорбляя стоящих ниже него на социальной лестнице.

— Итак, теперь, когда мы ведем себя вежливо, — что я могу для вас сделать, капитан Лист? — (Покойник никак не объяснил информацию, которую послал мне. Я предположил, что он обшарил головы спутников Листа в поисках чего-либо ценного.) — Присаживайтесь.

Капитан Лист сел. Возможно, Весельчак немного способствовал его заторможенному состоянию. Спутники капитана остались стоять в дверях. Тот, что был в форменной куртке, сопроводил мои действия незаметным одобрительным кивком.

— Чем я могу быть полезен своим друзьям из Стражи?

Капитан Лист был смущен.

— Э-э... полковник Блок хотел бы знать, зачем вы испортили внешний вид Бледсо и выкрали оттуда определенные металлические украшения.

— Я не делал ничего подобного. Если это и произошло, я не имею к этому никакого отношения. — Кстати, это было совершенной правдой.

Лист мне поверил — замечательное достижение для слуги закона.

Дин принес для Листа и его соратников закуски на одинаковых маленьких подносиках. Через несколько минут Лист расслабился и принялся отпускать неуклюжие шутки, с треском проваливая все подобные попытки. Я, как прирожденный дипломат, время от времени вставлял милосердный смешок.

— Конечно, еще рано, но, может быть, кто-нибудь хочет пива? — предложил я.

В глазах Листа что-то шевельнулось. Бинго! Я узнал его порок, хотя Мешок с костями и не давал мне намека. Проблемы с алкоголем в сочетании с мерзкими личными характеристиками — готовый рецепт для нездоровых наслаждений.

Капитан Лист выиграл этот раунд со своим демоном. Было действительно рановато — демон еще не полностью проснулся и еще не мучился жаждой.

Тут появился Дин с подносом, полным запотевших кружек. Никто не стал упускать благоприятную возможность. Дин сказал:

— Мне придется сегодня выйти на улицу, мистер Гаррет, если вы не предпочтете прекратить развлекаться. Мы уже дошли до дна запасного бочонка.

— Ох!

— В погребе есть вино, но оно, возможно, прокисло.

— Ладно, мы что-нибудь сообразим. Попозже.

«От одной кружки пива останется достаточно запаха, чтобы человек попал под подозрение».

— Да, наверное...

Капитан Лист нахмурился.

— Наверное что?

— Наверное, мне пора возвращаться к работе. Дин, список покупок при тебе? Дин! Куда он подевался?

— Он ушел обратно в кухню, — сообщил мне стражник в синей куртке.

Я встал. Лист сделал то же самое. Мы пожали друг другу руки, я поблагодарил его за то, что он заглянул ко мне.

«Пусть он двигается. Не давай ему времени подумать».

Что я и сделал. И во время своего торопливого исхода он совершил, наверное, единственное социально полезное действие за всю свою жизнь.

— Дагоновы яйца, парень! — взревел он, проходя мимо мистера Малклара. — Неужто к тебе в задницу забрался скунс и подох там? Сделай что-нибудь! Ты можешь навозного жука задушить своей вонью!

Тот из стражников, который был совсем без униформы, задержался позади остальных.

— Слушай, приятель, я не знаю, что ты там сделал, но если ты сможешь придумать, как повысить концентрацию, я бы взял у тебя бутылочку, — прошептал он. — Мне приходится работать сиделкой при этом говнюке шесть дней в неделю.

— А ты, когда вы окажетесь только вдвоем где-нибудь в дурной части города, зайди сзади с крепкой доской и шарахни его по затылку, — посоветовал я.

Стражник ухмыльнулся.

— Мне нравится твой образ мыслей. Проклятье! Вон он опять идет. Сейчас начнет вопить.

Я повернулся обратно, намереваясь навестить Покойника. Мистер Малклар остановил меня.

— Скажите, мистер Гаррет, у меня действительно проблемы?

— Что?

— Этот человек, который только что ушел, сказал мне...

— Да, Хлам, вы действительно едите слишком много квашеной капусты — но ведь это всегда можно изменить... Впрочем, это не мешает ему оставаться говнюком.

Я поспешил в комнату Покойника.

— Ну как, стоило ли с ним столько возиться?

«Этот человек в сущности является вторым по значению после полковника Блока. Он убежден, что заменит полковника

на его месте еще до конца этого года. Его заверили, что именно так обстоят дела».

— Что? Существует заговор, чтобы сместить Блока? — Я был удивлен, но не поражен. — Неужели этот Лист на деле более компетентен, чем дает понять?

«Еще менее. Под его руководством Стражи вскоре развалится, вернувшись к прежним временам коррупции и безделья. И это в лучшем случае. В худшем он станет марионеткой в руках агентов, не более компетентных, чем он сам. Они хотят избавиться от Дила Релвея, потому что он не принадлежит к их социальному слою».

— В таком случае их ждет неприятный сюрприз.

«Разумеется. Самый неприятный. Для мистера Релвея практически не существует иного тормоза, кроме Вестмана Блока. Тот, кто устранит полковника, пожмет бурю».

— Удалось выяснить еще что-нибудь интересное?

«Если тебя интересует составление диаграммы командной цепочки внутри Стражи, теперь мы знаем все имена. Или если ты интересуешься личностью информаторов и сыщиков под прикрытием, которые работают на полковника Блока, они у нас тоже есть. Кстати, их список включает некую Софджинек Кардонлос. Официально не замужем».

— Ага! Я всегда был уверен, что она — женщина Релвея.

«В этом нет ничего невозможного».

Еще бы!

— А насчет Зеленых Штанов что-нибудь есть?

«Его не подпускают к ним близко. Однако до него доходят слухи».

Мы прошлись по всем темам, пока я не узнал все, что он пожелал мне сообщить. Я спросил:

— Итак, как насчет того, чтобы вернуть им этих собачек?

«Шакалов! Ты что, тупой?»

— Нет. Но разве это так уж важно?

«Слова всегда важны, Гаррет. Особенно когда это имена. То же относится к символам, особенно символам религиозным. Шакал является значительной фигурой во многих религиях. И более

всего — в тех, которые придерживаются мрачного взгляда на земное существование. А кульп А-Лафа, по-видимому, относится к этому вопросу мрачнее многих других».

Он бы ввел меня в курс дела насчет шакалов, выбрав удобный для себя момент, если бы действительно знал о них что-то важное. Обычно он не гнушается претендовать на знания, которых на самом деле не имеет. У него не только несколько мозгов — у него несколько этого.

— На основании чего ты пришел к этому заключению?

«На основании их поведения. На всеобщем мнении, что этот кульп более жесток, чем его женская половина, которая и сама кажется довольно темной. Вкупе с воспоминаниями об исторических precedентах».

— Ты уже упоминал о древних культурах. И не объяснился.

«Древние культуры, да... Ни один из них не был вполне похожим на этот. Эти люди сами не порождают страдание и отчаяние, которое приносят в жертву своему богу. Они лишь собирают их, где бы... ага!»

— Что?

«К нам гости. Опять. Проводи их в дом так быстро, как только сможешь».

— Ты следишь за Малкларом? Он ведь видит всех, кто приходит и уходит.

«Он забывчив. Все его существование сосредоточено сейчас на работе, которую он делает, и его влосчастном метеоризме. Мысль о том, что за его бедственное положение несет ответственность его же собственное газоотделение, никогда прежде не приходила ему в голову. Но впусти этих людей в дом».

Итак, пока что он не собирался объяснять мне ничего про этих шакалов. Да и знал ли он о них что-нибудь на самом деле?

Глава 40

«Эти люди» прибыли на борту большой черной кареты, которую вел Сарж, человек Морли. Рядом с ним на козлах сидел второй пэрень, известный мне только как Теодор. Они были взвинчены.

Ближайшая к дому дверца кареты распахнулась, из нее выскоцил Рохля. Он выругался, врезавшись в повозку, брошенную Комстоком и Николистом, и принял озираться по сторонам, словно ожидал увидеть орду венагетских головорезов. Я пока что не видел оружия — но подозревал, что у них под рукой целый арсенал.

Рохля махнул рукой. Из кареты выбрался человек, подталкиваемый сзади. Руки были связаны у него за спиной, на глазах черная повязка. Уэлби Делл. Вот как. Интересно... Рохля заставил его пребежаться к дому бегом.

Теодор спрыгнул вниз и помог Рохле извлечь из недр повозки сопротивляющегося Учителя Уайта. Учитель не имел представления о том, куда его ведут, но явно собирался бороться за каждый шаг. Потребовались совместные усилия Рохли и Теодора, чтобы ввести его в дом.

В карете было еще двое пассажиров: третьюстепенный гангстер из Организации по имени Мусор Блейз и мой закадычный дружок мистер Морли Дотс. Я был не особенно удивлен, увидев его. Не вызвал у меня потрясения и тот факт, что ни один из импортных Учителевых мордоворотов не вывалился головой вперед из кареты. Каковая тронулась с места сразу же после того, как Рохля помог своему боссу проскользнуть мимо мистера Малклара.

Послышался рев, какой можно услышать только от лавочника, лишившегося чего-то, что он достаточно долго держал в своих руках. Полузадушенный голос Морли произнес:

— О боги Райма!..

Я переждал с полминуты, надеясь, что дуновение ветерка рассеет миазмы. Ожидая, я мельком заметил своих пикси, которые хлопотали словно пчелки, если использовать старую шутку.

Мое ожидание было напрасным: как раз когда я подошел к ним, мистер Малклар повторил свое высказывание с мощью, способной очистить собор во время исповеди.

— Простите, мистер Гаррет. Я ничего не могу с собой поделать.

— Я знаю, Хлам. Никто не может. Но мы можем следить за тем, что мы едим. Сколько еще вы здесь собираетесь пробыть?

— Мне осталось немного. Понимаете, эти шурупы...

— Меня это не заботит. Это ваша работа. Однако вы можете сделать для меня одну вещь: поглядывайте по сторонам и следите за всеми, кто будет проявлять интерес к моему дому. Типы, которые пытаются взламывать двери, могут попытаться проникнуть внутрь, пока эта дверь снята с петель.

— О! Конечно! — *Гр-рум!* — Об этом-то я и не подумал! Конечно, я буду поглядывать.

— Ну и замечательно. Вы хороший человек, Хлам.

Я поспешил ретироваться. Пожалуй, Учитель оказал мне услугу, устроив так, что я не имел необходимости дышать.

Новоприбывшие собрались в комнате Покойника. Ни один из них не выглядел счастливым — и Морли, возможно, меньше всех. Он чует правду мгновенно, и сразу же просек, что Покойник уже не дыхнет. Я подтвердил его подозрения.

— Если ты и твои парни хотите убраться отсюда, идите. Если так вам будет спокойнее.

Они не возражали. Вся толпа тут же затопала к выходу, а Морли напоследок одарил меня мрачным взглядом и приглашением:

— Заходи ко мне в клуб, когда у тебя найдется минутка.

— Конечно!

Он проследовал за своими парнями.

Ментальную атмосферу наполнил прозрачный смешок.

— Что, им не удалось уйти достаточно быстро, да?

«Да. — Ментальное веселье продолжалось. — Им это никогда не удается».

Покойник развлекался вовсю — теперь он был рад, что проснулся.

Появилась Синдж. Полпути она преодолела вороватой побежкой — девушка по-прежнему чувствует себя неуютно, когда Покойник рядом.

Его Сиятельство раздал нам инструкции. Синдж сняла с Учителя повязку и вытащила кляп, но оставила руки связанными за спиной. Первым, что он увидел, был я, сидевший лицом к нему.

— Ну что ж, Учитель. Времена меняются. У тебя есть что сказать мне?

Учитель был не рад — даже самую малость. Но он не мог видеть Покойника оттуда, где сидел, и, следовательно, еще не вкусили истинного отчаяния.

Он не ответил на мой вопрос. Он не был абсолютным умственным пигмеем — ему хотелось сначала оценить свое положение, прежде чем начинать что-нибудь делать.

— Вот как обстоят дела. Твое зелье не подействовало, точнее, не совсем. Так что я не собираюсь предъявлять к тебе претензий.

Я поднял одну бровь, затем подмигнул ему. Цвет его лица от природы не был настолько бледным, как у Скелингтона, но сейчас подходил близко к тому. Он не мог видеть Покойника, но Скелингтон был полностью в поле его зрения.

«Его ум хорошо экранирован. Я понемногу продвигаюсь. Мне нужно действовать осторожно, чтобы не взвудить в нем подозрений. Отвлеки его».

— Учитель, сам-то ты делаешь когда-нибудь домашние задания? Разве ты не знал, что нельзя отмачивать такие штуки, как твоя, и надеяться выйти сухим из воды?

Учителю было нечего сказать.

— Конечно, в тот момент это казалось неплохой идеей, да? — Я дал ему несколько секунд. — Должно быть, кто-нибудь подсказал тебе ее? Дин, я весь иссох. Не мог бы ты принести мне воды?

«Его группа поддержки не знает ничего, что представляло бы большую ценность. Хотя, взятые все вместе, они могут представить обширный список мест, где мистера Контагю и мистера Тэмиска быть не может».

— Но, может быть, есть какая-нибудь закономерность? Какая-нибудь лазейка?

«Твои непрестанные вопросы пробудили в мистере Уайте подозрение, что я могу быть не вполне недееспособен».

Мне не нужен был Весельчак, чтобы понять, когда Учитель уловил истину. Он стал еще бледнее, чем был до того. Я спросил:

— Что ты сделал с моим баражлом, которое отобрал у меня? Где оно? В твоем бумажнике? Хорошо. Итак — кто убил Паука и Оригинала? Что? Ты не можешь мне сказать? Ты не знал? Ты ведь оставил их вместе со мной.

— Они должны были приглядывать за тобой. Проследить, чтобы ты не загнулся или что-нибудь еще, пока не проснешься.

«Он действительно верит, что это так».

— А что случилось с Бреттом и Бартом?

— Они были мне больше не нужны. Я заплатил и отпустил их.

Прибыл Дин с водой. И со списком покупок. Список был что надо — по нему было совершенно ясно, насколько дорого нам обходятся все эти развлечения.

— Что, у нас совсем нет больше чая?

— Совсем.

Я застонал.

— А что делает Синдж? Ей удалось успокоить котят?

— Им не по себе. Они все забрались в свою корзину, но больше уже не паникуют.

Голос в моей голове сообщил:

«Джентльмены из-за города были наняты через посредство некоего Шура Вролета».

В моем мозгу мгновенно выстроилась мерзкая цепочка. Шур работал на Зеленого Боба Рактика. Ни один из них не имел участка, на котором требовались бы Бретты и Барты. Однако Зеленый Боб докладывался Попрыгунчику Багтсу, а сестра Попрыгунчика была замужем за Милягой Скалдитом, глупым, но восторженно-кровожадным братом Рори Скалдита. Невротичный младший отпрыск семейства Скалдитов был владельцем целого табуна специалистов по насильтственным действиям.

— Учитель, а тебе не кажется, что ты, сам того не зная, делал кое для кого грязную работу? Например, для некоего Миляги С.?

«Сейчас он тоже так думает».

Однако Учителю по-прежнему было нечего мне сказать.

«Наш упрямый гость чрезвычайно рассержен, Гаррет».

— Я бы тоже был на его месте... Эй, Учитель! А что там насчет моего противоядия?

Уйт посмотрел на меня так, словно недоумевал, неужели я настолько безнадежно наивен. Он спросил:

— Мне дадут выбраться отсюда?

— У тебя есть хороший шанс. Однако в каком виде ты при этом будешь, еще остается решить. Как ты считаешь, может быть, нам пригласить Щура и Зеленого Боба к себе на посиделки?

Он превосходно понял, что я имел в виду.

— Противоядие существует.

— Это я знаю. Но я не настолько тебе доверяю, чтобы посыпать за ним тебя. По крайней мере, до тех пор, пока мы не устроим тебе аналогичную неприятную ситуацию.

«Легче легкого».

— Что?

«У этого человека крепкая естественная стенка, окружающая его мысли. Однако он не может защищать их сознательно».

— К чему ты клонишь?

«У него есть друзья среди Стражи. Внутри Аль-Хара. Если его как следует подтолкнуть, он может помочь нам заполучить в свои руки одного из этих зеленоштанников».

— Это интересно. Но зачем тратить такую информацию? Блок и сам может нам их передать.

«Возможно, ты прав», — признал Покойник. С видимой неохотой.

— Итак, вот какое у тебя положение, — сообщил я Учителю. — Мой друг сейчас имплантировал в твой мозг логхирского мозгового червя. Он сведет тебя с ума — понемногу. Ты станешь вроде этих ребят, которых можно видеть на улице, которые ходят и спорят сами с собой. Разница только в том, что тебе будет становиться все хуже и хуже. Только логхир сможет вытащить червя обратно. А в наши дни под рукой имеется только один логхир.

Я не стал подчеркивать иронию ситуации. Я не стал ничего говорить насчет того, кто что с кем сделал. По настоянию Покойника, я сказал только:

— Приведи нам любого из этих людей на пару слов, и твоя жизнь станет намного легче.

Покойник мысленно передал ему список, включавший в себя тяжелейших из тяжеловесов преступного мира Танфера. Учитель пообещал, что сумеет как-нибудь доставить одного из них в объятия Покойника, — но добавил, что это может произойти не так скоро, как нам бы хотелось.

«*О, это произойдет скоро*, — предрек Покойник, включив Учителя в число своих адресатов. — *Или не произойдет никогда*».

Спустя несколько мгновений Уайт был уже на свободе. Покойник окружил его атмосферой смятения, чтобы прибавить ему прыти.

Глава 41

— Что еще за мозговой червь? Это что, правда?

«Он будет думать, что правда. Этого достаточно».

— Надеюсь, что так. Эти люди не любят, когда им угрожают.

«Друг от друга они это терпят. Ты вернул яйцо?»

— Да, оно у меня. — Логхир ничего не упустит!

«Поднеси его поближе».

Я повиновался. Встав, я смог увидеть дверной проем: несколько котят наблюдали за нами из коридора. Синдж проскользнула мимо них в комнату.

— Мистер Малклар закончил работу.

Она сделала запись в гроссбухе и взяла денег, чтобы заплатить Малклару. Наконец-то!

Миазмы достигли комнаты Покойника.

— Плоскомордый или Торнада не собирались вскоре заглянуть? — спросил я.

«Я их не жду».

— Я просто подумал, что кто-нибудь из них мог бы сходить с Дином за покупками. У нас кончилась провизия. А Дин несколько староват для того, чтобы выходить наружу в одиночку в такое время.

«Понимаю. Ты уверен, что это то яйцо, которым в тебя бросили?»

Я рассмотрел его поближе.

— Здесь не очень светло, но... оно кажется немного другим.

«Это камень. Просто камень, и ничего больше. Либо Биттегурн Бриттигарн навешал тебе на уши лапши, либо у тебя больше нет оригинала».

— Сейчас пойду посмотрю на него где-нибудь, где посветлее.

Я пошел ко входной двери, намереваясь выйти на дневной свет. Я выглянул наружу через плечо Синдж и увидел мистера Малклара, который как раз трогал с места свою повозку. И... пара проходивших мимо женщин воззрилась на мистера Малклара в благоговейном ужасе. Затем они захали и принялись махать перед собой руками в тщетной попытке отогнать это.

— Эй, Хохотунчик! Эта девчонка, Пенни Мрак, сейчас на той стороне улицы.

«Где?»

— Точно перед гостиницей Элмера Стика.

«Я ничего не ощущаю. Постарайся быть настолько точным, насколько сможешь».

— На лестнице. Вторая ступенька сверху, с левой стороны, опирается на перила. — Я вышел наружу, чтобы лучше видеть.

«Ага!»

Пенни Мрак взвилась так, словно кто-то дал ей шлепок по заднице. Она бросилась бежать, сбивая с ног пешеходов, посыпавших ей вслед проклятия. У нее были трудности с контролем над конечностями, но она ни разу не упала. Чем дальше она убегала, тем лучше контролировала себя.

Я исследовал свой камень при лучшем освещении.

Это был не тот камень. У этого на поверхности были тоненькие красные прожилки. И он не был настолько гладким. И от него не исходило то теплое, расслабляющее ощущение, когда я начал крутить его в пальцах.

Я вошел обратно в дом.

— Ну что, она оказалась для тебя слишком увертлива?

«Именно. Она представляет собой невероятно маленькую цель. И к тому же ускользающую. Она ощущает мой интерес в то же мгновение, когда он касается ее».

— Это не тот камень.

«Я так и думал. Настало время рассмотреть поближе твои воспоминания относительно него».

— Почему?

«Он иссомненно имеет важное значение. Во всяком случае, достаточно важное, чтобы его подменили».

— Но Учитель Уайт...

«Не будем опережать события. Вещи могут происходить и без одобрения и даже без ведома мистера Уайта. Сядь. Расслабься. Подумай о том, насколько полезно было бы иметь под рукой попугая в таких ситуациях, как сейчас, с этой уличной девчонкой».

— Как бы я хотел, чтобы ты перестал доставать меня на этот счет!

«Хороший партнер должен доставать. Итак, вернемся к „Пальмам“. К твоей первой встрече с этим камнем».

Я ощущал, как щупальца его разума скользнули в мой мозг, в самую глубину, к моим воспоминаниям о тех кратких мгновениях.

Я привык к такому — хотя это мне и не нравится, — так что постарался просто сосредоточиться на другом, пока он вызывал к жизни мое прошлое, выкапывая детали, которые я не сумел заметить сознательно. В первую очередь я сконцентрировался на дыхании.

«Готово».

— И?

«Ты сделал некоторые неверные умозаключения».

— Это впервые в моей жизни. Давай, выкладывай.

«Начнем с того момента, когда ты вышел из дверей „Пальм“. Фактически ты не видел, как член банды Зеленых Штанов швырял в тебя камень. Камень просвистел мимо тебя, ты пригнулся, а потом заметил громилу в зеленых штанах. Ты сложил вместе три и три и получил пять. Зеленые Штаны не ответственны за это грязное дело. Его присутствие там могло быть случайным».

— Но он убегал!

«Разве?»

— По крайней мере, так я помню.

«Он не убегал. В твоей памяти даже отложилось, что онказался изумленным, когда вы с мистером Дотсом набросились на него».

— Да, действительно... — Зеленоштанник на самом деле вел себя так, словно был абсолютно сбит с толку. — У меня такое чувство, что мы никогда не выясним всей правды в этом вопросе, потому что тот парень уже мертв. Но если это сделал не он, то кто же? И почему?

«Замечательные вопросы, как один, так и другой. Ты в тот момент даже на подсознательном уровне не увидел ничего, что могло бы пролить на них свет».

И со злорадным весельем Покойник подколол меня еще:

«Так что, возможно, ты все же был изначально прав, хотя и исходил из неверных предпосылок».

— О чём ты там болтаешь, черт подери?

«В конечном счете камень мог швырнуть в тебя и громила в зеленых панталонах».

— Видимо, здесь я должен вскочить и начать бегать кругами, взвишивая и выдирая на себе волосы?

«Существенным моментом является то, что ты, возможно, действительно пришел тогда к правильному выводу — но даже если так, ты сделал это, не опираясь на доказательства. Ты исходил из собственного предубеждения и из того факта, что больше на улице никого не было».

— Я начинаю подумывать о том, чтобы подпалить этот дом к чертам собачьим и перебраться куда-нибудь в другое место. Тогда мне больше не придется выносить эти измышления.

«Я показываю тебе, каким должен быть настоящий мыслительный процесс, чтобы он раскрывал...»

Наш диалог, грозивший перерости в нешуточную перепалку из-за мелочи, прервался, поскольку в дверь проскользнула упомянутая ранее Тинни и требовательно спросила:

— Почему ты меня не разбудил?

— Я пытался. Ты сказала, что отрежешь мне уши, если я, черт побери, не оставлю тебя в покое. Что ты всю ночь была на ногах и тебе необходимо выпспаться.

Тинни в последнее время не очень-то способна быть человеком по утрам. Как и я.

Другая вещь, по которой мы сходимся во мнениях, — это что с рыжеволосой точки зрения я всегда неправ.

— Наверное, мне следовало выказать немного больше твердости, да? — добавил я. Как правило, она с готовностью бросалась на подобную наживку.

Возможно, мы в последнее время стали слишком свободно себя чувствовать в обществе друг друга: ее выражения оказались совершенно не подобающими для леди.

— Я должна была быть у себя в офисе четыре часа назад!

— Прости, что разочаровал тебя тем, что остался жив, любимая.

В следующий раз я выберу более удобное для тебя время.

Она гневно взглянула на меня, но промолчала. Я сказал:

— Поскольку ты все равно опоздала и поскольку члены твоей семьи наверняка решат, что если женщина твоего возраста отсутствовала всю ночь при обстоятельствах, связанных с неким человеком по имени Гаррет, то для нее это доброе не кончится...

Обычно подобные высказывания провоцировали взрыв, но на этот раз Тинни была не в том настроении. Она просто продолжала дуться.

— ...В общем, поскольку ты все равно опоздала, не хочешь ли ты сходить с Дином на рынок?

Тинни — весьма узнаваемая личность. Люди станут держаться от нее подальше — не потому, что она моя девушка, а потому, что она племянница Уилларда Тейта. А Уиллард Тейт является одним из промышленников новой волны, чьи таланты уже начали завоевывать ему большой вес в послевоенном Танфере.

Выражение лица Тинни было неописуемым. Жаль, что нет способа как-то зафиксировать все эти веснушки в движении.

— Ты хочешь, чтобы я охраняла Дина? Зачем? Чтобы ты мог спокойно валяться на диване со своим пивом и с первой дурочкой, которая заглянет к тебе в гости?

Затем ее глаза на глазах остекленели. В течение следующей половины минуты она была такой, какой должна быть безупречная любовница: сногсшибательно красивой и молчаливой. С ней говорил Покойник.

Наконец Тинни снова включилась.

— Прости, — сказала она, придвигаясь ближе и обдав меня теплом. — Я забыла, что этот мерзавец сделал с тобой своим зельем.

Я сносил ее утешения до тех пор, пока Мешок с костями не потерял терпение.

— Хорошо, хорошо, я иду! — рявкнула она, отодвигаясь от меня. Но я уже передумал.

— Пожалуй, ступай-ка ты лучше прямо домой, дорогая. У тебя нет необходимых умений для того, чтобы защитить Дина от того типа людей, которые нас беспокоят.

Тинни — самая противоречивая натура из всех, кого я знаю... естественно, не считая моего партнера. Я готовился к большому спору. Однако, будучи противоречивой натурой, она в тысячный раз надула меня, не возразив мне ни единственным словом. Может быть, она наконец научилась слушать? Это вполне могло случиться. Даже с рыжеволосой. Иногда на костях действительно выпадают одни двойки.

Я довел Тинни до двери, где укромный взгляд наружу не открыл ничего неблагоприятного, и тут на меня накатило вдохновение. Обмениваясь с любимой последними напутствиями, я предложил:

— Зайди к миссис Кардонлос, там должно быть полно полицейских. Спроси, не смогут ли двое из них проводить тебя до дома?

Бот-вот. Качнуть бедрами, тряхнуть головой, хихикнуть пару раз — и все стадо снимется с места, неся ее на своих плечах.

— Неплохая идея. И если уж на то пошло, почему бы мне не нанять еще парочку, чтобы присмотреть за Дином?

По правде говоря, я подумал об этом еще до того, как подумать о безопасности ее самой, просто в последнее время я заразился определенным минимальным количеством хитрости.

— И почему я сам об этом не подумал! Наверное, это ты меня отвлекла.

— Я буду отвлекать тебя постоянно, если узнаю, что у тебя есть какие-то дела с Белиндой Контагью, которые не касаются непосредственно бизнеса.

Ну как можно отшлепать крысу? Под руку будет постоянно попадаться хвост.

«Мисс Пулар не виновата, Гаррет. Боюсь, все дело во мне».

Вот как. Что ж, разница, пожалуй, невелика. Тинни все равно уже никого не станет слушать — особенно какого-то глупца по имени Гаррет.

Закончив с последним приступом сантиментов, профессиональная рыжеволоска двинулась на улицу. И как двинулась! Она шла

сквозь толпу, не замечая капающей слюны, горящих глаз и спотыкающихся ног.

Тинни Тейт никогда не осознавала, насколько она потрясающе привлекательна. Когда я что-нибудь говорю ей на этот счет, она считает, что просто я — это я, и ничего тут не поделаешь.

Я смотрел, как она храбро вплыла в гавань Кардонлос, где тут же поднялось волнение. Через пять минут она уже опять была в пути, и по каждой руке от нее вышагивал большой, бравый, зоркий полисмен. И еще один направлялся в мою сторону.

— Косс.

— Гаррет.

— Чем могу быть полезен?

— Мисс Тейт предположила, что вы, возможно, сможете занести имя моей жены в список очередников на трехколесные повозки.

— Она так предположила, вот как? Однако свалила все на меня, хотя сама владеет большим куском пирога, нежели я!

— Она просила меня напомнить вам, что это не она тот человек, кому требуется услуга.

— Ей тоже когда-нибудь потребуется... Ну хорошо. Я могу передвинуть вашу жену в списке, но не в самое начало. У меня не так много веса.

Подобные вещи начались в ту же минуту, как наши трехколесные повозки стали новинкой сезона, какую должен иметь каждый сезон. Спрос на них драматически превышает поставку товара; список очередников насчитывает две тысячи имен. Мои этически неполноценные коллеги пополняют доходы корпорации, беря взятки за то, что продвигают имена вверх по списку. Они прикармнили бы каждую плохо лежащую медную монетку в королевстве, если бы могли.

— Вот что я думаю, — сказал я Коссу и сплел ему развесистую байку насчет того, какой Дин лакомый кусочек для плохих парней. — Я заинтересован лишь в том, чтобы мой человек спокойно сделал свои покупки. Если кто-нибудь начнет к нему вязаться — благодарности, почести и вся дополнительная информация ваши, если это не будет касаться меня. В последнем случае я, разумеется, буду более чем заинтересован.

— Разумеется.

Мы обменялись еще парой любезностей, после чего я вернулся в дом и сообщил Дину, что он может отправляться на рынок.

— И не забудь, что нам нужен новый бочонок!

Затем я снова отправился к Покойнику.

— Сколько еще нужно времени, чтобы эта отрава вышла из меня и я смог без проблем покидать дом, не рискуя задохнуться?

«Ты еще только начал избавляться от яда. И ты совсем не пьешь жидкости».

Я хмуро доложил:

— Пенни Мрак опять наблюдает за домом.

«Пусть наблюдает. Это ничего не значит, кроме того, что она обеспокоена судьбой своих котят. Нам необходимо залучить сюда Биттегурна Бриттегарна — любыми возможными средствами. Это он украл у тебя яйцо птицы Рух, одновременно мороча тебе голову и убеждая выбросить в реку то, чем он его подменил. Если бы ты послушался, это уничтожило бы все подозрения».

— Ты действительно считаешь его зломуышленником?

«Возможно. Если мне представится шанс расспросить его, я смогу дать более определенный ответ. Может быть, он просто слаб».

— И все, что я получаю за все свои беды — это сарказм!

Глава 42

Ко мне заглянул Плоскомордый.

— Они там уже совсем забыли про меня, Гаррет! Никто не орет мне вслед ничего такого — что, типа, вот идет парень, который вчера пытался изнасиловать маленького мальчика... Кстати, это мерзкое создание сидит сейчас на ступеньках у Элмера Стика и с наглейшим видом разглядывает твою хибару. Если бы я любил биться об заклад, я бы поставил на то, что она пытается вычислить, как забраться к тебе так, чтобы потом без помех выбраться обратно. Как там твой большой дядя, по-прежнему бодрствует?

— После того как он просыпается, Мешок с костями, как правило, больше не ложится спать до тех пор, пока не доведет всех нас до ручки. Единственное, что может заставить его снова заснуть — это если он каким-либо образом доставит кому-нибудь действительно большие неудобства.

— Мне нужно его увидеть. Спроси Дина, нет ли у него...

— Дин ушел за покупками. По слухам того, что у нас закончилось буквально все — в особенности чай и пиво.

— Проклятье! Мне необходимо промочить глотку.

Покойник послал мне насмешливый комментарий, сопроводивший меня до кухни:

«Пей воду. Вода — твое единственное надежное противоядие».

В доме не оказалось ни унции пива. Я принялся ворчать и брюзжать, но последовал его совету. Он был прав.

Я вручил стакан воды Плоскомордому, бормоча проклятия в адрес Биттегурна Бриттигарна.

«Все это замечательно, но ты должен отдать священнику должное: ловкость его рук была настолько блестящей, что я до

сих пор не могу уловить момент, когда именно он произвел подмену».

Чем больше я думал об этом, тем больше мне хотелось положить ББ поперек колена и пороть до тех пор, пока он не выдаст какую-нибудь полезную информацию. История про яйцо птицы Рух явно представляла собой бушель саламандрового помета. Однако камень несомненно обладал некими необычными, редкими качествами. И ценностью.

«Его нужно каким-то образом заманить сюда. Хотя и маловероятно, чтобы он являлся частью этой головоломки, у него может оказаться ключ».

Я переключил внимание на Плоскомордого. Тарп что-то болботал, докладывая о своих успехах, хотя это было совершенно на-красной тратой слов: Покойник качал информацию прямо из его головы.

При этом Мешок с костями явно проявлял нетерпение.

Плоскомордый прошелся по городу, собирая слухи о человеческих самовозгораниях — когда, где, кто... Последний пункт оказался наиболее трудным, поскольку жертвы были не теми людьми, которых кто-то может хватиться. Жаль, что у нас больше нет связей на Холме — один из тамошних воротил мог бы избавить меня от нескольких тонн работы.

«Вы хорошо поработали, как обычно, мистер Тарп. Мисс Пулар вам заплатит. Если вас интересует дальнейшая работа, в Квартале Грез есть один человек, которого я хочу видеть. Однако существует возможность, что он не захочет идти сюда по собственной воле. Объясни ему, Гаррет».

Я рассказал Тарпу про Биттегурина Бриттигарна.

— Малость попивает, а?

— Не просыпает, словно косяк трески.

— Тогда с ним вряд ли будут большие проблемы — вырубится там, проснется здесь...

— Но его охраняет гарпия, — предупредил я.

— Тогда, может быть, мне стоит взять с собой Морли?

— Сомневаюсь, что мы увидим Морли какое-то время. Слишком уж сильно все зашевелились. Он хочет оставаться в стороне от всего этого.

— Да, это самое лучшее — подождать, пока все уляжется... Ну ладно. Видно, придется мне самому поговорить с ней как-нибудь помягче.

Я промолчал, что было не так-то просто. Поговорить помягче для Плоскомордого значило, что он будет разносить все вокруг не такой большой кувалдой, как обычно.

Синдж заплатила Тарпу и записала расход. Плоскомордый еще какое-то время лил бальзам на свои болячки, жалуясь мне на свою любовную жизнь. Все было как обычно: он завел себе женщину, а она ему изменила.

— Жаль, что среди наших знакомых нет музыканта, — вздохнул я. — Мы могли бы положить твою жизнь на музыку и сделать из этого потрясающую трагическую пьесу.

— Это не смешно, Гаррет!

— Да, ты мне все время так говоришь. А потом идешь и находишь себе другую, точно такую же, и делаешь одну и ту же глупую ошибку снова и снова.

— Это верно. Только я никогда не вижу этого, пока не оказывается слишком поздно... Ну ладно, мне пора. Мне выдадут что-нибудь на карманные расходы?

«Все что хочешь, только приведи этого человека сюда».

— Эй! — запротестовал я. — Не забывай, что это мои деньги, которыми ты бросаешься.

«Припиши это к своему счету Поддержки Дыхания».

— Похоже, эта задачка задела тебя за живое, а?

«Твои расследования всегда уводят в гробницы хаоса, и на этот раз больше, чем обычно. Удачи, мистер Тарп. Помогите нам с творить порядок из всей этой сумятицы».

Я возразил:

— Это дело кажется хаотичным только потому, что в нем целая куча не относящихся друг к другу вещей, происходящих одновременно.

«Верно. Но все эти веци постоянно натыкаются друг на друга и путаются друг у друга под ногами только потому, что имеют одно общее звено — тебя».

Пара котят набралась достаточно смелости, чтобы зайти к Покойнику в комнату. Впрочем, они держались настороженно.

— Как-то это пугает...

«Поистине так».

Глава 43

Я задремал. Мой партнер поддерживал мое дыхание. Следующим, что я осознал, была Синдж, которая тряслася за плечо.

— Дину нужно помочь занести в дом покупки.

Я заворчал, но кое-как собрал вместе затекшие члены и потянулся к двери. Вот вам Танфер: кто-то обязательно должен стоять на страже, пока другой затаскивает добро в дом. И разумеется, Дин планирует применить свои сторожевые навыки, положившись на меня как на подручного-носильщика.

Однако он обманул мои ожидания.

— Вы стойте возле повозки и делайте свирепое лицо, а мы с мистером Сандерином перенесем бочонки. Синдж, ты собираешься нам помочь? Или так и будешь стоять и строить глазки?

Синдж шмыгнула вниз и принялась нагружаться. Я заметил Косса с приятелем на другой стороне улицы, они направлялись к дому миссис Кардонлос. Косс помахал мне.

Дину каким-то образом удалось уговорить парня, развозившего пиво, сойти с маршрута. Это был парень из пивоварни Вейдера. Как правило, их трудно чем-либо отвлечь от дела. Однако этот мистер Сандерин позволил Дину нагрузить на свою повозку понемногу всего, что нам было нужно в доме, включая мешок картошки и бушель яблок (вряд ли их хватит надолго, если Синдж возьмется за готовку).

Сандерин был весь на нервах — возможно, из-за того, что я тот самый человек, в чью обязанность входит контролировать рабочих вейдеровской пивоварни. Я успокоил его:

— Расслабься, Сандерин. Я тебя сегодня не видел.

Когда Дин вернулся, перетащив в дом первый бочонок, я сообщил ему:

— Твоя подружка Пенни снова отирается на той стороне улицы.
 — Она беспокоится о своих котятах. Но боится перейти улицу и узнать, как они поживают.

— И ты, конечно, сказал ей, а?

— Я сказал ей, что с ними все в порядке — у них достаточно еды и никто их не обижает.

— Похоже, именно этим она прежде всего и усахарила тебя, добиваясь, чтобы ты взял их в дом. Я прав?

— Ей хотелось воспользоваться преимуществом репутации Мертвеца. Не ведя при этом переговоров с ним самим. Но как раз тут он и проснулся.

— Какая жалость!

— В сарказме нет необходимости, мистер Гаррет.

— Может быть. Но так я чувствую себя лучше. Наш дом ведь всегда открыт для нее. Мы не кусаемся. Ну, может быть, разве я... Но я обещаю не оставлять шрамов!

— Вам надо посмотреть на ситуацию с ее точки зрения.

— Дин, не морочь мне мозги, у тебя это плохо получается. Это ведь не ребенок. Ей вовсе не двенадцать лет.

Дин вздохнул.

— Вы правы. Просто она слишком маленькая для своего возраста. И она всегда была сама по себе с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Ее ум острее ножа в одних вещах и твердокаменно наивен в других. И мне хотелось бы, чтобы так и оставалось.

Я уловил намек.

— Я должен бы чувствовать себя уязвленным твоими подспудными предположениями. Как насчет того, чтобы ты перетащил баржу-другую? Взял на себя долю поклажи? А то Синдж уже в третий раз возвращается.

Дин заставил мистера Сандерина помочь ему. Когда он отвернулся от меня, я послал Пенни Мрак воздушный поцелуй. Рельеевые ребята заметили. Может быть, они как следует прижмут девчонку и она прибежит к нам в поисках укрытия?

Синдж поймала меня на этом занятии.

— Ты отъявленный мерзавец, Гаррет!

Я ухмыльнулся.

— Но разве жизнь не хороша?
Она сказала только:
— Похоже, опять начинается дождь.
Да. Собственно, он уже шел.

Глава 44

Дождь начался после полудня. Вначале он был не слишком сильным, хотя и холодным, но затем, после нескольких громовых раскатов, превратился в настоящий ледяной поток. К счастью, мне не нужно было испытывать судьбу, выбираясь на улицу, где мгновенно стало грязно и скользко.

Я сидел в компании Покойника, подремывая, но чувствуя беспокойство — чего никогда бы не было, если бы я был свободен выходить когда вздумается. Покойник развлекался, подкалывая меня на счет такого внезапного прилива рабочего рвения.

Кто-то постучал в парадную дверь. Дин потопал открывать. К этому моменту он устал играть с котятами и пытался поддерживать интеллигентную беседу с Синдж. Впрочем, ему никогда не удается надолго забывать, кем она является.

Забормотали голоса, но их заглушала дробь дождевых капель. Дождь лил с огромным энтузиазмом, тут же превращаясь на мостовой в корку льда. Вошел Морли — такой растрепанный, каким я его никогда не видел. Его голову и плечи тоже покрывала ледяная корка.

— У меня нет слов! — сказал я.

— О, если бы это было так!..

— Что такой зверь, как ты, может делать снаружи в такую ночь, как эта?

— Когда я вышел из дома, все было еще не так плохо. Я прошел уже две трети пути до твоего дома, когда погода взбесилась. Я спрятался в подворотне вместе с какими-то бродягами, но потом стало ясно, что это не просто преходящий каприз погодного божества. До тебя было ближе, чем до дому, так что я двинулся вперед. Упал несколько раз. Кажется, я растянул запястье.

Я засмеялся, представив себе Морли, толкающегося среди уличной кодлы, — но тут же оборвал себя.

— Однако, полагаю, мне следует припрятать свое веселье до тех пор, пока ты не расскажешь, что привело тебя сюда?

Морли сказал Покойнику:

— Кажется, твой мальчишка наконец-то начал развивать некоторые социальные навыки.

«Достаточное количество ударов и сотрясений в конце концов стачивают углы даже у самых крепких каменных лбов. С течением времени».

— С этим трудно поспорить, — признал я, пытаясь вытащить себя из кресла.

«Не трудись. Дин и Синдж уже идут сюда. Им не терпится сделать хоть что-нибудь, что не требует от них составлять друг другу компанию».

Прибыл Дин, неся в руках стул. Синдж экипировалась всем необходимым, чтобы высушить Морли и завернуть его в плед. Дин пообещал:

— Мы зальем в вас что-нибудь теплое так скоро, как только сможем.

— Было бы неплохо, — отозвался Морли. — Я надеюсь только, что эти идиоты в «Пальмах» не сожгут там все дотла, пока меня нет.

Морли — дотошный управляющий. Он не может быть спокоен, просто дав своим людям поручение и пустив дело на самотек. Я напомнил ему:

— Ты однажды ушел вместе со мной в Кантард, и твое заведение все еще оставалось на своем месте, когда мы вернулись.

— Это было в старые времена. С этим местом нельзя было сделать ничего плохого, пока оно было «Домиком Радости».

Он продолжил и дальше в том же духе — но я уже слушал лишь вполуха. Я изумлялся Покойнику: он сказал «Синдж» вместо обычного официального «мисс Пулар». Похоже, он наконец-то принял ее в семью. Какой бы ни была эта семья. Такая вот странная семья.

Может быть, теперь мне стоило завербовать еще гнома?

— А что стало со всеми гномами? — спросил я.

На меня обратились озадаченные взгляды. Я пояснил:

— Мне только сейчас пришло в голову — я больше совсем не вижу гномов. Да, если подумать, и троллей теперь не так уж много. Даже эльфы не так часто попадаются, как бывало раньше.

— Иные расы покидают Танфер, — сказал Морли.

Я глотнул воды. Сложно сказать — может быть, я это просто придумывал, но мне казалось, что я чувствую все большую и большую жажду.

— Ты хочешь сказать, что вся эта расистская болтовня про права людей на самом деле действует?

— Действует. Хотя не совсем таким образом, как ты думаешь.

— Что?

— Вряд ли ты действительно считаешь, что горстка пьяных йеху с рукоятками от топоров могут утихомирить тролля, правда ведь?

Да, я должен был признать, что это действительно казалось маловероятным.

— Мы стареем... — пробормотал я.

— Говори за себя. И вообще, с чего ты это взял?

— Ну вот мы тут сидим возле огня и болтаем, вместо того чтобы шататься по непогоде в поисках приключений...

— И я только рад этому. Если я буду осторожен, меня хватит на несколько столетий.

— Тогда как получилось, что ты оказался вне дома в такую погоду, когда даже бешеные собаки забиваются под крыльцо?

— Я не планировал этого.

— Да, это я уже понял. Спасибо, Синдж. Подвинь себе кресло, сядь и слушай, как мастер плетет небылицы.

— Если бы, — вздохнул Морли. — Что ты сделал с Учителем Уайтом?

— Ничего. Мы просто поболтали, чего и следовало ожидать. А что?

— Он спятил. Он наехал на Милягу Скалдита. С Милягой лучше не связываться, разве что ты застанешь его со спущенными штанами — что, похоже, Учителю и удалось. У Рори дым из ушей повалит, когда он узнает.

— Итак, Учитель сделал глупость. Много там трупов? У тебя есть какие-нибудь подробности?

— Нет.

Я заметил, что Покойник не участвует в разговоре.

— И что это на него нашло? — вслух раздумывал я. — Он взбеленился из-за того, что двое громил, которых он занял у Миляги, грохнули у него Паука Уэбба и Оригинала Пипу. Но он не был похож на самоубийцу, когда выходил от меня.

Покойник не сказал ничего. Однако я был уверен, что он не чувствует себя виноватым.

— Мы действительно попросили его привести парочку людей, — признал я. — Но я и думать не думал, что он развязнет войну.

Дотс неправильно меня понял.

— Твое имя там не звучало. Пока что.

— Это не совсем утешает, но все же приятно.

Дин редко интересуется моими делами. Но сейчас у него не было работы, а ложиться спать было еще рано. Он принес себе стул и воился с огнем, слушая наши разговоры и храня молчание.

— Все это очень интересно, но зачем было вылезать из-за этого наружу?

— Меня заботило то, что Рори может подумать, что ты имел какое-то отношение к несчастью, приключившемуся с его братом.

Идеи дружбы и боевого товарищества, включенные в образ настоящего мужчины, иногда приводят нас к совершенно извращенным представлениям о реальности.

— А ты что думаешь, Костяная Нога?

Молчание.

— Да брось, я знаю, что ты не спиши.

«Разумеется, не сплю. Я наблюдаю за приближением упомянутого ужасного злодея — Учителя Уайта и его милых друзей. Среди которых присутствует и человек по имени Миляга, чье наименование кажется сейчас совершенно неуместным».

— Они идут сюда?

«Будут здесь через пять минут. Учитель Уайт знает истину, но Миляга Скалдит не в курсе дела».

Я ощущал, как он принял распоряжаться, говоря моим домочадцам, что им делать.

Покойник из тех ребят, что сразу берут командование на себя.

Глава 45

Хотя Морли и выглядел потрепанным, он был прежним лошадиным самим собой — по сравнению с Учителем Уайтом, его командой и его пленниками. Вся эта публика пребывала на самых последних стадиях категории утопленной крысы — хотя Синдж, наверное, встопорщилась бы от негодования, услышав подобное сравнение.

— На, говнюк, получай, — сказал мне Учитель. — Вот тебе Зеленый Боб, Щур, Бретт Батт и Миляга Скалдит. Скорее всего, за это меня убьют. А вот твое долбаное противоядие — во всяком случае, так сказал мне Колда, когда я покупал у него зелье. Давай, прикажи своему монстру убрать этот кошмар из моей головы.

Я стоял, разинув варежку, словно деревенский дурачок, глядя, как Учителя и приспешники сгружают тела в моем коридоре и наполовину желают, чтобы мой монстр убрал шепчущие кошмары из моей головы — темное бормотание по-прежнему не хотело уходить прочь. Дин брызгал слюной по поводу того, что они натащили в дом воды. Пленники были связаны. Кровь покрывала их с ног до головы, из некоторых она еще сочилась. Это тоже не прибавляло Дину радости. Я не мог себе представить, что могла проделать банда Уайта, чтобы отмочить такую штуку. Еще больше трудностей у меня было с тем, чтобы представить, что мог сделать с Учителем Покойник, чтобы пробудить в нем подобное рвение.

«Превосходно. Просто превосходно. Вы творите чудеса, мистер Уайт. Уверен, что теперь вы были бы не прочь исчезнуть на некоторое время. Верно?»

— Еще бы, черт подери!

«Тогда уходите побыстрее. Благодаря погоде наблюдатели сейчас не обращают внимания на наш дом. Уходите тихо».

— А как насчет этого мозгового червя?

«Я уже удалил его».

— Так быстро?

«Так быстро. Без проблем. Вскоре вы начнете чувствовать себя намного лучше. Идите. Смотрите под ноги, чтобы не поскользнуться. И уберите от дома эту карету, даже если она крашеная».

Как раз то, чего нам не хватало — еще одно краденое средство передвижения, оставленное перед нашим домом!

Команда Уайта поспешила покинуть здание.

— Тебе удалось вытащить из них что-нибудь новое до того, как они ушли?

«Ничего полезного. Хотя мистер Уайт, без сомнения, пережил большое приключение. Это станет сагой криминального мира — если он останется в живых».

— Интересно. — Я бросил взгляд на кучу подергивающих измочаленных тел, доставленных мне моим бывшим и будущим врагом. — А что с этими?

«Даже не знаю, с чего начать».

Я наградил Бретта Батта хорошим пинком в ребра.

— А вот с этого. Засади-ка ему парочку своих мозговых червей в черепушку!

«Гаррет!»

— Хорошо, хорошо. Я буду вести себя цивилизованно.

— Я начинаю недоумевать... — произнес Морли.

— В каком смысле?

— Я начинаю недоумевать, неужели ты до сих пор не развел в себе достаточно здравого смысла, чтобы грохнуть этого лося, пока у тебя есть шанс — вместо того чтобы ждать, пока это будет честно?

«Вынеси мистера Вролета наружу и оставь его под чьей-нибудь верандой. Он не знает ничего».

В мысли Покойника был какой-то оттенок, возбудивший во мне легкое подозрение.

— Там снаружи холодно...

«Холод приведет его в себя».

— И все покрыто льдом.

«Значит, тебе придется смотреть себе под ноги. Тебя никто не увидит. Те, кому было поручено наблюдать за нами, решили делать это в теплом и сухом месте».

Я недовольно заворчал. Эти люди, Дин с Морли, смотрели на меня так, словно считали меня большим ребенком. И я действительно им был. Там, снаружи, было очень мерзко. Однако я все же взвалил Щура на плечо, Дин распахнул дверь, и я вытащил негодяя под ночной дождь. Соприкосновение со ступеньками моего крыльца не улучшило его внешний вид.

— Сколько раз ты упал? — спросил Морли, когда я снова ввалился в комнату Покойника.

— Я сбился со счета. Дин, ты не мог бы сделать горячего какао?

Оно прибыло незамедлительно — одна кружка на всех, исключая плохих парней. Может быть, я потому и спросил о нем, что учゅял запах варящегося какао.

«Мистер Рактик тоже может быть удален, Гаррет — как только ты покончишь со своим какао».

— Ты собираешься поступить так же со всеми этими громилами?

«А у тебя есть лучший план?»

— Любой план подойдет, если он не будет включать в себя выход на улицу.

«Это кончится тем, что наши гости очнутся здесь, в доме. И возможно, вспомнят об этом позже — исход дела, который представляется мне очень нездоровым».

— Тебе легко говорить. А как ты предполагаешь, чтобы я вытащил этого быка? — Я прикинул, не пнуть ли мне Бретта еще пару раз.

«Я убежден, что тебе придет в голову какое-нибудь решение», — в этой мысли Покойника царствовало глубочайшее удовлетворение.

Он прикальывался надо мной. А я понятия не имел, в чем тут дело.

Я вздохнул и взялся за Зеленого Боба. Спуская его по ступенькам, я сумел не причинить ему большого ущерба. Вначале я планировал свалить его где-нибудь около Дороги Чародея, но когда добрел до веранды, под которой оставил Щура, Вролета там уже не было. Я положил вместо него Зеленого Боба.

Дождь продолжал лить. Большая его часть попадала мне за воротник. Надо было запастись капюшоном или большой шляпой... Перчатки тоже бы не помешали...

«Гаррет!»

Я испуганно подскочил.

— А?

Я по-прежнему находился в десяти ярдах от своего крыльца, вцепившись в оставленную там краденую козлину повозку, в полуబессознательном состоянии пытаясь не скатиться обратно под гору.

«Не забывай дышать. Тебе повезло, что ты оказался достаточно близко от дома, чтобы я смог тебе помочь».

Вот как? У меня было чувство, что скорее со мной сыграли шутку, чтобы я получше запомнил урок.

Я вошел и набросился на добавочную порцию какао. Затем горячий чай, затем холодная вода. Я уселся возле огня и спросил:

— Ну и как, мы выяснили что-нибудь? Есть ли во всем этом хоть что-нибудь, что стоило бы моих усилий?

«Тебе будет приятно узнать, что мистер Рори Скалдит считает тебя одним из самых опасных людей в Танфере? Достаточно опасным, чтобы стоило убить тебя, не дожидаясь специального повода».

— Ох, боже мой! Теперь я настоящий мужчина! Нас, видимо, ждет очередное разочарование — поскольку все эти ребята не представляют собой интереса?

«Не совсем так. Для братцев Батт ты был воплощением определенной возможности, а вовсе не мишенью для демонстрации их способностей. Милагре Скалдиту были даны инструкции погрузить тебя в сон, если эта возможность возрастет. Судя по всему, каменное яйцо в тебя швырнула какая-нибудь пешка оппортуниста Скалдита. Ты теперь в списке не только потому, что в принципе всех давно достал, но еще и потому, что можешь отыскать Чодо прежде, чем это сделает команда Скалдита. У тебя потрясающая репутация среди этих голозорезов. Очевидно, они тебя совсем не знают».

— Каковы мои шансы действительно раскопать Чодо со Жнецом?

«Возрастают с каждой минутой. Их разыскивает каждый бандит, способный ходить на вадных ногах. Нам теперь известно очень многое насчет того, где мистера Контагю нет».

— Он вместе с Белиндо? Или его похитил Жнец Тэмиск?

«Общее мнение таково, что мисс Контагю разыскивает своего отца с еще большей энергией, чем кто-либо другой. Кроме того, твоя идея тоже пришла мне в голову: я попросил Джона Пружину распространить информацию среди крысиного сообщества, пообещав соответствующее вознаграждение».

Это умно. Крысиный народец проникает повсюду. Никто не обращает на крысюков внимания — разве что для того, чтобы прикинуть. Я искоса взглянул на Синдж. Она выглядела весьма польщенной. И усталой.

Становилось поздно. Я внезапно осознал, с некоторым удивлением, что мы до сих пор так и не прикоснулись к новому бочонку.

Сколько еще это продлится?

«Бретт Батт уже готов к выходу. Ты представить себе не можешь, насколько банальная личность этот человек. Хотя и осведомленная. Весьма осведомленная...»

— Ты вытащил из него что-нибудь полезное?

«В тайных уголках его мозга действительно скрывалось несколько интересных моментов».

— Например?

«Я позабочусь о том, чтобы ты узнал то, что тебе нужно будет узнать, когда сложится ситуация, требующая, чтобы ты это знал».

Ну хорошо. Мы собрались поиграть в игры. Опять. Он выудил из голевы Бретта что-то смачное и не хотел мне говорить. Может быть, он просто не хотел, чтобы я забивал себе этим голову.

«Более или менее. Это имеет не очень большое отношение к тому, что мы расследуем сейчас. Убери его отсюда».

Ворча, я ухватился обеими руками за воротник Бретта и потащил его к выходу. Единственной помощью, которую я получил, было то, что Синдж вызвалась открыть мне входную дверь.

Бретт был счастливчиком — его хороший приятель Гаррет держал его за верхний конец, а не волок за ноги. Благодаря этому обсто-

ятельству его хороший приятель Гаррет смог в одиночку протащить его по покрытым льдом ступенькам, не приложив головой ни об одну из них.

— Что ты там делаешь?

Это был Плоскомордый Тарп. Он собрал на себя столько сконденсированных осадков, что был похож на жуткого снежного человека. Он был не один. Его пошатывающийся компаньон, вцепившийся в его руку, также скорее походил на ходячего снеговика.

— Тащу этого ублюдка вон к той повозке.

У меня случился приступ вдохновения, какой бывает только у фанатичных лентяев. Если мне только удастся втащить Бретта на эту колымагу...

Тарп с его приятелем ухватились за мою ношу и помогли мне повалить Бретта на повозку. Потом Тарп сказал:

— Мы с Битте хотим пересидеть у тебя, пока не кончится непогода. Ты не против?

— Давайте, заходите. Там есть горячее какао. И еще мы обзавелись новым бочонком. Я вернусь через минуту.

Я пристроился между дышлами и покрепче ухватился за них. После того как мне удалось пинками отбить их примерзшие к мостовой концы, повозка сразу же покатилась под гору.

Это было похоже на рикшу задом наперед: я шел сзади, стараясь не отставать.

Макунадо-стрит имеет мягкий уклон вниз на протяжении трети мили. Задолго до конца этой трети я отстал. Повозка затарахтела дальше, а я пошел обратно, поскользываясь, спотыкаясь и маша в воздухе руками, но так ни разу и не упав окончательно. Я не мог идти ровно, и даже не пытался.

Колесница Бретта каким-то образом сумела ни во что не врезаться за то время, пока я не потерял ее из виду в темноте. Я слышал, как она задела за что-то, покатилась дальше, отрикошетила от чего-то еще и наконец стала одним из участников мощного столкновения. Я представил себе Бретта, как он летит сквозь ночную тьму и затем катится по обледеневшей мостовой на своих выдающихся ягодицах.

Его проблемы. Я двинулся домой, не понимая, почему не сломал ему пару костей прежде, чем отпустил повозку.

Синдж ждала у дверей, чтобы впустить меня. Ей было весело.

— И сколько раз ты упал теперь?

— Ни единого.

Она была разочарована.

Плоскомордый со своим собутыльником добрались до комнаты Покойника, где Костяная Нога продолжал развлекать Милягу Скалдита.

«Гаррет, мне необходимо, чтобы ты записал то, что я получаю от этого бандита. Не в моих обычаях вмешиваться в гражданские дела — однако моеrudиментарное чувство социальной ответственности вынуждает меня предоставить эту информацию полковнику Блоку и директору Релвею. Этот человек находится в тесных отношениях с самыми темными и потайными механизмами криминального мира. Гораздо более, чем мистер Дотс или даже мисс Контагю. Этот человек знает, где спрятаны все тела, потому что сам прятал большинство из них. Он знает, кого из чиновников можно подкупить. Он имеет также неплохое представление о том, кто из его собственных людей мог быть подкуплен директором Релвеем. Выражаясь просторечным слогом, мистер Миляга Скалдит — это горшок на конце радуги информации.

— Отлично! Мы в деле. Ты заметил, кто является гостем Плоскомордого?

Брат Бриттигарн был не настолько безнадежен, чтобы не заметить, что я разговариваю не с Морли. Он также не был настолько безнадежен, чтобы не опознать меня при свете.

— А, ч-черт! Мор-рда, ты подставил меня!

«Заметил. Я начну с ним сразу же, как только ты сядешь за записи».

Бриттигарн решил, что пора давать деру. Он успел сделать полтора шага, потом застыл, повернулся и направился к креслу, в котором обычно сижу я. Как автомат. Он сел, положил ладони на колени и уставился в бесконечность. С него капало.

Заглянул Дин.

— Вам от меня еще что-нибудь нужно? Мне давно пора спать.

— Принеси тряпок и подстели под этого придурка, чтобы ему было куда капать. Куда подевалась Синдж?

— Она на кухне, пытается ввинтить кран в новый бочонок.
— Должно быть, это забавно смотрится.
Я пошел в свой кабинет, где мне было комфортнее писать.

...Было около четырех часов пополудни. Моя рука была твердой, как кleşня, и ужасно болела. Я не мог больше продолжать.

«Ступай поспи. Мы продолжим позже».

— Сколько там еще?

«Этот человек — бездонный колодец, полный черных воспоминаний».

То, что я уже записал, само по себе было бы бесценным — как для полковника Блока, так и для Белинды. А также для любого из вторых скрипок в Организации, вроде Учителя Уайта, которых планировалось отправить в насильственную отставку после того, как Рори Скалдит вручит сам себе наследство Чодо.

— Как твои дела с ББ?

«У этого человека интригующий ум. Иди спать».

Я вытащил себя из рабочего кресла. Мои суставы скрипели и трещали. Надо бы побольше двигаться — мое тело в последнее время что-то быстро устает.

Я просунул голову в комнату Покойника — там повсюду были спящие люди. Синдж нигде не было видно.

Глава 46

На этот раз старый слизняк самолично вытащил меня из сна в полуночный час. Ему не терпелось продолжать. Он был даже возбужден. Он даже позволил себе вульгарное выражение, когда я запротестовал, указывая на абсурдно неподходящее время: «Сводить счеты — дерьмовое занятие».

Но внешняя информация тут доходила до меня вплоть до середины второй кружки черного чая — пока он не принялся наконец измываться над моей нерасторопностью.

Он расплачивался со мной за все те разы, когда я вытаскивал его из его собственной дремоты просто для того, чтобы он отрабатывал свое содержание.

— Ну что за гадская жизнь!

«Как твое дыхание?»

Я не обратил внимания. Легкие работали, о чем мне было забыться?

Он отпустил меня. Увы, это не я был тем, кто заставлял их работать. Я еще не перешел обратно на автоматику.

— Мне по-прежнему приходится думать об этом. Может быть, та штука, которую принес Учитель, была не настоящим противоядием?

«Может быть, и нет. Его не очень заботило противоядие, когда он приобретал ядовитое зелье».

— Это типично для их породы.

Я позволил Дину принести мне завтрак. Пришла Синдж. Она выходила на улицу — я чувствовал, как от ее шерстки веет холодом. Она сказала:

— Тебе стоит посмотреть на это, пока все не закончилось.

Я прикончил свою кружку, подошел к двери и выглянул.

Мир был стеклянным. Или хрустальным. То есть на самом деле все было покрыто льдом. Льда было столько, что его вес ломал ветви деревьев и отрывал от домов водосточные трубы. Один из котят вознамерился было выйти вместе со мной — но передумал, как только его лапки коснулись льда. Он отпрыгнул назад, встряхнул каждой лапкой по очереди и негодующе взглянул на меня.

— Я не виноват. Ты сам захотел наружу.

Я посмотрел на соседний дом. В той стороне ничего не двигалось, не считая семьи горных гномов, топавших вверх по Макунадо-стрит, словно это было какое-нибудь морозное утро в их родных горах. Прошли, наверное, годы с тех пор, как я видел Танфер таким тихим. Я вернулся в тепло.

— Ты права, Синдж, это просто волшебная сказка! Ага, а вот и снег пошел.

Снег сделает лед еще более предательским, укрыв его зловещее лицо.

Дин встретил меня у дверей комнаты Покойника. Он принес мне еще чаю.

— Вам это понадобится.

Я взял кружку и вошел внутрь.

Лица собравшихся оставались прежними. Плоскомордый лежал, раскинувшись и заняв на полу значительное пространство. Он хранил. Бриттигарн и Миляга Скалдит безвольно сидели в креслах, скованные ментальным наркозом. Морли бодрствовал — но он-то как раз из таких извращенцев, которые ничего не имеют против пребывания в этом состоянии на восходе солнца.

— Ты до сих пор здесь?

— Ты принес с собой волну холодного воздуха. Что означает, что ты только что выглядел наружу.

— Да, там очень красиво.

— Для тебя эта красота не проблема, ты-то уже дома!

Я приподнял бровь. Морли пояснил:

— Я, конечно, ловок — но не настолько, чтобы добраться сейчас до «Пальм», не сломав себе что-нибудь по дороге.

— Я видел перед нашим домом семью гномов. У них как-то получалось.

— Там, откуда они пришли, такая зубодробительная погода не редкость. Кроме того, ты вроде бы говорил, что у нас больше нет гномов?

— Я говорил, что их осталось не так много. И как раз этих немногих-то я и встретил, когда они уходили из города.

— Скоро тебе, похоже, придется отказаться от пива.

— Эка ты скажешь! Что навело тебя на такую мысль?

— Синдж.

— А-а. — Да, действительно, будет большой проблемой, если она слишком пристрастится к ячменному супчику. — Как ты думаешь, откуда весь этот дым там, на улице? Не из-за того ли, что Сарж с Рохлей спалили твое заведение?

— У меня есть сильное подозрение, что люди просто разожгли камины.

— Но зима ведь еще не началась!

Резкий, горьковатый запах древесного дыма — несомненный признак надвигающейся зимы. Даже в большей степени, чем снег. Люди разжигают камины только тогда, когда они уверены, что холода наступили по-настоящему. Топливо — дорогое удовольствие. Почти все дрова сплавляют к нам на баржах с верховьев реки.

Я отметил присутствие нескольких котят. Один из них обжигал грудь Плоскомордого, другой свил себе гнездо на коленях Миляги Скалдита. Покойник больше не внушал им страха.

ББ они, впрочем, избегали — несмотря на то, что он дрых.

Морли заметил:

— Я беспокоюсь не из-за Саржа с Рохлей. Ни один из них не настолько сообразителен, чтобы разжечь пожар. Те, кто внушает мне опасение, — это люди, которые считают себя достаточно сообразительными.

«Как твоя рука сегодня утром? Ты готов продолжить?» — осведомился Покойник. До этого момента он не подавал виду, что заметил мое прибытие.

Я прислушался к себе и понял, что предпочитаю пользоваться левой рукой.

— Сводит пальцы. Вряд ли я буду способен сделать много.

«Что ж, найди писца-профессионала, на которого можно положиться».

— Ты сейчас не обращал внимания на нас с Морли?

«Я стараюсь не услаждать себя фривольностями».

— В погоде, которая стоит на улице, нет ничего фривольного.

«Ох, боже мой! — Он действительно казался удивленным. — Время года сменилось незаметно для меня».

Я понял, что он вычисляет, сколько же он проспал.

— Время года здесь ни при чем, — успокоил я его. — Просто погода такая.

«Снегопад довольно сильный. Когда снега наберется хотя бы несколько дюймов, можно уже будет не так беспокоиться о том, куда поставить ногу».

— Черт побери, да у меня же где-то в подвале есть пара старых коньков! Их можно откопать. Выправить, наточить, отполировать, надеть их на Морли...

— Морли не умеет ездить на коньках, — сказал Морли.

— Да ну?

— Я как-то раз попробовал. Видишь этот шрам? Вот здесь, над глазом? Это то место, которое первым встретилось со льдом. Мне раскроило всю бровь... Чего ты ухмыляешься?

— Да так, ничего особенного...

Я просто был в восторге, обнаружив, что умею делать что-то, чего не умеет он, — причем умею делать хорошо и со вкусом.

«Ладно, как-нибудь обойдемся до тех пор, пока подстилающая поверхность не улучшится».

Я заметил поблескивание под бровями ББ. Он пробудился, но старался не подавать виду. Мешок с костями тоже это заметил.

«Наш йимберский друг выдает интересную информацию».

— Так сообщи же мне все кровавые подробности! Надеюсь, их не придется тоже записывать?

«Кое-что записать рано или поздно придется. Этот человек — шарлатан. Весьма успешный, но все же только шарлатан. Он не был рожден в Йимбере, но переехал туда до того, как религиозные распри обернулись кровопролитием. Один из его недавних предков не был человеком. Он обладает некоторой долей того, что выдает за психическую силу. Свою религию он состряпал собственноручно. Она хорошо принялась в Йимбере, поскольку многие к тому времени уже устали от нескончаемой вражды между А-Лат и А-Лафом».

— Мне казалось, что открытая война началась только совсем недавно.

«Верно. Было бы очень поучительно сравнить то, что помнит Пенни Мрак, с воспоминаниями мистера Бриттигарна — его представления об этом предмете служат исключительно его пользе».

И Мешок с костями поведал нам историю про мошенника, чье жульничество процветало неплохо до тех пор, пока не привлекло внимание А-Лафовых дьяконов и пономарей — это случилось вскоре после того, как куль А-Лафа стала контролировать фракция активистов фундаменталистского толка. Они принялись точить зубы на последователей ББ. Выжившим пришлось бежать в Танфер, где они постепенно перестали поддерживать своего пастыря в той мере, к которой он уже привык. Сосуды греха, каковыми полнился большой город, переманили их к себе. И вот теперь, когда битва между А-Лат и А-Лафом тоже иммигрировала к нам, казалось весьма маловероятным, что брату Бриттигарну удастся еще долго наслаждаться удобствами Квартала Грэз.

— А что там с моим каменным яйцом?

«Он не принес его с собой. Мистер Тарп не получил насчет него никаких инструкций, поэтому камень до сих пор находится в храме Эас и Айгори».

— Но все же он действительно подменил его и не выбросил потом в реку?

«Этот камень слишком ценен, чтобы его выбрасывать».

— Не может быть!

«Сарказм тебе не идет».

— Возможно. Но я не могу обойтись без сарказма, когда ты говоришь настолько очевидные вещи.

«Он снова думает о том, чтобы сбежать».

— Ну так останови его. Разве так трудно сообразить самому?

«Это может оказаться не так просто, если он поймет, какими естественными орудиями он обладает».

— Используй свою обычную тактику — заморочь ему голову какой-нибудь ерундой... А вообще, зачем ему этот камень?

И тут всплыло доказательство того, что Мешок с костями до сих пор не уделил ББ достаточного внимания: оказалось, он до сих пор

не знал ответа! Ему пришлось играть в ловца жемчуга, ныряя в мозг, от природы не расположенный делиться своими сокровищами.

«Это займет какое-то время. У него, по-видимому, несколько различных планов относительно этого камня. Впрочем, все они сфокусированы на том, чтобы извлечь максимальную возможную выгоду из своей удачи».

Классическое мышление негодяя — называть воровство удачей.

— Но почему?

Я ощутил легкое покалывание в своем мозгу: он смотрел, что я хочу этим сказать. Вместо того, чтобы просто спросить.

— Ты стал ужасно нетерпелив, Костлявый.

«Столько всего происходит. И я так взволнован».

— Ты понемногу становишься воплощением сарказма. Почему это яйцо настолько важно? В чем его ценность?

«Потому что священник, возможно, сказал тебе правду о том, насколько опасен этот камень — даже если он и не был украден из гнезда сказочной птицы. Он хочет устроить на Холме аукцион и продать яйцо за достаточную сумму, чтобы насовсем выйти из религиозного бизнеса. Этот камень вполне соответствует определению „редкий, как яйцо птицы Рух“».

— Ничего не понимаю...

«Удивительно, что ты это заметил».

Покойник порой может кусаться как саблезубая жаба.

— Слушай, а пускай-ка твоими записями занимается Синдж! Ей нужно тренироваться, и к тому же это удержит ее подальше от пива.

Он ответил мысленным эквивалентом хмыканья.

— Итак, что же насчет камня?

«Он может быть использован, чтобы разжигать огонь».

— Это точно? — Я чувствовал, что он не знает ничего больше, никаких подробностей, зато под завязку полон домыслов.

«Я попросил мисс Торнаду поработать в этом направлении. Возможно, это даст нам что-либо ценное».

И он, разумеется, не станет со мной делиться прямо сейчас, поскольку не любит предложений и мозговых штурмов — разве что между собственными многочисленными мозгами. Он не любит оказываться

неправым. Но я мог догадаться, о чем он думает. Я и сам рассматривал эту идею и нашел ее слишком смелой.

«Ты должен был упомянуть о камне мистеру Тарпу».

Плоскомордый простонал. Он сел, обхватил ладонями виски, выругался и солгал:

— Никогда не буду больше этого делать!

— О чём ты?

Тут он осознал, что не имел в виду создавать себе карьеру в качестве кошачьей подстилки, когда утешался слишком большим количеством взрослых напитков.

— Что произошло?

Морли объяснил:

— Вчера вечером была слишком мерзкая погода, чтобы отпускать тебя домой.

— Сколько времени?.. О боги! Я должен был быть... она убьет меня!

Он одернул на себе одежду, перешнуровал ботинки, взгромоздился на ноги и двинулся к выходу. Я пошел следом, чтобы его горе не осталось в одиночестве, когда он выглянет наружу.

Плоскомордый выглянул.

— Вот дермо! Что ты тут натворил?

— Парень, нельзя же сваливать на меня даже погодные гримасы!

— Еще как можно! Нет такого закона, где было бы сказано, что я должен быть логичным. — Тарп показал мне самую широкую из своих дермоедских улыбок. Еще раз высунув голову за дверь, он тут же убрал ее внутрь. — Я считаю, что все это из-за мирного времени!

— Что? Что такое случилось из-за мирного времени?

— Погода, конечно! Когда у нас была война, такой погоды никогда не было. Во всяком случае, не так рано.

— Что за чушь ты тут мелешь?

Он снова ухмыльнулся.

— Расслабься, браток, я просто подкалываю. Я все время слышу такую фигню в тавернах.

— А-а.

— Ты-то в них больше не заходишь. Ты не в курсе последних маразматических теорий.

Плоскомордый Тарп читает мне лекцию о маразме! Что за странный мир!

— Так ты собираешься прыгать туда или нет?

— Нет, я, пожалуй, зависну здесь. Там слишком мерзко.

Нам очень повезло, что Дину удалось в последний момент пополнить наши запасы.

Сделав все что можно, чтобы хоть немного расслабить свою рабочую руку, я вернулся к записыванию мемуаров Миляги Скалдита. Синдж и Морли следили за орфографией. Им оставалось немного других занятий — разве что играть в шахматы.

Я обнаружил еще одну область, где я мог чувствовать свое превосходство над моим милым симпатягой-приятелем темно-эльфийского происхождения. Хотя он и настаивал, что я втихаря получаю помощь от своего напарника.

А пишет он так, что вообще ничего разобрать невозможно!

Глава 47

Один за другим мои гости убирались восьмояси.

Морли ушел первым, прождав почти весь день. Часом позже Плоскокомордый тоже нырнул в снегопад, который к этому времени уже прошел высшую точку. Теперь он состоял из сверкающих маленьких снежинок, казавшихся искусственными. Снега на земле лежало около фута. К тому же почти не было ветра, что весьма утешало.

После того как ушел Тарп, я спросил:

— Что будем делать с остальными двумя? У ББ есть жена.

«Женщина из храма — его сестра. Он позволяет ей считать себя мозгом, стоящим за его играми в веру».

Синдж писала с яростным сосредоточением, высунув язык с левой стороны рта и чуть ли не ныряя носом в свои записки. Она была еще не совсем готова для создания манускриптов с миниатюрами.

— Синдж, как ты думаешь, смогли бы другие представители твоего племени научиться переписывать бумажки?

— Что?

— У них у всех такая же устойчивость к скуке и повторению одного и того же? Если бы им удалось овладеть этим делом, мы могли бы открыть контору по переписке документов.

Я вновь вернулся к Покойнику и ББ.

— И что, это действительно так? Она действительно мозг его предприятия?

«Он считает иначе, но вполне может и ошибаться. Тебе придется покормить его. И поскорее».

— Покормить? А может, я его просто отпущу? Пусть гадает, что с ним произошло...

«Еще остались вещи, которые необходимо у него узнать. Такие вещи, о которых он сам не знает, что они ему известны. Что-

то, вокруг чего его неосознанное дарование воздвигло защитную стенку».

— Это что-то важное?

«Я не узнаю, пока не пробьюсь сквозь стенку. Это может оказаться окончательным ключом к смыслу жизни. А может — рецептом его матушки по приготовлению пастернака, тушенного в масле».

Принимая во внимание мое положение шута при местных божествах, быстрый подсчет показал, что скорее всего брат Б. обладает предрасположенностью к пастернаку.

Покойник предложил мне сменить Синдж. Его раздражало ее стремление к совершенству. Я отказался.

— Мы не придем ни к чему, если будем спешить. Как насчет Миляги? Его шахта наконец выработана?

«Больше не осталось таких вещей, которые мы могли бы узнатъ от мистера Скалдита. Но отпускать его на свободу следует с большой осторожностью — и после длительной задержки. Его отсутствие поселит в его братве нерешительность. Оно заставит соревнующиеся гангстерские группировки действовать с опаской. Они начнут нервничать, и его исчезновение с криминальной сцены послужит к пользе мисс Контагю. Миляга Скалдит был единственным из врагов Контагю, имевшим возможность проникнуть в их поместье».

— Что? — Это было для меня новостью.

«Возможно, он немного преувеличил, чтобы показать себя в лучшем свете. Прочти рукопись и реши сам».

— Но...

«Прочти рукопись. Это избавит тебя от многих неприятностей».

Дин принес для всех ужин. Поев, мы с Синдж переместились в кабинет, чтобы прочесть записи друг друга.

...Я отправлялся ко сну, распираемый бурей эмоций. В тот день, когда мемуары Миляги Скалдита попадут в руки Конфиденциальной Комиссии по Королевской Безопасности, организованная преступность понесет серьезные потери.

Засыпая, я мучился неотвязным вопросом: где находятся Чодо и Жнец? Вместе они или по-отдельности? Не сами ли они запланировали все это еще некоторое время назад? Устроил ли себе Темиск драматический уход со сцены, или же это была какая-то грандиозная уловка?

Я поежился под зимним теплым пледом. Казалось, моя постель никогда не согреется. Я проверил свое дыхание.

Несмотря на то что я загрузил в себя целый колодец воды и большую часть уайтовского противоядия, мне по-прежнему была необходима помощь.

Я дрожал не переставая.

Глава 48

Дин приготовил к завтраку яйца в мешочек — дорогое удовольствие для этого времени года. Нет, вся эта шарашка решительно согворилась довести меня до работного дома!

— Перестань ныть, — сказала мне Синдж. — Не такой уж ты нищий.

— Но я обнищаю, и очень скоро! Я работаю себе в убыток. Вы все едите как принцы и выбрасываете деньги в... в канализацию.

(Вначале я собирался упомянуть крысиные норы).

Дин пробурчал что-то насчет существования перепелиных яиц и того, что, если мне действительно так уж нужно на что-то излить свою желчь, он может дать мне повод. Синдж сказала:

— Он такой, потому что сейчас утро.

В чем-то она была права — было еще рановато. И я не мог винить в своем горестном положении никого, кроме самого себя. На этот раз никто не вытаскивал меня из постели. Я сам сделал это.

Я поежился. Мне никак не удавалось стряхнуть это с себя — каждый раз, когда я расслаблялся, я слышал шепот проклятых душ, доносиившийся откуда-то из далеких-далеких уголков моего мозга.

Поев, я оценил погодную ситуацию. На небе не было ни облачка. Снаружи было ослепительно светло. Пешеходы месили ногами снежную кашу в полфута глубиной, с осторожностью опуская ноги — лед внизу никуда не делся. Дворники собирали упавшие с деревьев ветки на топливо для каминов.

Я вернулся в комнату Покойника. Контраст в степени освещенности практически ослепил меня.

«Как твое дыхание?»

Застыгнутый врасплох, я осознал, что дышу сам по себе.

«Будь осторожен. Ты выздоровел еще только на третью. У тебя мало сил. Пройдут долгие дни, прежде чем ты сможешь позволить себе серьезное напряжение».

— Что, мне нельзя ни бегать, ни драться?

Может быть, ядовитое зелье и было причиной того, что я никак не мог перестать дрожать.

«И никаких других развлечений, от которых увеличивается пульс».

— О-о!

Психический смешок.

— Тогда тебе лучше будет как-нибудь отпугнуть рыжеволосую, если она заглянет сюда. Потому что во всем, что касается нее, у меня на складе имеется недостаточно самоконтроля... Эй! А где мой другок Биттегурн?

«Я отослал его обратно в храм за огненным камнем».

Это не показалось мне самым умным ходом.

— Думаешь, он захочет вернуться?

«Он вернется. Он убежден, что нашел способ загрести тот большой куш, который был тайной целью его жизни все это время».

— Я чувствую, что тебе не терпится похвастаться. Что ты сделал? Расколол эту последнюю скорлупку в его черепушке?

«Именно».

— И сколько мне нужно тебя гладить, чтобы ты рассказал мне об этом? — Я содрогнулся. Это был худший приступ озноба за все это время. — Это ты сделал?

«Что я сделал?»

— Я дрожу не переставая со вчерашнего вечера. Но сейчас мне еще хуже, чем раньше. На секунду накатило совершенно жуткое ощущение — люди в таких случаях говорят, что кто-то прошел по их могиле. И это не в первый раз. И еще я слышу голоса. Шепот, буквально на волосок дальше, чем нужно, чтобы расслышать, о чем говорят... Итак, что же ты узнал от ББ?

«Ты самую связь. Нет. Одну из связей».

— Между чем и чем?

«Между волнениями в криминальном мире и йимберской проблемой».

— Что? Нет. Здесь нет никакой связи, не может быть!

«Исторически связь есть — хотя ты и прав, считая, что сейчас ее не существует. Во всяком случае, не непосредственно. Ни один из этих амбициозных преступников, жаждущих захватить в свои руки Чодо Контагю, понятия не имеет о том, что тот, утверждаясь на криминальной сцене, пользовался услугами наемников из культа *А-Лафа*. Они учинили большое кровопролитие — но так, что его участие в этом деле нельзя было проследить. Он же, со своей стороны, впоследствии оказывал аналогичные услуги агрессивной фракции, которая теперь контролирует культ. Возможно, ты помнишь мистера Краска и мистера Садлера?»

— И ты узнал все это от брата Бриттигарна?

Я поежился, только сейчас вспомнив Краска с Садлером. И радуясь, что эти двое уже пребывают среди ангелов. Поскольку они в свое время были значительно хуже, чем Миляга Скалдит, — у них было ко мне гораздо больше претензий, которые вдобавок возникали гораздо чаще.

«Да. Точнее, он достаточно хорошо знал тайную историю культа *А-Лафа*, чтобы я смог заполнить пробелы. Он не знал имени танферского криминального босса, чьи кровавые деньги финансировали рост его культа. Но из того, что он знал, было очевидно, что этим скрытым союзником был Чодо Контагю. Я полагаю, что мистер Контагю испытал бы сильное замешательство, узнав, к чему привело его содействие».

— Да уж...

«Отличная мысль».

— Какая?

«Ты сейчас подумал, что могло бы быть нeliшним еще раз повидаться с миссис Клакстон и снова расспросить ее — в перспективе наших новых открытий».

— Правда?.. Правда! Какой я умный!

Я опять содрогнулся, снова охваченный тем совершенно жутким чувством, делавшим озноб хуже, чем когда-либо. Голоса шептали

почти различимо. Я подозревал, что вряд ли стоит стараться понять, что они шепчут.

«Ага, на этот раз засек! Уф-ф! Я должен был предвидеть это...»

— Ты собираешься снова напустить туману и ждать, пока я догадаюсь обо всем сам?

«Не в этот раз. Такое долгое ожидание может оказаться слишком опасным. Эти твои странные ощущения и шепот, который ты слышишь, вызваны идолами никелевых шакалов. Они появились у нас, до предела заряженные болью, горем и безумием, — и сейчас все это начало перекипать через край. Кто-то недостаточно плотно закрыл ящик».

— Начало? Да это продолжалось с тех пор, как они притащили сюда эти штуковины! Я только не смог уловить связь.

У меня снова начинались трудности с дыханием. Зато исчезли проблемы с ознобом.

«Не стоит так расстраиваться».

А кто сказал, что если ты не можешь дышать, то тебе уже нет нужды поднимать шум?

Я уставился на проклятый ящик. Крышка была закрыта, но гвозди были заколочены не до конца.

Рысцой вбежал один из котят, направился ко мне, вспрыгнул и приземлился у меня на коленях. Устроившись там как дома, он тем не менее тоже принялся глязеть на ящик с идолами — с интенсивностью, предполагавшей, что ему были видны вещи, невидимые для меня.

«Так гораздо лучше».

— Что?

«Ты стал более спокойным. Когда почувствуешь себя достаточно комфортабельно, забей этот ящик наглухо».

— О, ну конечно, я спокоен как скала!

Однако он был прав. Моя паника действительно улеглась, шепот отступил. Мои руки уже не дрожали. И то хлеб.

— Сколько еще это будет продолжаться? — поинтересовался я.

«Это невозможно предсказать. Может оказаться необходимым поймать этого Колду и заставить его рассказать нам о своем

зелье. Но я совсем не хочу бесконечно разбираться с твоими приступами и провалами в сознании».

— Вот как? А подумай, каково мне!

«Ага».

— Ага? Что ага?

«Кажется, слухи о твоей неминуемой смерти начинают приносить дивиденды».

— Я уже иду, — сказала Синдж, направляясь ко входной двери. Моментом позже я услышал голос Косса, хотя и не мог разобрать отдельных слов. Вернувшаяся Синдж доложила:

— Это был стражник. Он хотел знать, правда ли то, что о тебе говорят. Я сказала «да». По вдохновению я рассказала ему, что тебя силой заставили принять яд, который Учитель Уайт достал у человека по имени Колда.

«Я даже не намекал сей, — проинформировал меня наш Весельчак. — Она сама об этом подумала».

— Отличный ход, Синдж! Они накроют их всех.

Синдж раздулась от гордости.

«У нас нет времени похлопывать друг друга по плечу. Гаррет, тебе сейчас надлежит лежать в постели и умирать».

— Что, Блок засел у миссис Кардонлос, да?

«Это было бы логично. Я считаю, что это так. Мистер Косс тоже считает, что это так — хотя он и не видел полковника. Его и послали сюда как раз из-за того, что он ничего не знает. Однако он смекалистее, чем они думают. Он догадался, что его настоящей задачей было выяснить, проснулся ли я. Он доложит, что не нашел ничего подозрительного».

Учитывая характер Блока, это уже само по себе будет выглядеть подозрительным.

— Тогда они решат, что ты покопался в его мозгах.

«Не смешно. Давай иди болеть».

Глава 49

Боление не требовало от меня большого актерского мастерства. Я по-прежнему был покрыт болячками на болячках и синяками на синяках, причем последние начинали отливать всеми цветами радуги. Мне ни разу за прошедшую эпоху не попадалась в руки бритва. Я до сих пор не переставал надеяться, что Тинни вернется и как следует вымоет меня в ванне. Меня знобило и тряслось.

Я немного поспал — что мне и требовалось. Я слишком много времени потратил впустую, вместо того чтобы спать.

Меня разбудила Тинни.

— О черт!

— Спасибо тебе большое. Я, пожалуй, пойду домой.

— Я не хотел... ты пришла, потому что услышала, что я умираю? Тебе сказал кто-нибудь из Стражи, так?

— Да. Откуда ты знаешь?

Они знали, что она уже бывала здесь — они ведь провожали ее от моего дома. Разумеется, они первым делом пришли к ней.

— И ты сказала им, что со мной все в порядке, потому что Покойник поддерживает мое дыхание?

— Ой-ой. Я, кажется, сглутила.

— Да. Мы хотели выгудить Блока явиться сюда собственной персоной. На этот раз полковник оказался для нас слишком сообразительным.

Может быть, Блок знал что-то, что ему очень хотелось оставить при себе? Скорее всего нет. Просто он не любит, когда его набитый секретами мозг открывают на всеобщее обозрение.

Мое дыхание казалось почти естественным. Однако мысли о Тинни и ванне с губкой вернули меня к осознанию печального факта,

что мне не удастся воплотить эту фантазию в жизнь в какое-либо обозримое время.

— Нет, ну что за дерьямовая жизнь!

— Дин сказал мне, что ты в плохом настроении. И ты слишком мало пьешь — воды, я имею в виду.

Бог мой! А ведь она права. Мне сразу же захотелось пить. Я выбрался из постели и пошатнулся, почувствовав головокружение.

— Ох!

— Ты в порядке?

— Голова кружится.

— Ты еще и дрожишь к тому же. Может, это на тебя Покойник действует?

— Да, он в последнее время довольно заразен. — Я сел обратно на кровать. Она была права насчет дрожи. Головокружение не проходило. — Может быть, лучше ты сходишь попросишь Дина или Синдж принести мне воды?

Головокружение не только не прекращалось — оно становилось все хуже. То же самое относилось к ознобу. Я почувствовал, как Покойник озабоченно прощупывает меня. Дин принес воды, и я высосал целую пинту не переводя дыхания.

«Ты вовсе не должен на самом деле становиться больным».

— Уверяю тебя, этого не было в моем гениальном замысле.

— Да у тебя лихорадка! — воскликнула Тинни.

Я рухнул обратно на кровать.

— Пожалуй, надо дать ей сыграть свою партию.

Вошел Дин, пригласивший сам себя. Он казался разочарованным, что не поймал нас в разгар веселья.

— Я принес вам кувшин пива. Возможно, вам полегчает, если вы пропустите глоточек.

Я ответил ему самым непроницаемым лицом, какое только мог изобразить, балансируя на грани потери сознания.

Я заглотил в себя столько ячменного супчика, сколько смог удержать — он же был мне прописан. После этого я действительно вырубился, дрожа с головы до ног, — в ярости от того, что это случилось именно со мной и именно сейчас.

Сквозь муть в голове я слышал, как Дин высказывает предположение, что я мог подцепить болезнь той ночью, которую провел под дождем. Когда муть немного улеглась, я попытался привлечь внимание Покойника, потому что причиной снова могли быть эти треклятые металлические псы.

«Шакалы!»

...Я очнулся с легкой головной болью и тяжелым кашлем, прочно угнездившимся в моем левом легком. Тинни материализовалась передо мной прежде, чем я успел до конца сесть на постели. Я проворчал:

— Смотри-ка ты, совсем по-домашнему!

У нее были свои мысли по этому поводу. Она не разделяла мою точку зрения.

— На выпей, — она поднесла мне горячую дымящуюся кружку с чем-то еще более вонючим, чем болотная вода вековой выдержки.

— А там есть такие маленькие извивающиеся зверюшки?

— Дин забыл их добавить. Надо будет сходить купить немного.

А пока начни с того, что есть.

Я взял кружку, задержал дыхание и поглотил содержимое одним длинным глотком, одновременно борясь с кашлем. Я не так уж часто болею. Когда это происходит, Дин обычно тут же наколдовывает какое-нибудь эффективное лекарство.

Тинни не стала уходить. Она вела себя как строгая мамаша, заставляющая своего упрямого отпрыска съесть брюквенный пирог до последней крошки.

— Похоже, эта отрава вкупе с шакалами окончательно меня добили.

Тинни улыбнулась, не слушая меня.

— Когда соберешься с силами, сойди вниз. Дин приготовил тебе паровую баню.

Паровую баню! Меня не заставляли дышать паром и пить травки с тех пор, как я был ребенком. Похоже, кто-то считал, что я нахожусь на грани пневмонии.

— Какого черта? Сегодня утром я был...

Мисс Тейт утихомирила меня сердитым взглядом.

— Сегодня утром было совсем в другом мире. Ты заболел. Очень быстро. И очень серьезно.

На этот раз, встав с постели, я не упал обратно, однако мир завертелся вокруг меня на своей оси. У меня возникли проблемы. Такого рода, какие бывают, когда роскошная рыжеволосая красотка подсовывает тебе под руку плечо, прижимается к тебе и тянет вверх, делая вид, что помогает — хотя на самом деле измывается над тобой без капли стыда.

У меня не было больших трудностей с дыханием, пока Тинни помогала мне. Совсем наоборот.

«*Похоже, худшее уже позади. И это означает, что ты вернешься к своему прежнему неприглядному „я“ прежде, чем мы успеем подготовить себя к этому».*

— Надеюсь, что так, Хохотунчик. Хорошо бы до того, как вот эта успеет сбежать.

Наградой мне был острый локоток в моем боку. В больном боку.

— Полегче, женщина! Что ты имеешь против комплиментов?

— Может быть, то, что они искусственные? Что в них нет искренности.

— У меня сейчас мозги не очень хорошо варят... Как там говорилось насчет того, что что-то там острее жабьего клыка?

— Жало гадюки. Тебе это должно быть хорошо известно, потому что показываешь его каждый раз, когда кто-нибудь с тобой не соглашается.

— Разве это можно — не соглашаться со мной? Я же такой умный!

Мне пришлось сесть обратно на кровать, а потом и лечь. Я исчерпал себя.

— Выпей воды.

— Ты какая-то нервная, что с тобой?

— Я не выспалась.

Передо мной замаячило смутное подозрение. Я спросил прежде, чем подумал:

— Сколько ты пробыла здесь?

— Пятнадцать часов.

Черт побери! Это кое-что объясняло.

— Да, похоже, я отключился как следует!

— Тебе крупно повезло, что Покойник не спит. И не только из-за дыхания.

— А что?

— Ты так разозлил меня, что я чуть не убила тебя прошлой ночью. Ты пытался помереть у меня на руках.

— Э-э... ладно.

Похоже, это был один из тех случаев, когда все, что бы я ни сказала, было бы неверным. Даже молчание не помогло бы. Но молчание принесло бы мне меньше всего шишек и синяков.

— Ты, наверное, не сможешь подняться? Нам надо помыть тебя и сменить постель.

— Болеть — это кошмар. Надо же такому случиться посреди всего!

Сколько мы уже потеряли, два дня? Или больше?

«Из-за твоей болезни ничего не было потеряно. Ничего существенного не происходило».

Тинни тоже услышала это.

— Снова идет снег, — пояснила она. — Так странно... Его нападало уже на ползмы, а она по-настоящему еще и не должна была начаться!

Мне принесли еще воды. Дин не брюзжал по своему обыкновению, что означало, что я действительно побывал на самом краю. Я отхлебнул немного, потом сказал:

— Ужасно хочется есть. Но чувствую, что меня не ждет ничего лучшего, чем куриный супчик.

— И будьте благодарны, что вам дают хотя бы это.

— Эй, Костяная Нора! Что это было, то зелье? Или что-то другое?

«Ты должен сказать спасибо за свое положение мистеру Уайту — если не тому человеку по имени Колда. Предполагаемое противоядие, судя по всему, оказалось еще одним ядом».

Учитель. Ну конечно — такой парень, который влез во все эти неприятности, чтобы поквитаться за Паука Уэбба и Оригинала Пипу, несомненно захотел поквитаться и со мной.

— Погоди-ка! А почему ты меня не предупредил? Если Учитель пытался отравить меня, разве ты не должен был увидеть это у него в голове?

«Очевидно, Уайт в то время не имел сознательного намерения совершить убийство».

Дин принес предсказанный мною куриный суп. Только вот в нем не было ничего, кроме бульона, — все существенное было тщательно выловлено из жидкости. Бульон был густым и теплым, а я умирал от голода. Я глотал его, пока не почувствовал, что сейчас лопну.

Прошло несколько минут. Наконец я объявил:

— Я начинаю чувствовать себя человеком! — Пауза. — Ну? Кто-нибудь собирается ловить меня на слове?

— Никто не в настроении, Гаррет. Последние пятнадцать часов были совершенным кошмаром. Там внизу все готово, Дин?

— Котел кипит, вода горячая. Ванна на месте. Сейчас найду что-нибудь, чтобы вытереть его, и можно начинать.

— Давай, здоровяк, шевели задницей, — поторопила меня Тинни. — Пора принимать ванну.

Я встал. С посторонней помощью. Окружающий мир не был стабилен, но он уже не так угрожающе качался, как тогда, когда я, спотыкаясь, брел по стране кошмарных грез.

Я почувствовал себя еще лучше к тому времени, когда мы дошли до кухни — где воздух был густым от пара, глаза слезились от запаха трав, а жар был всепоглощающим. Дин притащил сюда из кладовой большой медный таз для стирки. Еще два, поменьше, грелись на плите. Увидев это, я сказал:

— Ну уж теперь-то из меня выварится парочка демонов!

— Если бы, — фыркнули Тинни и Дин одновременно.

«Если бы! Скорее всего, кризис миновал, Гаррет, но нам нужно удостовериться. В целом ты уже дышишь сам по себе. Кроме того, Дин и мисс Тейт желали бы, чтобы твой персональный аромат стал несколько менее пикантным».

У меня было недостаточно сил, чтобы почувствовать себя уязвленным.

— Руки над головой! — рявкнула Тинни. — Снимай с себя эти грязные тряпки.

Среди жара и пара я уловил несколько струек того, от чего остальные, очевидно, страдали все это время. Неудивительно, что Синдж с ее удивительным носом нигде не было видно.

Эта травяная баня была сущим мучением.

Глава 50

Они парили меня весь остаток столетия. Они не скучились, заливая в меня воду и пиво, но из меня все равно выпарилось добрых десять вонючих фунтов. К концу процедуры я был уже слишком слаб, чтобы добраться до кровати самостоятельно.

Постельное белье переменили. Кто-то ненадолго открыл окно, несмотря на погоду. Теперь комнату согревала угольная жаровня. К топливу были добавлены травы, чтобы замаскировать дурные запахи.

Я рухнул в постель. Моим последним воспоминанием была Тинни, ругавшаяся словно морской пехотинец, затаскивая на кровать мои свисающие конечности.

Сознание вернулось ко мне вместе с жесточайшим похмельем — опять — и еще худшим настроением. Сколько раз я должен проходить через этот круг страданий? Черт побери, этак мне удастся ополировать всю свою карму за одну жизнь!

У меня не было сил. Я был одним большим комком сырого теста, расползшимся по поверхности противня. Если бы я был способен чувствовать сострадание к кому-либо еще, я поразмыслил бы над тем, насколько ужасной должна быть жизнь для Чодо, — однако когда лежишь на противне, горизонт сужается. Лишь строгое предупреждение со стороны Покойника и оставшаяся капелька инстинкта выживания помешали мне выместить все это на Тинни.

«Она не виновата. Она не виновата».

Иногда он бывает очень кстати.

— Покойник говорит, что ты выздоровел. — Черт побери, она была бодрой! Даже веселой. Из-за чего сдерживаться было еще труд-

нее. — Сегодня для тебя есть работа. Заметь, ты уже дышишь самостоительно!

Тинни принялась кормить меня жидкой овсянкой и поить чаем с медом.

— Теперь ты более расположен полностью сосредоточиться на делах фабрики?

Ну вот пошли и ухабы на большой дороге романтики.

— Я думал, вы там все хотите, чтобы я оставался в сторонке. — Ввиду того что я постоянно бурчу, брызгаю слюной и исполняю роль общественной совести. Особенно когда они пытаются раздвинуть границы корпоративных прибылей.

— Тебе не обязательно раскрывать рот. Ты можешь внести свой вклад и без того, чтобы каждому захотелось прихлопнуть тебя киянкой. Перед нами встал вопрос безопасности. У нас пропадают запчасти. Мы думаем, что кто-то пытается построить трехколесную повозку у себя дома.

Появилась Синдж с подносом. Но еды на нем не было.

— Это чай с ивовой корой. Дин подумал, что у тебя может быть похмелье.

Так и было, но мне уже стало лучше.

— Спасибо. А почему больше ничего нет?

Синдж искоса взглянула на поднос, принесенный Тинни.

— Твой желудок не сможет справиться с более тяжелой пищей.

— Даже супа нельзя? — Я был готов сразиться с бифштексом из мамонта.

— Суп будет на обед. Может быть... И может быть, что-нибудь твердое на ужин, если суп в тебе удержится.

Я был настолько зол, что мог бы жевать камни, но какой-то треклятый обрывок чувства собственного достоинства не позволял мне ругаться и протестовать, пока меня нянчили. Возможно, это-му также способствовало подозрение, что нянченье может прекратиться.

Я выпил чаю. Я выпил воды. К тому моменту, когда я закончил одеваться и сошел вниз, я опять хотел пить.

Дин дал мне яблочного сока. Его вкус взорвался у меня во рту, словно бомба. Через пару почти мучительных секунд я осознал, что

ко мне просто вернулись вкусовые ощущения — хотя до сих пор не замечал, что они куда-то от меня уходили.

«Как твоя правая рука? Надеюсь, ты уже можешь писать?»

Я заворчал. Я зароптал. Я издал серию звуков, подразумевавших, что я не только могу полностью сосредоточиться на работе для фабрики — я могу совсем переселиться туда, взяв с собой все свои ценности и оставив все свои обузы позади.

Ответом мне была откровенная ментальная усмешка. И признание:

«Записи завершены. Миляга Скалдит покинул твой дом в состоянии полного замешательства. Он обременен воспоминаниями, которые, как он точно знает, ему не принадлежат, — но он не в состоянии отделить их от своих собственных. Он заражен подозрениями относительно своего брата и исполнен благожелательных чувств к Учителю Уайту — который, как он отдаленно припоминает, спас ему жизнь и позаботился о том, чтобы вернуть ему здоровье после того, как кто-то попытался его отравить».

— Ты, кажется, упустил несколько моментов, имеющих отношение к нравственности.

«Я их не упустил. Просто сейчас они временно несущественны».

Я был настолько поражен, что почти на целую минуту позабыл о жалости к любимому сыночку мамаши Гаррет.

— Вот как? Объясни-ка поподробнее.

«У семьи Скалдитов разработан план. Окончательный план. Весьма неблагоприятный для Танфера. Будет гораздо лучше, если мисс Контагю будет продолжать править преступным миром. По крайней мере, ее жертвы принадлежат к числу таких же, как она, и получат только то, что заслужили».

Я понял, что он имел в виду, просмотрев записи тех воспоминаний Миляги, которые не были сделаны моей собственной прекрасной рукой.

У Рори действительно был план, включавший в себя уничтожение Стражи. И он рассчитывал на поддержку с Холма — после того, как начнется кровопролитие. Правда, Миляга не знал имен — это

выглядело скорее как стремление осуществить заветную мечту, а не тщательно разработанный заговор. Тем не менее Скалдит был убежден, что разборка со Стражей неизбежна — после того, как будут удалены Чодо и его гадкая дочка. Имя Контагью по-прежнему притягивало к себе власть.

Глава 51

Я немного вздрогнул, пока полковник Блок был погружен в чтение. Прогулка до дома миссис Кардонлос истощила все мои силы — даже несмотря на то что Тинни шла рядом, дабы подобрать меня, если я затеряюсь в каком-нибудь сугробе.

Моя любимая встряхнула меня, когда пришло время. Бедняжка выглядела измученной.

Блок был готов. Он так распалился, что на нем можно было кипятить воду.

— Как они посмели? Как они посмели? — вскричал он, пронзая меня гневным взглядом. Потом спросил, уже менее риторически: — Ты действительно чуть не умер?

— Тебя беспокоит мое состояние? Это заставляет меня нервничать.

Тем не менее я вкратце обрисовал ему мои несколько веков страдания.

— Я вовсе не хочу слышать о каждом твоем спазме и отрыжке, Гаррет. — Он сделал паузу. — Но это не уменьшает моего природного цинизма. Я не могу не гадать: если ты по своей воле открыл мне все это, насколько же более интересным должно быть то, что ты оставил при себе?

— Как это трудно — идти по жизни, окруженному непониманием!

— Сомневаюсь, что кто-нибудь не понимает тебя даже самую малость, Гаррет. Хотя... может быть, мисс Тейт? Как бы то ни было, мы у тебя в долгу.

— Правда? Тогда было бы неплохо, чтобы нам нанес визит кто-нибудь из этих зеленоштанников.

— Это могло бы послужить и нашим целям.

Это было произнесено без всякого колебания и возражений.

— Пришлите с ним еще кого-нибудь из своих писцов. Кого-нибудь без воображения, чтобы он не испугался Покойника. Я больше не могу писать.

Я показал ему свою руку, скрюченную, словно клешня.

— Не то чтобы я не верил в твою грамотность, Гаррет, — я сам был свидетелем нескольких случаев... Но я не могу себе представить, чтобы ты проделал такую массу работы.

Я пожал плечами. Это был не первый раз, когда я удивлял его.

В его подразнениях не чувствовалось задора. Его сердце было разбито. Подумать только: кто-то в городе был настолько нерасположен к власти закона, что собирался развязать по этому поводу войну!

— Где сейчас Миляга?

Я снова пожал плечами — это начинало становиться тяжелым упражнением.

— Я спал. Его выкинули за дверь, в снег — как я понял, в состоянии умственного помутнения.

— Если предположить, что твоя история находится в шапочном знакомстве с правдой, то тогда Рори может догадаться, что его маленькому братишке попался на пути единственный логхир, оставшийся в Танфере.

Не все танферские сыщики непроходимо глупы — только большинство из них.

Я спросил:

— Есть идеи, где может находиться Белинда Контагью?

— Нет. Она неуловима, как ее отец. А что?

— Да так, любопытно.

Блок хмыкнул. Он сидел как на иголках — ему хотелось, чтобы я поскорее ушел и он смог бы пойти обсудить все это со своим необщительным партнером. Своей рукой среди теней.

Вздохнув, Тинни взгромоздила меня на ноги. Я простонал. Мне предстоял долгий и холодный путь до дома. Я сказал Блоку:

— Мы не будем возражать, если нас посетит кто-то из йимбер-Цев-начальников — в дополнение к штатному мордовороту с плохим вкусом в одежде.

Добрый полковник рассеянно кивнул. В этот момент он был уже не совсем с нами.

Глава 52

Ветер больше не был таким мерзким, как прежде, — теперь он дул нам в спину. К тому же я был слишком изможден, чтобы отвлекаться на свои конечности. Я не мог сосредоточиться ни на чем другом, кроме голода и желания вернуться в постель. Однако старая закалка морского пехотинца возобладала.

— Видишь ту бродяжку возле ступеней?

— Да. Это та девочка с котятами и с громким именем?

— Она самая.

— Она не очень-то похожа на принцессу.

— Как я могу убедить ее, что ей не надо меня бояться?

— Может быть, стоит заделаться евнухом?

— Брось, Тинни!

— Я люблю тебя, дорогой. Но любовь не обязательно должна быть слепа. Девочка принадлежит к женскому полу. Она уже в том возрасте, который позволяет ей ходить на задних ногах. Что означает, что ей лучше не подходить к тебе на такое расстояние, чтобы ты мог начать изображать из себя беспомощного маленького мальчика!

И вот так всю мою жизнь! Они все хотят быть мне матерями, вместо того чтобы позволить мне крутить ими как вздумается — в стиле Морли Дотса.

— Ты слишком молода и прекрасна, чтобы быть такой циничной.

— Угадай, кто сделал меня такой.

— И угадаю. И когда я узнаю, кто она, я уделю ей пару мыслей.

— Ты уверен, что у тебя найдется в запасе хотя бы одна?

Мы пришли. Она забарабанила в ворота моего замка. Я отдувался и потел — долгое карабканье в гору не оставило во мне дыхания, чтобы продолжать спор.

Я мог бы поклясться, что вокруг крыльца до сих пор витали призраки присутствия мистера Малклара.

Нам открыла Синдж. Тинни передала меня ей.

— Дай ему побольше воды, немного бульона, и пусть он поспит. Я скоро вернусь.

Она повернулась в сторону улицы. Синдж не дала мне времени поблагодарить ее.

«Тебе есть что доложить?» — требовательно спросил Покойник.

— Не трать время, сделай это легким путем.

Я устроился в своем кресле, без особого напряжения пытаясь вспомнить, когда мы растеряли всех своих гостей.

Чувствуя, как он копается в каше, заполнившей мою голову, я задремал. Не прошло, как мне показалось, и тридцати мгновений, как я проснулся, — обнаружив, что трапеза уже готова и стоит на столике возле меня. Синдж вернулась от входной двери, где только что впустила в дом запорошенную снегом рыжеволосую особу.

— Я думал, ты пошла домой, — сказал я.

Тинни нахмурилась.

— Нет. Я ходила говорить с принцессой. — По ее голосу было непохоже, чтобы ее переполняла симпатия к Пенни. — Она упрямая, как пень! Она отказывается зайти сюда и согреться.

Я спросил:

— Но она спокойно сидела на месте? И разговаривала с тобой?

— Она не ощущала угрозы.

— Что ее так тревожит?

— Она последняя из оставшихся, Гаррет. Она еще совсем ребенок, но она видела, как убили ее мать, тетушек и бабушку. Убили мужчины.

— Но это были мужчины в зеленых панталонах, а не безвредные маленькие пушистики вроде меня!

— Мужчины — это главное. Культ А-Лафа. Кстати, судя по тому, что она говорит, он гораздо хуже, чем нам представлялось. Они считают, что женщины — это зло. Что они годятся только на то, чтобы рожать и растить рабов.

Я ощутил слабое, но подавляемое веселье.

— Осторожнее, Костяная Нога. Она сейчас на взводе, а твое отношение не очень соответствует...

— Меня беспокоит не его отношение, мальчик мой!

Пора менять тему.

— Дин! Где ты там? Принеси что-нибудь для мисс Тейт. Синдж, как насчет того, чтобы помочь ей избавиться от этих мокрых тряпок?

Тинни сердито молчала. Я был в задумчивости.

Атмосфера веселья становилась все более явственной.

«Как я уже замечал, когда тебя достаточно сильно колотят в течение достаточно долгого времени, ты все же начинаешь учиться».

Тинни вспыхнула.

«Ваша встреча с этой девочкой оказалась более продуктивной, чем вы думаете, мисс Тейт».

Покойник не стал объяснять свои слова — оставил это до того времени, когда Тинни поест, согреется и станет не такой дерганой. После этого он рассказал нам, что Тинни удалось в достаточной мере отвлечь Пенни, чтобы он смог бросить пару беглых взглядов внутрь ее божественной головы.

«Я не мог себе позволить там рыться — девочку специально учили, как распознавать и противиться такому внедрению. Поэтому я просто пощупал, что там было. Страх. Отчаяние. Одиночество. И физический дискомфорт».

Последнее он не стал сообщать Тинни, которая могла тут же взорваться.

Она все еще ела. И слушала, как Синдж говорит о том, что сейчас можно будет принять ванну и как следует вздремнуть. Внезапно Синдж встала, выпрямилась и остекленевшими глазами уставилась на Покойника. Затем она направилась ко входной двери.

«Это интересно. — Он вновь не стал объяснять, а вернулся обратно к Пенни Мрак. — Описанные мною ощущения должны по-

высить весь эмоциональный уровень девочки в целом. Мы можем ожидать, что она станет искать эмоциональной поддержки. Тебе бы стоило присмотреть за тем, чтобы Дин не покидал дома до тех пор, пока она не сломается».

Глава 53

Толстозадый послал Дина открывать дверь. Тот попытался выскоить наружу, но Хохотунчик ему не позволил. Старик, брызгая слюной, толковал что-то о предполагаемом оскудении наших запасов.

Остальные были взволнованы зреющим трех двуногих, которых доставил к нам Косс и несколько Релвеевых гонцов.

— Просите, и дастся вам! — провозгласил Косс. — Подпиши здесь, Гаррет.

Я подписал и принялся рассматривать добычу.

— Этот верзила кажется каким-то отупевшим.

— Это его нормальное состояние. Хотя ему действительно что-то такое давали — это был единственный способ сделать его послушным. А тому, другому, надо только пару раз дать по башке, и он станет сотрудничать.

— А тот длинный и костлявый — это писец?

Третий из доставленных был высоким и держался неуверенно. Он стоял, опустив плечи и засунув руки в карманы. Побежденный. Пробор в его волосах был в четыре дюйма шириной и восходил к самой макушке.

— Да. Твой дублер. В качестве бонуса. Он будет записывать вместо тебя. Назовем это общественным заданием в качестве вознаграждения за плохое поведение. Директор любит такие вещи.

— Что он сделал?

— Злостно отравил одного из наших самых экзотичных карентийских подданных.

Я все не понимал. Я существовал в замедленном режиме.

— Колда, Гаррет! Это твой травник. Его накрыли сегодня утром.

— У Релвея извращенное чувство юмора.

— Нам нравится. Ладно, пора идти. Всегда найдется еще парочка плохих парней, которых еще нужно изловить.

Дин проводил служителей закона до двери. Он предпринял еще одну попытку сбежать, и Мешок с костями опять его не пустил. Синдж довела его обратно до кухни.

Я смотрел на Колду. Смотрел и не мог насмотреться. Этот человек чуть не убил меня, хотя и без злого умысла. Учитель Уайт попросил у него орудие — Колда предоставил его. Он продал бы то же снадобье и мне, если бы я спросил и если бы у меня в руке было серебро.

«Он не знает, кто ты».

— Жаль. Пожалуй, пора засадить его за работу. — Посчитаться с ним я смогу позже.

Прежде чем начать разбираться с зеленоштанной командой, Покойник прошерстил голову Колды. Он нашел там немногое.

«У иных женщин, которых ты сюда приводил, и то было больше между ушами».

— Ты что! Здесь же Тинни!..

Впрочем, я знал, что он не включил ее в число слушателей этого последнего высказывания.

«И тем не менее он большой авторитет в своей области. Он мог бы написать большой трактат по лечебным травам. Он не общественное создание, хотя имеет жену и трех детей».

— И чудесно. Рад за него. Послушай, у меня глаза слипаются. Но прежде чем я засну, я хотел бы знать, удалось ли тебе извлечь из этих идиотов хоть пару самородков.

Колда и йимберский прораб начинали подозревать неладное. Колда запаниковал. Покойник успокоил его и усадил записывать то, что ему предстояло выкопать из двух остальных.

«Ага. Вот интересный кусочек: наши давние и бывшие друзья мистер Краск и мистер Садлер начинали свою карьеру в качестве инкеизиторов культа А-Лафа. Чодо Контагью перекупил их. Не то чтобы они были особенно горячо верующими — просто, будучи инквизиторами, они могли без помех удовлетворять свою жажду калечить людей».

Это было очень похоже на тех ребят. А также на моего старинного приятеля Чодо.

Покойник издал ментальный эквивалент отчаянного девчоночечного визга.

— Что там?

Я едва мог держать глаза раскрытыми. Тинни-то уже пошла спать... Впрочем, последние несколько дней были трудными для нее.

«У этого коротышки имеются скрытые средства защиты. Очень неприятные. Сейчас он собирает их вместе. Он только теперь осознал свое истинное положение».

— Малость туговато соображает, а? — Впрочем, неудивительно. Множество подобных ему мелких боссов ходят по земле, засунув головы в темные и дурнопахнущие места.

«Наши друзья из Конфиденциальной Комиссии и его тоже предварительно напоили своим снадобьем, так что он сейчас соображает медленнее, чем мог бы... Ай!»

— Что?

«У него здесь мышеловки. Мне прищемило палец. Да, задачка серьезная! — Покойник был не на шутку возбужден. — И опасная. Его обучали некоторым навыкам использования чародейства».

Ох, черт побери! И во что я ввязался на этот раз?

Ладно, об этом я буду беспокоиться после того, как немного сону. Если Толстозадый не подговорит йимберцев взорвать здание.

Глава 54

Трех часов оказалось достаточно, чтобы восстановить меня до функционального уровня.

У нас кое-что изменилось. Вновь заглянул Плоскомордый — он сидел, баюкая в ладонях кружку с чем-то горячим. Джон Пружина, в персональном кресле Синдж, трудился над большой миской тушеных яблок. У меня аж потекли слюнки. Мелонди Кадар не было. Я вообще не видел ее уже какое-то время — должно быть, непогода застала ее в кругу своего племени.

Синдж (без сомнения, присланная нашим Весельчаком) принесла миску и для меня. В миске была жидкая овсянка.

— Как я вижу, дом еще стоит.

И рядовой, и лейтенант банды Зеленых Штанов, судя по всему, спали.

«Даже самый могущественный колдун из когда-либо живших на свете не сможет творить свои черные дела, если не сумеет сосредоточиться. Ключ к магии — воля и концентрация».

Что там такое Покойник творил внутри инквизиторской черепушки? Я чувствовал смятение и путаницу в мыслях — хотя на меня он и не пытался влиять.

— Приятно знать. А чему мы обязаны честью посещения Плоскомордого Тарпа и Джона Пружины в такую погоду?

«Спроси их сам, я занят. Однако между делом пройдись по карманам нашего пономаря».

Синдж принесла Джону Пружине еще одну миску с яблоками и кружку пива. Плоскомордый тоже пил пиво. Синдж — очень щедрая девочка, когда при этом опустошается не ее кошелек.

Из этих двоих Плоскомордый казался более способным оторваться от своего занятия.

— Итак, что нового?

— Я забрал твой камень. Битте пытался драться, но... в общем, я принес его обратно, когда ты еще был болен. Он на твоей полке с редкостями.

(У нас есть целый стеллаж, где мы держим всякие памятные вещицы. Над некоторыми из них хорошо посмеяться — теперь, когда все неприятности закончились.)

— Спасибо. Что еще?

— Я там продолжал раскапывать все эти случаи, когда кто-нибудь внезапно загорался и помирал...

Должно быть, веселое было занятие. Возможно, боги оказали мне большую услугу, позволив отравиться.

— И что?

— Ну, сначала был сорок один случай, где предположительно было замешано человеческое самовоспламенение. Это было в основном сплошное вранье.

Вот как?

— Ладно. Продолжай.

— Потом было еще шесть возгораний, где все произошло из-за недосмотра на кухне — вспыхнуло масло, и все такое. Ну, а в остальных случаях почти всегда находилось какое-нибудь обычное объяснение... Что ты делаешь с этим парнем?

— Обыскиваю его. Хохотунчик думает, что у него что-то есть в карманах.

Синдж, снисходительно поглядывая на наших нахлебников, спросила:

— Как твоя новая подружка?

На щеках Тарпа проступила краска.

— Что? — переспросил я.

Я далек от того, чтобы разочаровывать человека, как бы безнадежен он ни был. Я не стал делать этого и сейчас — хотя было удивительно, как Плоскомордому удалось найти время, чтобы завязать интрижку с еще одной женщиной.

— Значит, большинство предполагаемых... как ты это назвал, человеческих самовоспламенений?

— Ну да. Спонтанное человеческое самовоспламенение. Так это называется у колдунов.

Вот как? Надо будет потом разобраться.

— Итак, большинство из них оказалось не тем, что говорили?

— Точно. Но были и такие, для которых не было объяснения... Подозреваю, что еще несколько случаев можно было бы объяснить, если бы люди смогли заставить себя признаться, что сделали глупость. Но даже при таком раскладе часть из них не могут быть ничем иным, кроме как этими самыми спонтанными человеческими самовспламенениями.

— Включая Бай Клакстон?

— Кого?

— Женщину, которая загорелась во время юбилейного приема Чодо.

— Я ничего не знал о ней. Ее я не проверял. Но она же была на кухне, когда все произошло, разве нет?.. Что ты там нашел?

Я нашел в кармане у Большого Парня маленькое зеленое яйцо. Точную копию того, что лежало на моей полке с редкостями. Интересно. Может быть, это какое-нибудь тайное идентификационное заклятье, распознающее членов А-Лафовой шайки? Ну, да мой партнер сможет раскопать, в чем тут дело.

— И сколько всего таких случаев?

— Семь, на которые стоит посмотреть поближе — учитывая, что все они имеют отношение к Чодо.

— Ну да... Да ну?

— Все эти места, где возникали пожары, принадлежали Чодо. Некоторые другие тоже, но в указанных случаях Чодо присутствовал сам.

— Ты шутишь! Ну-ка расскажи, при чем здесь Чодо?

— Он был там. Каждый раз. Погоди-ка! Может быть, я неправильно выразился: кто-то в инвалидном кресле был там каждый раз перед тем, как начинался пожар. Но не тогда, когда находили тела.

На этом пункте заканчивалась изумительная работа, проделанная Плоскомордым. Что означало, что там мог остаться кусочек работы и для меня.

Я прошелся по карманам другого йимберца. У этого не было своего яйца птицы Рух, зато при нем имелась маленькая тиковая коробочка, внутри которой...

— Да это же одна из тех металлических собак!

На коробочке проступил иней. Отчаяние ударило мощной волной, словно пинок в интимные части тела. Шепот тьмы заполонил мой мозг. Я едва сумел закрыть коробочку обратно.

— Уф! Ну и мерзость!

Плоскомордый и Джон Пружина сидели с остекленевшими глазами, причем Тарпа зацепило сильнее, чем крысиного короля. В кухне посыпалась на пол посуда. Парни А-Лафа не отреагировали — поскольку Покойник замер, и те, кого он контролировал, последовали его примеру.

Мешок с костями получил психический эквивалент хорошего удара в солнечное сплетение. Он пыхтел и сопел — на ментальном уровне, — пытаясь восстановить равновесие.

— Это было какое-то дермо, — прогремел Плоскомордый, содрогаясь. — Как насчет того, чтобы ты больше не открывал эту мерзкую коробочонку?

— Заметано, дружище!

Глава 55

Ситуация несколько улучшилась после того, как те из нас, кто не был гостями Короны, пустили по кругу несколько кружек пива. Я сказал Джону Пружине:

— Ты что-то сидишь тихо.

— Как мышь. — (Неужели он умеет шутить?) — У меня был набит рот.

— Это меняет дело. Но сейчас-то он не набит! Итак, что нового?

— Мы нашли твоего адвоката.

— Что?! — Я чуть не подавился именем Жнеца Темиска. — Почему ты не сказал?

— Я сказал, только что. А твой партнер знал об этом с самого моего прибытия. — Покойник Джона Пружину, по-видимому, больше не пугал. — Нет необходимости спешить.

На улице была ночь и зима, и Покойник не рвался делать что-либо прямо сейчас. Возможно, это действительно могло подождать.

— Чодо больше не может двигаться так быстро и легко, как раньше, Гаррет, — напомнил мне Плоскомордый. — Я думаю, где бы поверенный ни держал его, там он и будет оставаться, пока с ним не будет покончено.

— Что, теперь все так считают? Что Темиск похитил его из Уайт-Филд-холла?

— Лучшей теории пока не появлялось. Кое-кто даже подумывает, не были ли Зеленые Штаны просто прикрытием для этого побега.

Интересная гипотеза.

— А почему это с ним будет покончено?

Что? Я ощущал, как во мне пытается родиться какая-то идея. Колда. Ну да! И мой последний приступ, вызванный его травами.

— Эй, Костяная Нога! Как ты думаешь, а может, Белинда потихоньку травила своего старика? А Темиск теперь пытается привести его в порядок?

«Если так, то эта женщина умнее, чем мы ее считали. Она бывала здесь много раз и выдала лишь свое непрекращающееся беспокойство относительно выгоды, которую может извлечь из несчастья, случившегося с ее отцом, — как в финансовом, так и в эмоциональном смысле. Однако в твоей идеи может оказаться рациональное зерно. Если другие стороны также имели к нему регулярный доступ».

— Кажется, Миляга говорил, что Рори держит кого-то в доме?

«Интересно... Да. Позволь мне поразмыслить, насколько это возможно».

— Это могло бы объяснить некоторые вещи. Ты уверен, что я не должен рвануть с места прямо сейчас?

«Ты еще не совсем оправился».

— Мои люди стоят на страже, — сказал Джон Пружина.

Это не очень вдохновляло. Крысиный народец известен тем, что способен продать все, на чем можно навариться. А местонахождение Большого Босса было сейчас, наверное, наиболее выгодным продуктом сбыта на танферском рынке.

Джон Пружина попытался переубедить меня.

— Мои наблюдатели не знают, кого они стерегут. Они считают, что мы следим за группой взломщиков, чью добычу собираемся обратить к собственной выгоде. Они лишь знают, что должны информировать меня о любом, кто входит и выходит из здания.

Этот крысиный шеф был прирожденным организатором. Угрожающие сметлив.

— Ты смог бы пройти по следу по этой погоде, если они переберутся в другое убежище?

— Синдж сможет.

Что-то я сомневался в этом.

«Твое беспокойство понятно, Гаррет. И не вполне неоправданно. Но ты действительно должен набраться сил. Ты пока что неспособен на длительную прогулку, не говоря уже о физическом возбуждении».

— Если Джон Пружина может найти их, сможет и Рори или Учитель.

У Чодо были друзья на Холме. Без сомнения, были они и у Рори Скалдита. Эти люди и боссы Синдиката — стороны одной монеты, если посмотреть в глубину их кровожадных, алчных черных сердец.

А ведь есть еще бесчисленные не очень талантливые самоучки-колдуны, которые толкнутся перед лавками и на углах улиц. Далеко не все они шарлатаны.

— Ну что же, вы все хорошо поработали, — сказал я. — Сколько я тебе должен, Плоскомордый? За вычетом еды и пива?

— Что? В тебе нет никакого милосердия! Я бы никогда не стал выставлять тебе счет, если бы ты был у меня в гостях.

— Откуда мне знать это? Я ведь даже не знаю, где ты живешь!

Плоскомордый выдал мне свой профессиональный взгляд парня, с которым лучше не шутить. Я не повелся. Выждав паузу, он неохотно сказал:

— Синдик мне уже заплатила.

— Если я встану в очередь прямо сейчас, для меня еще может остаться местечко в работном доме до того, как я окончательно пойду по миру.

— Хотел бы я быть хотя бы наполовину настолько нищим, как ты, когда ты прибедняешься! Мне-то вообще придется жить на улице!

Я мог понять почему. Плоскомордый всегда немногого ожидает от жизни и имеет свойство заявляться в гости во время ужина.

Джон Пружина сказал:

— Тушеные яблоки и «Вейдеровское Особое» являются для меня достаточной компенсацией. — Над словом «компенсация» ему пришлось потрудиться.

Я кивнул, но про себя подумал: «Это плохо». В какую безумную затею втянет меня крысиный король, если я ступлю в его мир, где за услугу платят услугой? А ведь такого же рода кошмар заставлял меня сейчас преследовать Чодо.

Покойник предложил:

«Вы все можете остаться у нас на ночь. Гаррет, я устрою какой-нибудь отвлекающий маневр, который позволит тебе

утром незаметно выйти из дома. Мистер Тарп, мы нуждаемся в дальнейших ваших услугах».

Очевидно, ожидалось, что за ночь мне сказочно полегчает.

Одним словом, я пошел наверх и поспал еще немного. Тинни можно было сдвинуть только рычагом. Если бы ее сон стал еще чуть-точку крепче, нам потребовалось бы услуги похоронных дел мастера.

Глава 56

Меня разбудила Синдж.

— Девочка, ты хоть когда-нибудь спишь? А где Тинни?
Я был один.

— Она ушла домой. Плоскомордый пошел ее провожать. Она не очень хорошо себя чувствовала и боялась, что подцепила то же, что было у тебя. Ей хотелось оказаться в таком месте, где ее сможет навестить настоящий врач.

— Что за чушь!

Еще одна забота, как будто мне других не хватает!

— Она просила не волноваться из-за нее. Она будет со своей семьей.

— Вдвойне чушь. Ты ведь знаешь, что это значит.

— Исходя из моего ограниченного опыта, я бы сказала, что это значит, что тебе, черт побери, не мешало бы выделить в своем перегруженном расписании место и для того, чтобы подержать ее дрожащую руку. Отдохнуть ты сможешь после смерти.

Она поняла Тинни вполне неплохо.

— Ну, сейчас я все равно ничего не смогу с этим сделать. Так зачем же было меня будить?

За окном было еще темно.

— Покойник говорит, что тебе пора будет двигаться, когда Плоскомордый придет обратно. И еще — мистер Дотс только что вернулся. Я подумала, что это может быть важно.

Я взглянул на окно. Да, уж лучше бы это было чем-нибудь важным! Снаружи стояла непроглядная темень. Синдж сказала:

— Дин ворчит как непогашенный вулкан — но готовит тебе еду и брюзжит из-за того, что придется потом снова возвращаться

постель. Когда будешь одеваться, учти, что там опять идет дождь. И похоже на то, что скоро он превратится в снег или лед.

— Звучит обнадеживающе.

Я спустил ноги на пол и встал. Только сейчас, поняв, насколько хорошо я себя чувствую, я осознал, насколько плохо чувствовал себя раньше.

— Ого! Кажется, я выздоровел!

— Да. И твоя подружка несколько поторопилась покинуть тебя.

Она кивнула куда-то вниз. Я опустил взгляд на свою выпирающую мачту и покраснел.

— Мы становимся как-то слишком неформальными и свободными в общении в последнее время.

Синдж воздержалась от дальнейших замечаний.

— Надо будет посоветоваться с этим отравителем, — пробормотала она. — У меня скоро течка. Никому из нас сейчас не нужно такое отвлечение.

Она была права. Крысиная девушка в течке может отвлечь кого угодно. Они могут контролировать себя не больше, чем кошки в подобной же ситуации.

— А где наши котята? Что-то я их давно не видел.

— Они прячутся от злых людей А-Лафа.

— Понимаю... — Очень интересно!

Мы все сидели за завтраком, когда Морли наконец объяснил свое появление в столь неурочный час.

— В моем заведении возник пожар.

— Когда ты был внутри? Твои ребята умнее, чем я думал.

— Совершенно верно, когда я был внутри. И они здесь были совершенно ни при чем — к моему удивлению. Хотя, можно сказать, удивление было не так уж велико... учитывая все, что мы теперь знаем. Я слышал, ты заполучил обратно свой камень от того парня, который его подменил. Могу я на него взглянуть?

— Что? А, он на стеллаже с редкостями. Верхняя полка.

Я посмотрел на Покойника. Он не был расположен что-либо объяснять.

- Здесь их два, Гаррет. Который твой?
- На том, который в меня кинули, есть царапины.
- Я не вижу никаких царапин.
- Их можно почувствовать. И острый конец немного надколот.

Ты видишь?

- Такое маленькое черное пятнышко?

- Да. А в чем дело?

— Пожар начался со вмятины, где эта штука ударила в мою дверь. Я не знаю, как это случилось. И почему. И почему именно теперь. Огонь был такой же, как горит уголь. Когда мы обнаружили горящее место, оно был примерно вот такой величины. — Он составил вместе большие и указательные пальцы, сложенные кольцом. — Однако пламя не утихало. В конце концов нам пришлось снять дверь с петель. Мы навалили на нее льда и снега, но она продолжала гореть, пока не выгорело все дерево.

— Я знаю одного хорошего мастера, занимающегося дверьми и дверными петлями.

- Да, тебе это необходимо, не так ли?

- Ха! И еще раз ха! Эй, Мешок с костями, а ты что думаешь?

«Поразмысли над возможностью того, что мишенью для камня был не ты. Может быть, злоумышленник хотел сжечь предприятие мистера Дотса».

- Это слишком смелое предположение.

«Не такое уж смелое — учитывая то, что я вытянул из этого Бриттигарна. И вспомни про некоторые намеки, найденные мной в этих мозгах, — хотя один из них представляет собой совершеннейшую пустыню, а второй остается почти полностью закрытым».

— Но какие мотивы могли быть у этих психов? — спросил Морли. — Ведь то время, 'х еще ничего не знал.

«Возможно, они хотели отвлечь тебя от ситуации с Гарретом. Нет, это слишком большая натяжка. У нас нет достаточной информации... Так, вы уже поели. Гаррет, я предлагаю тебе прогуляться с места. Мистер Тарп сейчас придет».

- А я готов для этого?

- «Да. Впрочем, ты будешь не один».

— У тебя что-то готовится? — спросил Морли.

Появилась Синдж, одетая по погоде.

— Угу, есть пара вещей, которые нужно проверить. В первую очередь Бай Клакстон.

— О! Пожалуй, я присоединюсь к тебе на этом отрезке пути.

Я не стал возражать ни против него, ни против Синдж.

«Синдж знает, куда идти. А ты?» — спросил Покойник.

А я не знал — разве что Покойник сказал бы мне. Ведь Джон Пружина предпочел не беспокоить меня подобными пустяками.

Глава 57

Первым, что я заметил — после того, как перестал ныть по поводу холода, — это отсутствие Пенни Мрак на той стороне улицы.

— Надеюсь, она нашла какое-нибудь местечко, где тепло.
— С ней все будет в порядке, — утешил меня Плоскомордый.
— Ты что, теперь вместе с Дином в этом вопросе?
— Тинни взяла ее к себе домой. По слухам того, что та уже совсем превратилась в ледышку. Она бы умерла, если бы осталась ждать здесь.

Мы прошли мимо «Пальм», где соратники Морли прятались за мохнатым одеялом, повешенным вместо двери. Морли показал мне обгорелые останки.

— Смотреть почти не на что, да?
— От нее воняет так, словно все силы зла сорвались с цепи, — произнесла Синдж. Она часто и неглубоко дышала, как сделал бы я, если бы находился рядом с раздутым трупом.

Наружу вышел Рохля, и я рассказал ему, как найти мистера Малклара.

— Он сделает вам скидку, если вы скажете, что вас послал я.
— Это очень мило, — сказал Морли. — Но почему твоя щедрость внушает мне подозрение? Почему мне кажется, что ты с трудом сохраняешь серьезное лицо?

— Даже не знаю...

А почему? Если мистер Малклар не изменил свою диету... Хе-хе-хе...

Морли пошел с нами. До Бледсо было каких-нибудь полмили. Понемногу рассвело. Леса, закрывающие фасад здания, были 10-Шепчущие никелевые идолы

покрыты снежно-ледяной коркой, и у непрекращающейся мороси не было никаких шансов смыть ее. Все выглядело заброшенным — корыта с раствором исчезли; не положенные в стену кирпичи, очевидно, куда-то рассосались. Я был удивлен, что сами леса пока остались на месте.

— Вооруженная охрана, — заметил Плоскомордый.

Я никого не видел. Он посоветовал:

— А ты попробуй взять что-нибудь не свое.

— Я так понимаю, что ты знаешь, кто делает эту работу?

— Это парни из Стражи, они подрабатывают здесь в свободное от работы время. Я и сам бы был здесь, если бы уже не взялся помогать тебе.

— Кто им платит?

Тарп пожал плечами — он не знал. И скорее всего, его это не очень-то заботило.

Мы вошли в больницу без помех. Морли сказал:

— Пойду посмотрю, что удастся выяснить.

Впереди горела только одна тусклая лампа. Ее света было достаточно, чтобы мы увидели за регистрационной стойкой незнакомую женщину. Она была в восторге лицезреть Морли — должно быть, ее победенная предшественница поделилась с ней.

— Я не могу идти туда! — внезапно сказала Синдж, молчавшая с тех пор, как мы вышли из дома (если не считать нытвы по поводу того, что ее хвост волочится по снежной каше).

— Брось, никто не сделает тебе ничего плохого.

— Проблема не в этом. Это все воздух — он насыщен безумием.

Я не могу этого выносить.

— Прости. Я должен был подумать об этом. Мистер Тарп, ты не мог бы остаться с Синдж? На случай, если какой-нибудь дебил начнет ей дерзить?

Тарп согласно хмыкнул. Они с Синдж пошли обратно наружу. Морли отвернул кран своего обаяния, а я направился в палату Бай Клакстон.

Я дошел дотуда, не увидев по пути ни единого живого существа. Меня это не удивило. Я был в Бледсо — месте, где складировали самых больных из беднейших из бедняков и безумнейших

из безумцев, чтобы им было где умереть. Некоторые психи буквально истошли безумие.

Бай Клакстон не спала — она вязала при свечке. Рядом со свечкой, в глиняном горшочке на подставке стоял засохший цветок. Она узнала меня. И не казалась удивленной, что вновь меня видит.

— Видите, что послала мне леди?

Она показала на цветок, весьма необычный для этого времени года.

— Леди?

— Мисс Контагью. Она очень заботливая для женщины ее положения.

— Да, у нее бывает такое настроение.

— Это она послала вас проводить меня?

Небольшая ложь была здесь не совсем неуместна.

— А также попытаться выяснить, что тогда произошло — теперь, когда вы чувствуете себя лучше.

Миссис Клакстон отложила свое вязание. Ее глаза наполнились слезами, но она взяла себя в руки.

— Вы знаете, я ведь не вдова. У меня двое сыновей и три дочери. Лишь Этан погиб в Кантарде — ему было бы сейчас столько же, сколько вам. И он единственный из них всех, у кого имелась причина не навещать меня.

— Очень жаль это слышать. Некоторые люди очень невнимательны. Особенно члены семьи.

— Могу поручиться, что вы всегда заботились о своей матери!

— Моя мать умерла. Я действительно пытался заботиться о ней, пока она еще была с нами. — (Но с той поры вел себя как совершенный паразит. Я не посещал ее могилу уже многие годы.) — Однако давайте не будем без нужды расстраивать себя. Здесь не то место.

— Очень здравая мысль, молодой человек. Чем я могу вам помочь?

— Этот пожар... Мне поручено выяснить, что тогда произошло.

— Я не знаю. Это просто случилось, и все. Мне было ужасно больно! — Она слабо улыбнулась.

— Вот что я вам скажу, миссис Клакстон...

— Зовите меня просто Бай.

— Хорошо, мэм. Вы, возможно, не заметили этого, потому что не знали, куда смотреть, но это случилось не просто так. Что-то должно было послужить причиной. Поэтому-то я и хотел бы вспомнить вместе с вами весь тот вечер. Прежде всего, почему вы вообще оказались там? Вы ведь не работаете в заведении, которое тогда поставляло кушанья.

— Нет. Я работаю у мистера Хартвелла.

— Это не тот мистер Хартвелл, который управляет поместьем семьи Контагью?

Этому человеку я никогда не доверял. Скользкий тип. Правда, я не мог себе представить, чтобы он обворовывал Чодо.

— У его сына, Армонди. Он попросил меня помочь — ну там накрыть столы, похлопотать на кухне и прибраться, когда все кончится.

— И разве в этом не было ничего необычного — в том, что вы оказались там?

— Да нет, не думаю.

— Интересно... Во сколько вы пришли туда? И не случилось ли с вами после этого чего-нибудь необычного?

— Я пришла сразу после полудня. На тот момент еще и делать было нечего. А необычным было то, что меня внезапно охватило пламя, и я обгорела чуть не до смерти!

Она снова начала негодовать по поводу своего мужа и детей. Я дал ей выпустить пар, потом спросил:

— Кому вы докладывали о своем прибытии?

— Да этим двум красавчикам, когда они наконец прибыли. А пока они не заявились, мне пришлось просто сидеть сложа руки.

— Да, я с ними тоже встречался. Они там, кажется, всем руководили?

— Им хотелось так думать. Они были декораторы, им была поручена расстановка столов и стульев. Я слушала их только тогда, когда они говорили дело... Ах, да! Сначала мне давал указания мистер Тэмиск — мы знакомы уже много лет.

— Жнец Темиск?

— Он самый.

Так значит, мистер Темиск был там. Он пришел заранее и был в задней части дома. Этого я не знал. Никто до сих пор не упоминал, что видел Темиска.

— В первый раз я наткнулась на него в кладовой — уж не знаю, что он там делал в потемках. Искал масло для ламп, так он сказал. А я видела масло в кухне, его принесли эти двое, так что я показала ему, где оно.

— А как насчет мисс Контагю? Когда появилась она?

Миссис Клакстон подтвердила мои подозрения.

— Она уже была там, когда я пришла. И телохранители с ней. Наверное, смотрела, нет ли каких-нибудь проблем.

— Итак, мистеру Темиску понадобилось ламповое масло? Зачем?

— Ну как же, он достал из кармана маленькую деревянную коробочку и высыпал в масло какие-то зеленые зерна или что-то вроде того, а потом хорошенко встряхнул все кувшины. Он сказал, что это благовония. Он сказал мне налить это масло в те лампы, которые должны были стоять на столах.

Это выглядело не очень красиво со стороны Жнела Темиска.

— А потом что?

— Не знаю... Потом он вышел, и я его больше не видела. Я работала на кухне... Да, а еще мистер Темиск дал мне маленькую не-Фритовую булавку. Он сказал, это за то, что я так хорошо помогала.

Совсем нехорошо со стороны Темиска.

— А эти зеленые зерна — они случайно не просыпались? Или, может быть, немножко попало мимо кувшина?

Если это было то, что я подозревал, его могла разнести по дому какая-нибудь безмозглая крыса.

Миссис Клакстон задумалась.

— А знаете, если на то пошло, он действительно уронил крышку своей коробочки, когда начал ссыпать свои зерна в первый кувшин. Он еще ужасно выругался — потому что это благовоние очень дорогое, так он сказал.

Да. Сомнений больше не оставалось. Мы поговорили еще немножко — в основном о ее неудачной семье. Больше я не узнал ничего полезного.

- Скажите, а кто-нибудь еще видел мистера Темиска?
- Не знаю. Я вокруг больше никого не видела.
- А вы случайно не видели отца леди? Чодо Контагью?
- О нет! Но он ведь должен был быть где-то там, правда?

Темиск изумительно удачно выбрал время, если ему удалось оставаться незамеченным моими пикси и крысами. Впрочем, тогда у них еще не было никаких причин его искать и никаких причин узнавать его — даже если они и видели адвоката. Парень по имени Гаррет был единственным, с кем ему не следовало встречаться. Плюс любимое и единственное дитя Чодо и несколько низших боссов — причем у последних не было причин навещать кухню.

Это начинало становиться похожим на большой и мерзкий план убийства, составленный Жнецом Темиском и выезжавший на загривке тех замыслов, что пыталась претворить в жизнь Белинда. А это, в свою очередь, означало, что Темиск с самого начала использовал меня втемную.

Но все эти расчеты рассыпались в прах в том хаосе, что воцарился затем в Уайтфилд-холле.

У меня рождалось несколько жестких вопросов, которые я хотел бы задать этому адвокатишке, когда его поймаю.

— Благодарю вас, миссис Клакстон. Хотите, я могу сходить к вашим родным?

— Спасибо, молодой человек, но не надо. Я поговорю с ними сама. Когда-нибудь я ведь выйду отсюда!

— Надеюсь, что так. С таким настроением вы сделаете это очень скоро.

Морли не хотел уходить. Точнее, его новая подружка и слышать не хотела о том, чтобы отпускать его. Но к этому моменту начали подходить другие люди, работавшие здесь, — и будучи людьми, они были любопытны, шумны и требовательны.

— Ну как, узнал что-нибудь? — спросил я, когда мы выскользнули наружу. И добавил, оглядываясь: — А к каким чертам провалились эти двое?

Синдж и Плоскомордого нигде не было видно.

— Охранникам платят трастовый фонд. Смотри, вон Тарп.

Плоскомордый махал нам из проулка между зданиями, где имелся навес, дававший некоторую защиту от сеющегося дождика.

— Думаешь, стоит проверить, откуда берутся деньги?

— Зачем беспокоиться? Разве что у тебя есть еще что-нибудь, о чем я не знаю. Впрочем, Блок с Релвеем могут и покопаться, если захотят.

— У меня такое чувство, что они потеряли интерес к банде Зеленых Штанов — по крайней мере на данный момент... Что вы тут делаете, ребята?

— Стаемся, чтобы нас не заметили Пленти Харт и Бобо Негри, — ответил Плоскомордый.

— Кто это?

— Люди Рори, — сказал Морли. — Средний уровень. Опасны. Что им здесь могло понадобиться?

— Может быть, Миляга там, внутри, — предположил я. — Когда Покойник с ним закончил, он был в очень непрезентабельном виде.

Глава 58

— Может быть. — В голосе Тарпа, однако, звучало сомнение. — Они кого-то искали.

— Нас? Но разве Костяная Нога не постарался нас отмазать?

Тарп пожал плечами.

— Синдж, что скажешь?

— Меня не спрашивайте, я просто нюхач. Я могу помочь вам найти ответ, только пройдя обратно по следу этих людей. Если они пришли сюда за нами, это станет понятно очень скоро. Хотите, чтобы я попыталась это сделать?

— А это долго? Так, чтобы сказать наверняка?

— Десять минут, — пообещала Синдж.

— Плоскомордый, держись рядом с ней. Как только она поймет что-то определенное, направляйтесь прямиком в... куда, Синдж?

— Зернохранилище Терсайза.

— Хорошо. А там ты найдешь нас с Морли по запаху.

— Точнее, нас с Гарретом, — добавил Морли.

Они тронулись в путь. Морли спросил:

— Ты планируешь взять это дело с наскока?

— У тебя есть предложения?

— То же, что и раньше, всегда то же, что и раньше: будь готов к неприятностям.

Он имел в виду оружие — точнее, вооружение. Он приволок бы с собой осадную баллисту, если бы мог засунуть ее в карман. И использовал бы при первой возможности. И не чувствовал бы сожалений впоследствии.

— У меня есть моя трость.

Морли не выглядел потрясенным.

— Если мне понадобится что-нибудь более впечатляющее, я отниму его у кого-нибудь, — добавил я.

— Ты уже не настолько молод и быстр, как тебе кажется.

— А разве это можно о ком-нибудь сказать?

— Да, таковы условия игры. Что никак не извиняет твое глупое нежелание присматривать за собой самому.

— Ой-ой! У меня такое ощущение, что мои привычки в отношении оружия скоро займут второе место после моих привычек в области еды.

— Ну, раз уж ты сам об этом заговорил...

И так далее, и тому подобное. Тридцать минут спустя перед нами замаячило здание зернохранилища Терсайза. До недавних пор оно было Карентийским Королевским Военным Зернохранилищем, откуда многие тонны кормового зерна, муки и готовых выпечных изделий (читай: твердокаменных морских сухарей в стофунтовых бочонках) сплавлялись вниз по каналу к реке и далее в зону военных действий. Семейное предприятие Терсайзов по дешевке выкупило его у Военного министерства после того, как бойня прекратилась.

— Терсайзы ведь как-то связаны с Контагью, так? — спросил я.

— Сводная сестра Чодо, Клорис, замужем за Мизиасом Терсайзом. Но они не делят постель с Организацией — по крайней мере, так я слышал... А это место не похоже на то, чем оно было раньше, — заметил Морли, глядя на россыпь краснокирпичных пристроек для помола и хранения зерна. Многие из них имели вид давно заброшенных.

— Ты знаешь эти места? — Сам я их совершенно не знал. — Что-то здесь совсем не видно бомжей.

Танфер буквально затоплен беженцами из больше не существующей зоны боевых действий.

— Знаю. Раньше это место было настоящей крепостью. Мельники и пекари не могли ни войти, ни выйти, если у них не было разрешения военного коменданта... Будем ждать Плоскомордого и Синдж?

Вспоминая времена, когда Гаррет, ни капли не сомневаясь, кинулся бы внутрь, я сказал:

— Да, пожалуй.

— Неужели у тебя появился вкус к осторожности? Так поздно?

— Теперь на мне лежит ответственность: Дин, Покойник, семеро котят... И подружка, которая будет гнаться за мной до самого ада, если я позволю себя убить прежде, чем навещу ее у одра болезни.

— Тогда почему бы нам не спрятаться где-нибудь за углом одного из этих зданий, пока мы будем ждать? А то я, кажется, понял, почему здесь нет бомжей.

И тут я увидел то, что его более острые эльфийские глаза заметили прежде меня.

Три человека весьма впечатляющих размеров не спеша шли по улице, ведущей вдоль западной стены зернохранилища. Один на ходу проверял двери, которые появлялись перед ним через равные интервалы и прежде служили для загрузки и выгрузки зерна. Выходившие на улицу стены зернохранилища представляли собой внешние стены различных строений, которые образовывали единый комплекс и внутри были соединены между собой одноэтажными складами. В таком же комплексе жила семья Тинни. Здесь были как жилые помещения, так и мастерские, пакгаузы и фабричные здания. Правда, комплекс Тейтов занимал меньшую площадь и был не настолько впечатляющ в вертикальной проекции.

— Знаешь, громилы вообще-то довольно похожи друг на друга, где бы ты их ни встретил. Но у меня определенное ощущение, что эти трое не были бы смущены, если бы их мамы одели их в зеленые клетчатые панталоны.

Неужели Блок отпустил наших друзей на свободу? Или их было больше, чем предполагалось, и оставшиеся теперь держались подальше от Бледсо и избегали внимания публики?

Тот из троих, который проверял двери, вновь исполнил свою функцию, используя для этого трость, весьма похожую на мою. Остальные были вооружены лучше — или хуже, если смотреть со стороны закона. Один имел при себе пару мечей, длинный и короткий. Другой тащил арбалет, больше похожий на осадное орудие, — взведенный и с наложенной стрелой. Они явно искали драки.

— У тебя отвратительный образ мыслей, мой друг, но ты прав. Иди и поговори с ними. Проверь, есть ли у них деревенский акцент. Если это действительно Зеленые Штаны, мы будем знать, почему их всегда оказывается больше, чем мы ожидаем увидеть.

— Лучше ты иди. Красота склоняется перед возрастом.

— Кстати, о красавицах и чудовищах: Тарп и Синдж уже должны были быть здесь. Я начинаю зябнуть.

— Если нам придется обходить это место кругом, ты скоро согреешься... Ага!

Человек с тростью обнаружил дверь, которая распахнулась внутрь. То, что она не должна была этого делать, стало ясно непосредственно вслед за этим.

Сверкнули клинки. Арбалетчик отступил на несколько шагов назад. Человек с тростью без всяких мер предосторожности двинулся внутрь.

Немедленно вслед за этим наружу хлынула волна людей-крыс, которой предшествовал рой снарядов, более всего похожих на дротики, какие метают в мишень в тавернах. Это было настолько неожиданно, что ни человек с тростью, ни мечник не смогли предпринять ничего, успев только пригнуться. Арбалетчик сумел лишь сорвать стрелой полосатый, похожий на чулок колпак с головы одного особенно длинного и толстого крысюка. Стая была слишком беспорядочной, чтобы можно было прикинуть точное число особей. Они скрылись из виду прежде, чем охранники успели сбраться с мыслями.

Трое мордоворотов огляделись вокруг и, поняв, что с крысами они поделать уже ничего не смогут, вошли внутрь, чтобы выяснить, чем они там занимались.

Внезапно крысюки вновь материализовались возле двери. Я узнал среди них Джона Пружину. Они захлопнули дверь и быстро заколотили ее гвоздями. Затем крысиный король направился в нашу сторону, в то время как его подданные поздравляли друг друга с победой.

— Он знал, что мы здесь, — сказал я.

— М-да... — протянул Морли, задумчиво обозревая окрестности.

Я и сам по-быстрому проверил, нет ли поблизости обычных крыс. Дождавшись, пока Джон Пружина подойдет на достаточное расстояние, чтобы слышать, я спросил его:

— Что все это значило?

— Мы хотели, чтобы патруль не висел у нас на хвосте. Какое-то время их не хватало. Но у нас мало времени.

— Ты подгадал все это к нашему прибытию?

Судя по виду крысиного короля, он сомневался в моем умственном здравии.

— Нет.

— Но тем не менее ты знал о том, что мы здесь прячемся?

— Да. Где Синдж? Я ожидал, что она приведет вас сюда.

— Она на подходе.

Я объяснил ему причину задержки.

Тут подошла и мисс Пулар — меся снежную кашу, держа озябший хвост в лапах и с совершенно несчастным видом. Плоскомордый хромал вслед за ней.

Возле следующей двери, которую должен был проверить попавший в ловушку патруль, началась бурная деятельность. Поток крысиного народа устремился внутрь. Затем он стал двусторонним; выходящие были тяжело нагружены. Синдж кинула на них один взгляд, выронила хвост и накинулась на своего брата:

— Ты спятил!

— Полегче, девочка, — предостерегающе сказал я.

— Но это безумие! Люди совсем перестанут заботиться о Других Расах! Стража станет помогать расистам преследовать наш народ!

— Успокойся, Синдж... А действительно, ты подумал об этом, Джон? — Пока он размышлял над ответом, я спросил Синдж: — Ну, какие новости? Нас и правда преследовали?

— Нет. Они просто шли тем же маршрутом достаточно долгое время. Но возможно, они искали именно нас, хотя и не знали, что идут за нами следом, — добавила она нерешительно.

Я покачал головой. Она начинала думать как Покойник.

— А с тобой что случилось? — спросил я Плоскомордого. Он стоял, привалившись к стене и держась за левое бедро.

— Я упал. Поскольку на льду. Он был под свежим снегом. Там идет снег, в каких-нибудь паре кварталов отсюда.

— Вот как?

Джон Пружина сказал:

— Стража не получит жалоб.

— Что?

— Воры не подают жалобу в суд, когда другие воры отбирают у них краденое.

Подозреваю, что он никогда не обменивался военными байками с ветеранами Стражи. Но я уловил его точку зрения.

— Там, внутри, нелегальные склады, так?

— Все эти здания там, в глубине, за дымовыми трубами. Там все закрыто и опечатано, и больше эти здания никто не использует. Кроме преступников.

— Понимаю... Эй, Плоскомордый! Как же ты собираешься охранять меня, если сам все время плюхаешься на задницу?

Тот пробурчал что-то насчет того, насколько тупым надо быть, чтобы позволить Учителю Уайту подстеречь себя и накормить отравой. Я ухмыльнулся и вновь повернулся к крысиному шефу:

— Эти парни что-то очень похожи на тех, которые устроили беспредел перед нашим домом. Они ведь не городские?

— Чужеземцы, да.

— Это определенно объясняет, почему всегда находятся новые, когда Стража считает, что переловила их всех.

Морли заметил:

— Мы пришли сюда не для того, чтобы устраивать заседание.

— Верно подмечено. Джон Пружина, где же мой друг поверенный?

Крысиный король вздохнул.

— Идите за мной.

Наш путь лежал мимо той двери, которую заколотили крысюки. Она сотрясалась от громовых ударов изнутри, во все стороны летела пыль и щепки. Я сказал:

— Это окончательно убеждает меня: они просто не надели свои панталоны. Я нигде больше не видел таких упрямых людей.

Джон Пружина озабоченно заметил:

— Они возаждут крови, когда выберутся наружу.

— Скорее всего. Они не привыкли к таким ситуациям, когда им не удается делать все по-своему... Твои ребята метали дротики. Они случайно не были отравлены?

— Нет. Я не знал, где достать нужное снародье.

Это плохо. Но я сейчас не был расположен давать ему наводку. У Синдж тоже не нашлось никаких предложений.

Глава 59

Мы воспользовались дверью, через которую вбегали и выбегали грабители-крысюки. Интересно, кто и у кого спер все это изначально? Йимберская команда не стала бы тратить время на подобные штуки.

Джон Пружина повел нас вверх по пыльной шаткой лестнице, скользкой от помета летучих мышей. Запах этих тварей бил в нос. Крысиный шеф двигался сквозь лабиринт переходов, подъемов и спусков: зернохранилище строилось не сразу, на протяжении поколений, а армия хотела, чтобы все части были соединены друг с другом.

Через некоторое время крысиный король сказал:

— Я прошу прощения, но я сам здесь еще не был и не знаю более прямого пути. Кажется, мы уже близко. Соблюдайте тишину.

С тишиной проблем не было. Тишину соблюдать мы умеем. Жизни каждого из нас не раз засыхали только от тишины. И при этом все мы по-прежнему оставались живыми.

Мы пытались как-то ориентироваться при свете, просачивавшемся сквозь щели в крыше и стенах — их было предостаточно. К несчастью, они пропускали также дождь и насекомых. Наконец Синдже почуяла дым. Впереди и немного внизу возник мерцающий свет.

— Похоже на костер...

Судя по всему, мы находились на сеновале бывшей просторной конюшни. Перепревшее сено до сих пор лежало кучами там и сям; его населяли неусовершенствованные родственники Синдже.

Колеблющийся свет исходил от костра, разведенного прямо в помещении. Мы осторожно приблизились; каждый хотел посмотреть. И вот что мы увидели: полдюжины людей, пытавшихся согреться у небольшого огня, в который они подбрасывали куски дерева,

оторванные от ближайших стойл. Вокруг огня стояли четыре палатки, входами к источнику тепла.

Лагерь находился здесь уже какое-то время: топлива оставалось немного. Вокруг валялся мусор, на веревках висело белье — включавшее в себя столь знакомые нам зеленые клетчатые штаны. Все это я заметил лишь мельком — все мое внимание было сконцентрировано на Жнеце Темиске и пожилом человеке в инвалидной коляске, который выглядел более жизнеспособным, чем можно было ожидать от человека в коме.

Я лег на живот у края сеновала. Морли упал рядом со мной. Чодо ничего не говорил и не двигался, но тем не менее сейчас он значительно больше принадлежал нашему миру, чем в последний раз, когда я его видел.

Джон Пружина пристроился справа от меня. Обычные бурые крысы собирались вокруг него, объятые немым восхищением.

Кем были здесь Темиск и Чодо — пленниками? Гостями? Или командирами?

Не связанные между собою вещи собирались воедино, предполагая потенциальные причинно-следственные отношения.

Чодо имел соглашение с культом А-Лафа. Оно действовало на протяжении уже долгого времени. Громилы А-Лафа появились в городе с целью зарядить своих металлических собачек страданиями. Это произошло до того, как Темиск связался со мной. И прежде, чем возникла Пенни Мрак со своими странными котятами.

Появление банды Зеленых Штанов, видимо, придало Жнецу Темиску храбрости. Он решил выкрасть своего босса — к нему прибыли могущественные старые союзники, и они были в долгу у Чодо.

Но это оставляло множество вопросов. Как Темиск собирался использовать меня? Несомненно, Учитель Уйт, Рори Скалдит и другие не принимались во внимание — они не должны были пережить пожар в Уайтфилд-холле.

Затем была еще Пенни Мрак, чьи котята каким-то образом заровали всех. Действовала ли Пенни откровенно? Была ли у нее какая-то определенная причина доставать нас всех? Было ли то, что она рассказала Дину, хотя бы частично правдой?

Ее появление, несомненно, взвуждило банду Зеленых Штапнов. Моя парадная дверь служила тому доказательством.

А человеческие самовоспламенения? У меня не было ничего, кроме догадок.

И вот теперь возник новый вопрос: как во все это вписывалась семья Терсайзов? Вряд ли складирование краденого добра и размещение иногородних религиозных гангстеров происходило без их ведома. Черт побери, да они использовали А-Лафовых зеленоштанников-пономарей в качестве своих охранников!

И еще — почему в меня швырнули этот камень? Я никак не мог взять это в толк. Ведь его темные свойства делали его ценнее всяких бриллиантов!

Забрали ли полковник Блок и директор Релвей камни у тех йим-берцев, которых они арестовали? И догадались ли, что они держат в руках?

Мне было над чем подумать.

Глава 60

В лагерь вбежал высокий и худой человек с копной спутанных седых волос и возбужденным лицом. Он двигался довольно быстро для своего возраста, хотя и чувствовалась большая скованность в бедрах. Он подошел прямо к костру. Я не мог слышать, что он говорит, но это должно было касаться налета, устроенного крысиным народом. Все, кроме Темиска и его приятеля, потянулись к выходу, вооружаясь на ходу.

— Время показываться, — шепнул я. Морли кивнул.

Теперь я больше не крался. Я подошел к лестнице и не спеша спустился. Эти двое вряд ли стали бы убегать.

Спускаясь, я заметил спрятанную в темном углу карету — без сомнения, это был тот самый транспорт, с помощью которого Чодо был похищен из Уайтфилд-холла. При ней никого не было.

Мое приближение испугало Темиска. Впрочем, он быстро пришел в себя.

— Как вы нас нашли?

— Это моя работа.

Чодо, как я заметил, выглядел полностью бодрым и жизнеспособным.

— Эта суматоха снаружи — отвлекающий маневр?

— Нет. Но я воспользовался удобным случаем.

— Значит, вы все-таки нас нашли... И что теперь?

— Теперь вы объясните мне, что происходит.

Темиск задумался над этим предложением. Внезапно он наклонился вбок и вперился во что-то за моим плечом, широко раскрыв глаза от ужаса.

К нам присоединилось несколько дюжих крыс. Они уселись на задние лапки, как белки, и принялись внимательно рассматривать адвоката. Тот раскрыл рот. Прибыло еще несколько штук. Задыхающимся голосом Темиск проговорил:

— Вы... вы имеете власть над крысами?

— У нас рабочее соглашение.

Темиск содрогнулся. Затем взвизгнул и замахнулся на здоровенного самца, который начал взбираться на колени к Чодо.

— Не делайте этого. Их здесь больше, чем вас.

Откуда Джон Пружина узнал, что у Темиска проблемы с грызунами?

— Там были крысы — в кухне, в Уайтфилд-холле! Это они сказали вам, как нас найти!

— Крысы бегают везде. Все видят, все слышат...

Темиска уже была крупная дрожь, но его мозги еще не окончательно отключились.

— Это ваша крысиная девица свела вас с ними, так ведь?

— Говорите о том, что вы тут затеяли, солиситор, а не о крысах.

О крысах я и сам знаю все, что мне нужно знать.

Лошадей при карете не было. Я не дам Чодо и Темиску выско-
зить у меня между пальцев.

— Я недоволен вами, — сказал я.

— Я просто хотел убрать Чодо подальше от этих людей. Этого вам достаточно?

— Вы пытались убить людей — много людей. Включая меня. Умышленно. При помощи огня. Однако никто из нас не умер.

Темиск изобразил на лице смятение.

— Вы пытались обвести меня вокруг пальца, Темиск. Но ваш план рассыпался — еще до того, как успел собраться воедино. То же относится к вашим друзьям из Йимбера.

Краем глаза я поглядывал на Чодо. Он казался глубоко заинте-
ресованным.

Я махнул рукой. Рядом материализовались Морли и Плоскомор-
дый. У Синдж ушло больше времени — она взбирается вверх по

лестницам быстрее, чем спускается по ним. Джон Пружина оставался за сценой.

Я сказал:

— Нам нужно вытащить этих двоих наружу прежде, чем их головорезы вернутся. Синдж, ты помнишь тот мерзкий камень?

— Да.

— Понюхай тут вокруг, посмотри, не найдешь ли ты еще один. Или еще что-нибудь интересное. Морли, выгляни в ту дверь на улицу, проверь, не будет ли у нас свидетелей.

— Ты ведь не хочешь просто так взять и вывести их отсюда, правда?

Именно этого я и хотел. Но увидел проблему еще прежде, чем он указал на нее:

— Ты что, действительно считаешь, что тебе удастся прокатить Чодо у всех на виду и никто ничего не заметит?

— Позволь-ка подумать...

Морли доложил:

— Тем путем лучше неходить. На улице толпа, они растаскивают добро, которое не успел прихватить крысиный народ, прежде чем смыться.

— Тогда вернемся тем же путем, которым пришли. Мы с Плоскомордым по очереди понесем Чодо. — (На лице Тарпа проявилось выражение страдальческого недоверия.) — А вы с Темиском потащите кресло. Синдж, ты нашла что-нибудь?

— Я только начала. Советую вам кончать разговоры и начинать действовать.

Теперь Темиск был в ужасе. Он имел представление о том, что сулит ему будущее, и ему туда не хотелось. Чодо тоже не изъявлял восторга.

Плоскомордый взвалил на себя Чодо, словно тот ничего не весил. Впрочем, от того действительно оставалось не так много, как было когда-то. Я приказал Темиску:

— Хватай кресло и лезь наверх, солиситор. — Я уже слышал приближающиеся голоса. — Синдж, тебе надо поспешить.

Она опередила меня на пути к сеновалу.

— Я пойду впереди, — бросила она.

Джон Пружина ничем не выдавал свое присутствие. Но он, конечно, наблюдал за нами.

Глава 61

Морли откололся от нас возле «Пальм» — ему надо было пристряться к вечернему открытию.

Я втиснулся в позаимствованную нами крытую козлиную повозку вместе с Чодо и его инвалидным креслом. Плоскомордый и Жнец Темиск выполняли роль гужевых мощностей. Возобновившаяся слабость одолела меня вскоре после того, как мы, никем не замеченные, выбралися из зернохранилища Терсайза, за углом которого разгоралась битва между Зелеными Штанами и неудачливыми грабителями.

Итак, теперь перед моим домом появится еще одна краденая повозка.

Синдж поспешила вперед, чтобы предупредить Покойника. Исчезая в туманной дали, она не переставала сетовать на свой озябший и промокший хвост.

Время от времени я начинаю подозревать Плоскомордого в том, что он не настолько туп, как прикидывается. Моя дремота оборвалась, когда он внезапно подал повозку назад — бам! — впилив ее в угол дома. Передок повозки медленно поднялся, подвергая меня возрастающему риску быть вывернутым в ледяную кашу в устье какого-то темного вонючего переулка.

Чей-то голос произнес:

— Может, ты лучше снова возьмешься за свою повозку, Тарп? А то она тебя стукнет!

Я так и не узнал говорившего. Тарп сам уведомил меня об этом:

— Ты шутишь, Рыба? У меня работа, и я не собираюсь позвольять тебе сделать из нее черт знает что!

Рыба? Так это, должно быть, Рыба Карп — один из менее неприятных сообщников Рори Скалдита. Он просто менеджер и не представляет серьезной физической угрозы.

— Пленти, хватай Темиска! Бобо, Бретт — позабочьтесь о Тарпе, если он вдумает вмешиваться. И посмотрите, что там в повозке. Чодо Контагю собственной персоной, могу поручиться! Потому что где же еще ему быть, как не со своим приятелем-адвокатом? Рори хочет поговорить с тобой, Темиск. Черт побери, Тарп... — Посыпался глухой удар. — Пр-роклятье!

Жнец Темиск взвигнул. Очевидно, Плоскомордый хорошенъко приложил Пленти Харта.

Голос Плоскомордого произнес:

— Только попробуй сбежать, адвокат, и ты будешь жалеть, что не умер сразу.

Я тем временем просочился с задней стороны повозки, пересчитал руки-ноги, чтобы удостовериться, что ничего не забыл внутри, потом вытащил свою дубинку и кастеты.

До меня доносились уханье и тяжелые удары — Тарп обменивался любовными похлопываниями с пехотой Рори Скалдита. Неподалеку слышались возбужденные голоса людей, собравшихся поглазеть на зрелище. Кавалерия еще не прибыла.

Я оденил ситуацию с позиции на уровне земли. Плоскомордый вступил в бой сбоку от повозки, упершись в стену. Так что, хотя он и оказался загнан в угол, никто не мог зайти ему в тыл. К тому же и мне оставалось место, где развернуться.

Втянув в себя бушель воздуха, я прыгнул в гущу схватки. Я врезал удивленному Рыбе Карпу промеж глаз, отвесил Жнецу хороший шлепок, который послал его в нокдаун, лишив решимости сделать ноги, затем еще раз хлопнул Рыбу, чтобы он не вмешивался.

После этого я приблизился сзади к Тарповым партнёрам по танцу.

— Разрешите поучаствовать?

Бобо Негри не представлял из себя проблемы. Плоскомордый держал его левой рукой, используя как костьль. Один удар кастетом по затылку вырубил мордоворота.

Оставался Бретт Батт. Над одним глазом брата Батта набухала большая гуля, кровь сочилась из носа и разбитых губ. При этом он вовсю наслаждался жизнью, выбивая пыль из Плоскомордого. Тарп был обречен проиграть этот раунд — он был слишком измотан, чтобы продержаться долго.

Мой первый могучий удар прошел мимо Бретта. Второй пришелся по касательной и разве что только привлек его внимание. Во мне и самом оставалось не много пороху.

Бретт, не глядя, отмахнулся назад, сбил меня с ног и продолжал мочалить Плоскомордого.

Я вложил все оставшиеся силы в удар, нацеленный в правую Баттову коленку.

Удачно! Бретт взревел. Его нога подогнулась. Тем временем Плоскомордый припечатал его круговым движением ноги, которое он придерживал до подходящего момента, завершив его на левом виске Батта.

Еще два пинка и несколько поцелуев от моей дубинки — и второй мордоворот отправился банинки. Наконец-то. В ближайшие несколько дней его будут ждать ушибы, боли, кровоподтеки, головная боль и сильная хромота.

Я снова почувствовал под собой ноги.

— Надо убираться отсюда.

Я проверил, как там остальные. У Рыбы Карпа оказался крепкий череп. Он был уже в сотне футов дальше по улице и набирал екорость, хотя и был неспособен удерживать прямой курс. Жнец Темиск тоже был расположен дать деру, но мир вертелся вокруг него с такой быстротой, что он не мог устоять на ногах. Я пихнул его в повозку к Чодо.

— Ты как, дружище? — спросил я Тарпа. — Вид у тебя дерьмовый.

— Закрой рот, и давай двигать к тебе домой.

— Но...

— Он попал мне по яйцам, все ясно? Пошли! Нам пора сматывать.

Он был прав. Слухи уже распространялись. Свистков я не слышал, но Стражи, скорее всего, была на подходе. Лучше, чтобы они не нашли ничего, кроме измочаленных Скалдитовых приспешников. И лучше надеяться, что ни один из зевак не окажется настолько законопослушным, чтобы отправиться за нами следом.

Мы столкнулись с Синдж возле Дороги Чародея — она шла нам навстречу, зажав хвост в лапе, в квартале от того места, где Покойник

уже был способен предоставить нам некоторую защиту. Ее сопровождал рой дрожащих от холода пикси. Мы с Плоскомордым шли, поддерживая друг друга и одновременно следя, чтобы Жнец не сбежал (а он пытался).

— Что случилось? — спросила Синдж. Мелонди Кадар пряталась за ее спиной, стараясь держаться поближе, чтобы хоть немного согреться.

— Наткнулись на плохих парней. Его Сиятельство готовы принять нас?

— Да, но...

Говорить было больно. И все же:

— Нам надо спешить. А потом надо будет избавиться от этой повозки — и побыстрее. Ее будут искать.

— Тогда вези ее, если это так срочно. Мистер Тарп сможет где-нибудь...

— Кажется, снова собирается снег...

Мы двинулись дальше.

— Что? Черт побери, что это значит, Гаррет? — просипел Плоскомордый Тарп

— Это значит, что тебе надо остыть и...

— Берегись!

Беречься следовало Учителя Уайта, который выскочил из засады с дикими глазами и еще более дико торчащими волосами, явно не замечая моросящего дождя. Он выглядел так, словно уже давно жил на улице. Однако при нем имелся полностью заряженный, взвешенный и снятый с предохранителя трофеинный арбалет. С моей стороны, из-под горы, он выглядел огромным. Позади сверкала дикая ухмылка, полная плохих зубов и окаймленная простирающей щетиной.

— Сволочь! Ты сломал мне жизнь! Но теперь-то я до тебя добрался, сукин ты сын!

Человек не должен возбуждаться настолько, чтобы забывать, что он хотел сделать. Я это хорошо знаю. Я сам всегда слишком долго думаю.

Я продолжал идти, не сбиваясь с шага. Учитель водил арбалетом, держа меня на мушке. И тут ему в лицо кинулась Мелонди Кадар и колынула его своим клинком в кончик носа. Уайт скосил глаза. Соратники Мелонди жужжали ему в уши.

Учитель отпустил арбалет левой рукой и поднял ее к носу. Я направил длинный удар в тыльную сторону его ладони. Учитель взвыл. Слезы ослепили его.

Он выронил арбалет, и тот выстрелил. Стрела с гудением унеслась вдаль, рикошетом отскакивая от кирпичных стен. Я сказал:

— Ступай домой, Учитель. А еще лучше — отправляйся куданибудь, где Рори не станет тебя искать. Залегай на дно и лежи там тихо. Скалдиты теперь не продержатся и неделю.

— Ты сломал мне нос!

Хороший тычок в соплодержатель имеет свойство прочищать находящиеся позади него мозги.

— Верно. И если ты не хочешь, чтобы он стал еще безобразнее, лучше исчезни.

Ярость и обида не покинули Учителя, но храбрость испарилась без следа. Он похромал прочь, держась за нос и злобно сверкая глазами.

Плоскомордый не сказал ни слова и ничего не сделал. Он лишь ответил Учителю не менее злобным взглядом. У него было не лучшее настроение. Он охотно пустил бы кому-нибудь кровь — если бы у него оставались силы на что-либо еще, кроме как ставить одну ногу перед другой.

Учитель шел не останавливаясь. Мелонди и ее друзья жужжали за его спиной, подгоняя его. Синдж подобрала арбалет.

— Черт! Тяжелая штука!

— Кинь его в повозку. Ношение арбалетов запрещено, а мы не хотим привлекать к себе излишнего внимания.

Какое-то предчувствие охватило меня, когда мы подошли к дому. Но я не заметил ни одного явного наблюдателя.

Глава 62

В восторге Покойника было что-то почти злорадное. Он все не мог поверить, что я сумел добиться настолько полного успеха. Но, ребята, и здоров же он был преувеличивать!

Мы с Синдж переправили наших пленников, наш груз и Тарпа внутрь дома так быстро, как только смогли. Дин даже слегка помог нам. Когда мы закончили, он ухватил повозку за дышло и покатил ее вниз под гору. Я в немом изумлении уставился ему вслед.

«Это я послал его. Он не был занят ничем полезным. Зайди в дом, пожалуйста».

Ой-ой-ой. Он говорит вежливо! Это никогда не означало ничего хорошего.

«Тебе придется иметь дело со Стражей, если ты немедленно не прекратишь валять дурака».

Вот это уже было серьезное нетерпение.

И не без причины. Нас собирались посетить капитан Рейми Лист со своими верными спутниками. Оба младших чина были теперь в новеньких, полностью комплектныхiformах.

Я вошел внутрь и закрыл дверь.

«Назревает что-то большое, — предупредил меня Мешок с kostями. — Капитан Лист сейчас единственный человек в Страже, кого они могут позволить себе послать заниматься слежкой».

— У них будет большой танец с Организацией. Думаю даже, что он уже начался. Из-за того материала, который мы им предоставили. — (А ведь мне еще предстояло снять копию для Белинды. До сих пор я был либо слишком болен, либо слишком занят, чтобы понять, как это сделать.) — Ты вытащил что-нибудь полезное из наших гостей?

«Вне всяких сомнений. Теперь я понимаю очень многое. Происходящие события увязываются вместе через вовлеченных в них людей. Каждый из которых тянет при этом в свою сторону. Но однако я вижу, что остаточная слабость уже готова довести тебя до обморока. Ложись, вздремни».

— Я еще могу какое-то время продержаться. С твоей помощью. «У меня нет для тебя свободного внимания. Мистеру Тарпу нанесены серьезные повреждения, а мы в ближайшее время не будем способны пригласить к себе врача втайне от Стражи».

Я оставил поле боя за ним. Толстозадого невозможно победить в споре. Кроме того, я действительно почти падал от истощения.

Тем временем капитан Лист забарабанил во входную дверь, крича какую-то чушь на потеху соседям. Однако самые отчаянные его усилия были смехотворно немощными по сравнению с тем, что творили ребята в зеленых штанах.

— Пожалуй, я припаркуюсь у себя в кресле. Тебе необходимо узнать, что я выяснил у Бай Клакстон. Покопайся там, когда у тебя будет время.

Отплывая в волнах дремоты, я смутно слышал, как стонет Плоскомордый.

Покойник не мог одновременно читать мой мозг и контролировать страдания Тарпа — он и без того уже использовал всю свою мыслительную мощь, чтобы сдерживать йимберцев и капитана Листа. Врожденные качества Листа вполне могли подтолкнуть его к попытке завоевать себе славу.

Я заснул.

Глава 63

Я проснулся. В воздухе что-то витало. Кухонные запахи. А также девичье благоухание, предполагавшее наличие кое-чего поаппетитнее.

Кое-что поаппетитнее явилось, держа в руках исходящий паром поднос.

Капитан Лист, судя по всему, убрался восьсяи.

«К капитану Листу прибыл посыльный из Конфиденциальной Комиссии. Его вызвали для секретного поручения, к которому могли иметь доступ только самые высокопоставленные чины Стражи. Директор Релвей и полковник Блок не подходили, поскольку были связаны обязательствами, с которыми не могли не считаться. Однако было крайне критично, чтобы поручение было выполнено немедленно».

Я рассмеялся.

— И он, конечно, заглотил наживку. Вместе с крючком, леской и удочкой!

«Именно так».

— Мне это нравится! — Я внезапно почувствовал себя хорошо, несмотря на свежую коллекцию синяков. — У меня такое предчувствие, что все это закончится очень затруднительной ситуацией для Рейми Листа.

«Такая возможность действительно пузырилась на краю сознания мистера Косса».

Поприветствовав Тинни клевком в щеку и нескромным взглядом на фут ниже, я приготовился наброситься на не менее восхитительный омлет.

— А я-то думал, что ты подцепила то же, что было со мной, дорогая.

— Немножко. Но в основном я была просто утомлена.

«Но я считаю более вероятным, что капитану Листу суждено пасть смертью храбрых».

— В самом деле? Неужели они так его ненавидят?

«Мистер Косс пришел по поручению директора Релвея, а не полковника Блока. А мистер Релвей, как ты, возможно, заметил, предпочитает простые и прямолинейные способы решать проблемы с личным составом. На этот раз потому, что видит здесь удобный случай покончить с угрозой Страже».

— Морли и Релвею следовало бы стать друзьями. У них много общего.

«Один прикончил бы другого в течение нескольких часов. Люди с таким характером не очень хорошо переносят себя в других».

Он был прав, разумеется.

— Итак, что же мы знаем такого, чего не знали вчера?

Я с каменным лицом взглянул на Жнеца Тэмиска — он по-прежнему был в ужасе. Чудо, судя по всему, дремал. Даже парням в инвалидных креслах иногда нужно спать.

«Мы знаем, что привлекло йимберцев в Танфер — больница для бедных. Бледсо — настоящая залежь отчаяния, а никелевые идолы аккумулируют его. Идолы, которых они замуровали в стены Бледсо, магически связаны со своими меньшего размера собратьями, находящимися в штаб-квартире служителей А-Лафа — а ею все это время было то самое место, где ты нашел мистера Тэмиска и мистера Контагю. Наши религиозные фанатики планировали разместить заряженных идолов в тех районах, которые намеревались обратить в свою веру. Ты нашел один из таких меньших экземпляров на нашем госте, дьяконе. Замысел состоял в том, чтобы распространять вокруг подавляющее отчаяние, которое служители А-Лафа затем будут рассеивать в своих храмах».

— Понимаю... А храмы, разумеется, не станут располагать в таких местах, где не найдется достаточного количества прихожан с кучей денег в кармане.

«Ты поистине наделен могучим и дурнопахнущим циническим даром».

— Я прав или нет?

«Возможно, и даже более возможно, чем ты думаешь. Когда культа А-Лафа попал в руки фундаменталистов — при помощи мистера Контагю, не будем забывать об этом, — те, кто проводил данную операцию, следовали отнюдь не только духовному порыву. Мистер Контагю проделал большую работу, приобретая себе союзников в их среде. И однако, они не стали объединять силы с мистером Контагю — хотя, как мы теперь знаем, и помогли ему построить карьеру, устранивая для него человеческие препятствия. В конце концов шимберская сторона перестала вспоминать о своей связи с криминальным миром Танфера, разве что на самом скромном уровне».

— До тех пор пока они не пришли в город, да?

Мне на колени вспрыгнул котенок. Он положил лапки на столик рядом с моим подносом и принялся принюхиваться. Его нос все ближе подвигался к моей тарелке. Он даже ни разу не оглянулся, чтобы хотя бы сделать вид, что просит разрешения. Весь его вид говорил: «Я кот. Кот правит всем. Все остальное существует лишь в придачу к коту».

Между тем маленький тиран не прибавил ни унции со времени своего прибытия в мой дом.

«Котята уже поняли, что страшные люди не причинят им вреда. По крайней мере, в настоящий момент. Они неисправимые оптимисты и не могут долго пребывать в страхе. Оптимизм А-Лат — главная причина, сыгравшая роль в ее конфликте с А-Лафом. Это может показаться необычным, ведь А-Лат все-таки Королева Ночи; но это не делает ее темной богиней со всеми прилагающимися аспектами. Ее главная черта — это женственность... Ну как бы там ни было, это не наша забота. Мы должны сосредоточиться на тех проблемах, которые в настоящий момент попали в наши сети».

— Пошел прочь, — сказал я, отпихивая котенка от тарелки. Он не обратил внимания. Он просто невозмутимо вернулся обратно и снова сунул нос в посуду.

«Несколько недель назад мистер Тэмиск узнал о прибытии представителей культа А-Лафа. Те, разумеется, пребывали в неведении относительно статуса мистера Контагю. Зная, что

баланс обязательств склоняется в пользу мистера Контагю. мистер Темиск связался с йимберцами. Он напомнил им об их долге, как сделал это с тобой. Йимберцы знали его как представителя мистера Контагю — так что он продолжал выступать в этой роли».

— Каким образом он убил всех этих людей? И зачем?

«Ага. Здесь-то все и становится запутанным».

— Вот-вот. Как раз те самые слова, которые всегда слышишь, когда кто-то готовится начать кого-то оправдывать.

Я, впрочем, не мог себе представить, чтобы он стал делать это для кого-либо, кроме самого себя.

«Не смешно».

— Ладно, забудем об этом. — Я щелкнул котенка по носу.

— Не смей делать этого! — рявкнула на меня Тинни. Она вошла, чтобы посмотреть, допил ли я чай. В ее руках был поднос — очевидно, я собирался кормить своих гостей завтраком (за свой счет, разумеется).

— Мы должны придумать способ сделать на этом деньги, Костлявый. Я кормлю полгорода.

«Выгода нам обеспечена. Хотя, возможно, она будет выражена не в наличных».

— Только никаких цыплят! Никакого плесневелого хлеба! Никаких протухших сосисок и кислого пива! Я больше не принимаю оплату такого рода. — Поднося чашку к губам, я заметил поблескивание в глазах Чодо. Он пробудился. — Итак, на чем мы остановились?

«Я как раз собирался сообщить тебе, что обстоятельства, окружавшие смерть обгоревших людей, более запутаны, чем это может показаться. Мистер Темиск, несомненно, виновен. Но вначале он не имел представления о том, что он виновен. Однако и после того, как он понял, что имеется связь между пожарами и его визитами к мистеру Контагю, он продолжал по собственной воле посыпать таких личностей, как мистер Билли Мул Тима, навстречу их смерти».

У меня были собственные подозрения по поводу Темиска, но я не имел достаточно информации, чтобы обосновать их. Возможно, если бы я не был болен все это время...

«Мы не смогли бы обнаружить правду, не приведя сюда мистера Темиска. У нас нет никаких доказательств, кроме тех, что скрываются в глубине его мозга. Он был достаточно умен, чтобы не оставлять следов. Мисс Торнада занимается делом мистера Темиска уже много дней — и до сих пор не смогла обнаружить даже косвенных улик. Единственным его слабым звеном была миссис Клакстон, и ей не предоставилось удобной возможности укрепить его. Он чувствовал, что не отважится оставить мистера Контагю наедине с йимберцами».

— Он же адвокат. Они все прирожденные преступники.

Покойник не поддержал шутку. Возможно, он сам был адвокатом в каком-нибудь другом времени и месте.

— Итак, за самовозгораниями стоял братец Темиск? И он делал это для своего приятеля?

«По существу, да. Но история на этом не кончается. Мистер Темиск, несмотря на то что он утверждает обратное, имеет прочные связи внутри поместья мистера Контагю. То же, скорее всего, относится и к мистеру Скалдиту. Мистер Темиск подозревает, что мистер Рори Скалдит знал истину, — но выжидал, пока ему представится возможность извлечь наибольшую выгоду из этой информации».

— Как я догадываюсь, Чодо накачивали медицинскими препаратами. Систематически и на протяжении долгого времени. Думаю, что если бы не это, к настоящему времени он уже пришел бы в себя.

«Верно. Его действительно регулярно накачивали наркотиками. Но он не стоял бы сейчас у руля, если бы не это».

Я хмыкнул. Тинни стояла ко мне спиной, склонившись над предметом нашего разговора, с ложкой в руке. В результате я никак не мог сосредоточиться...

В моей голове прозвучал смешок.

«Внутреннее пространство мистера Контагю в ужасном расстройстве. Он безумен в весьма серьезном и зловещем смысле. В конечном счете он более всех виновен в этих человеческих самовоспламенениях».

— Ты можешь сказать, к чему ты клонишь?

«Нет». — Снова всплеск веселья.

Я сумел отвлечь свое внимание от мисс Тейт лишь на то время, пока оттаскивал котенка от своей тарелки. В комнате их было уже несколько штук; они расселились по всем присутствующим. Включая страшных дядек. Один даже взгромоздился на плечо Йимберского дьякона и сидел там, вылизывая лапку. Дьякон знал об этом. Он был близок к апоплексическому удару.

Покойник заметил предмет моего интереса и развеселился вновь.

«Это должно сломать последние барьеры в его мозгу. Если его сердце не сдастся первым».

— Так что насчет самовозгораний, коллега?

«Шпионы мистера Темиска в поместье Контагю доложили ему о том, что мисс Контагю, возможно, травит отца».

— Возможно?

«Здесь есть некоторая неуверенность. Виновником может оказаться кто-то другой».

— А разве Чодо не знает?

«Его же накачивали наркотиками».

— Ба!

«Подожди! Здесь сыграло роль безумие, как я уже сказал. Глубокое и темное безумие. Усугубленное наркотиком. Агенты мистера Темиска опознали снадобье. Мистер Темиск начал поиск противоядия».

— И он его нашел. И оно имело какое-то отношение к воспламеняющимся людям.

Я делал интуитивные скачки вправо и влево. Может быть, лихорадка сделала меня экстрасенсом?

«Да. Но не торопись. Агенты мистера Темиска уведомили его, что мисс Контагю наезжает в город раз или два в месяц, а в критические моменты и чаще. Ее отец сопровождал ее. Всегда. Она не могла доверить попечение о нем никому в доме».

— Очевидно, у нее были на то причины.

«Очевидно. Итак, приезжая в город, мисс Контагю прятала своего отца в доме, которым владела ее семья, в северной части города, на границе с Кварталом Эльфов. Мистеру Темиску было известно это здание, поскольку он сам оформлял его приобретение и вел касающиеся его дела. Именно оттуда мистер Контагю

начинал когда-то свой бизнес. Выяснив распорядок действий мисс Контагью, мистер Темиск принял за дело. Чтобы скрыть свое участие, он нанимал алкоголиков, чтобы они проникали в дом и давали человеку в инвалидном кресле противоядие. Эти люди получали четверть платы вперед, а оставшееся — после выполнения задания».

Это казалось рискованным: пьяный мог начать хвастаться сорванным кушем.

— Но попав туда, пьяница превращался в человеческий факел. Так?

«В первые несколько раз — нет. До тех пор, пока мистер Контагью не начал понемногу избавляться от действия отравы. Но после того как он стал способен понять свое положение, гнев на свою беспомощность породил в нем безумие».

— То есть Темиск, пытаясь помочь Чодо, превратил его в серийного убийцу-пиromана?

«По существу, да».

— С ума сойти! Каким образом?

«Противоядие, о котором идет речь, — это истолченная форма того камня, что был брошен в тебя возле заведения мистера Дотса...»

— Того, что вызывает пожар!

Глава 64

Жнец выдавал своим наемникам камень, растолченный в зерна, поскольку его невозможно было размолоть в порошок. Он доставал его у жрецов А-Лафа по невероятно высокой цене. После того как был разграблен храм А-Лат, жрецы А-Лафа завладели целой сокровищницей, полной таких камней. Многие из них пошли по рукам прежде, чем были учтены. А-Лафова паства была не настолько чиста в своих помыслах, как этого хотелось бы ее начальникам.

Биттегурн Бриттигарн не ошибался, когда связывал камни с птицей Рух. Покойник сказал, что они образуются во втором желудке этих птиц. Легенда о фениксе появилась из-за того, что птенцы Рух, подобно человеческим детенышам, готовы проглотить все что угодно — отчего камни порой воспламеняются. Птенца охватывает огонь, в то время как его собратья по гнезду катапультируются, создавая у возможного удаленного наблюдателя впечатление, что на его глазах происходит возрождение из пламени.

Эти камни бесценны из-за того, что они могут разжигать огонь. Где угодно, в любое время, почти на любом материале — даже на расстоянии, если знать, как возбудить процесс. С помощью колдовства. Или «ментального подталкивания», используя термин Покойника.

Чодо открыл, что может воспламенять крошки огненного камня, оставшиеся на руках и одежде Темисковых алкашей. Но он не являлся носителем суицидальной формы безумия и поэтому уничтожал их лишь после того, как они покидали место, где его прятали.

Преступление Жнеца Темиска состояло в том, что он продолжал нанимать людей, которыми можно было пожертвовать, даже после того как Чодо начал убивать их.

— Но он действительно пытался сжечь Уайтфилд-холл вместе со всеми, кто там находился?

«Да. Путем добавления снадобья в ламповое масло. Миссис Клакстон была избрана не случайно. Она получила от него булавку, потому что видела мистера Темиска за работой. Однако булавка воспламенилась гораздо раньше того времени, на которое рассчитывал мистер Темиск. Мистер Контагю был в ярости. Лишь по чистой случайности приправленные снадобьем лампы оказались в то время вне его досягаемости».

— Значит, загадка человеческих самовоспламенений разрешена?

«Более или менее. Существует несколько инцидентов, которые невозможно проследить до мистера Контагю и мистера Темиска, — однако они нас не интересуют».

— Но у меня скопилось еще множество вопросов, Хохотунчик. Кто кинул в меня камень? И зачем? Как случилось, что дверь Морли так долго не загоралась? А что насчет Рори Скалдита? И Белинды? А эти чертовы котята и Пенни Мрак? И что нам теперь делать с Темиском и Чодо?

Я был в долгу у Чодо, и я должен был аннулировать этот долг. Что окунало меня в кипящий котел нравственной дилеммы.

Покойник вырубил йимберского дьякона — тем самым освободив достаточно ментальной энергии, чтобы показать мне тот кошмар, что гнездился в голове Чодо. Кошмар был хуже, чем бред клаустрофоба, заколоченного в гроб и при этом неспособного умереть на протяжении вечности. Это был только беглый взгляд: украдкой, в щелочку, из вторых рук; но мне открылся кишащий черный ад, в котором обитал гений. Абсолютное безобразие, сдерживаемое лишь самыми примитивными, эгоистическими чувствами.

Безумец был заключен в клетку того зелья, которым его опоили. И несмотря на то что именно клетка и создала безумца, теперь он принадлежал ей.

Однако котятам он, по-видимому, нравился.

— Что же теперь делать, Костяная Нога? Мы не можем оставить все это как есть.

«Тебе следует побеспокоиться о другом. Сосредоточь внимание на мистере Тэмиске, чье собственное безумие набирает обороты. Его самоосознание меркнет. Его больше не заботит, какие силы он выпускает на свободу, — хотя он и понимает, что сам может стать их следующей жертвой».

— Значит, он тоже вроде меня — должник старого доброго Чодо. Он тоже хочет верить, что это все тот же старый Чодо, который теперь просто не может ходить и разговаривать.

«Говорю тебе, подумай о чем-нибудь другом».

Ладно. Я стал смотреть, как Тинни кормит йимберцев. Красавица и чудовища.

В дверь заглянула Синдж.

— У нас есть какой-нибудь план насчет того, что делать с людьми перед входом?

— А кто там?

В дверь колотили, с эпизодическими перерывами, уже несколько часов. Покойник не проявлял интереса, и я следовал его примеру.

— Тот человек, Лист.

— Как, он еще жив?

— Должно быть, ему несказанно повезло.

— А дверь как, держится?

— Честь мистера Малклара вне опасности.

— Есть идея, чего ему надо?

— Возможно, кто-нибудь видел, как мы заносили внутрь этих двоих, и опознал их.

Я так не думал. Если бы это было так, нас посетил бы кто-нибудь поважнее капитана Рейми Листа.

— Эй, Хохотунчик! Мы уже закончили с этим мордоворотом? Как насчет того, чтобы я вышвырнул его за борт, как мы сделали с Милягой и его командой?

Покойник не отвечал. На одно паническое мгновение я решил, что он опять заснул. Но он просто был слишком занят, чтобы отвлекаться.

Шум у входной двери затих — Рейми Лист снова удалился. Я решил, что могу позволить себе еще немного поспать. С трудом втащив свое опустошенное болезнью тело на второй этаж, я вывалил его на кровать.

Глава 65

Когда я проснулся, Тинни находилась рядом — но она была не в игривом настроении. Во время завтрака мне удавалось избегать раздражающих ее вопросов. Потом я неосторожно спросил ее, какая на улице погода.

— Откуда мне знать? Это ведь ты был там. Думаешь, меня могло внезапно понести наружу?

Я вздохнул.

Синдж ругалась. Дин ругался. Пьяная Мелонди Кадар ругалась, как целый взвод морской пехоты, — с трудом выговаривая слова. Она была в кухне и сосала спиртное, когда мы притащили Чодо и Жнеца. Надо все-таки посадить ее в клетку. Эти котята не могут вечно игнорировать собственную природу.

— Итак, погода не стала лучше?

Тинни принялась ворчать и брюзжать, словно это была моя вина, что она не могла добраться до дома и пойти на работу. Будучи разумным, здравомыслящим человеком, я заметил:

— Если не можешь пойти на работу ты, то не может и никто другой. Так что нет никаких причин так туда рваться.

— Какое же ты все-таки дермо... — И так далее, и тому подобное.

Как человек терпеливый, я ждал, пока черный чай окажет свое действие.

«Гаррет!»

Я вскочил и ринулся бежать: от мысленного вызова Покойника разило откровенным ужасом.

— Какого черта?

«Не разговаривай. Больше ни единого слова».

Я быстро учусь. Я тут же заткнул варежку — по-видимому, это имело огромную важность.

«Мы на грани массового кровопролития».

Я так хорошо усвоил урок, что просто стоял и ждал, не говоря ничего.

«Ты должен очень осторожно, так чтобы тебя не увидели мистер Контагю или мистер Тэмиск, взять эти огненные камни и вынести их из дома. Полагаю, ты можешь понять причину. — И, несколькими секундами позже, добавил: — Мы должны были раньше увидеть опасность. По крайней мере, я должен был увидеть».

Кто-нибудь, конечно, должен был — это было прямо перед нашим носом! Конец для всех нас. Может быть, боги действительно любят дураков, пьяниц и свою любимую игрушку. А может быть, они просто запланировали что-нибудь еще более мерзкое на потом.

На этот раз я так торопился, что забыл перед выходом выглянуть в дверной глазок. Открыв дверь, я тут же был оглушен и ослеплен безумием крутящегося снега.

— Мне было шесть лет, когда я в последний раз видел такое, — сказал я Синдж.

Поверх старой раскисшей хляби лежал уже целый фут, и с неба валило еще и еще. Это были не хлопья, а настоящие глыбы; было странно, что от падения каждой снежинки не содрогается земля. Той стороны улицы не было видно вовсе. То есть наблюдатель оттуда не мог увидеть, как я выскальзываю наружу.

Я побрел на конюшню к Плеймету. Это заняло у меня час. Я не был в хорошей форме, когда добрался туда, — я чувствовал, что пройдет еще немало времени, прежде чем ко мне вернется моя былая энергия. И мне не нравился этот новый слабенький я — пусть даже это и было временно.

Требовалось срочно принять меры по восстановлению сил. Сразу же после того... после того, что мне будет нужно сделать в первую очередь.

Я был готов выругать свою медлительность самыми черными словами, если бы она только оказалась где-нибудь поблизости.

* * *

— Итак, что это я такое слышал насчет того, что ты собираешься помереть? — спросил Плеймет.

— Все было не так уж плохо...

Я кратко изложил ему все, что произошло.

— Тебе невероятно повезло: Покойник проснулся вовремя, а Тинни согласилась забыть о своих претензиях.

С этим было трудно спорить. Я поведал Плеймету наши текущие соображения.

— И вот теперь мне надо придумать, что делать с этими огненными камнями, — заключил я.

— Ты принес их с собой? — при этой мысли он занервничал.

— Сами по себе они не взорвутся. Чтобы активировать их, требуется психическое воздействие.

— Расскажи мне о них.

Я рассказал. Это не заняло много времени.

— Жаль, что я не могу поэкспериментировать с ними. Но поскольку это невозможно, давай положим их в железную коробку, выложенную свинцом, и зароем под полом конюшни. Если они сработают и проплавят коробку, то просто уйдут в землю, и больше ничего.

— Гениально.

Я вытащил камни. Кроме того, я принес с собой маленькую коробочку, которую мы отобрали у дьякона.

— Положи это туда же. Нет! Не открывай ее. — Я объяснил про никелевых идолов. — Когда они заряжены, они обращаются в абсолютное, концентрированное отчаяние. Стоит оказаться рядом, когда они не закрыты, и ты услышишь голоса духов, которые будут призывать тебя покончить самоубийством.

А может быть, вдобавок ты еще и заболеешь... Что за великолепное оружие для какого-нибудь грязного политикана!

Плеймет немного поразмыслил и спросил меня:

— Говоришь, ты был внутри Бледсо?

— Мне нужно было навестить женщину, которую пытался убить Темиск, ничего больше.

— Я вот думаю — нет ли у всего этого злодейства и светлой стороны? Нет ли вероятности, что при всех своих дурных намерениях они умудрились сделать и кое-что хорошее?

Плеймет, наверное, единственный такой парень в Танфере, который способен беспокоиться о мощении дорог, ведущих из ада.

— Что ты хочешь этим сказать, о великий гуру?

— Если никелевые идолы вытягивают отчаяние из Бледсо, то возможно, что тамошним обитателям становится от этого лучше.

— Что? Ты хочешь сказать, что эти статуи могут лечить боль и сумасшествие?

— Это кажется логичным. Хотя отчаяние — не единственная причина, по которой люди сходят с ума...

Я начал видеть открывающиеся возможности. Меня охватило возбуждение.

— Надо только найти, какие руки следует заломить — и Бледсо сможет действительно приносить какую-то пользу!

— Тебе понадобятся йимберцы. Только они знают, как работает эта система. Но я сомневаюсь, что их интересует излечение людей... Однако же подумай над этим. Ведь можно просто вытягивать из людей боль! Загнать ее в идолов и... ох!

— Вот-вот. Заряженные идолы будут очень опасны. А людей, которые пожелают использовать их в собственных целях, гораздо больше, чем нас с тобой. Над этим надо подумать. Мы должны сделать все так, как надо.

— Мы?

— Ну да, а что?

Он никогда не уклонялся от возможности совершить благое дело.

— Я все понимаю, Гаррет. Но я — только один человек, которому придется влезть в самую гущу людских амбиций. А их у меня в последнее время не так уж много.

— Понимаю... — Я действительно понимал его. — Но это будет задача не для одного человека, Плей! Если это вообще возможно. Мы можем отложить эту заботу на потом. Я выясню, что думает на этот счет Макс Вейдер. Пока что мне просто нужно было вытащить эти штуками из дома. Мы бы оказались по уши в коричневой субстанции, если бы у Чодо случился один из его психических припадков.

— У тебя есть что-нибудь еще?

Плеймет не стал предлагать мне своего обычного гостеприимства, хотя мне не помешало бы сейчас выпить. Должно быть, у него где-то была спрятана женщина. Или он хотел вернуться к своей работе. Или что-нибудь еще, еще менее лестное для моего эго.

Я решил заглянуть в «Пальмы» передохнуть — после того, как полчаса месил снег по колено высотой, на пронизывающем ветру. В гору. Пешком... Но окна заведения Морли были закрыты ставнями, через которые не просачивалось ни лучика света.

Глава 66

До Покойника дошли мои соображения относительно Бледсо и шепчущих никелевых идолов.

«Изобретательно. Подумай над возможностью захоронения заряженных шакалов на дне океана. Запечатав их в контейнерах из какого-нибудь медленно разлагающегося материала. Идолы будут испускать свою тьму очень медленно, в самых темных глубинах».

Это, очевидно, была шутка.

«Мы сможем назвать эту часть океана „Глубины Отчаяния”».

— Я уже вижу это. В итоге мы получим массу депрессивной рыбы — не говоря уже о тех здоровенных тварюгах, которые там живут. Представь себе, как будет выглядеть косяк окончательно спятивших кракенов!

«Да, любопытный сюжет. Но сейчас меня заботит другое. Это все мы сможем обсудить с полковником Блоком после того, как разъясняться наши нынешние проблемы».

— А именно?

«Мне не дают покоя две вещи».

— Это что, аукцион?

«Даже три. Впрочем, вопрос о твоем поведении, так же как и захоронение никелевых шакалов, может подождать до менее напряженного момента».

Я решил, что если я буду сидеть тихо, это вынудит его наконец-то подойти к сути дела.

Сработало. Он почувствовал, что просто должен заполнить вакуум.

«Во-первых, эта девочка, Пенни Мрак, не отвечает на те сёмена, что я посеял в ее мозгу. Во-вторых, мы уже несколько дней не имеем вестей от мисс Торнады».

— Ты дал ей работу?

«Да. Как я уже упоминал, я поручил ей исследовать следы, оставленные мистером Темиском».

— Ты заплатил ей вперед?

«Некоторый процент».

— Большая ошибка. Теперь она не появится, пока не будет считать, что ты заснул. А после этого попытается заморочить мне голову, рассказывая басни о том, что ты ей якобы обещал.

«Ты поистине слишком циничен. Но этот вопрос мы тоже отложим. Приближается брат Синдж. Его мысли закрыты от меня, но он чем-то обеспокоен».

Я открыл дверь. Снег так и не утих. Джон Пружина выглядел таким несчастным, каким только может выглядеть представитель крысиного народца.

— Входи, брат мой, — приветствовал я его. — Погода совершенно невозможная.

— Мой народ не может припомнить ничего подобного. Некоторые даже гадают, не начались ли раздоры между Властителями Бурь.

Синдж ждала нас у дверей комнаты Покойника с чашкой горячего какао для своего брата.

— Что ты думаешь на этот счет, Костяная Нога? Как по-твоему, эта погода естественная? Бывали ли precedents?

«Явного погодного колдовства я не ощущаю. Да, в истории бывали и более сильные снегопады. Но мистер Фунт пришел сюда не затем, чтобы поболтать о снегопадах. Не так ли, мистер Фунт?»

Джон Пружина встряхнулся, словно собака после купания.

— Он производит жутковатое ощущение, правда? — спросил я.

— В некотором роде. Но он прав — я пришел сообщить вам, что на улицах идет война.

Мне пришла на ум шутка насчет удобной возможности разбогатеть, продавая участникам кампании снегоступы.

«Тс-с, — утихомирил меня Покойник. — Это важно».

— Кто с кем сражается?

— Организация — та ее часть, которая находится под рукой у Рори Скалдита. И Конфиденциальная Комиссия по Королевской Безопасности. Они ударили по Скалдитам всей силой, повсюду и в одно и то же время.

Я был удивлен, что Релвей начал так рано. Хотя, разумеется, у него уже были наброски каких-то планов на будущее. Он мыслил таким образом.

— Да, я ожидал чего-то подобного. Но не так скоро.

— Они перебили большую часть людей Скалдита. Рори, Миля-ге и некоторым из остальных удалось скрыться, до каких-то пор.

Я вспомнил закрытые «Пальмы». Что, Морли тоже ушел в подполье?

«Совершенно верно. Мы должны быть настороже. Скалдиты могут уловить связь между нами и своим нынешним плачевным положением. К тому же тебя видели, когда ты входил в дом с мистером Темиском и мистером Контагю. Если их узнали, мы привлечем к себе очень серьезное внимание».

— Мы положимся на мистера Малклара. Дин! Каково положение у нас в кладовой?

Как оказалось, дела обстояли вполне неплохо, если мы сможем прожить без тушеных яблок и пива. И тем не менее мы не могли держаться вечно. А вечность будет недостаточно долгой, если Блок с Релвеем захотят выкурить нас отсюда, — предполагая, что они переживут свое текущее приключение.

— Как ты считаешь, — спросил я вслух, — может быть, они вылезли именно сейчас, потому что по этой погоде у них больше шансов добиться успеха?

«Учитывая, насколько департамент мистера Релвея предан своему делу, погодные условия действительно должны предоставить

им некоторые преимущества. Слухи о происходящем не так быстро достигнут тех, кто мог бы возыметь намерение вмешаться. Многие просто не захотят мерзнуть или мочить ноги. Полковник Блок и директор Релвей достаточно сообразительны, чтобы увидеть открывающуюся перед ними возможность. Но это их крестовый поход, не наш. *А наш... Я уже не знаю наверняка, в чем он заключается. Наше приключение было волнующим, но оно постепенно сходит на нет*».

Я и сам больше этого не знал. Я закончил свои дела с Чодо, но не чувствовал, что аннулировал свой долг. Я ведь так и не спас его. Жнец Темиск добился большего успеха — хотя пока что и не настолько полного, как ему хотелось.

Не очень удачно у меня получилось и с бандой Зеленых Штанов, хотя угроза, которую они могли собой представлять, была снята. Теперь Стражка знала об их существовании.

«Они явились в Танфер в поисках новообращенных и богатства. Теперь им уже не удастся создать здесь второй Йимбер. Невольно они даже могут принести значительную пользу. И все благодаря тому, что Дин поддался чувству жалости к девочке с грустными глазами и еще более грустной историей».

— Однако нам все же стоило бы поговорить с ней. Может быть, она сама злоумышленница?

«Да, беседа могла бы оказаться познавательной. В особенности если она явилась к Дину в надежде спровоцировать именно то, что и произошло. Не исключено, что она намеренно вовлекла нас в войну А-Лат против А-Лафа».

Это означало бы, что Пенни Мрак тщательно изучила нас, прежде чем уговаривать Дина позаботиться о корзинке котят. Страшно подумать, что такая маленькая девочка может быть настолько расчетливой!

— Есть какой-нибудь прогресс в изгнании тараканов из черепушки Чодо? — Я знал, что мой Покойник планировал такую попытку.

«Пока что мне не предоставлено возможности. Пленник, которым я сейчас занимаюсь, сам является обладателем нескольки-

ких уровней сознания. Он до сих пор хранит в себе некоторые неразгаданные тайны. Например, зачем огненный камень могли швырнуть в тебя или в заведение мистера Дотса. Ни один из наших гостей не видит в этом смысла — хотя оба уверены, что это должен был сделать кто-нибудь из их людей. Никто больше не имеет доступа к камням. Их хранят в самом сердце храма А-Лафа».

— И тем не менее один из них оказался у нашего мальчика в кармане. И Темиск тоже покупал дробленые камни для медицинских и криминальных целей.

«Даже среди истинно верующих можно встретить корrupцию».

— Так же, как в ясный день можно видеть голубое небо.

«Опять цинизм!»

— Естественно. Основанный на скрупулезном ежедневном наблюдении.

Я рассмеялся: йимберский служитель веры стал для котят местом встречи. Он был не рад этому. Но чем сильнее его охватывала ярость, тем больше прибывало новых котят.

«Его может хватить удар».

— Старая добрая апоплексия! Это избавило бы нас от части проблем.

«Тебе надо чем-нибудь заняться».

Ой-ой-ой. Кажется, запахло надвигающейся работой.

— Я как раз подумывал о том, чтобы сходить навестить Тинни.

«А я подумывал о том, что ты мог бы подготовить отчет о зернохранилище Терсайза для мистера Релвея и полковника Блока».

— Рыжие волосы — наш последний козырь... Поручи это Синдж.

И вообще, эти ребята все равно сейчас заняты другим.

Ему не понравилась моя идея. Синдж писала слишком медленно, к тому же ей это тоже не нравилось. И это помешало бы выполнению поставленной ею перед собой задачи по уничтожению моих запасов пива.

— Жаль, что пикси не умеют писать.

«Ну вот еще!»

Маленький народец из-за погоды находился в полузамороженном состоянии. Даже Мелонди Кадар, несмотря на свою решимость поддержать Синдж в ее нелегком деле, была выставлена из моего дома по настоянию родственников.

Глава 67

К тому времени, как я добрался до жилища Тейтов, я вновь был на грани истощения. Снег сыпал по-прежнему — не сильный, но постоянный. Меня впустил малолетний кузен Тинни, чьего имени я не мог вспомнить. Он сделал вид, что рад меня видеть. Я сделал вид, что не знаю о том, что каждый представитель мужского пола из рода Тейтов, вкупе со всеми родственниками, питает твердое намерение когда-либо увидеть, как меня постигнет какое-нибудь ужасное несчастье. Или надеется, что Тинни наконец придет в чувство.

Парнишка принялся болтать. Он выглядел ужасающе молодым и безумно наивным. Я невольно погрузился в размышления о том, что если бы сейчас шла война, он бы уже участвовал в вечерних курсах боевой подготовки в ожидании, когда его призовут под знамена.

— У меня был плохой день, — сказал я Тинни. — По большей части. В нем не было тебя. А у тебя как дела?

Она попыталась изобразить самый что ни на есть мрачный взгляд при помощи своих припухших глаз. Я был у нее в черном списке за то, что вломился к ней в тот момент, когда она находилась не в самой своей восхитительнейшей форме.

— Не надо так. Ты пришла ко мне, когда я умирал. Теперь моя очередь.

— Я просто сильно простудилась.

Это чувствовалось по голосу.

— Расскажи мне, что у вас происходит, — попросила она.

Когда я закончил, она сказала:

— Мы должны были с самого начала заподозрить, что с этими Терсайзами что-то неладно. У них должна была быть какая-то причина покупать дело, для продуктов которого нет сбыта.

— Легально они до сих пор занимаются хлебопечением и мукомольным делом. Ты знакома с ними?

Она пожала плечами.

— Они никогда мне особенно не нравились.

Здесь явно было что-то еще. Возможно, какая-нибудь история.

Она взяла меня за руку.

— Не обращай на меня внимания. Я рада, что ты здесь. Ты, наверное, ужасно устал?

Я кивнул, но не стал распространяться на эту тему.

— Когда мне было пятнадцать лет, мой отец хотел, чтобы я вышла замуж за одного из младших Терсайзов. Для него это был просто деловой альянс, он не так уж сильно стремился к этому. Мне удалось его переубедить.

Я не мог себе представить, чтобы она не манипулировала мужчинами еще до того, как вышла из пеленок.

— Я знаю ответы на некоторые из вопросов, которые у тебя еще остались, — невнятно проговорила она.

— Отлично! Как насчет смысла жизни?

— Жизнь — дерьмо. А потом ты умираешь.

Спустя минуту она уже мирно похрапывала. Мне ничего не оставалось, как сидеть и держать ее за руку.

А потом задремал и я сам.

В дверь заглянула племянница-подросток под предлогом доставки нам еды и питья. В семье Тинни тоже любят совать нос в чужие дела — только здесь этих дел значительно больше. Перед нами было пятнадцатилетнее издание профессиональной рыжеволоски. Совершенно сногшибательное. И осознавшее это. И полное до ушей всем тем самодовольством, какого я мог бы ожидать от Тинни в этом возрасте. Мы, старики, ее разочаровали: настоящие реликты, просто держатся за руки! Еще и храпят. И не делают ничего такого, от чего стоило бы покраснеть.

Тинни действительно заворачивает такие рулады, что стены тря-
ются — хотя, естественно, никогда не признает за собой ничего на-
столько неподобающего для леди.

Я мягко растолкал девушку. Мы поели. Я сказал:

— Ты, помнится, собиралась выдать мне ответы на все мои воп-
росы. После чего мне останется только основать культ святой Тинни
Восхитительной.

— Кайра, выйди из комнаты. Пожалуйста, — сказала она.

«Пожалуйста» было добавлено после паузы в тоне приказа.

Выпятив губы — гарантia, что она собирается встать тут же под
дверью, чтобы подслушивать, — рыжеволоска-подмастерье удалилась.

— Не будь таким цыпленком, Гаррет. Возьми меня снова за руки.

— Но тогда ты начнешь лягаться.

— Я могу! — она улыбнулась, но не очень убедительно.

Пора становиться немного менее собой.

— Прости.

— Ты ничего не можешь с этим поделать — твой рот берет над
тобой верх, когда ты нервничаешь.

— Я не нервничаю.

— Нервничаешь, и еще как! Ты до смерти перепугался того, что
я наконец-то собралась с духом решить, чего я хочу от нас с тобой.

Тонко подмечено. Я постоянно боюсь, что это наконец-то про-
изойдет — а я отвечу тем, что засуну обе ноги на ярд в собственную
глотку. Но я также боялся и того, что мы никогда не доберемся до
этого вопроса.

— Есть немного, — признался я. — Потому что может статься,
что в один прекрасный день у тебя случится приступ здравого смыс-
ла и ты меня прогонишь.

— Может быть, так было бы лучше всего. Половину времени я
только и делаю, что утихомириваю тебя. Но я испорченная. Я с дет-
ства привыкла во всем себе потакать. И я не могу представить себе
своей дальнейшей жизни без тебя в ней.

Ба! Похоже, разговор пошел серьезный.

— Понимаю. Я тоже не могу.

— Но это не то, о чем я хотела с тобой поговорить. Просто само
собой подвернулось на язык.

Еще бы! У этой женщины нет никакого самоконтроля.

— Я хотела поговорить с тобой о Пенни.

— Вот как? — пискнул я. Она увидела охватившее меня облегчение, и даже умудрилась выдать убедительный хмурый взгляд. Эффект от которого был тут же потерян, поскольку ей пришлось высморкаться.

— Ну хорошо. И что насчет Пенни?

— Она на самом деле не жрица.

— Да что ты! Сюрпризом нет конца.

— Кончай зубоскальть, умник. Она не жрица, поскольку так и не была посвящена. Она была тогда слишком молода — и до сих пор еще слишком молода. Ей всего тринадцать лет, хотя ты никогда в это не поверил бы, если бы увидел ее раздетой. А я, черт возьми, надеюсь, что этого не случится даже после того, как ей исполнится четырнадцать!

— Мне, кажется, здесь не хватает пары-тройки деталей, чтобы понять, о чем ты толкуешь.

— Когда ей исполнится четырнадцать лет, она официально станет взрослой. В ее культе это означает, что настало время становиться священной проституткой. Они отдают себя, чтобы таким образом почтить богиню — и добавить немного денег в храмовую казну. До тех пор, пока не найдут себе мужа.

— А Йимбер, похоже, в недавние времена был интересным мес-течком!

— Угу, тебе бы там понравилось... Черт, да ты бы каждый божий день ходил в церковь — вместо того, чтобы заглядывать туда только на свадьбы и похороны!

Может быть. Если религиозная мэда была бы не слишком велика.

— Знаешь, ты, возможно, была бы удивлена...

— Возможно, но я сомневаюсь. Ты, если уж на то пошло, так никогда и не вышел из шестнадцатилетнего возраста. Ты никогда не можешь заглянуть дальше настоящего момента.

Она была не совсем неправа. Но мы опять перешли на личности...

— Но это не то, о чем нам нужно было поговорить, — сказала она. — Мне не следовало болтать об этом. В любом случае, она никогда не позволит тебе приблизиться к ней. Она боится тебя до смерти.

- Что? Но я же такой белый и пушистый! Зачем меня бояться?
- Потому что...
- Тинни... — Это было произнесено едва ли громче, чем шепотом.

Пенни Мрак, бледная, как погода за окном, выглянула из-за косыка открытой двери спальни. Она действительно выглядела напуганной до смерти.

- Ты уверена?
- Когда-нибудь я все равно должна это сделать.

Глава 68

Я удалился к мансардному окну, находившемуся по другую сторону большой, с балдахином, кровати Тинни — так, чтобы кровать оказалась между мной и этой иrogородней бродяжкой-жрицей-принцессой.

Девочка просачивалась через дверной проем двойм за дюймом. Кто-то сбил ее с ног, украл ее лохмотья, отскреб и оттер ее, вымыл, причесал, подстриг, надраил и отполировал, после чего засунул в какие-то старые кайрины тряпки. Да уж. Она поистине творила чудеса, маскируясь под мальчика.

— Я тебя уже где-то видел, — сказал я. В качестве девочки Пенни Мрак показалась мне странно знакомой.

Тинни шлепнула меня по руке.

— Кончай пускать слюни, мальчишка. Она же еще ребенок!

— На этот раз ты не права, сладкая моя... Нет, правда, откуда я могу тебя знать?

Девочка задрожала, снова побледнев как смерть. Что сделало ее похожей на призрак из прошлого Белинды Контагью.

Вот оно. Она была похожа на Белинду, хотя ее волосы — после того как их вымыли — были каштановыми и немного вились от природы.

Мой древний дар находить неожиданные решения внезапно вновь проявил себя.

— Твоим отцом был Чодо Контагью, так?

Тинни ахнула и поперхнулась мокротой.

— Ты спятил, Гаррет, — просипела она.

— Возможно. Но...

— Ты прав, — проговорила Пенни своим тоненьким испуганным голоском. — Мама говорила мне... но как ты догадался?

— При этом освещении, одетая как девочка, ты очень похожа на свою сестру.

— Белинда... она не могла... она...

— Ты говорила с ней?

Белинда ни разу не упоминала о Пенни или о том, что у нее есть единокровная сестра. Как и о том, что ее посещал кто-то, занимающийся поиском потерянных родственников.

— Она не захотела бы меня видеть. — Пенни ухватилась за стойку балдахина по диагонали от меня, костяшки ее пальцев побелели. — Когда наш храм оказался в осаде, моя мать рассказала мне о моем отце. Это было против правил. Мы не должны знать этого... Его я тоже пыталась увидеть, но меня не пустили к нему.

Мягко подталкивая, я сумел заставить Пенни рассказать историю своей жизни.

— Этот человек приходил повидаться с моей матерью дважды в год. И со мной. Он всегда приносил с собой подарки. Я не знала, кто это такой, пока мать не рассказала мне — в самом конце. Но он перестал приходить, когда начал приобретать здесь влияние. Я ни разу не видела его после того, как мне исполнилось десять. И после того как он перестал приходить, жрецы А-Лафа начали буйствовать. Сначала они захватили городское управление. Через какое-то время уже не оставалось разницы между советом городских старейшин и их дьяконским собранием. А потом они обрушились на другие религии...

Да — самыми грубыми методами. Запугивая приверженцев других богов и устраивая поджоги. Те, кто был слаб, приняли их веру. Более стойкие бежали или были убиты. В конце концов осталась только А-Лат — вся империя которой состояла теперь исключительно из ее главного храма.

— А потом они пришли за нами.

— И ты бежала?

— Моя мать заставила меня. Она хотела, чтобы я принесла Удачу в Танфер. Тайно. Она велела мне найти моего отца. И вот я пришла — но я не могу добраться до него!

Судя по ее рассказу, Пенни не видела убийства своей матери, но я не придавал этому особого значения. У свидетелей часто бывают проблемы с расположением событий во времени. Между моментом,

когда ей было сказано бежать, и моментом, когда она пустилась в путь, запросто могло пройти несколько недель.

Впрочем, знающий свое дело циник всегда учитывает самые мрачные возможности.

Пинни разразилась слезами.

— Я думала, это будет просто! Я отыщу своего отца, и он сделает так, что все снова будет хорошо. Он ведь большой человек!

— Ты действительно хочешь увидеться с Чодо?

Испуганный девчоночный кивок.

— А он знает, кто ты такая? Он узнает тебя, если увидит?

Еще один кивок, но не очень уверенный.

В окутанном тенями крысином гнезде моего мозга зашевелился план.

— Я могу привести тебя к нему.

Это, по-видимому, привело ее в искренний восторг — до тех пор, пока она не осознала, что я хочу взять ее к себе домой. Тут вся ее бледность вернулась. Казалось, она была готова броситься бежать.

Насколько же тщательно она изучила нас, прежде чем спикеровать на Дина?

— Когда ты появилась в городе? — спросил я.

— М-м... много месяцев назад. Сразу после того, как закончилась война.

Настоящий ребенок. Дети не обращают внимания ни на что, центром чего являются не они. Мои слова основаны на личном опыте — я и сам бывал ребенком.

— Выходит, люди А-Лафа явились сюда уже после тебя. Может, они тебя и искали?

— Нет. Они не знали обо мне, они считали, что Удача была уничтожена. Они так ничего бы и не обнаружили, если бы я не попалась, когда шпионила за ними.

— Так кого же ты боишься? Меня? Или моего партнера? — спросил я, видя, что она начала расслабляться, и решив, что она не будет против переменить тему.

Тинни, как я заметил, весьма интересовало, что ответит девочка. Ее подозрения пребывают в мире, чрезвычайно далеком от моего. Она считает, что любая особа женского пола, оказавшаяся от меня

и расстоянии броска камня, немедленно поддается моему очарованию.

Что ж... Так оно и есть.

Говорят, богатое воображение — хорошая вещь. И снова: да, это правда.

— Ничего, Тинни всегда будет рядом, готовая, если что, прыгнуть между нами.

Этим я заслужил гневный взгляд от своей милашки.

— Ты здесь ни при чем. Я научилась обращаться с мужчинами еще в храме.

— Приятно слышать. — (Тинни немного расслабилась.) — Но тогда зачем же волноваться из-за моего компаньона? Может быть, Дин понарассказывал тебе новость чего? Он это умеет! Старый Мешок с костями совершенно безвреден. Не больше чем большой старый плюшевый мишка.

Тинни удалось сохранить серьезное лицо, но Пенни все равно не купилась.

— Я знаю, кто он.

Я подумал, не пообещать ли ей, что Покойник не станет входить к ней в голову без приглашения — но ведь он уже пытался сделать это.

— Какие могут быть секреты у девочки твоего возраста, чтобы смутить четырехсотпятидесятилетнего логхира? Что ты теряешь? Если это как-то касается твоих странных котят, то он все равно уже все знает.

Впрочем, если это и было так, то мне он об этом не сказал.

— Э-э... нет. Просто это слишком интимно. Это все равно что изнасилование.

Я никогда не чувствовал ничего подобного. И большинство людей не чувствуют. Однако все может быть.

— Ну, как бы то ни было, твой отец находится в моем доме, и не очень похоже, что он покинет его в ближайшее время.

Можно было наблюдать, как в ней борются чувства. Впрочем, старый циник Гаррет не был уверен, не играет ли девочка роль. Старый циник Гаррет подозревал, что Пенни больше нет нужды связываться с Чодо. Ее проблемы с А-Лафом были разрешены — по крайней мере на данный момент. Блок с Релвесм никогда не позволял служителям

культу возобновить свои зловредные деяния в Танфере — особенно теперь, когда стало известно, что они работали на преступную организацию.

Я сказал Тинни:

— Поговори с ней. Она не поверит ничему, что скажу я.

— О чём?

— Насчет того, чтобы она потолковала с моим партнером. Полковнику Блоку и директору Рельвею понадобится любая помощь, какую они только смогут получить, когда друзья Терсайзов вступятся за них и за их друзей-иммигрантов.

У Терсайзов были большие связи, выкованные на протяжении нескольких поколений пока длилась война. Так же как и у Тейтов. Но Тейты нашли для себя новые, законные способы делать деньги. Малая часть этих способов помогала моему кораблю держаться на волнах.

— Оставь нас, — сказала Тинни. — Мы поговорим.

— Не рассказывай ей обо мне слишком много сказок.

Я обогнул кровать. Мне предоставлялась возможность за время моего изгнания устроить налет на кухню.

Тинни прочла мои мысли, но немного по-своему.

— Только оставайся здесь, в коридоре. Я не хочу, чтобы ты крутился вокруг Розы или Кайры.

Роза — это ее злая кузина. Чёрная овца в семье. Я не видел ее уже какое-то время и не сказал бы, что мне ее недоставало.

Я выскользнул в коридор и для развлечения принял решение решать сложные математические задачи. Дважды два — четыре. Четырежды четыре... э-э... шестнадцать! А шестнадцатью шестнадцать... м-м... ладно, хватит этой чепухи!

Позже, когда я уже стоял на краю некоего огромного интеллектуального озарения, наконец пришло избавление. Тинни крикнула мне:

— Гаррет! Таси свою сюда свою симпатичную задницу!

Я притащил. Длительное раздумье пугает меня.

— Мы договорились. Сейчас я оденусь, и мы пойдем к тебе.

— Ты уверена? Ты готова к этому?

— Да.

— Ох, боже мой! Выпусти мои пальцы, и я помогу тебе.

— Вон в коридор, мечтатель! Мне поможет Пенни, мы еще разговариваем.

Я снова вышел — пытаясь вспомнить, что у меня было за великое озарение, несколько беспокоясь насчет состояния здоровья Тинни и недоумевая, чем же ей удалось прошибить эту девчонку.

Глава 69

Я вошел первым, неся с собой послание Тинни. Послание заключалось в том, что она хотела прийти потолковать насчет необходимости оставить голову Пенни в покое, если та придет к нам в гости.

Покойник был не против. Он был согласен удовлетворить все ее желания еще до того, как Тинни закончила излагать условия. Это было подозрительно. Я знаю, чем кончаются такие сказки.

Чодо явно перехватил у дьякона почетный титул излюбленного места отдыха кошачьего населения. Он собрал на себе дюжины две котят, распространившихся по всей его поверхности, — и казался довольным. В отличие от дьякона он улыбался — по крайней мере, это было похоже на улыбку. Его глаза следили за происходящим. Его мозг был активен. Он даже сумел достаточно явно выразить одобрение моему выбору женщин, когда Тинни вошла в комнату, — хотя, по-видимому, был не в состоянии двинуть какой-либо другой частью тела.

— Есть какой-нибудь прогресс? — спросил я Покойника.

«Некоторый. Но саблезубый тигр всегда остается тигром».

— Дьякон, кажется, покорен,

«Он в состоянии наведенной комы. Это сильный и упрямый человек, он отказывается признать поражение. Он продолжает бороться, даже несмотря на то что ему больше нечего защищать».

— И какие же великие тайны тебе удалось разнюхать?

Чодо смотрел, как я двигаюсь по комнате. Смотрел он и на Тинни — жадно, зловеще. Она поежилась.

«Не много такого, что годится для непосредственного использования. Его соотечественники хотели завоевать мир, якобы для

вящей славы их бога, но в действительности потому, что им нравится быть правителями, а не теми, кем правят. До того как обратиться, он был мерзавцем и мошенником; мерзавцем и мошенником он остается и посейчас. Фактически он являлся одним из наиболее значительных партнеров мистера Контагью внутри культа А-Лафа. В настоящий момент каждый из них с радостью продаст душу другого, чтобы выйти из этого дома».

— А ты еще удивляешься, почему Попка-Дурак свалил отсюда!

«Мне в полной мере известны факты, относящиеся к этому вопросу, Гаррет... Как я вижу, мисс Тейт удалось выполнить то, что ты считал невозможным».

У мисс Тейт был тот вид, который люди обычно приобретают, когда Покойник начинает рыться в их головах. Это нечто среднее между вызывающим мочеиспускание ужасом и серьезным запором.

— У Пенни проблемы с мужчинами. Но она отчаянно хочет видеть Чодо.

«Превосходно. Мы можем удовлетворить ее желание. Он готов».

— Это так? — спросил я Чодо. Закопанный в котятах, он казался почти человеком. Почти тем же Чодо, как в старые добрые времена.

«Я предлагаю мои самые искренние гарантии: я не стану входить в ум девочки, если она сама не пригласит меня».

Я спросил Тинни:

— Ты сможешь сделать так, чтобы она поверила в это?

— А это правда?

— Насколько я знаю, его слова всегда было достаточно.

— Вот уж отличная рекомендация, что верно, то верно!

Вошла Синдж, неся стопку бумаги.

— У нас есть еще бумага? Мне не хватает, чтобы закончить отчет.

— Что?

— Отчет, который мы пишем для полковника. То, что мы узнали от наших гостей.

— Хм-м... — Интересно. — Мы?

— Этот отправитель, Колда. Он в маленькой гостиной, записывает то, что Покойник считал необходимым записать. — Взглянув на

Покойника, она прибавила: — Ему нужно отдохнуть. Его почерк становится совсем неразборчивым.

— Колда все это время был здесь?

Не знаю почему, но я считал, что он ушел, пока меня не было. Может быть, моя бережливая сторона надеялась избавиться от лишнего голодного рта.

Тинни вмешалась:

— У нас есть более насущные вопросы, о которых следует позабочиться.

— Ну так пойди приведи ее, сокровище мое. Попробуй свои чары на ком-то, кто не носит штанов. — Я повернулся к Покойнику. — Ты поручил Колде записать что-то, что узнал от мистера Темиска или его приятеля?

Я подумал, что, возможно, теперь у нас есть указания насчет того, где похоронены другие тела. Это было бы более полезно, чем целый вагон лопат.

Тинни вышла, на прощанье одарив меня убийственным взглядом. Синдж выпустила ее.

— Ты что-то прячешь в рукаве, Хохотунчик. Осторожнее, Тинни и так уже на взводе.

Его, по-видимому, это только позабавило.

Вошел Дин, жалуясь на оскудение запасов.

— Сейчас мы пока что не в осаде, так что вылезай и покупай все, что тебе нужно. Только учти, что мы снова кончим осадой, если кто-нибудь узнает, кого мы тут держим.

«В настоящий момент за домом никто не наблюдает», — высказался Покойник.

Кроме миссис Кардонлос, разумеется, — но она больше не шла в счет. Даже другие женщины не смогут получить большой пользы от информатора, которого вычислили.

Забавно, как мы все чтим закон и порядок в теории, но при этом никто не хочет идти на кухню и помочь с готовкой.

Дин был готов к выходу. Синдж открыла ему дверь. Он был уже снаружи, когда я внезапно осознал, что предоставил ему тот самый шанс, которого он добивался.

— Черт! Я же хотел держать его подальше от этой девчонки!

«Можешь не беспокоиться. Он полностью сосредоточен на покупках».

Я и сам стал рассеянным. Какую долю истинной истории нам удалось выманить у Чодо? Сможем ли мы использовать ее, чтобы как-то его сдерживать?

Скорее всего нет. Чодо был достаточно умен, чтобы уметь выско~~льз~~нуть почти из любой ситуации. Как правило, за чужой счет.

Глава 70

Пенни Мрак вошла в комнату, тихая как мышка, готовая кинуться прочь при малейшем поводе. Никто не произнес ни слова. Чодо был последним из присутствующих, на кого она взглянула, — исключая пленного служителя А-Лафа, чье присутствие смущало ее.

Его тоже беспокоило ее присутствие — несмотря на предполагаемое бессознательное состояние дьякона. Он повернул нос в ее сторону, раздув ноздри, а затем плотно скав их, словно учゅял неприличный запах.

— Твой приятель? — спросил я.

Она плонула на дьякона и шлепнулась в мое пустое кресло. Косята, набежавшие со всех сторон, тут же облепили ее.

— Кое-кто здесь рад тебя видеть, — заметила Тинни.

Пенни хмуро взглянула на Чодо.

Он узнал ее. Даже я мог чувствовать его эмоции. В теле Большого Босса существовала человеческая жилка — отеческая жилка.

Разумеется, мне она уже была знакома. Чодо всегда был необычайно снисходителен с Белиндой, которая только еще больше ненавидела его за это.

«Найди способ выманить мисс Тейт из комнаты».

Что он там затеял?

— Милая, давай пойдем посмотрим, не забыл ли Дин поставить чайник.

Неуклюже. Ответом мне было максимальной мощности каменное лицо. Она что-то почуяла, хотя и не могла понять, что именно.

Пока мы ходили ставить чайник, мой толстый старый хитрый приятель внушил Пенни, что единственный способ, которым она может вести переговоры с Чодо, — это через него. Что на данный

момент было правдой. Однако этот процесс не обязательно должен был включать в себя неограниченный доступ внутрь ее головы. Все та же старая история насчет старости и коварства, берущих верх над молодостью и талантом. Она позволила своим эмоциям возобладать над здравым смыслом.

Поэтому-то он и хотел, чтобы Тинни не было в комнате — она могла бы предупредить Пенни.

Он снабжал меня тоненкой струйкой новой информации, чтобы я продолжал отвлекать Тинни, пока он поддерживает переговоры между Пенни и ее папочкой. И даже эта крохотная струйка была предельно интересной.

«Загадка камня объяснена».

— Э?

Взгляд Тинни оторвался от заварного чайника.

— Похоже, ты с каждой минутой становишься все примитивнее.

— Унгаба! Смотри огонь длинный волос! М-м! Моя хватать, нравится!

— Если хочешь, чтобы тебе плеснули кипятком на штанину, продолжай в том же духе.

— Думай, потом говори, женщина!

Мешок с костями тем временем продолжал:

«Камень кинула в тебя девочка — это ее главный секрет, который она хотела бы сберечь. Присутствие там пономаря было не случайным. Он искал ее. Он шел за ней следом».

Предупреждая мой вопрос, он пояснил:

«Она хотела убрать тебя с дороги. Ты слишком все усложнял, из-за тебя Дин мог отказатьться помочь ей».

— Но она всего лишь ребенок! — Впрочем, это был ребенок Чодо. Несомненно.

К Тинни снова вернулось каменное лицо.

«Доля злого умысла была не слишком велика. Ей не приходило в голову, что она может убить тебя. Она хотела только нанести тебе достаточные повреждения, чтобы ты убрался с дороги, пока она доберется до своего отца и заручится его поддержкой. Она была уверена, что он поможет ей ниспровергнуть служителей А-Ла-Фа — не зная, что именно мистер Контагью послужил акушером

при рождении нового культа. Кстати, она, по всей видимости, не имела представления ни о том, что Фениксовы камни порождают огонь, ни даже о том, что жрица ее храма считала их особенно ценными. Вместе с луком котят мать дала ей свои ритуальные украшения, священные книги и полный мешок камней — никак не объяснив, какое значение имеют эти украшения и эти камни. Если бы я был настолько же циничен, как ты, я бы предположил, что большинство камней, захваченных в храме А-Лат сторонниками А-Лафа, действительно были речной галькой, и ничем больше».

До Тинни наконец дошло. Она хлопнула меня по рукам, отбросив их в сторону, и схватила чайник.

— Ты просто свинья, вот ты кто! Что он там с ней делает?

— Она пыталась меня убить.

— Чепуха! К тому же ей это не удалось. Она просто...

— Что?! Ты знала?

— Мы о многом говорили с ней. Ей одиноко без ее котят.

— И ты ничего не...

— Это был личный разговор, Гаррет! Ты же не пострадал, правда?

Я закатил глаза, апеллируя к небесам. То есть даже моя лучшая подруга — и она теперь туда же?

Прежде чем я успел выразить дальнейшие протесты, она сказала:

— Кто-то стучит.

Вряд ли это было что-то критичное, иначе Мешок с костями уже осыпал бы меня предупреждениями. Но ведь Дин не мог уже вернуться, правда? Рыжеволосая все-таки не настолько привлекательна.

Появилась Синдж и доложила:

— Пришел Плоскомордый. С ним эта женщина.

— Какая женщина?

— Торнада. — Ее тон не оставлял сомнений относительно ее оценки моей знакомой.

Тинни явно чувствовала облегчение.

— Что, кавалерия подоспела вовремя, а? — съязвил я.

Она показала мне язык.

— Ты поплатишься за это, женщина. Попомни мои слова, ты поплатишься за это!

Она лишь презрительно усмехнулась.

* * *

Торнада была в таком ауте, какого не достигала даже Мелонди Кадар.

— Гар-рет! — пробулькала она, глядя на меня мутным взором и держась за обе стены, чтобы не упасть. — С-сукин ты сын! Ты с-сукин сын, даже если ты х-хар-роший парень!

Она прислонилась к стенке.

— Сей-час, погоди минутку... Я чего-то сов-всем никакая...

— Что это? — спросил я Плоскомордого.

— Это? Очень пьяная женщина.

— Ну, этот момент от меня не ускользнул. У меня наметанный глаз. Что меня больше интересовало, так это вопрос «почему»? И «почему здесь»? Она ведь может и наблевать.

— Думаю, она уже выдала все, на что была способна. Разве что если как следует напрягется...

— Все равно. Синдж, встань-ка у двери! Мы вышвырнем ее на улицу, если...

— Для этого вам придется взяться всем вместе, — вмешалась Тинни.

Торнада сползла на пол и захрапела. Тарп сказал:

— Покойник велел привести ее сюда. Он хочет знать, что ей удалось выяснить.

— Ей удалось выяснить, что существует предел количеству спиртного, которое она может выпить.

— Она расстроена. Она где-то потеряла Йона Сальватора и не может вспомнить где. И как. Она боится, что могла нечаянно убить его, или еще что-нибудь.

— Отлично! Что ж, давай тогда попробуем оттащить ее...

«Нет необходимости нести ее сюда. Я уже исследовал ее воспоминания. Они соответствуют тому, что мы уже выяснили из других источников — а кроме этого включают в себя весьма немногое, что может представлять интерес».

Внезапно храп Торнады превратился в такой звук, словно она отчаянно боролась за воздух. Ее глаза распахнулись, и она снова взобралась вверх по стенке.

— Я з-знаю, что я с ним з-зделала! Каж-сся... Ч-чертов приурок! Она поднялась на ноги и, спотыкаясь, зашлепала к выходу.

— Торнада, тебе сейчас лучше не ходить на улицу, — сказал ей Тарп. — Задницу отморозишь. Скажи мне, где он, я сам за ним схожу.

— Мор-рда, с-сукин ты сын! Ты х-хар-роший парень, но вс-се равно ты с-сукин с-с...

— Ты уже это говорила. Почему бы тебе просто не расслабиться? Я найду Йона.

— П-прилипалу? А ты что, з-знаешь, где он?

— Ты же сама собирались мне сказать.

— А ты мне не д-давал. У-у, М-морда! Ты н-ни-ког-да его не л-любил. — Она снова начала сползать на пол. — Это мес-то, та-кое, как к-корабль... «Пещера Граймса», вот как! Я п-помню, что он там был с-со мной...

Тарп повернулся к двери. Покойник снабдил нас информацией о том, что Торнада знала, не зная о том, что она это знает. Я сказал Плоскомордому:

— Ты что, так и пойдешь, даже не согревшись? Мы с Тинни как раз заварили чай.

— Да, пожалуй, немного перекусить не повредит. — Тарп покачал головой, глядя на Торнаду. — Чего только не приходится делать для людей только потому, что они твои друзья!

Я воздержался от комментариев.

Плоскомордый как раз принялся за зачерствевый сэндвич, когда Синдж завопила. Мы выскочили из кухни. Синдж показывала на Торнаду: та издавала странные звуки. За которыми стояло серьезное намерение.

— Вперед! — Я выругался. — Давай, открывай эту чертову дверь!

Мы с Тарпом ухватили каждый по руке, а Тинни принялась крутиться возле обутого конца — совсем как щенок, который хочет помочь, но не знает как. Синдж распахнула дверь настежь, и нас окалило порывом холодного воздуха. Это разбудило Торнаду, как раз когда мы переваливали ее через перила веранды. Она натужилась...

— Поберегись!

Дин возвращался. С повозкой — на этот раз, как я надеялся, не краденой. Грубое приветствие Торнады миновало его с зазором все-го в несколько дюймов. Он был не один. Он всегда ухитрялся найти кого-нибудь, кто бы помог ему тащить повозку... Эге! Проклятье. Этот комок лохмотьев был единственным членом племени Контагио, к настоящему моменту еще не присутствовавшим в комнате Покойника.

— Эй, входи поскорее в дом, пока тебя кто-нибудь не узнал.

Потенциальные наблюдатели вряд ли еще вернулись с войны — но зачем рисковать?

Торнада, перегнувшись через перила, просипела:

— Б-линда, ты с-сука, даже если ты х-харрошая девоч-ка! — Она хихикнула. — Но это, ч-черт побери, вр-ряд ли!

Она сделала попытку засмеяться, но желудок ей не позволил.

— Ступай в дом, — повторил я. — Подожди в коридоре с Тинни, пока я помогаю Дину.

Синдж тоже вышла наружу, в то время как Тинни взяла на себя Белинду — с очень малой долей своего обычного сочувствия.

— Ты что, черт тебя возьми, обчистил там весь рынок?

Плоскомордый сосредоточил внимание на Торнаде, которая делала попытки задохнуться собственной блевотой.

— Вы сами мне сказали приготовиться к осаде, — оправдывалася Дин.

— Я так сказал, вот как?... Ну хорошо, а откуда взялась Белинда?

— Я наткнулся на нее на рынке. Она прикидывалась беженкой. Я предложил ей зайти к нам погреться.

Я охнул, согнувшись под тяжестью мешка с яблоками.

— Мне показалось, что так для нее будет лучше, чем отправляться на панель.

— Да, пожалуй... — Проклятье! Ну и тяжелый же этот мешок! — Но зачем она вообще здесь? Она должна сидеть дома и пережидать грозу. Она же не может не знать, что идет война!

— Думаю, она боялась, что там могут оказаться предатели.

— А что она знает о том, какая ситуация здесь?

— Она знает, что здесь тепло. И безопасно.

Я зарьгчал — утомление снова настигало меня. У меня начинали трястись коленки.

— Я не стал ей ничего говорить. Ее проблемы вызваны ее разногласиями с отцом. Возможно, для нее будет полезно встретиться с ним лицом к лицу.

— Хорошая мысль.

Не исключено. Однако мне не нравилось, когда он начинал решать, что будет лучше для кого-то другого. Он слишком часто проделывал это со мной.

Мимо прошла Синдж.

— И снова крысиная девица делает всю работу, в то время как люди стоят рядом и треплют языками.

Белинды не было в коридоре, когда я вошел в дом.

— Ой-ой-ой.

«Все под контролем. Присоединяйся к нам, когда избавишься от своего груза».

И оставить остальное Дину? Я не против.

Глава 71

Белинда сделала три шага в комнату Покойника. Затем застыла как вкопанная и воззрилась на своего отца. Чодо почувствовал появление нового лица — но не мог увидеть, кто это был.

«Забери с собой дьякона, когда будешь уходить. Посади его в повозку, избавься от него».

Дин помог мне. Почему-то я даже не подумал о том, как отнесется полковник Блок к факту освобождения нами его пленника. Возможно, такая беззаботность была вызвана у меня извне. Не удивило меня и то, что Мешок с костями захотел, чтобы жрец А-Лафа оказался на свободе. Мне следовало бы быть более подозрительным — с моим-то опытом...

После долгой прогулки по мерзким улицам мы с Дином оставили повозку невдалеке от Аль-Хара и пожлюпали восвояси, обмениваясь выдумками о том, кто из нас больше устал. Придя домой, я обнаружил, что расположение сидячих мест в комнате Покойника за время нашего отсутствия было несколько пересмотрено. Котят оказалось достаточное количество, чтобы хватило по несколько штук на каждого из Контагю. Йимберский верзила похрапывал; Жнец Темиск выглядел так, словно был уже мертв. Правда, он все же дышал. Бедный Жнец! Единственная роль, которая ему теперь осталась, — это занимать собой пространство.

— А что с Плоскомордым и Торнадой? — спросил я.

— Торнада в твоем кабинете, — ответила Синдж. — А Плоскомордый пошел искать ее друга — и заодно кого-то, с кем хочет проконсультироваться Покойник.

— Кого? Зачем?

— Я не была посвящена в его планы.

Вот так у нас все обычно и происходит.

— Торнадо в моем кабинете? Боги! Надеюсь, она вполне опорожнена?

— Теперь уже да.

Дин, пробурчав что-то насчет все возрастающего населения дома, скрылся из виду. Я было решил, что он пошел сообразить нам что-нибудь поесть, но выяснилось, что он просто потащил свою измученную задницу в кровать.

Я пристроился в комнате Покойника, опершись на стенку — свободных сидячих мест больше не оставалось. Как я подозревал, они и не собирались освобождаться в скором времени. Я был готов рухнуть от изнеможения (опять!), но не хотел пропустить ничего интересного.

Покойник творил какое-то логхирское чародейство над нашими лишенными способности функционировать гостями семьи. Ему асистировала шайка котят.

Чодо был более живым, нежели когда-либо прежде. Я смотрел на него не отрываясь. Мне не было страшно, но я чувствовал себя несколько неуютно. В прежние времена, когда бы я ни оказывался рядом с крестным отцом, меня всегда охватывал ужас.

— А теперь что, это прошло? — Как раз подходящее время, чтобы выяснить, обращает ли партнер на меня внимание.

«Вряд ли. Внутри мистера Контагю происходят изменения. Воздействие котят гораздо сильнее в присутствии их верховной жрицы — которой девочка стала по определению, как единственная выжившая в своем храме. Сама А-Лат скрывается в этом ребенке. А также внутри Удачи. Она слишком разделена, чтобы контролировать свою власть, и для нас это очень кстати — иначе мы бы перед ней не выстояли. Тем не менее производимый ею эффект не будет стопроцентным. Также мало надежды и на его постоянство».

Я недовольно похмыкал — божества делают меня нервозным. Их у нас триллионы, все настоящие, все со своими собственными целями, все малопривлекательные. И девяносто девять из ста абсолютно не интересуются благополучием смертных. Особенно если это смертный по имени Гаррет. Было мало надежды на то, что наша теперешняя

встреча принесет нам пользу — не считая благотворного влияния А-Лат на безумие Чодо в данный момент.

— Будет ли мне позволено заметить, что здесь не одно сердце пребывает в мучениях?

«Поосторожнее со своими желаниями. Некоторым может не понравиться, если их исцелят».

Только позже я догадался, что этой кистью он рисовал мой портрет.

— Я отправляюсь банинки, — сообщил я всем, кого это интересовало. — Все это мы сможем уладить завтра.

Мне еще предстояло кое-что обдумать — а это мне лучше всего удается, когда меня не отвлекают.

Глава 72

Меня разбудила Синдж — она принесла чай.

— Ты хоть когда-нибудь отдохаешь? — Сегодня я не принимал предложений мира.

Кто-то лягнул меня сзади.

— Заткнись! — пробурчал оттуда сонный голос.

— А, так вот оно что? Синдж, ты опять пытаешься застукаль нас на чем-то непотребном?

— Нет. Тебя хочет видеть Покойник.

Меня снова лягнули.

— Это не похоже на любовные ласки, мисс Тейт, — заворчал я на рыжую разбойницу. — Если ты их имела в виду.

За что я снова получил пинок. В моей собственной кровати. Я мужественно перенес град камней и стрел, вознаградив свои страдания чашечкой горячего чая.

Десять минут спустя, с печеньем и кружкой в левой руке и полу-футовой сосиской в правой, я вошел в комнату Покойника. Капая жиром на пол. Меня пошатывало, но глаза уже не съезжались к переносице от упадка сил. Недалек был тот день, когда ко мне должно было вернуться мое доброе старое «я».

— Похоже, я тут первый, кто вернулся к работе? — По всей комнате были разбросаны спящие тела.

«Не считая Синдж, Дина и меня. И Удачи».

Да, действительно: несколько дюжин котят уже носились вокруг.

— Как там погода, не улучшилась? Можем мы наконец избавиться от этих паразитов?

«Вряд ли. Это будет не так-то просто. Придется действовать очень быстро».

— А?

«Пока ты лодырничал, компаньон мистера Дотса принес нам послание».

Подразумевалось, что теперь мне придется расплачиваться за все разы, когда я жаловался на то, что он дрыхнет, в то время как я ощущал сильную необходимость в небольшой поддержке гения.

— Что ты задумал?

«Я хочу предложить тебе выплатить остаток своего долга перед мистером Контагью».

— Что? Он так и... Он по-прежнему...

«Да, он по-прежнему остается прикованным к своему инвалидному креслу. И маловероятно, что он когда-либо покинет его. Лишь логирский ментальный хирург смог бы исправить вред, причиненный таким ударом, какой перенес он, — а логирские ментальные хирурги были редки, как яйца птицы Рух, даже в те времена, когда наше племя еще было многочисленным. С другой стороны, мистер Контагью наделен исключительной силой воли. Я не стал бы с уверенностью ручаться, что ему не удастся завершить что-либо, что он задумал. Если, конечно, он сможет оставаться вдалеке от тех, кто желает ему зла».

— Ты имеешь в виду семью?

Упомянутая семья дрыхла в ярде от моих ног. Белинда вчера осушила еще несколько кварт на пару с Синдж после того, как я ушел наверх.

«Да, семью. Однако мисс Контагью была не самым худшим из его мучителей. В его мозгу хранятся воспоминания о том, как его насилино кормили и другие личности, кроме его дочери. Личности, скорее всего имеющие отношение к Миляге Скалдиту, который не всегда был полностью откровенен со своим братом».

— Что? Миляга затевал что-то против Рори?

«Их цели несомненно не совпадали. Мистер Контагью помнит инциденты, могущие служить косвенным свидетельством многолетней ненависти, которую Миляга питал по отношению к своему брату. В уме Скалдита существуют весьма темные закоулки. Его характер извращен и исковеркан, поскольку он в то же время любит Рори. Все детали ты найдешь в записях. На

настоящий момент это не является важным. Гораздо более существенно вынести решение о том, что делать с мистером Кон-тагью и мистером Тэмиском».

— А?

«Ты еще не думал над тем, что собираешься делать дальше?»

— Разумеется, думал.

Впрочем, не очень глубоко. Действительно, Чодо со своим приятелем не могли торчать здесь бесконечно. И я не мог себе представить, чтобы Чодо вернулся к себе домой — это вернуло бы его к той точке, откуда он начал. С другой стороны, моя совесть не позволяла мне снова выпустить его в мир творить бесчинства. Не давала она мне и просто заявить Мешку с костями, что я удовлетворен и больше не считаю себя в долгу перед Чодо.

«Именно этого я и ожидал».

Ой-ой-ой. Он что-то задумал. И каков бы ни был его план, он опережал меня на несколько шагов.

— Ты говоришь, он сейчас более или менее в здравом рассудке?

«Настолько, насколько это возможно. Он вернулся приблизительно к тому уровню, на каком пребывал в тот момент, когда с ним приключился удар. Большее не под силу даже Удаче А-Лат. И это состояние продлится лишь до тех пор, пока он будет находиться под влиянием девочки и котят».

— Так что же нам с ним делать?

«Вот именно».

— Что — вот именно?

«Я жду твоего решения, Гаррет. Я ему ничего не должен. Если бы выбор был за мной, я бы передал его полковнику Блоку. Вместе с его воспоминаниями. — И тут он выдал одно из своих загадочных заявлений в духе хлопка одной ладонью: — Существующая ситуация скрывает в себе возможное решение, хотя оно не менее сложно, чем сама ситуация».

Пожалуй, нет. Он слишком многословен для совершенного мастера.

Передать всех и вся в руки закона было бы, без сомнения, весьма разумным решением. Таким решением, на которое мне хотелось бы иметь достаточно твердости. Но ведь я — это я, Гаррет. Старый мягкосердечный болван.

— А что насчет его семьи?

«Они тоже исцелены, насколько это возможно. Но их раны оставили шрамы, а шрамы никогда не исчезают насовсем».

— Да, слушай-ка! А что там насчет этого послания от Морли?

«Мистер Дотс говорит, что Скалдиты и все их приверженцы либо мертвы, либо арестованы. Он советует нам припрятать все, что мы не хотим выставлять на пристальное рассмотрение, поскольку мы можем обнаружить себя в фокусе внимания Стражи, как только полковник Блок и директор Релвей немного передохнут».

— Ты должен был сказать мне об этом в первую очередь!

«Эти проблемы взаимосвязаны. Мистер Контагю, мисс Контагю и большинство остальных должны быть удалены к тому моменту, когда сюда заявятся представители закона. Не стоит обманывать себя — если для того, чтобы заставить нас сотрудничать, им придется принимать жесткие решения, они пойдут на это».

— Я вовсе не собираюсь корчить из себя мачо, имея дело со Стражей.

Глава 73

«Скорее всего, у нас остается очень немного свободного времени. Я запустил в действие несколько необходимых процессов, но ни один из них не даст результата вовремя».

Разумеется. Они начнут с того, что будут просто наблюдать. Но за первой волной придут новые хорошо отдохнувшие люди, по двое-трое на место одного, и так будет продолжаться, пока они не будут стоять плечом к плечу. Если Блок с Релвеем почувствуют такую необходимость. Они умеют планировать. Они не сделают ни одного движения, не подготовившись, — несмотря на всю оперативность, с какой они принялись насаждать в Танфере власть закона.

Разгром Скалдитов еще не означал конец организованной преступности. Никто не был настолько недалек, чтобы считать подобное возможным или хотя бы желательным. Однако с этих пор власть Организации порождать коррупцию будет серьезно урезана и ее обычные игры в плату услугой за услугу будут встречать отпор. А следовательно, у этих мерзавцев там, на Холме, уже не будет такого количества грязных рук, готовых явиться по первому требованию. Не говоря уже о случайных поживах то здесь, то там.

- Синдж, тащи сюда Тинни. Вывали на нее ведро этой снежной каши, если понадобится.
- Нет уж, это дело я предоставлю гроссмейстеру.
- Что?
- Вываливай на нее сам все, что хочешь. Тинни и так не особенно меня любит.

* * *

Полковник Блок явился собственной персоной. По-видимому, он поверили констеблю Коссу, который в свою очередь поверили моему слову, когда я сказал ему, что Весельчак еще дрыхнет. Или, что еще более вероятно, ему было наплевать. Он считал, что ему больше нет нужды прятаться.

Он вошел в дом с видом усталым, потрепанным и подозрительным. Его взгляд метался по сторонам, словно он ожидал засады. Было видно, что он постоянно находился на грани.

— Ты выглядишь ужасно дерганым, — сообщил я.

— Дело висело на волоске. Хвала небесам, что у меня были доверенные люди. И еще эта погода — благодаря ей мои друзья не смогли добраться до меня вовремя, чтобы помочь мне дурными советами. Но скоро они наверстают упущенное. Возможно, через недолгое время мне придется искать себе работу.

Показался Дин с закусками. Затем пришла Синдж, принеся объемистую пачку листов, покрытых каракулями Колды.

— Что же, значит, у тебя найдется время прочесть все это, — сказал я Блоку.

Он положил бумаги к себе на колени, не обратив на них внимания.

— Где они?

— Кто — они?

— Люди, которых ты здесь прятал.

— Колда в маленькой гостиной, отсыпается после своей писанины и залечивает сведенную судорогой руку. Тот здоровенный мордоворот из Йимбера в комнате у Покойника. А его босса мы оттащили обратно в твою лавочку по причине того, что он оказался слишком сильным и упрямым, чтобы Весельчак смог сделать с ним все, что хотел, прежде чем тот отрубится.

— Тот же старый Гаррет. Все эти люди для меня крысиного хвоста не стоят!

— Тинни наверху, в постели. Она болеет.

— Власть более высокая, чем я, решила, что культ А-Лафа слишком опасен, чтобы с ним мириться. Я хочу знать, куда подевались Жнец Темиск, а также Чодо и Белинда Контагю.

Я напустил на себя свой фирменный тупой вид. Увы, подобно всем моим сержантам на тренировках, Блок на это не купился. Холодным тоном он перечислил мне пункт за пунктом всех, кто входил и выходил из моего дома за последние несколько дней. Всех до одного. С очень точным указанием времени.

Покойник был еще более ошеломлен, чем я, — он ведь был о себе такого высокого мнения! Когда он говорил, что за нами никто не наблюдает, он был полностью уверен в своих словах.

— Капитан Рейми Лист, — догадался я. — Он был не тем, кем казался!

«Капитан Лист был в точности тем, кем казался. Он привнес с собой нечто, сам не зная об этом. Почти наверняка это было приложением к одному из его копейщиков — а вот тот, по-видимому, действительно был чем-то большим, нежели казался. Теперь, когда я знаю о существовании внедренного наблюдателя, у меня не ваймет много времени, чтобы вычислить его».

— Теперь, когда уже слишком поздно. Все это не имеет значения!

Полковник Блок позволил себе тонкую улыбку.

«Он не осведомлен о деталях. За имплантантом стоял директор Релвей. По всей видимости, передавалась лишь информация о входящих и выходящих, но не о том, что было сказано или сделано».

— Тогда дела обстоят лучше.

— Где они, Гаррет? Мы могли бы прямо сейчас разделаться со всем криминальным миром!

— Не может быть, чтобы ты в это верил. Это же часть структуры общества! Все, что тебе удалось, — это облегчить жизнь Берлинде. Ты избавился от людей, которые в первую очередь могли убрать ее. Обеспечил ей более гладкую передачу власти.

— Принято. Но теперь плохие парни будут уже не то, что старая шайка. Итак?

— Что — итак?

— Ты отказываешься сообщить мне то, что я хочу знать?

«Недавняя деятельность полковника Блока вызвала в нем большее интеллектуальное истощение, чем он осознает. Он мыслит не слишком ясно и, как следствие этого, излишне самоуверен. Нет необходимости проявлять упорство. Он не будет помнить ничего из того, что сейчас услышит».

— Что ты! Совсем нет!

— Может, и не будет большого вреда, если я расскажу ему то, что знаю, — даже если он и вспомнит об этом впоследствии. Костлявая Нога в последние дни не особенно-то держал меня в курсе событий.

Несколько котят выбрали этот момент, чтобы обосноваться на коленях полковника. Блок рассеянно погладил их, но в целом не обратил на них внимания.

Хохотунчик и Удача составляли вместе весьма опасную команду.

— Если говорить всю правду, я понятия не имею, куда они пошли или что с ними случилось. Как мне объяснили, то, чего я не знаю, я не смогу сболтнуть какому-нибудь любопытному стражнику.

Мне в любом случае не стоило перебарщивать с правдой. Покойник не так уж непогрешим. А вдруг самоуверенность Блока оправдана? Может быть, у него в голове установлена какая-нибудь металлическая пластина, блокирующая его от мыслей логхира? К тому же я не был совсем неискренен: я действительно не знал, куда подевалась вся эта толпа. Лично я не мог придумать ни одного места, куда их можно было бы запрятать, где бы Стражи тут же не принялись искать. Кроме того, я не был уверен, что Плоскомордый, Торнада, Джон Пружина и Йон Сальватор смогли бы управиться с ними, как бы Пенни Мрак ни казалась теперь склонной к сотрудничеству.

Будучи прирожденным любящим голубоглазым циником, я не верил, что девочку удовлетворил отец, настолько не похожий на мисти-теля с пламенным мечом, которого она мечтала здесь найти.

Блок все пытался взвинтить себя, но каждый раз, как на его щеках показывались красные пятна, прибывал новый котенок. Я сменил предмет беседы:

— Ты не слышал никаких объяснений по поводу этой странной погоды? Мне она не нравится. Люди не в состоянии выйти из дома, чтобы похвастаться своими новыми трехколесными повозками. Этак и мода может пройти прежде, чем я разбогатею!

— Ты никогда не разбогатеешь, Гаррет. У тебя нет необходимых качеств, чтобы удержать богатство в руках и приумножить его.

Глава 74

— Ладно, я верю тебе. Мне нужно избавиться от этих паразитов... Спасибо, Синдж. — Она принесла пиво.

Блок был рассеян. Он начал даже выглядеть смущенным — как бывает со мной, когда я вхожу в комнату, останавливаюсь и не могу вспомнить, зачем зашел. Покойник понемногу забирал Блока в свои лапы — достаточно исподтишка, чтобы полковник не заметил. Впрочем, мы же уверили его, что Мешок с костями еще спит.

Мы выпили по несколько кружек пива, расслабились и между делом разрешили большинство проблем Танфера — с позиции Блока, отражавшей убежденность Дила Релвея в том, что для исправления мира необходимо всего лишь прикончить тех, кто стоит на пути Закона. Время от времени полковник осознавал, что выбился из роли, и начинал расстраиваться, — но тут на него влезала пара-тройка котят, и он опять отвлекался. А после того как к нам присоединилась Тинни, стали не нужны и котята.

Этот человек мог бы обеспечить мне несколько нелегких минут, если бы был в состоянии.

«Его можно выпускать обратно на свободу. Гаррет. Худшее уже позади. На протяжении ближайших нескольких дней он вряд ли будет беспокоиться о нас».

Мы с Блоком обменялись рукопожатиями; он хмурился, не в силах отогнать подозрение, что мимо него прошло что-то существенное. Он вышел на улицу, нагруженный стопкой бумаги, остановился, тряхнул головой и двинулся дальше. Ему не очень хорошо удавалось выдерживать прямой курс.

Я пожал на прощанье руку и пошатывающемуся, совершенно сбитому с толку Колде. Отравитель скрипнул: его пальцы не сжимались

в кулак. Не бог весть что, но все же это была какая-то месть. Подавленный, он вышел из дома. Навстречу ему попался скрюченный старик, который медленно взбирался в гору, тяжело опираясь на безобразную палку из полированного тика.

Едва я успел его заметить, как мне пришлось посторониться — широкоплечий громила из банды Зеленых Штанов тоже убирался из моего дома. А-Лафов прихвостень имел еще меньшее сопряжение с внешним миром, нежели Колда. Помимо всего прочего, от него еще и воняло. К нему с широкой ухмылкой направился один из стражников. Мордоворот покорно пошел с ним.

Пенни Мрак наблюдала за происходящим со своего обычного насеста. Как ей удалось выбраться на свободу?

Старик добрался до моего крыльца и остановился. На нем был необъятный коричневый плащ, гораздо большего размера, чем требовалось. Он с силой уперся палкой в землю, заставляя свое тело выпрямиться, и посмотрел на меня. Очевидно, я не произвел на него впечатления.

— Это вы Гаррет?

— Гаррет! Ты так и собираешься держать дверь нараспашку, пока мы все не замерзнем? — Да, Тинни за моей спиной пребывала не в лучшем настроении.

— Да.

Это было сказано в ответ на вопрос старика, но дошло до рыжеволосой. И оказалось принято к сведению.

«Приведи его ко мне».

— Кого?

«Серебряника».

— Я Серебряник, — объявил старик, словно это объясняло весь смысл мироздания.

— Просто замечательно. — (Это еще что за чертовщина?) — Входите, прошу вас.

— Мне понадобится ваша помощь. Эти ступеньки не внушают доверия.

Воздух был теплым. Снег таял, и ходить следовало осторожно. Нижние части города, наверное, уже затопило.

Словно по команде, из стены вырвалось облако пикси и в шелесте крошечных крыльшек устремилось навстречу хорошей погоде. Все, кроме Мелонди Кадар — та сделала попытку проскользнуть в дом. Тинни захлопнула дверь прежде, чем красавица-пикси успела залететь внутрь.

Я в замешательстве спустился с крыльца, чтобы помочь Серебрянику.

— Полагаю, вас ожидают?

Он посмотрел на меня странным взглядом.

— Держитесь поближе и поддержите меня, если я поскользнусь.

Взобравшись на третью ступеньку, он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Надеюсь, вы не большой любитель капусты, а?

— Что?

— Ничего, не обращайте внимания. Кто вы? И что вы?

Мелонди приземлилась на мое правое плечо.

— Я Серебряник. Вы что, не знаете, зачем посылали за мной?

Я, должно быть, как-то просмотрел тот момент, когда у меня началось раздвоение личности. У того меня, который сейчас командовал парадом, не было ни малейшего представления о происходящем.

— Да нет, не думаю.

Интересно — если ты являешься двумя людьми в одном куске мяса, ты сам знаешь об этом? Оборотни обычно знают.

— Пришел ваш человек, оторвал меня от работы. Он сказал, что вы можете продвинуть мою дочку вверх в списке очередников...

— Но... Перестань, букашка! — Мелонди в этот момент уципнула меня за ухо.

«За *ним* послал я, Гаррет. Ты кончиши наконец мешкать? Приведи этого человека сюда».

Я уловил в его мыслях нотку беспокойства. Что-то шло не совсем так, как хотел Покойник, — и вряд ли он так волновался из-за докучливой пикси. Мне ничего не оставалось делать, как положиться на ситуацию.

Дверь оказалась запертой.

— Ну, смотри, Мел, теперь у меня есть время разделаться с тобой!

Я сделал обманное движение, словно хотел ее прихлопнуть. Она возмущенно зажужжала и надулась. Рядом материализовались ее муж и семейство, а далее последовала типичная для пикси дискуссия, предмет которой — пьянство Мелонди — вскоре потонул в общем гвалте.

Тинни открыла дверь с застенчивым и вызывающим видом.

— Надеюсь, мы с тобой не кончим тем же самым, — проворчала я, ткнув большим пальцем в направлении стаи крошечного народа. — Меня это как-то не радует.

Покачивая головой, Серебряник протиснулся мимо Тинни. От его внимания не ускользнули ее достоинства. А вот от ее внимания, как всегда, ускользнуло его одобрение.

В коридоре нам повстречались Дин и Синдж — они несли целый набор всяких закусок. Доброе мнение Серебряника, видимо, имело большое значение для моего постоянного личного состава.

Логхир не устрашил Серебряника. Может быть, подобно самому Покойнику, его корни уходили настолько глубоко во времени, что его уже ничто больше не волновало. Он уселся в мое кресло. Когда Покойник вступил в контакт, он шире раскрыл глаза, но больше ничем не отреагировал. Соорудив себе чашку чаю с какими-то замысловатыми добавками, Серебряник отхлебнул, расслабился и задал вопрос:

— Итак, сэр, зачем вы вытащили меня из дома, оторвав от моего ремесла?

Костлявая Нога рассчитывал позабавиться предстоящим, чем бы оно ни было. Он не включил меня в разговор. Я утешил свои уязвленные чувства, придинувшись поближе к Тинни, где нашел себе некоторое развлечение, отдергивая руки от ее шлепков. Увы, вскоре Покойник прекратил нашу забаву.

«Серебряник — ювелир. Гаррет. Он работает на заказ, делая уникальные произведения. Может быть, мне стоит заказать ему что-нибудь особенное и для вас двоих?»

Паника. Веселье в мире мертвых. Вздох облегчения с моей стороны, когда я понял, что до Тинни не дошло ничего из высказанного.

«Но я могу включить в разговор и ее».

— Я буду хорошо себя вести, обещаю.

Веселье усилилось. Надо наконец как-то свыкнуться с этим. Серебряник говорил не очень много — Покойник отвечал на его вопросы прежде, чем старик успевал их высказать.

Синдж принесла гроссбух и кассу. Я уловил блеск благородного металла, когда она пересыпала деньги в морщинистую бледную ладонь Серебряника. Следуя инструкциям, разумеется. Затем, уже без инструкций, она подобралась ко мне, чтобы показать внутренность кассы.

Содержимое состояло из пригоршни выщербленных зеленых мездяков и двух надтреснутых, почерневших серебряных монет неопределенного, но явно почтенного возраста. Королевских физиономий на них было уже не опознать.

— Я знал, что этим кончится! Что я вам все время говорил? Вы, ребята, наконец сделали это!

«Спокойствие, Гаррет. Ты вернешь себе свое капиталовложение, когда придет время... Ага! Наконец-то. — Мне не составило труда почувствовать облегчение Покойника. Очевидно, все это время его что-то беспокоило. — Приготовься открыть дверь».

— Надо присмотреть, чтобы Мелонди не залетела внутрь. Я больше не могу позволять себе поощрять ее дурные наклонности.

«Иди, Гаррет. Возьми с собой свою трость».

— Что, с ней предвидятся настолько большие проблемы?

«Не капризничай, тебе это не идет. Трость нужна исключительно для предосторожности. Она вряд ли тебе понадобится».

Даже если и так, это не очень-то вдохновляло.

Вообще-то я собирался очень даже неслабо покапризничать. Они ведь практически довели меня до работного дома!

Тем не менее я последовал его указаниям. Ситуация, разумеется, была не настолько плоха, как можно было вынести из данных мне инструкций, — рядом со мной даже не было Дина, пытающегося понять, как заставить работать свой арбалет.

Глава 75

Я лишился дара речи — состояние весьма желательное, если верить словам кое-кого.

В мою дверь стучался не кто иной, как тот самый А-Лафов служитель, которого Мешок с костями недавно отпустил на свободу. Вид у него был решительный, но несколько сбитый с толку — словно у человека, от природы тутого соображающего, но тем не менее доблестно идущего вперед по жизни. При нем был комплект близнецов-громил, пребывавших в ужасе от необходимости явиться на публику в маскировке, — те самые близнецы, совершенно обескураженные тем, что им не позволили надеть свои фирменные безобразные штаны.

Я видел подобных ребят в армии — униформа помогала им определиться, кто они такие. Без нее они лишились стержня и места в жизни.

«Ты кончиши наконец копаться? Время не терпит. Сотрудники полковника Блока уже заметили их прибытие. Кто-нибудь может решить разобраться, в чем тут дело».

— Я тоже был бы не прочь выяснить, что...

«Живее!»

Ого! Кое-кто начинал нервничать. Я задвигался живее, впрочем не без сердитой мины.

Зеленые Штаны вошли в дом, опустив приветственные любезности. С лицами, говорившими: «Мои чувства уязвлены уже тем, что я нахожусь здесь». Я проворчал:

— У меня было бы немного больше желания действовать, если бы я знал, что за чертовщину ты тут затеял.

«Я пытаюсь закончить дело чисто, с максимальной пользой для всех. Желательно до наступления следующего тысячелетия. Приведи их ко мне. Сегодня».

Иногда приходится просто плыть по течению и смотреть, что из всего этого выйдет.

Я пригнал покорного дьякона с его буйволами пред светлые очи Покойника.

— Больше тебе ничего не нужно? Может быть, танцующих девочек? Я могу попросить Тинни заглянуть на огонек. Или мы все же подойдем к сути дела?

«Я боюсь, не возобновилось ли в тебе действие того ядовитого зелья».

Вот это мысль. Я приложил все усилия, чтобы игнорировать ее. Но тем не менее в этом могло что-то быть.

А-Лафов служитель прошел прямо к Серебрянику. Один из верзил положил на колени старика какую-то коробку. Серебряник достал лупу и открыл крышку.

Я отрыгнулся. В шкатулке была никелевая собака — щенок... хорошо, хорошо! Шакал.

Впрочем, этот экземпляр был не заряжен. Это был просто кусок металла.

Серебряник исследовал животное, затем взорвался на Покойника. Потом еще раз внимательно осмотрел статуэтку.

— Работа сложная. Но мне нравятся трудности. Особенно когда приходится иметь дело с необычными металлами. Однако здесь недостаточно материала.

Едва слышным голосом дьякон пробормотал:

— Будет еще.

Он помогал нам только потому, что был недостаточно силен, чтобы противиться Покойнику.

— Мне понадобится еще десять фунтов, — сказал Серебряник. — Предпочтительнее маленькими кусками.

Он отвечал на вопрос Покойника, не включившего меня в диалог. Покойник развлекался. Мстил. Все это ребячество...

«Гаррет!»

Я ответил сердитым взглядом, но внимание все же обратил.

«Сопроводи дьякона Осгуда и его коллег. Проследи за тем, чтобы они доставили необходимые материалы в мастерскую

Серебряника. Оставайся с дьяконом Осгудом до тех пор, пока он не выполнит свои обязательства полностью».

— Отлично, нет проблем! — Признаюсь, я не обошелся без некоторого сарказма. — Вот только тебя не затруднит сообщить мне, как я узнаю о том, что он это сделал? Всегда остается вероятность — совершенно микроскопическая, разумеется, но все же статистически возможная, — что я не смогу сообразить это самостоятельно.

«Дьякон Осгуд собирается передать нам их приспособление, с помощью которого жрецы А-Лафа собирают отчаяние. Мистер Серебряник произведет в нем некоторые изменения. Дьякон Осгуд и его соратники не в восторге от этой перспективы — но они провели достаточно времени в нашем многообещающем городе, чтобы по достоинству оценить энтузиазм Стражи».

Покойник прямо-таки исходил самодовольством. Было видно, что он готов перевернуть все вверх дном, только чтобы показать, каким гениальным укротителем проблем является некий усопший логхир.

«Я внедрил мощных червей в умы всех троих служителей А-Лафа — так что на протяжении сделки ими будут владеть глубокий страх и чувство подчинения. Но даже несмотря на это, тебе лучше вооружиться. У дьякона сильный разум, а близость заряженных шакалов может смягчить эффективность мозгового червя».

— Понимаю.

Я не стал комментировать тот факт, что мозговые черви больше не являлись воображаемыми. Хотя подозревал здесь какой-то подвох еще тогда, когда Покойник всучивал этот товар Учителю Уайту.

«А теперь расслабься. Мне необходимо заполнить вакуум в твоем черепе информацией, которая тебе понадобится, чтобы довести этот этап до наилучшего завершения».

Глава 76

Опираясь на базис, заложенный Жнецом Темиском и Чодо Контагью, служители А-Лафа проделали неплохую работу по налаживанию контактов в Ганфере. Их связи с Бледсо и семейством Терсайзов оказались весьма полезными. Но наиболее выгодным, с их точки зрения, оказался альянс на Холме — с заклинательницей Кабошон Ужасной (она же Дракотт Радомира), отпрыском королевской Фамилии, сравнительно малоизвестной колдуньей, чье имя никогда не попадало ни в один список преступлений и злодеяний правящего класса.

Кабошон была особенно полезна тем, что являлась усопшей — пусть еще и не легально, но по крайней мере фактически. В отличие от моего домашнего трупа старая ведьма просто сидела себе в углу, тихонько мумифицируясь. Ее иногородние приятели не стали докладывать о том, что из нее уже вышел дух.

Однако пришельцы также не придали значения неестественно хорошему посмертному состоянию останков. Очевидно, старая ведьма окружила себя заклинаниями, прежде чем сдаться неизбежному. Возможно, определенные люди смогли бы вернуть ее обратно. Если бы оказались в нужном настроении.

Но это была не моя проблема. Я был не в настроении.

Тинни издавала звуки, выражавшие отвращение. Я не собирался ее утешать — она сама настояла на том, чтобы пойти со мной. Пусть теперь наслаждается полным комплектом ощущений.

Я до сих пор еще тратил серое вещество своего мозга на поиск аргументов, достаточно острых, чтобы проникнуть сквозь рыжеволосое упрямство и заставить Тинни понять, что в моей жизни есть такие стороны, которые ей не следует делить со мной.

— Запах не такой уж плохой для трупа, пролежавшего уже долгое время, — заметил я.

Дьякон Осгуд и его команда не стали терять времени. Они быстро собрали металлических собачек, металлические обломки и инструменты для работы по металлу, валявшиеся по всей гостиной, превращенной в мастерскую. Если бы я был циником, я бы решил, что они хотели побыстрее выпихнуть меня оттуда.

Они сгребли все в старые мешки из-под картошки. Осгуд выглядел не более счастливым, чем какой-нибудь трудяга, которому приходится работать, когда у него болит голова. Он боялся, что теперь Стража пронюхает про эту хибару. Однако не помогать мне он не мог.

Очевидно, здесь располагался административный центр миссии А-Лафа в Танфере, подвалы же в терсайзовских зернохранилищах служили им жилыми помещениями.

Я осмотрел мертвую женщины. С первого взгляда было трудно судить, явилась ли ее кончина естественной, или же даме помогли. Ну ладно, уж полковник Блок сможет это выяснить. Тело окружала какая-то потрескивающая аура, словно бы говорившая: «Не прикасайся!». Я не стал. Возможно, только это и было необходимо для того, чтобы вновь вернуть ее к жизни.

Мешок с костями наверняка знал об этом. Знал — и не сообщил Страже. Он не хотел, чтобы его план по уши завяз в законе и порядке.

— Ты, Гаррет. — Дьякон Осгуд говорил мало, а когда открывал рот, его голос звучал измученно. — Возьми этот мешок. Ты, шлюха...

Тинни врезала ему между глаз первым подвернувшимся под руку оловянным кухонным прибором. Упомянутые глаза тут же съехались к переносице, дьякон зашатался. Его подручные вылупились на нее: случившееся было за пределами их разумения. Тем не менее я был рад, что Хохотунчик не пожалел времени, чтобы подавить их естественную предрасположенность ломать людям кости, когда происходит что-либо, чего они не понимают.

— Полегче, — сказал я Тинни, которая заводила себя для второго, окончательного удара. — Он нам еще нужен.

Она отбросила свое оружие, но по ее виду было ясно, что военные действия возобновятся в тот же момент, как только изо рта Осгуда извергнется еще один образец сексуальной нетерпимости.

— Вы о чем-то хотели меня спросить, дьякон? — ласково проговорила она.

Нечленораздельный звук. Встряхивание головы, чтобы разогнать искры в глазах.

— Мешок. Вот этот. Неси.

Он не дошел до того, чтобы сказать «пожалуйста», но это было вполне понятно. У него было тяжелое детство. Прошедшее среди козлов и прочей скотины.

Вскоре я заметил, что все, что было необходимо нести, оказалось распределено между всеми, кто был способен на это, — но сам добродушный дьякон не обременил себя ничем более тяжелым, нежели его совесть.

— Как ты думаешь, это стоит того, чтобы закатывать сцену? — спросил я Тинни.

— Сначала возьмем от него все, что нам надо.

Я уже видел прежде этот взгляд — большей частью в тех случаях, когда мне доводилось ее чем-либо обидеть. В каждом из этих случаев у меня был повод для сожалений впоследствии.

Серебряник внимательно исследовал каждый инструмент и каждый кусочек металла и затем произнес:

— Удовлетворительно. Я смогу работать с этим. Вы один из мастеров? — спросил он Осгуда.

Тот содрогнулся, словно собака, пытающаяся пройти мимо персиковой косточки. Запрет оставался твердым.

— Нет. Те, кто остался в живых, сейчас в тюрьме.

— Это как-то помешает вам? — спросил я Серебряника.

— Нет, просто у меня уйдет больше времени, чтобы удовлетворить запрос вашего патрона.

Тинни ухмыльнулась, прочтя мои мысли. Однако с присущим мне искусством я сумел разочаровать ее:

— Пока еще рано. Сначала возьмем от него все, что нам надо.

Впрочем, не могу сказать, чтобы я знал — что именно нам надо. Покойник набил мою башку всякой ерундой, при этом так и не выдав, в чем состоял его план.

Серебряник издал отрывистое приказание. Тут же набежала толпа мужчин и женщин, молодых и старых, но явно связанных с ним родственными узами, и похватала барабано, которое мы принесли. Я проромотал несколько слов на таком языке, который не часто использовал с тех пор, как вернулся с войны. Мне придется годами рыть носом землю, чтобы расплатиться за это.

— Ты. Выйди вон. Я пошлю сказать тебе, когда все будет закончено, — сказал мне Серебряник. Тинни он сказал: — Ты можешь остаться.

Вместо того чтобы как следует вмазать ему, как это было с Осгудом, девушка поцеловала его в щечку. Он порозовел.

По условиям сделки после этого Осгуд мог идти на все четыре стороны. Мы расстались у дверей мастерской Серебряника. Я надеялся, что он с его командой слянут обратно в Йимбер, но сказал Тинни:

— Зови меня циником, но я могу поклясться, что мы о них еще услышим.

Раздраженный, я отправился домой, размышляя о том, как долго Стражи позволят Осгуду гулять на свободе.

Те, кто висел у нас на хвосте, решили, что проследить за йимберскими олухами будет более важной задачей, чем преследовать меня. Что вполне согласовалось с прогнозами Покойника. Мне были даны инструкции на тот случай, если я окажусь предоставлен на собственное усмотрение.

Глава 77

— Ты знаешь кого-нибудь из этих ребят?

Мы с Тинни выглядывали из-за угла обветшалого краснокирпичного строения. Упомянутые люди пасли кого-то возле халупы Жнеца Темиска. Кроме них, пешеходов на улице не наблюдалось, так что пастухов можно было заметить с первого взгляда. Они выглядели не особенно счастливыми.

Погода опять менялась, и оставалось совсем немного до того момента, как она снова станет мерзкой. Небо было грязно-серого цвета.

— Нет. — Тинни поежилась. Она предпочла бы пойти куданибудь в тепло, но была сделана из достаточно крепкого материала, чтобы не ныть после того, как насиливо заставила меня взять ее с собой. — Не знаю. А что, должна?

— Надеюсь, что нет. Это самые последние из отбросов нашего города. Вон тот, высокий, работает на Дила Релвея. — Время от времени я видел его с Релвеем, но позволил девушке считать, что я сам сделал это умозаключение, пользуясь своими особыми deductивными способностями. — А второй — что-то вроде менеджера у гангстеров.

Хотя теперь, скорее всего, он являлся чем-то вроде недоделанного хозяина участка, поскольку трудовой пыл Релвея осушил запас людских ресурсов гангстерского мира вплоть до грязи на самом донышке. Я узнал этого типа по преувеличенной манерности в жестах и одежде — всегда стоявшей для него на первом месте, даже когда было бы умнее держаться незаметно.

Человек Релвея тоже узнал его. Тот, однако, не расколол същика, хотя он стоял прямо перед ним, на самом виду.

— Слушай, — прошептал я Тинни. — Вот что тебе нужно будет сделать...

— Ты пытаешься отделаться от меня?

— Я пытаюсь извлечь пользу из твоих талантов, раз уж ты здесь.

Ступай и скажи этому, расфранченному, что ты заблудилась. Похлопай глазками, сделай так, чтобы он пошел тебе помогать.

— А почему не тому красавчику?

— Наверное, потому, что он красавчик. И следовательно, скорее всего не купится на хорошенькое личико. Не говоря уже о том, что если он отправится помогать тебе, второй тупица следом за вами не двинется. Он не знает, что красавчик здесь.

Она пыталась переварить сказанное.

— А высокий пойдет?

— Я бы на его месте пошел. Я бы решил, что ты принесла ему чье-то послание, и захотел бы узнать, в чем дело.

Поскольку Скалдитов разбомбили, я решил, что этот парень должен работать на кого-то еще, чьи интересы были параллельны интересам отжившей фракции. В данной местности это могло означать лишь доброго старого Учителя Уайта.

— Давай лети, — сказал я Тинни. — Соблазни его. Убери его прочь отсюда.

Я порылся в кармане: ключ был на месте. Жнец Темиск каким-то образом умудрился потерять его, пока находился в моем доме. Я не ведал, что удалось вытянуть из него Покойнику, — тот лишь распорядился, чтобы я обыскал жилище адвоката. Полагаю, к этому моменту эту операцию уже проделали как Стражка, так и Организация.

— Но если он станет меня лапать...

— Я умру от ревности.

Она показала мне язык и двинулась прочь. С надменным видом.

Я не смог бы изобрести лучшего сценария. У нашей жертвы не оказалось ни унции мозгов выше уровня поясного ремня. Тинни вонзила свой крючок, подсекла и повела его за собой, потратив на это ровно столько же времени, сколько ушло на то, чтобы сказать эти слова. И человек Релвея решил, что его долг — проследить за ними.

Глава 78

В жилище Темиска было сумрачно. Лишь немного света пробивалось сквозь слабые подобия окошек; впрочем, его и снаружи было не так уж много. Тем не менее лампу зажигать я не стал — ее свет проник бы наружу, известив весь мир о том, что в дом кто-то забрался.

Первым, что я выяснил, был неожиданный факт: никому не пришло в голову обыскивать это место. Либо же кто-то осмотрел его крайне осторожно.

Вначале я просто ходил кругами, проникаясь ощущением этого места. Покойник хотел, чтобы я нашел здесь нечто, — не вооружив меня даже малейшим намеком.

Здание было трехэтажным. Темиск занимал первый этаж, который был не так уж велик. Кто же жил наверху? Я не мог припомнить, чтобы когда-либо видел здесь других жильцов.

Я проверил, все ли спокойно на улице. Город выглядел призрачным. В воздухе уже начинали кружиться пухлые снежинки, предвкушая грядущее развлеченье. Я выскользнул наружу. Там быстро ходило, коварный ветер свистел, задувая между зданиями. Я перешел на другую сторону, повернулся и сразу же увидел место, где раньше находилась лестница, ведущая в верхние этажи, — на нее был вход с улицы, с правой стороны здания, если стоять к нему лицом, как стоял я. Ступени крыльца были сняты; каменщик постарался подобрать подходящие цвета, но все же не смог скрыть контур бывшего дверного проема. С окнами в верхних этажах было проделано то же самое. Что было не так уж необычно в этом городе, где каждый мучился параноидальными мыслями относительно вторжений и взломов.

Краем глаза я уловил какое-то движение. Длинная, тощая, сутулая фигура шлепала по направлению ко мне, наполовину скрытая

снегопадом, несчастная и сгорбленная. Я незаметно нырнул обратно в квартиру Темиска.

Скелингтон лег в дрейф возле входа. Итак, Учитель был все еще в игре. Не демонстрируя особенного воображения.

Я продолжил исследовать адвокатское жилье. Ничто не бросалось в глаза. И не должно было бросаться, если это не подразумевалось изначально. Но все же... В стене, граничившей с предполагаемым лестничным колодцем, имелся огромный камин, по виду которого нельзя было сказать, что он часто использовался. И расположен он был в таком месте, которое не имело смысла с точки зрения архитектуры.

Я как раз обнаружил железные скобы внутри неестественно просторного дымохода, когда кто-то подергал входную дверь. За ней раздались голоса. Они звучали недовольно.

Быстро задвинув ногой каминные принадлежности обратно на место, я втащил себя наверх. Едва я успел убрать ноги, как новоприбывшие вломились в помещение.

— Куда он делся? — требовательно спросил Учитель. — Давай быстро, проверь задние комнаты. Может быть, там есть другой выход.

Затопали ноги, быстро и тяжело.

— Другого выхода нет, — сказал Скелингтон. — Я хорошо осмотрел это место. Я бы знал.

— Рад за тебя. Я в последнее время очень полагаюсь на твой здравый смысл и рассудительность.

Их было четверо. Я был не в той форме, чтобы вступать в бой при таком перевесе в пользу противника — даже если речь шла об Учителе и его шутах гороховых. У меня был тяжелый день; кроме того, действие ядовитого зелья еще не вполне выветрилось.

— Там никого нет, босс! — Этот голос я не узнал.

— Ку-ку, где ты, где ты, Гаррет? — позвал Учитель. — Выходи, выходи, где бы ты ни был! Скелингтон, ты уверен, что он вошел сюда?

— Конечно. Я же стоял рядом на улице, черт возьми!

У Скелингтона оставалось совсем немного терпения для своего шефа. Я не мог понять, почему он еще не бросил его.

— Хорошо, хорошо... Так ты позволил девчонке уйти, Щука?

— Там нечего было «позволять», босс. Я же говорил вам. Этот шпик набросился на меня, так что я даже пикнуть не успел. Она слиняла от нас обоих. И если бы не это, я, может быть, и не добрался бы до вас. Черт побери, мне крупно повезло, что я ушел от этого проклятого гонца! Я мог бы сегодня ночевать в аль-харской камере!

Учитель буркнул что-то насчет того, что это, возможно, научило бы его уму-разуму.

Ни один из его ребят не был рад: все шло не так, как они хотели, они считали друг друга бесполезными, а тот, кто ими командовал, судя по всему, совсем спятил. Они держались друг за друга лишь по привычке, да еще из-за слабой надежды, что мир все же повернется к ним лицом.

— Этот ублюдок где-то здесь, — проворчал Учитель. — Темиск небось рассказал ему обо всех своих потайных местечках.

— О каких это потайных местечках, босс?

— Откуда мне знать! Черт побери, подумай головой, Венди! Он же долбаный адвокат, так? А это значит, что он ворует всякую ерунду и прячет людей от Стражи, и всякое такое дермо.

Ага. Братец Уайт заводит себя, пытаясь набраться искусственной смелости.

— Он никогда не работал ни на кого, кроме Чодо, босс.

— Никогда не верь этому, Венди, никогда! Он может говорить это. Он может пудрить Чодо мозги, сколько хочет. Но по-настоящему он никогда не работал ни на кого, кроме Жнеца Темиска. Он же долбаный адвокат, черт побери! У него всегда что-то варилось под крышкой... Где, черт побери, этот ублюдок? Мне не терпится сломать парочку костей. Гляньте в этой чертовой трубе!

Вот оно. Я попадся. Если я сейчас начну вэбираться наверх, то выдам себя шумом. Если останусь на месте, то Венди засечет меня. Это был один из тех особых моментов, какие нечасто встречаются в жизни.

Подо мной появилось лицо. Венди проверял камин нехотя, только для того, чтобы Учитель заткнулся к чертям собачьим. Его глаза чуть не вылезли из глазниц, когда он увидел меня. Я изо всех сил шваркнул его ботинком по темечку, и он упал на колени, что-то мыча. Он был в сознании, но неспособен к членораздельной речи.

— Ты что, свалился из этой чертовой трубы? — зарычал Учитель. — Что за бесполезный кусок свиного деръма!

Пока он ворчал и жаловался, я, пользуясь моментом, взобрался повыше. Всего лишь в нескольких футах дальше вверх по дымоходу я обнаружил выход в тот самый лестничный колодец, который был заложен кирпичом с улицы. Слабый свет сочился вниз сквозь дальнее слуховое оконце — настолько узкое, что сквозь него не смог бы пролезть даже самый тощий грабитель. Даже в летний полдень при ясной погоде оно вряд ли пропускало особенно много света, а сейчас служило скорее маяком.

Я, однако, не стал сразу же кидаться наверх. Я исследовал новую территорию фут за футом, выискивая засады и скрытые мины. Снизу донесся голос:

— Кончай меня морочить! Там никого нет.

Бу-бу-бу, ох, ох, бу-бу-бу.

— Ну хорошо. Скелингтон! Давай-ка, заберись туда.

В ответ Скелингтон очень отчетливо, членораздельно и с подчеркнутым отсутствием почтения наконец-то определил свою позицию относительно Учителя Уайта: у него были другие планы.

— Ладно. Щука, иди ты.

— Сразу же после вас, босс. Я прикрою вас сзади.

Входная дверь задребезжала и хлопнула: похоже, вся команда Учителя решила искать счастья в другом месте. Но будучи умным мальчиком, приученным по опыту к постоянной подозрительности, я не мог полностью рассчитывать на то, что слышанное мною явилось тем, что произошло на самом деле.

И все же, по-видимому, это было именно так.

Учитель остался в одиночестве. Он принялся ругаться, и бормотать, и расшвыривать вещи. Покидавшись вещами, он шумно опустился фляжку, которую принес с собой. После этого он забормотал уже на иностранных языках.

Бутилированная храбрость, в вольной пропорции смешанная с глупостью и злостью, погнала его в дымоход. Непрерывно бурча себе под нос, он принялся карабкаться наверх. Дважды он поскользнулся, прежде чем добрался до замурованного лестничного колодца.

— Так я и знал — сукин сын прячет здесь какое-то дермо. Чертовы адвокаты! Все они одинаковы. Шайка воров.

Он взбирался по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке и хватаясь руками за стены по обе стороны от себя, забыв о том, что еще недавно поджидавшая впереди опасность казалась ему достаточно серьезной, чтобы послать перед собой других. Я услышал, как было упомянуто мое имя. За прошедшее время его мнение обо мне не улучшилось. Он пыхтел, отдувался и не оказал слишком серьезного сопротивления, когда я разоружил его, — только всхлипнул и тут же сдался. Я связал его первым, что попалось под руку. Он захрапел.

Я зажег светильники и предпринял тщательное исследование убежища Жнеца. И был поражен: Жнец Темиск определенно имел чрезмерно раздутое представление о собственном хитроумии.

Первая же лампа, которую я зажег, осветила стол, заваленный всяческими алхимическими приборами, которые Темиск использовал, чтобы готовить свои сюрпризы с огненными камнями. Здесь были все свидетельства для вынесения обвинительного приговора. Многое имелось даже на бумаге. Особенно большой интерес представляли карта Уайтфилд-холла и заметки касательно того, что там произошло, а также соображения начет этого убежища и возможности пожертвовать некоей Бай Клакстон. Поверх бумаг лежала буханка хлеба, еще даже не успевшая отрастить бороду.

Жнец навещал это место после праздничного вечера. Несмотря на то что за домом наблюдали.

У него имелся потайной вход.

В этом не было ничего удивительного. В некоторых районах Танфера даже существует серьезная опасность обрушения зданий из-за чересчур активных саперных работ под ними.

С этим я разберусь позже.

Итак, вот здесь и прятался Темиск. Потирая руки. При том, что он вовсе не был настолько умен, как считал: для меня не составило такого уж труда попасть сюда.

Темиск был одержим книгами, причем без особого порядка. На втором этаже они были повсюду — дюжины книг, сотни книг, целое состояние в книгах. Лишь церкви и принцы крови могли позволить себе держать настоящие книги. Мне припомнилась моя идея насчет

крыс-писцов. Интересно, где Темиск наворовал столько книг? Он никогда не имел особого достатка, чтобы покупать их.

На третьем этаже порядка было больше. Он был меблирован, но им явно не пользовались. Я немедленно заключил, что поверенный создал здесь убежище для своего друга. Причем давно. Но ему так и не представилось возможности использовать его: когда Чодо наконец-то попал в его руки, адвокат уже не смог бы незаметно пронести старика в дом.

Я вернулся обратно на второй этаж, и тут обнаружил, что Жнец был маньяком по части ведения дневника. Покойник наверняка знал об этом — но не позабылся поставить меня в известность. Похоже, здесь были записаны чуть ли не каждый момент и каждая мысль, когда-либо посетившие Жнеца Темиска. В основном они фиксировались на щедро разбросанных отдельных листках бумаги.

Светильник почти прогорел. Я дважды задремывал, несмотря на то что мемуары Темиска были весьма интересны. Каждый раз, стоило мне отключиться, как Учитель Уайт переставал храпеть, и его попытки выскользнуть из пут будили меня.

Затем внизу поднялся крик. Я притих. Учитель сперва имел на мере пошуметь, но не стал этого делать, поскольку узнал голоса.

Громче всех ревела Торнада. Еще я услышал голос Тинни, чьи выражения слегка более подходили для леди. Там же присутствовал и Плоскомордый. Они искали меня — судя по всему, затерявшегося в снежном буране. Посреди ночи. Обеспокоенные донельзя. Мне же не хотелось делиться с ними своими открытиями — только не с Торнадой!

Я наконец-то вычислил план Покойника — так мне казалось. Однако, если я сейчас ничего не предприму, они начнут искать мертвое тело. И найдут все остальное.

Чертова Торнада! Вечно она попадается не в том месте и не в то время!

Я схватил перо и чернила. Дьяволы на небесах в кои-то веки улыбнулись мне: перо было очинено, а чернила еще не засохли. Я поспешил начеркнуть записку. Теперь нужно подкинуть ее вниз, в такое место,

где на нее кто-нибудь наткнется. Я прокрался мимо Учителя и вниз по лестнице. Забираясь в дымоход, я услышал, как Торнада бранится и расхваливает вещи.

— Утихомирь ее, Йон Сальватор, — сказал Тарп. Он рассмеялся: — Торнада, Гаррет не будет лежать под столом, живой он или мертвый!

Предположение, что кто-то может ее утихомирить, снова спустило Торнаду с цепи. Она взвилась до потолка и с грохотом понеслась куда-то внутрь дома.

— Она выпила немного, — объяснил Тарп. — Йон, лучше пойдем приглядим за ней, а то что-нибудь, что ей не принадлежит, может случайно попасть к ней в карманы.

Пока что удача оставалась со мной. В некотором роде.

Я выпал из дымохода при попытке свеситься вниз и взглянуть, что происходит. С этим мне не повезло. Повезло же мне с тем, что меня не увидел никто, кроме Тинни, которая закрыла рот сразу же, как только я поднес палец к губам. Я передал ей записку. И успел скрыться из виду прежде, чем Торнада снова ввалилась в комнату, чтобы выяснить причину шума.

— Я перевернула эту штуковину, — сказала Тинни, указывая на железную подставку для дров. — Когда дотягивалась до полки. Смотри, что там было: это записка от Гаррета! Он написал ее на случай, если кто-нибудь придет сюда его искать.

— И что там написано?

Торнада учゅяла подвох. Тинни прочла ей записку вслух.

— Йон Сальватор, там написано то, что она говорит?

— Слово в слово, — доложил малютка.

— А казалось бы, этот засранец Уайт должен был хоть чему-то научиться! И что мы будем делать теперь?

— Может, вернемся обратно в дом Гаррета? — предложила Тинни.

— Нет, здесь что-то не так...

Плоскомордый заметил:

— Ты почти совсем без недостатков, дорогая Торнада, но одна маленькая проблемка все же есть: ты считаешь, что у всех остальных в голове такой же бардак, как и у тебя.

— Что ты хочешь этим сказать, черт побери?

— Я хочу сказать, что у большинства людей нет скрытого умысла, когда они говорят тебе о том, что думают.

— Чертова с два! Ты что, и вправду такой наивный?

Это было последнее, что я услышал. За ними закрылась входная дверь, до меня долетело холодное дуновение. Воздух в самом деле поднимался вверх по дымоходу, как ему и было положено.

Я немного подождал: Торнада была из тех людей, кто мог неожиданно вернуться. Потом я вылез из камина. Они оставили светильники гореть. Мне вообще-то казалось, что у Тинни больше здравого смысла.

Ах, да. Разумеется, больше. Достаточно для того, чтобы сообразить, что мне понадобится свет, чтобы видеть, что я делаю.

Глава 79

Несмотря на немалую возню по спусканию находящегося в отключке Учителя вниз по дымоходу, я почти догнал Тинни и остальных по дороге домой. И все это несмотря на погоду, которая оказалась не настолько ужасной, как я боялся, — пока что было просто холодно и мокро.

Уайта я взял с собой. Он нуждался в особой работе Покойника, чтобы привести его мозги в порядок.

Я притащил Учителя прямо к Еgo Сиятельству.

«Ого! Да мы, кажется, дуемся, а?»

— Да, мы дуемся. Пришла пора заканчивать эти игры. Привет, милая! — я приобнял Тинни одной рукой и чмокнул в щечку, не обращая внимания на всех остальных.

«Я признаю, что недобросовестно подошел к тому, что касалось мистера Темиска. Но следует учесть, что в это время я подготавливал дьякона Осгуда для его роли и не мог отвлекаться».

Полминуты спустя я уже знал, что сокровища, хранившиеся у адвоката, не входили в планы Покойника. Он не имел понятия об их существовании.

«Я ожидал от тебя большего в доме Кабошон Ужасной. Однако Осгуд сумел грамотно и быстро увести тебя оттуда, так что его собственное дело не потерпело ущерба».

Я не успел выяснить, что он имел в виду: кто-то принял барабанить во входную дверь. С поразительным энтузиазмом.

«Это мистер Косс. Он явился по поручению полковника Блока, у которого возникли подозрения относительно его недавнего визита. Позволь ему войти — но только ему одному».

Я подошел к двери. Было поздно, и Дин уже спал, так что мою спину не прикрывал его арбалет. Впрочем, Плоскомордый с Торнадой тоже вышли посмотреть. Их двоих было вполне достаточно, чтобы не впустить в дом нежеланных гостей — за исключением высокоскоростной пикси, заставшей врасплох всех нас.

Черт с ней. Кухонная дверь все равно закрыта.

— Вам стоило бы потребовать прибавки, учитывая, в какие часы вам приходится работать, — сказал я Коссу.

— Моя жена согласилась бы с вами. Но у меня хотя бы есть работа, а у многих ее нет. Впрочем, можете упомянуть об этом полковнику.

— Обязательно. Что еще его беспокоит?

— Вы сегодня нанесли визит на Холм.

Я не стал отказываться. К чему?

— И что?

— А то, что после вашего ухода банда крысиного народа обчистила это место.

— После моего ухода. Отлично... И за ними, конечно же, велось ежеминутное наблюдение? — Я возмущенно взорвался на Покойника. Эта безжизненная глыба мертвого мяса излучала чувство лживой невинности, совмещенней с самодовольствием.

— Достаточное, чтобы мы могли быть уверены, что вы ничего не вынесли лично.

Вранье. Все, кроме Осгуда, хоть что-то вынесли из сорокакомнатной хибари Кабошон Ужасной.

— Я не занимаюсь подобного рода вещами.

— Но вы якшаетесь с крысиным народом.

Моя постоянница, относящаяся к этому племени, ухитрилась сделяться невидимкой за то время, пока я шел до двери. Покойник казался еще более сияющим, чем когда-либо.

— В этом и состоял план, так?

— Простите? — Косс не понял, что моя гневная реплика относилась к моему партнеру.

— Его план. Чтобы свалить все на меня. Он постоянно это делает — и у него никогда не получается.

— Уверен, это лишь вопрос времени. — Косс был несколько не в фокусе: в комнату вошла Тинни Тейт. Причем она улыбалась. Ему.

Косс промямлил:

— Там было тело...

— Сэр?

— Ну как же... Старая женщина. Мертвая. В кресле.

— Я видела ее, — вмешалась Тинни. — Я там была вместе с Гарретом.

Это заявление вызвало у Косса противоречивые чувства.

— Он ведь как четырехлетний ребенок, — пояснила она. — За ним постоянно надо присматривать.

После этого положение резко изменилось — в некотором роде. Выбрав мгновение, когда веяние Тинни слегка ослабело, Косс спросил:

— Где вы провели весь вчерашний вечер и ночь?

— Не вижу, с чего вы взяли, что имеете право меня об этом допрашивать. Хорошо: я пытался раздобыть сведения об этих парнях, которых, как заявляет ваш босс, я укрываю. О Чодо и его ручном адвокате.

Он мне не поверил. О, это уязвило меня в самое сердце! Но он надеялся, что Тинни сможет рассказать ему еще что-нибудь о мертвой заклинательнице, так что не стал настаивать. Впрочем, он не додумался до того, чтобы попытаться назначить ей свидание — возможно, из-за того, что прежде уже упомянул о своей жене.

Каким-то образом, не получив особенно много ответов на свои вопросы, Косс проникся убеждением, что узнал все, за чем пришел. Я выпустил его за дверь, где недовольные сослуживцы ждали его на холоде, под снегопадом. Тинни увязалась за ним, довольная, насколько это только возможно. Она наконец начала замечать свою силу.

С кухни донесся звук бьющейся посуды.

— Эта треклятая Мел! Как она туда попала, черт побери?

Вместе с Синдж, разумеется. Вот куда делась Синдж, когда я впускал Косса в дом.

Я снова открыл входную дверь. Снег падал большими, медленными хлопьями. Я призвал родню Мелонди, чтобы они утащили ее домой.

Это была одна из моих наименее вдохновенных идей. Поднявшаяся свара вызвала столько шума, что проснулся Дин и сошел вниз, чтобы восстановить порядок на кухне. Сумятица получилась хуже, чем после удара молнии.

Я воздел руки к небу и ретировался в комнату Покойника. Синдж увязалась за мной — очевидно, ее вызвали. Она достала кассу и гросбух, внесла соответствующие записи, после чего заплатила Торнаде и Плоскомордому за помошь, которую те оказали в попытках разыскать меня. Я не стал ничего говорить, пока они не ушли — вместе со своей пикси, по-прежнему бранящихся, причем Мелонди Кадар была не единственной, кто проявлял признаки алкогольного отравления.

Затем я ласково спросил:

— Что, наша касса теперь волшебная? Если ее открыть, в ней всегда находятся деньги, сколько бы мы ни потратили на придуманные задания для наших друзей? — Я говорил это Синдж, но косил глазом на своего партнера. — Или, может быть, мы что-нибудь заложили?

Весельчак проигнорировал меня — как и следовало ожидать. А Синдж просто пожала плечами, безразличная к еще одной вспышке недоступного для нее нравственного негодования.

— Мы получили неожиданный доход.

Я начал было пылать праведным гневом, но Его Сиятельство обрезал меня.

«Ты бы чувствовал себя более удовлетворенным, если бы богатства культа А-Лафа пошли директору Релвею? После того как плохое поведение этих ребят истощило наши собственные средства? Других вариантов у тебя нет».

У меня был безжалостно длинный день. К тому же остаточный эффект ядовитого зелья действительно имел место.

— Я отправляюсь спать, — объявил я.

Глава 80

Следующие десять дней были спокойными. Более или менее. Морли заходил к нам, когда позволяла погода, — главным образом чтобы напомнить мне, что я еще должен рассчитаться с ним. Почкинка и восстановление входной двери оказались для него уникальным переживанием. «Пальмы» были вынуждены на несколько дней приостановить работу, пока помещение проветрывалось.

— Но ведь этот мой человек, Хламбо Малклар — как раз такой настоящий современный джентльмен-вегетарианец, какие тебе по вкусу, разве не так?

— Буррум-гуррум барабурдум забаззабам!

— Вы, кажется, что-то там бормочете, сэр?

— Аззасубздяч!

Джон Пружина сновал туда и сюда — он, похоже, собирался обосноваться здесь как дома.

С такой же частотой навещала своих котят и Пенни Мрак, победившая свой страх перед Покойником. Не предлагая, однако, забрать их от меня. Она собиралась открыть свой храм — теперь уже вскорости, — как только найдет для него подходящее место. Я положил глаз на хламовник Биттегурна Бриттигарна.

Я проводил много времени в имении Тейтов. Даже слишком много. Родственники Тинни по мужской линии весьма откровенно выражали это своим отношением ко мне, хотя и соблюдали неукоснительную вежливость: бизнес есть бизнес.

Дьякон Осгуд и оставшиеся в живых поклонники А-Лафа избежали заключения. Я подозревал взятку. Они приняли решение закончить свою миссию в этом склонном городе. Я пожелал этим парням черта в помощь и отвратительной погоды по дороге домой.

Погода не по сезону, раз установившись, редко меняется к лучшему. Просто через какое-то время сезон начинает соответствовать погоде.

Люди полковника Блока и Релвеевы гонцы не переставали путаться у меня под ногами. По-видимому, Блок был уверен, что Танфер сразу же забросит свои дурные привычки, если ему, Блоку, удастся поймать старого доброго любящего голубоглазого Гаррета на чем-нибудь горяченьким.

Моя подруга Линда Ли из Королевской Библиотеки знала местонахождение и историю множества ценных книг, и ей было известно, какие из книг пропадали из Королевского Собрания за последние пару десятков лет. Использовав Торнаду и Плоскомордого (поскольку они не могли прочесть вверенные им послания), я известил отдельных коллекционеров, что в ходе связанного с другими вопросами расследования на поверхность всплыл тайник с украденными томами, и, возможно, некоторые из их ценностей являются частью этого сокровища.

Мемуары Жнеца Темиска, как бы они ни были детальны, содержали в себе лишь даты, когда он пополнял свою коллекцию. Ни источники, ни имена его специальных поставщиков не были упомянуты. Увы, шанс вновь посетить жилище Темиска мне также не предоставился: как хорошие, так и плохие парни равно не спускали с него глаз. Хотя Учитель и Скалдиты исчезли со сцены, существовало немало других, кто имел виды на Чодо, его поверенного и его официальную наследницу.

Находить людей и вещи — мое ремесло. Обычно я просто делаю то, для чего меня нанимают, — но именно умение находить лежит в корне репутации Гаррета. Спустя десять дней от девятнадцати до двадцати четырех библиофилов внесли щедрые пожертвования в награду за возвращение своих сокровищ.

Со временем найдутся и другие. Коллекционеры — люди такие.

Учитель Уайт оставался с нами четыре дня и покинул дом с дочиста промытыми мозгами и твердым намерением начать карьеру точильщика ножей. Плеймет принял его к себе в качестве приходящего подмастерья. Плей искренне верит, что в каждом человеке присутствует крупица добра — возможно, за исключением меня. Когда-

нибудь из него выйдет грандиозный проповедник. Если я не подстрою так, чтобы его пришли.

Мешок с костями не стал возвращаться в спячку. Настолько не характерный для него вкус к реальному миру пробудил во мне подозрения. Серьезные подозрения.

Глава 81

Я только что завершил успешное воссоединение нескольких книжек с некоей Сенишой Сиодрех, отвечающей супругой одного обитателя Холма с суровым именем. Женщина глядела на меня с такой жадностью, что я едва с воплем не обратился в бегство — предварительно наложив лапы на выкуп. Вознаграждение. Плату за находку. Если мне еще когда-либо придется иметь с ней дело, притащу с собой взвод евнухов-телохранителей.

Я заглянул в книжки перед тем, как отдавать их. Это были так называемые «любовные романы». Весьма откровенные. Я покрылся краской, когда мы производили обмен.

В моем старом логове что-то изменилось. Я почувствовал это, заметив среди покинутых козлиных повозок необычного вида карету. Уже пережив не так давно несварение желудка по сходному случаю, я сразу же подумал о том, чтобы направиться прямиком к Тинни, — но при мне была выручка от обмена любовными романами. У нас есть бандиты, наделенные прямо-таки нюхом на благородные металлы.

Я по-быстрому оглядел странную карету, прежде чем войти в дом. Она была сработана из какого-то серебристого металла и выкрашена сверху под дерево. Я не смог распознать краску.

— Что-то мне это не нравится, — пробормотал я.

Мое внимание отвлекло новое явление: показался Серебряник, погруженный в запряженную осликом тележку, в окружении молодых парней, выглядевших так, словно их всех отлили в одной форме. Парни были вооружены дубинками. Следом тащился любопытствующий полицейский.

— А, Гаррет! — произнес Серебряник, сворачивая к дому. — Я закончил работу. Результат соответствует гораздо более высоким

стандартам, чем было оговорено изначально. Задача оказалась сложной, даже после того как я определил, каким образом были наложены заклинания.

— И почему это я не удивлен?

Серебряник расправил свою согнутую спину, чтобы посмотреть мне в глаза. Он не был привычен к сарказму и резким отповедям. Он был мастер, художник, и к тому же старейшина своего клана.

— Это вынудило нас несколько повысить расценки.

— Ну разумеется. Что ж, давайте зайдем в дом и посмотрим, что думает на этот счет мой партнер.

Уж Костлявая-то Нога разберется с этим жуликом.

В результате мне пришлось тащить на себе тяжелый мешок, потому что двое молодых парней помогали Серебрянику дойти до двери.

Покойник, конечно, уже знал о нашем прибытии. Синдж открыла дверь, как только мы взошли на крыльцо.

— У нас кто-нибудь есть? — спросил я шепотом, на случай, если это окажется кто-нибудь, кому не стоило знать о Серебрянике.

— Морли Дотс с подругой.

Меня прохватил озноб. Я не успел обратить на это внимание: Серебряник врезался в меня сзади. Я двинулся вперед, в комнату Покойника — туда, где меня поджидала в засаде вся тьма опускающейся ночи.

Я издал вопль отчаяния.

Ухмыляющийся темный эльф сидел в моем кресле, прихлебывая мой чай, в то время как одна из его небесно-эльфийских леди занимала второе и была, по всей видимости, погружена в глубокое единение умов с Покойником.

Но не эта костлявая, почти бесполая женщина была причиной моего отчаяния.

На ее левом плече, прикрыв глаза, подремывало мое древнее проклятие: мистер Большая Шишка, больше известный как Попка-Дурак.

«Пожалуйста, выплати мистеру Серебрянику еще двенадцать золотых флоринов».

Я был настолько оглушен, что смог вымолвить только:

— Флоринов больше не делаю. Их перестали выпускать еще со времен начала Нового Королевства.

Морли, заметив мой ужас, вызванный клоунской птицей, позволил себе улыбку тонкого удовлетворения.

«Тогда выдай ему современный эквивалент. — И раздраженно: — Они же не поменяли вес, только названия. Я прав?»

— Не совсем. Сейчас есть соверены, это самый ближайший аналог. «Заплати этому человеку».

— Но...

«Работник достоин своей платы. Серебряник — мастер. Он выполнил порученную ему работу, выйдя далеко за пределы того, о чем я его просил. Это интуитивный гений. Заплати ему».

Я сомневался, что смогу это сделать — двенадцать флоринов равняются тринадцати королевским соверенам.

Выплату производила Синдж. Я не смог заставить себя заглянуть в кассу. Тринадцать соверенов — это больше, чем большинство людей зарабатывают за год. Больше, чем некоторые из моих знакомых смогут заиметь в течение всей своей наполненной амбициями жизни.

— Ты прекратишь наконец заниматься гипервентиляцией? — прошипела она, врезав мне между глаз самым длинным словом, которое она когда-либо произносила. — Наши финансы вполне устойчивы. По крайней мере, на данный момент.

Ее заверения не сильно мне помогли. Я взглянул на дрыхнувшего попугая: эта тварь могла пробудиться в любую секунду. Осознание этой возможности заставило меня стремглав кинуться прочь из кухни. Я по-быстрому закинул в себя две кружки вейдеровского «Особого Темного», после чего, уже в менее расстроенных чувствах, возвратился назад, готовый встретиться со своими страхами лицом к лицу.

Мой лучший приятель сидел на том же месте, продолжая ухмыляться во всю пасть, как пес, поедающий собственную какашку.

Серебряник уже уходил. Он сказал мне:

— Я должен буду выехать немного впереди. Встретимся на месте.

Его парни вытаскивали те же самые мешки, которые я только что помог втащить внутрь. Вот у кого не было проблем с передвижением по городу под тяжестью всей этой массы золота!

Я хотел было вопросить: «Ты что, не собираешься даже оставить себе то, за что мы заплатили? После того как он нас ограбил?» — но Мешок с костями впрыгнул в мою голову прежде, чем я успел открыть рот.

«Пожалуйста, составь компанию мистеру Дотсу. Наступает момент, когда наконец в наших силах будет положить удовлетворительное завершение этому делу».

Морли продолжал ухмыляться. Наслаждаясь видом того, как я предвкушую падение молота на свою несчастную голову.

Я составил компанию мистеру Дотсу — выйдя из дома последним, просто чтобы убедиться, что треклятый попугай по какой-нибудь случайности не остался внутри.

«Гаррет! Ты забыл взять котят. Вернись и возьми их».

Я ничего не забыл — просто мне как-то не пришло в голову, что может оказаться необходимым тащить с собой ораву этих тварей. Да и с чего бы?

— Подождите, — сказал я окружающим. — Мне нужно забрать еще кое-что.

Я обнаружил, что Удача уже сгрудилась в своей дорожной корзинке, возбужденно поблескивая глазами, готовая отправиться в путь. Жутковатые зверюшки. Никакие это были не котята — все это просто маскировка, не больше! Я вытащил их наружу. Корзинка была погружена на тележку Серебряника, как только я догнал его. Он не терял времени даром.

В какой-то момент к процессии присоединилась Пенни Мрак. Она старалась не попадать в радиус захвата моей цепкой руки. Я подумал, стоит ли винить в этом Тинни или Белинду, или же девочка просто по-прежнему настолько не доверяла миру?

Морли следовал позади — он с его подругой ехали в той странной металлической карете, которую тащила пара лошадей, вызывавшая смешки прохожих на всем протяжении пути. Не считая этого, никто, казалось, не интересовался нами. В частности, мы были невидимы для муниципальных служащих, окончательно сидевших в районе Макунадо-стрит.

* * *

Через полчаса я уже знал, куда мы направляемся. Потому что мы туда прибыли.

Леса были убраны. Плохие парни из Йимбера закончили свою работу, вопреки собственной воле сотворив благое дело. Больница уже многие годы не видела каменной кладки, которая была бы в настолько хорошем состоянии.

Я окинул взглядом стены: даже те работы, которые оставались незаконченными на момент моего последнего посещения Бледсо, были теперь завершены. Неужели Покойник зашел настолько далеко, что вынудил дьякона Осгуда довести до конца свою благотворительную деятельность, прежде чем отпустить его домой? Очевидно, так оно и было.

Это пугало.

Морли спешился.

— Я иду наверх, — объявил он.

— Что? — Неужели Морли... он знал, что здесь происходит, а я по-прежнему не понимал ничего!

У нас с моей второй половиной назревал серьезный, долгий разговор.

К тому времени как я доковылял до холла, этот маленький засранец уже вовсю обхаживал свою старую знакомую Элли Жаке, регистраторшу, которая ворковала и глядела на него сверкающими глазами — прямо перед глазами его небесной эльфицы, которую это нисколько не обижало.

Серебряник тоже знал, в чем тут дело. Вслед за Пенни Мрак он со своими парнями двинулся в сумрачные глубины больницы, направляясь к лестнице. Пенни, взявшись двумя руками и широко расставив ноги, тащила перед собой корзинку с котятами.

Я поспешил нагнать их.

Чодо и Жнец Тэмиск занимали отдельную палату. Они делили ее с Белиндой. Снаружи стояли охранники — знакомые Плоско-

мордого, Орион и Джун. Я тихо всхлипнул, ощущив, как снова сжимается мой кошелек.

Они не знали, кого они охраняют. В противном случае искушение продать кому-нибудь это знание уже изгрызло бы их до костей. Дверь была закрыта с их стороны на три замка. Если бы мне дали немного времени, я справился бы с такими запорами без проблем — но не перед лицом аудитории.

У Пенни Мрак был ключ. Еще один был у мистера Джуна Николиста. И, к моему отчаянию, Серебряник владел третьим, который он вручил мне после того, как им воспользовался.

Вся эта система не имела для меня никакого смысла.

Меня поразило то, что их спрятали практически у всех на виду. Каким образом Костяная Нога и все остальные могли ожидать, что это останется тайной?

Ключ Джуна Николиста был от среднего замка. Этот замок не запирал саму дверь палаты — он лишь открывал в ней маленькоек окошечко, посредством которого можно было переговариваться. Тогда как же так вышло, что заключенные еще не подкупили свою стражу?

Мой партнер номер один должен был многое объяснить.

После того как все держатели ключей поупражнялись в своих способностях, я сказал:

— Джун, я думаю, вам обоим пора сделать передышку. Мистер Дотс справится с охраной, пока вас не будет.

Мистер Дотс со своим гаремом уже нагнал нас. Попка-Дурак показывал первые признаки приготовлений к началу процесса пробуждения.

Дело плохо.

Комсток с Николистом уже давно занимались такой работой, и их не оскорбляло, когда им выражали недоверие. Николист спокойно сказал:

— Да, мы все равно как раз сменялись, так что я просто пойду домой. Отдайте ключ Ориону, когда будете уходить.

Поскольку он уже сослужил свою службу, я вручил его Комстоку прямо сейчас.

Дверь открывалась в крошечное фойе. Позади него располагалась гостиная, обставленная не менее комфортабельно, чем любая из комнат в собственном особняке Чодо. Но без окон.

Чодо со Жнецом играли в шахматы. Белинды не было видно. Парни выглядели так, словно они играли на публику — как мальчишки, застигнутые посреди какой-либо шалости, когда они вдруг начинают изображать образцовое поведение.

Пенни высвободила Удачу. Котята стремглав бросились к мужчинам — за исключением двух, которые рванули через дверь в соседнюю комнату.

На Серебряника их вид, по-видимому, не произвел впечатления. Может быть, он просто не узнал никого из присутствующих. Он тут же развернул деятельность. На свет появились инструменты. Его ребята принялись все обмеривать и обстукивать, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Появилась Белинда. Она была неприбрана, но казалась менее напряженной, чем я когда-либо видел. Пенни кинулась к ней, и они принялись шептаться. Что это, девчачьи секреты? Неужто появление младшей сестренки внезапно сделало Белинду тинейджером, которым она никогда не была?

Морли просунул голову внутрь, только чтобы удовлетворить любопытство, и встал на страже у двери.

Чодо сидел в своем инвалидном кресле. Однако он не был тем дышащим трупом, который я видел в Уайтфилд-холле. У него даже достало сил, чтобы развернуть кресло.

— Гаррет.

В его голосе больше не было тембра. Это был не более чем хриплый шепот. Но все же он говорил!

— Сэр...

— Я должен поблагодарить тебя.

— Сэр?

— Услуги, оказанные тебе мною, принесли свои дивиденды. По сути, я сейчас не меньше пленник, чем прежде, но мой ум наконец-то отпущен на свободу. Благодаря тебе.

Он не глядел на своих дочерей. Они также не интересовались им. При существующем режиме их натянутые семейные отношения могли найти выход только во взаимном безразличии. Вынужденное пребывание вместе не могло разрушить эти стены.

Жнец избегал моего взгляда, когда бы я ни смотрел в его сторону. Я ожидал с его стороны потока изворотливых адвокатских речей, но он не стал беспокоить себя. Возможно, ему не хотелось, чтобы его добный приятель услышал то, что я мог сказать в ответ.

Никто не упоминал о внешнем мире.

— Могу я спросить, что делают эти люди? — просипел Чодо.

— Конечно. Но я не смогу вам ответить. Я не знаю! Это все затея Покойника.

Подручные Серебряника устанавливали маленьких никелевых собачонок в нишах, которые они проделывали в стенах.

Мой ответ не понравился Чодо, но его раздражение угасло еще до того, как появился дополнительный котенок. Никелевые статуэтки уже начали вытягивать темные эмоции.

— Ты, — отрывисто приказал Серебряник Белинде. — Пойдой сюда.

Ее глаза сузились. Никто не смел распоряжаться Белиндой Контагю. Однако она сделала, что ей было сказано.

— Левую руку.

Она вытянула руку. Серебряник защелкнул на ее запястье магический браслет. Носителями заклинания служили крошечные собачки в разнообразных собачьих позах... Хорошо, хорошо, черт побери! Шакалы. Каждый был покрыт черной эмалью — возможно, для того, чтобы предотвратить ожог холодом.

— Стой смирно.

Белинда нахмурилась, но выполнила приказание.

Серебряник замкнул на ее шее тесное ожерелье, состоявшее из полудюжины квадратных черных камней. Они напоминали по виду обсидиан, и внутри каждого был заключен маленький никелевый идол.

Закончив, Серебряник повернулся к Чодо. Тот мог бы найти выход своим чувствам в старом добром припадке ярости, если бы сумел. Но Серебряник был сильнее его.

Для Чодо у него не было ожерелья. Зато были браслеты на оба запястья и шейная цепь с подвеской в виде покрытой эмалью собачки, свисавшей под рубашку.

Жнец Темиск получил один браслет на правую лодыжку и один на левое запястье. И еще подвеску — пару той, что была у его закадычного дружка.

— Ну, вот и все, — произнес Серебряник. — У меня есть еще несколько подвесок в запасе, если кто-нибудь из вас страдает от неожиданных перепадов настроения.

Я объявил пас, Пенни тоже. Тем не менее я подумал, что не помешало бы наделать тонны украшений подобного рода, если они действительно могут высасывать безумие из людей.

— Ну, как хотите... Я не стал бы этого делать, мисс.

Белинда попыталась расстегнуть свой браслет. Сверкнула вспышка, раздался резкий хлопок. Белинда вскрикнула.

— Вы не сможете его снять, — объяснил Серебряник. — Он вам не позволит.

Теперь я увидел, почему Покойник был такого высокого мнения о старике.

Серебряник сказал мне:

— Дайте им несколько дней, чтобы привыкнуть к украшениям. После этого можете вернуть их к их обычной жизни.

— Спасибо, сэр, — сказал я. — Я продвину в списке вашу дочь так далеко, как только смогу.

На днях должно было состояться собрание правления. У меня было несколько идей, которые я мог им представить, включая как Серебряника, так и наем крысиного народа для переписывания книг. Мне позволят говорить сколько угодно, пока я не начну пытаться пробудить их совесть. Просто надо будет обговорить деловые вопросы в первую очередь.

— С вами приятно вести дела, — сказал мне Серебряник с улыбкой, значение которой я понял лишь впоследствии. — Спасибо за все.

— Ну что же, — сказал я, — тогда, думаю, мы здесь закончили. Белинда, мистер Контагю — я вернусь к вам через несколько дней.

Пенни осталась в палате. Вместе со своими котятами.

* * *

Морли терпеливо подождал, пока я наносил визит Бай Клакстон. Теперь, когда ее здоровье больше не подвергалось опасности, она использовала свое пребывание здесь на полную катушку. Полагаю, такова человеческая природа. Я решил, что, когда вернусь сюда в следующий раз, я возьму ее с собой наверх и посмотрю, как она сможет договориться с семейством. Пусть-ка адвокатишко потрепыхается.

Поведение Серебряника вскорости объяснилось.

Моего усопшего коллегу укусила муха предпринимательства. Возможно, он просто устал от необходимости по несколько раз в год просыпаться, чтобы отработать свое содержание.

Он вытянул из А-Лафовых служителей, что можно было узнать об этих никелевых собаках — хорошо, хорошо! шакалах! После этого он связался с Серебряником, который обладал необходимыми умениями, чтобы использовать это знание. Они объединили усилия, чтобы вытянуть страдания из Бледсо. Серебряник обязался каким-то образом отсасывать накопившиеся запасы, захоранивая их в таком месте, где они не принесут вреда миру.

Не пройдет и нескольких месяцев, как улучшения начнут становиться заметны.

На обратном пути к дому Морли разыгрывал свой попугайский козырь по полной программе. Пожалуй, это было не так уж неправданно, после того как я нанес ему удар ниже пояса в виде мистера Малклара. Тем не менее он тоже заметил:

— Теперь преступный мир на какое-то время успокоится — хотя бы для того, чтобы немного разобраться в себе.

— Хорошо бы. Может быть, мне удастся уговорить Тинни съездить на пару недель в Новый Имперский город. Мы могли бы устроить тур по историческим пивоварням... А это еще что за чертоващина?

Улица была заблокирована. Перед нами толпились мимы, жонглеры, люди в театральных костюмах, на ходулях и бог знает в чем еще.

— Наверное, какой-нибудь театр пытается привлечь к себе внимание. Увлечение театром, как и все остальное, понемногу становится настоящим безумием.

Таков мой родной город! Стоит кому-нибудь разжиться золотишком, как все остальные тут же начинают пытаться набить себе кошельки, имитируя его успех, вместо того, чтобы намыть себе своего золотого песка.

Это было настояще полномасштабное представление. Оно задержало нас на добрых десять минут.

— Я увидел достаточно, — заключил я, когда все закончилось. — И зачем мне теперь идти к ним в театр?

— Потому что там ты сможешь увидеть всю историю от начала до конца.

— Мне не нужна история. У меня вся жизнь — сплошная история.

Больше не думая об этом, я поспешил навстречу крупному разговору с партнером, решившим, что может играть в игры со своим напарником. И заодно — навстречу свиданию с новым бочонком «Вейдеровского Особого», который Дин должен был сегодня приобрести.

А потом, может быть, загляну к своей рыженькой, посмотрю, как ей понравится мысль насчет турне по пивоварням.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около 50 издательств и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых
разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдулаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленда», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Изключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Шепчущие никелевые идолы

Фантастический роман

Ответственный редактор В. Гончаров

Редактор В. Леонидов

Художественный редактор О. Адаскина

Компьютерная верстка: М. Белякова

Корректор Е. Шестакова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»

170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»

129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Типография ИПО профсоюзов «Профиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его всемирно известный сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть

любое преступление в мире магии, готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях

не теряющий спасительной иронии.

И теперь Гаррету предстоит выяснить, КАКИМ образом

местный «крестный отец» оказался в коме,

ПОЧЕМУ именно его совершенно чокнутая на почве

убийств дочка унаследовала фамильный бизнес —

и КАКОЕ отношение к этой истории имеет странное дитя,

молчаливо шляющееся за ним по пятам...

Приключения детектива Гаррета ПРОДОЛЖАЮТСЯ!

ISBN 978-5-17-036597-5

9 785170 365975